ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 5. Май. 1914.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи: *Стр.*

В. П. Кранихфельдъ. Среди «ташкентцевъ» 5
Н. Щедринъ. Господа ташкентцы. Изъ воспоминаній одного просвѣтителя 21
Н. Щедринъ. Ташкентцы приготовительнаго класса 27
Ю. М. Стекловъ. Послѣдніе годы жизни М. А. Бакунина . . . 33
В. В. Міаковскій. Учебные годы А. Н. Радищева 83

II. Воспоминанія:

Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго 105
О. Е. Кафіеро. Другъ Бакунина Карло Кафіеро 124
Н. А. Толстой. Исповѣдь священника 131
Л. П. Никифоровъ. Мои тюрьмы 168
А. Россъ. Бакунинъ и его вилла Бароната 202

III. Матеріалы:

Ч. Вѣтринскій. М. Е. Салтыковъ и Г. И. Успенскій 213
Д. А. Милютинъ. Письма къ Г. А. Джаншіеву 220
К. В. Сивковъ. Провинціальная администрація въ 1812 г. . . . 224
В. А. Францевъ. Выдача Бакунина австрійцами 235
В. А. Францевъ. Приглашеніе русскихъ на славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. 238

IV. Обзоръ журналовъ.

М. М. Клевенскій. Освободительное движеніе въ освѣщеніи «Историческаго Вѣстника» 241

V. Романъ.

Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. I. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Гл. VIII. Пер. Е. М. Загорскаго 251

VI. Критика и библіографія.

С. Б. Веселовскій. М. Островская. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго Сѣвера въ XVI—XVIII вв. **В. И. Пичета.**

Библиотека "Руниверс"

ГОЛОСЪ
МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 5. Май. 1914.

Библиотека "Руниверс"

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной б., Путинковскій пер., соб. д.
1914.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи: *Стр.*

В. П. Кранихфельдъ. Среди «ташкентцевъ» 5
Н. Щедринъ. Господа ташкентцы. Изъ воспоминаній одного просвѣтителя 21
Н. Щедринъ. Ташкентцы приготовительнаго класса 27
Ю. М. Стекловъ. Послѣдніе годы жизни М. А. Бакунина . . . 33
В. В. Міаковскій. Учебные годы А. Н. Радищева 83

II. Воспоминанія:

Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго 105
О. Е. Кафіеро. Другъ Бакунина Карло Кафіеро 124
Н. А. Толстой. Исповѣдь священника 131
Л. П. Никифоровъ. Мои тюрьмы 168
А. Россъ. Бакунинъ и его вилла Бароната 202

III. Матеріалы:

Ч. Вѣтринскій. М. Е. Салтыковъ и Г. И. Успенскій 213
Д. А. Милютинъ. Письма къ Г. А. Джаншіеву 220
К. В. Сивковъ. Провинціальная администрація въ 1812 г. . . . 224
В. А. Францевъ. Выдача Бакунина австрійцами 235
В. А. Францевъ. Приглашеніе русскихъ на славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. 238

IV. Обзоръ журналовъ.

М. М. Клевенскій. Освободительное движеніе въ освѣщеніи «Историческаго Вѣстника» 241

V. Романъ.

Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. I. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Гл. VIII. Пер. Е. М. Загорскаго 251

VI. Критика и библіографія.

С. Б. Веселовскій. М. Островская. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго Сѣвера въ XVI—XVIII вв. **В. И. Пичета.**

Библиотека "Руниверс"

Стр.

Козловскій И. П. Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ. **А. Погодинъ.** A. Kraushar. Senator Nowosilcow i canzora y Królestwa Kongresowego (1819—1829). **С. А. Корфъ.** S. Clason. Gustaf Adolf och den Europëiska Krisen under Napoleon. **А. З. Попельницкій.** В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по положеніи 19 февр. 1861 г. **М. Н. Покровскій.** Исторія Московскаго купеческаго общества. **К. В. Сивковъ.** Записки М. В. Данилова. **Н. П. Вишняковъ.** Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія. **А. Флоровскій.** Анатолій Егоровъ. Страницы изъ прожитого. **Ч. Вѣтринскій.** Е. Ѳ. Юнге. Воспоминанія. **К. В. Сивковъ.** Воспоминанія о быломъ Е. А. Сабанѣевой. **В. Е. Сыроѣчковскій.** В. О. Ключевскій. **Л. И. Гальберштадтъ.** А. Вамбери. Моя жизнь. **Е. Е. Колосовъ.** Чернышевскій въ Сибири. **М. М. Клевенскій.** Н. К. Козминъ. Ник. И. Надеждинъ. **В. М. Фишеръ.** Л. Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. **А. Поляковъ.** Д. Малининъ. Начало театра въ Калугѣ. **С. И. Радцигъ.** Овидій. Баллады посланія. Пер. Зѣлинскаго. **Б. Р. Виперъ.** Р. Мутеръ. Исторія живописи. **В. Я. Адарюковъ.** Лсманъ. Гравюра и литографія. **В. М. Фриче.** V. Tornius. Salons. Bilder gesellschafflicher Kultur. **В. В. Каррикъ.** Э. Кукъ. Жизнь Флоренціи Найтингель. **В. В. Каррикъ.** Б. Мойаль. Пьеръ Гара, пѣвецъ и щеголь. Новыя книги 264

Поправка къ статьѣ Шпицера о Веневитиновѣ 312

VIII. Рисунки.

М. Е. Салтыковъ. М. А. Бакунинъ. Памятникъ на могилѣ Бакунина. **Заставки и концовки** изъ нѣмецкаго изданія 1730 г.

VII. Объявленія.

Библиотека "Руниверс"

Среди «ташкентцевъ».

(Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова).

I.

Въ январской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1868 г. обозрѣватель внутренней жизни Россіи, подводя итоги истекшему году, говоритъ, между прочимъ, объ уменьшеніи Россійской Имперіи на одну довольно значительную область, проданную русскимъ правительствомъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ за 7 милліоновъ долларовъ: «Но,—иронически замѣчаетъ обозрѣватель,—оплакивающіе потерю нашихъ сѣверо-американскихъ владѣній могутъ утѣшаться тѣмъ, что намъ предстоитъ необозримое и болѣе плодоносное поле для пріобрѣтеній въ центральной Азіи. Здѣсь наши пріобрѣтенія такъ быстро, можно сказать, съ каждымъ днемъ подвигаются впередъ, что едвали кто въ настоящую минуту въ состояніи будетъ указать линію русской границы къ Тибету и западному Китаю».

Обозрѣватель «Отечественныхъ Записокъ» имѣлъ въ виду образованное въ 1867 г. новое туркестанское генералъ-губернаторство, главнымъ городомъ котораго, какъ и центромъ всего края, служитъ Ташкентъ.

Первымъ начальникомъ новаго края (еще до образованія генералъ-губернаторства) былъ назначенъ счастливый завоеватель Ташкента, молодой, но уже достаточо прославленный своими военными подвигами и фантастическимъ размахомъ административной распорядительности генералъ М. Г. Черняевъ. Надѣленный неограниченными полномочіями, этотъ новый администраторъ сразу же съумѣлъ окружить свою дѣятельность легендой, которая сдѣлала имена какъ его самаго, такъ и завоеваннаго имъ города очень популярными въ петербургскихъ салонахъ.

Библиотека "Руниверс"

Чрезвычайно осторожный даже передъ самимъ собой А. В. Никитенко заноситъ въ 1867 г. по этому поводу въ свой «Дневникъ» такую робкую запись:

«Вечеръ у Ржевскаго. У него, между прочимъ, собираются сторонники такъ называемыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ особенно выдается редакторъ «Вѣсти» Скарятинъ. Я по временамъ заглядываю туда, чтобы имѣть понятіе и объ этой сторонѣ нашей общественности. При томъ здѣсь узнаешь и многіе любопытные факты и слышишь любопытныя сужденія. Такъ, напримѣръ, сегодня *кто-то*, предсѣдатель какой-то комиссіи, ѣздившій по порученію правительства въ Среднюю Азію, разсказывалъ очень много интересныхъ вещей о тамошнемъ краѣ и народности, а также о генералѣ Черняевѣ, отъ котораго этотъ *кто-то* въ восхищеніи. Если вѣрить всему, что я слышалъ сегодня, то мы дѣлаемъ въ Азіи огромныя ошибки» [1]).

Впрочемъ, что касается собственно Черняева, то восхищеніе реакціонной дворянской клики не спасло черезъ-чуръ увлекшагося цивилизатора отъ краха. Въ томъ же 1867 году онъ впалъ въ полную немилость и былъ отрѣшенъ не только отъ должности, но и отъ службы. И лишь значительно позднѣе, въ 1882 г., онъ снова, теперь уже въ званіи туркестанскаго генералъ-губернатора, съ тріумфомъ возвращается въ Ташкентъ. Суть не въ Черняевѣ и не въ его замѣстителяхъ, а въ той массѣ всякаго рода аферистовъ и хищниковъ, которые въ хвостѣ превосходительныхъ завоевателей и администраторовъ потянулись въ Ташкентъ, облюбовавъ этотъ пунктъ, какъ «плодоносное поле для пріобрѣтеній» не государственнаго, конечно, характера.

Чуткій ко всякимъ новымъ явленіямъ русской общественной жизни, Щедринъ въ этомъ тяготѣніи къ Ташкенту уловилъ черты, типичныя для новой пореформенной Россіи и, подъ мѣткимъ прозвищемъ «ташкентства», поспѣшилъ заклеймить ихъ. Прервавъ на время начатыя уже, но далеко еще не законченныя сатиры,— «Помпадуры и Помпадурши», «Исторія одного города» и др., онъ печатаетъ въ 10-й книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1869 г. очеркъ «Изъ воспоминаній одного просвѣтителя» [2]), гдѣ «Ташкентъ въ устахъ промотавшихся молодыхъ дворянъ неизмѣнно сочетается со словомъ «жрррать!»

«Могу сказать смѣло,—говоритъ здѣсь про себя ищущій «просвѣтитель»:—я дѣйствовалъ по всѣмъ правиламъ искусства,

[1]) Записки и Дневникъ А. В. Никитенко. СПБ. 1893 г., т. III, стр. 134.

[2]) Въ «Собраніи сочиненій» этотъ очеркъ переименованъ въ «Ташкентцы-цивилизаторы» и переставленъ такимъ образомъ, что въ ряду другихъ очерковъ, составляющихъ «Господъ Ташкенцевъ», онъ уже не занимаетъ перваго мѣста, а получаетъ второстепенное, эпизодическое значеніе. Вл. Кр.

Библиотека "Руниверс"

то есть цивилизовалъ все, что попадалось мнѣ на пути». Оказалось, однако, что въ благодатныхъ губерніяхъ внутренней Россіи, все и до конца было уже процивилизованно. Изведены были цѣлыя рощи цивилизующихъ орудій въ надеждѣ что-нибудь зацѣпить, что-нибудь ущемить, но тщетно!—все уже было въ достаточной степени зацѣплено и ущемлено. Впереди никакихъ просвѣтовъ,—ничего, кромѣ ужаснаго аппетита. «Жрррать!»...

И, вдругъ, этотъ отчаявшійся цивилизаторъ услышалъ слово, которое слаще всякой музыки раздавалось въ ушахъ его: «Таш-кентъ! Таш-кентъ!»

Передъ «цивилизаторами» неожиданно открылись новыя, много обѣщающія перспективы.

Взятый самъ по себѣ, первый очеркъ, которымъ началъ сатирикъ «Господъ Ташкентцевъ», далеко еще не даетъ представленія о томъ широкомъ размахѣ, съ которымъ выполнилъ Щедринъ эту свою новую грандіозную картину нашихъ нравовъ пореформенной эпохи. Пока что здѣсь, въ первомъ очеркѣ, найденъ только удачный символъ, вскрывающій внутреннюю природу тѣхъ явленій, которыя и раньше много разъ останавливали на себѣ вниманіе сатирика.

Въ частности къ хищничеству, при помощи котораго дворянская масса стремилась поправить свои пошатнувшіяся послѣ реформы обстоятельства, сатирикъ присматривался и раньше съ особеннымъ интересомъ.

Еще въ началѣ 1868 г., въ «Письмахъ о провинціи» («Отечеств. Записки», кн. II-я), сатирикъ писалъ: «Щукъ развелось въ провинціи такъ много и при томъ съ такимъ циническимъ желаніемъ глотать, глотать и глотать, что даже вчужѣ становится какъ то не по себѣ». Въ томъ же году на тему о хищничествѣ написана имъ статья: «Нашъ savoir vivre», а въ началѣ 1869 г.—«Хищники».

Бабушка Прасковья Павловна, придерживающаяся старыхъ порядковъ, утверждаетъ, что, если разобрать какъ слѣдуетъ этотъ ихній savoir vivre,—онъ выйдетъ тоже мошенничество». Сатирикъ не считаетъ возможнымъ смотрѣть на дѣло съ такою простотой. Savoir vivre и мошенничество, можетъ быть, двѣ равновеликія, но въ то же время совершенно различныя силы. Большая разница: *вырвать* у ближняго изо рта наглымъ образомъ—и *вынуть* тотъ же кусокъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Самая совершенная форма savoir vivre наступаетъ тогда, когда ему подчиняется весь нашъ умственный и нравственный обиходъ, вмѣстѣ съ нашими сужденіями и попытками произвести нравственную оцѣнку того или иного поступка или дѣйствія. Жажда стяжанія во что бы то ни стало становится тогда общимъ явленіемъ, и

Библиотека "Руниверс"

чуждаться охватившей всѣхъ жажды—называется точить слюни. Ученыя общества провидятъ въ немъ новые залоги преуспѣянія; публицисты плещутъ руками и подаютъ благоразумные совѣты; адвокаты предлагаютъ услуги. Какой-нибудь Сережа, до сихъ поръ считавшійся соломенной головой, сочиняетъ вдругъ удачный проектъ всеобщаго ободранія и съ этого момента становится «финансистомъ». Его окружаютъ уваженіемъ, ему льстятъ, около него лебезятъ. Но вотъ вопросъ,—спрашиваетъ сатирикъ:—какимъ образомъ соломенныя головы вдругъ дѣлаются финансистами и откуда валятся къ нимъ милліоны?

Нѣсколько разъ возвращается къ этому вопросу Щедринъ, и раньше, чѣмъ дать на него блестящій отвѣтъ въ «Господахъ Ташкентцахъ», рѣшаетъ его не всегда одинаково. Ближе всего къ рѣшенію, данному въ «Господахъ Ташкентцахъ», онъ подходитъ въ очеркѣ «Легковѣсные», напечатанномъ въ 9-й кн. «Отеч. Записокъ» 1868 г. [1]). Такимъ образомъ, «Легковѣсныхъ» можно разсматривать даже, какъ первоначальный этюдъ къ «Ташкентцамъ».

«Былъ у меня,—разсказываетъ здѣсь сатирикъ,—товарищъ, по фамиліи Швахкопфъ, по ремеслу баронъ. Спеціальность его состояла въ томъ, что онъ ни на одномъ языкѣ не имѣлъ таланта выражаться по-человѣчески и всѣмъ и каждому жаловался, что у него нѣтъ въ головѣ никакой «мизль» (мысль). Встрѣчаю на дняхъ его—чуть не сплошь изукрашенъ алмазами общественнаго довѣрія; взглядъ смѣлый, голосъ властный, увѣренный, способный выражать твердость и непреклонность.

— Ну что, какъ наша «мизль»?—спрашиваю я его по старой, закоренѣлой привычкѣ.

— Мой «мизль»—нѣтъ «мизль»,—отвѣтилъ онъ мнѣ съ такимъ уморительнымъ глубокомысліемъ, что я не вытерпѣлъ и бросился его цѣловать».

Эта веселая встрѣча наводитъ сатирика на размышленія далеко не веселаго характера. Вотъ этотъ добродушный баронъ натуживался и потѣлъ нѣкогда въ поискахъ за мыслью. Стало-быть, онъ чувствовалъ потребность въ мысли, сознавалъ, что безъ мысли не жить ему на свѣтѣ. И вдругъ, такой рѣшительный переворотъ. «Моя мысль—нѣтъ мысли!» Отсутствіе мысли, убѣжденія онъ возводитъ теперь въ систему. «Безстыдство, какъ замѣна руководящей мысли; сноровка и ловкость, какъ замѣна убѣжденія; успѣхъ, какъ оправданіе пошлости и ничтожества стремленій,—вотъ тайна вѣка сего, вотъ девизъ современнаго тріумфатора».

[1]) Въ «Собр. сочиненій» этотъ очеркъ входитъ въ серію сатиръ «Признаки времени».

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, два признака, характеризующіе ташкентство,—неистребимое желаніе «жрррать» и полную свободу отъ какихъ бы то ни было убѣжденій,—сатирикъ отмѣтилъ въ молодомъ поколѣніи дворянства пореформенной эпохи раньше, чѣмъ вплотную приступилъ къ этому новому явленію русской жизни. Теперь къ двумъ указаннымъ признакамъ онъ присоединяетъ третій—цивилизаторскія устремленія. И вотъ, надѣленная всѣми этими тремя признаками, передъ нами выростаетъ обобщенная фигура «ташкентца».

Надѣляя ташкентцевъ просвѣтительной миссіей, сатирикъ разумѣется, имѣлъ въ виду не только нашу средне-азіатскую политику конца 60-хъ годовъ, связанную съ завоеваніемъ Ташкента. «Цивилизаторы» азіатскихъ кочевниковъ, точно также, какъ и обрусители западныхъ окраинъ, во множествѣ выплывшіе на поверхность русской общественной жизни того времени, послужили сатирику лишь первоначальной моделью для пластическаго возсозданія общаго не для окраинной только, но и для внутренней Россіи типа новоявленныхъ цивилизаторовъ разныхъ категорій. Какъ разъяснилъ и самъ сатирикъ, въ его терминологіи Ташкентъ надо понимать не въ географическомъ, а въ «отвлеченномъ» смыслѣ. «Какъ терминъ отвлеченный, Ташкентъ есть страна, лежащая всюду, гдѣ бьютъ по зубамъ и гдѣ имѣетъ право гражданственности преданія о Макарѣ, телятъ не гоняющемъ». И не даромъ же въ другой сатирѣ Щедрина—въ «Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ»—провинціалъ дѣластъ признаніе, что «первыя понятія о ташкентствѣ» онъ получилъ не на окраинахъ Россіи, а въ самомъ центрѣ ея, въ городѣ Срединномъ (въ Москвѣ), который могъ бы сдѣлаться русскими Аѳинами, если бы мало-помалу аѳинство въ немъ не обратилось въ свинство.

Какъ я уже сказалъ, мысль о ташкентцахъ зародилась у Щедрина въ ту пору, когда онъ написалъ уже половину очерковъ, составившихъ впослѣдствіи извѣстную серію сатиръ подъ названіемъ «Помпадуры и Помпадурши». Отъ администраторовъ вымиравшаго тогда типа въ родѣ патріархальнаго старца Чебылкина или грознаго, но простодушнаго Зубатова (въ «Губернскихъ Очеркахъ»), отъ замѣнившихъ ихъ «озорниковъ», административная фантазія которыхъ была въ сущности тоже весьма примитивнаго свойства, сатирикъ постепенно подходилъ къ помпадурамъ новаго пореформеннаго типа, передъ которыми стояли уже довольно сложныя сравнительно административныя задачи. Надо было «согласовать» вновь возникавшія вѣдомства и учрежденія (судъ, земство, акцизъ и т. д.) съ неприкосновенными изстари помпадурскими прерогативами; надо было приспособлять новый

Библиотека "Руниверс"

принципъ законности въ старому принципу «сильной власти», которая ни въ какія рамки законности не укладывалась; надо было проводить реформы, оплодотворяя ихъ спасительнымъ страхомъ и т. д., и т. д. Словомъ, передъ помпадурами новаго типа стояла дѣйствительно извѣстная цивилизаторская миссія, для осуществленія которой требовались и новаго типа исполнители. И если старый помпадуръ въ своей вступительной лекціи «о строгости», обращенной къ гг. исправникамъ и городничимъ, училъ, что «первымъ словомъ, которое опытный администраторъ имѣетъ обратить къ скопищу бунтовщиковъ, должно быть слово матерное» [1]), то помпадуръ новаго типа уже не могъ связывать своихъ подчиненныхъ столь упрощенными руководствами.

Не говоря уже о томъ, что самое понятіе о бунтѣ и бунтовщикахъ значительно расширилось, подверглось послѣ реформы существеннымъ измѣненіямъ, весь строй жизни требовалъ теперь новыхъ пріемовъ административной практики. «Надорванные», съ ихъ неистовымъ озлобленіемъ и постоянной готовностью бодро и злокачественно слѣдовать точнымъ указаніямъ начальническаго перста, во многихъ случаяхъ просто не годились уже для роли хорошихъ исполнителей. Не годилось потому, что вмѣсто точнаго указанія перстомъ, сами начальники слишкомъ часто должны были искать отъ подчиненныхъ только соотвѣтствія своимъ «видамъ и намѣреніямъ». И такъ какъ эти послѣдніе не всегда отличались достаточной опредѣленностью и устойчивостью, то исполнители помпадурскихъ «видовъ и намѣреній» должны были, очевидно, сами обладать въ извѣстной мѣрѣ способностью къ иниціативѣ и творчеству,—быть «цивилизаторами».

«Ташкентцы», эти младшіе отпрыски помѣстнаго дворянства, вынесшіе изъ семьи и школы, вмѣстѣ съ весьма эфемернымъ умственнымъ багажемъ, непомѣрные аппетиты, какъ разъ именно и были приспособлены для этой роли. Они сами хотятъ быть «зодчими», потому что не хотятъ «гонять голубей» въ деревнѣ. И такъ какъ они прежде всего талантливы, то чувствуютъ себя достаточно подготовленными къ любой профессіи, къ которой ихъ приставятъ и на которую есть спросъ. Свобода отъ наукъ не только не мѣшаетъ, но даже сообщаетъ имъ букетъ свѣжести, которая, въ свою очередь, даетъ талантливости характеръ неудержимой похотливости.

Просвѣтитель ташкентскаго типа особенно прельщается простотою предстоящихъ ему задачъ. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на политическихъ и общественныхъ фор-

[1]) «Старый котъ на покоѣ». Цитирую по рукописи Щедрина. Въ печати соотвѣтствующее мѣсто измѣнено. Вл. Кр.

Библиотека "Руниверс"

махъ, внѣшняя измѣнчивость которыхъ наводитъ его на мысль, что смѣна общественныхъ формъ есть дѣло не необходимости, а каприза. «Въ его глазахъ,—говоритъ сатирикъ,—передвигаются центры человѣческой индустріи, въ его глазахъ матеріальныя, умственныя богатства перемѣщаются изъ однѣхъ рукъ въ другія, а онъ продолжаетъ думать, что все это не болѣе, какъ случайность, что старое легко возстановить, какъ легко воздвигнуть и нѣчто новое, соотвѣтствующее его аппетитамъ и желаніямъ: надо только кого-то обуздать, нѣчто разорить, чему то положить предѣлъ, что то стереть съ земли».

Но что же новое могли, однако, воздвигнуть помпадуры даже при дѣятельномъ участіи своихъ новыхъ исполнителей-ташкентцевъ? Зиждительныя идеи, во имя которыхъ они творили свое разрушительное дѣло, были ничтожны. Такъ, главный двигатель по части ташкентской цивилизаціи Пьеръ Накатниковъ выставилъ на своемъ просвѣтительномъ знамени le principe du télégue russe. Онъ полагаетъ именно, что при помощи русской телѣги, которая своей неудобностью и тряскостью заставитъ привычнаго кочевника воздержаться отъ излишнихъ передвиженій, ему удастся заложить въ ташкентскихъ пустыняхъ основы прочной цивилизаціи.

Дальше подобныхъ же курьезовъ помпадурское творчество, осуществляемое исключительно путемъ бумажныхъ циркулярныхъ распоряженій, идти, конечно не можетъ. Тогда какъ въ дѣлѣ разрушенія и обузданія передъ ними и ихъ исполнителями неограниченныя возможности. Въ самомъ дѣлѣ, «представьте себѣ,—пишетъ сатирикъ въ «Гг. Ташкентцахъ»,—такой случай: директоръ департамента призываетъ къ себѣ столоначальника и говоритъ ему: «Любезный другъ! я желалъ бы, чтобы вы открыли Америку». Я не берусь утверждать, чтобы столоначальникъ осмѣлился возражать, но онъ все-таки пойметъ, что открытіе Америки совсѣмъ не его ума дѣло. Поэтому, всего вѣроятнѣе, онъ поступитъ такъ: разошлетъ во всѣ мѣста запросы и затѣмъ постарается кончить дѣло изморомъ. Но пускай тотъ же директоръ тому же столоначальнику скажетъ: «Любезный другъ! я желалъ бы, чтобы вы всѣхъ этихъ Колумбовъ привели къ одному знаменателю!» Вы не успѣете оглянуться, какъ Колумбы подлинно будутъ обузданы, а Америка такъ и останется неоткрытою» [1]).

Вы видите, что рамки, въ которыя Щедринъ въ первомъ очеркѣ заключилъ заинтересовавшее его явленіе, быстро и широко раз-

[1]) Т. IX, стр. 16. Цитирую по четвертому изданію (А. Ф. Маркса).

Библиотека "Руниверс"

двинулись. Уже во второмъ очеркѣ («Что такое «Ташкентцы?»), напечатанномъ въ журналѣ [1]), сатирикъ обѣщаетъ написать «довольно подробную картину нравовъ», гдѣ онъ предполагаетъ изобразить:

«ташкентца, цивилизующаго in partibus;
ташкентца, цивилизующаго внутренности;
ташкентца, разрабатывающаго собственность казенную;
ташкентца, разрабатывающаго собственность частную;
ташкентца промышленнаго;
ташкентца, разрабатывающаго смуту внѣшнюю;
ташкентца, разрабатывающаго смуту внутреннюю;
и такъ далѣе, почти до безконечности» [2]).

Но, разумѣется, когда художникъ ближе подошелъ къ осуществленію своего плана, эта теряющаяся въ «почти безконечности» перспектива не могла не смутить его. Ниже мы увидимъ, какъ въ процессѣ творчества постепенно мѣнялся планъ сатиры, пока, наконецъ, авторъ не ограничилъ его вполнѣ опредѣленными предѣлами «приготовительнаго класса». Авторъ поставилъ себѣ задачу установить біографическія подробности героевъ ташкентства, характеризовать ихъ первоначальную домашнюю обстановку, впечатлѣнія дѣтства, формальное и дѣйствительное воспитаніе и т. д.

Въ предисловіи къ отдѣльному изданію «Господъ Ташкентцевъ» Щедринъ такъ и называетъ свою книгу «Ташкентцами приготовительнаго класса» и утверждаетъ, что это только первая часть задуманнаго имъ изслѣдованія о «Ташкентцахъ». Тутъ же онъ обѣщаетъ въ будущемъ написать и вторую часть и даже приводитъ ея названіе: «Ташкентцы въ дѣйствіи».

Въ сохранившемся рукописномъ оригиналѣ предисловія содержатся еще болѣе подробныя указанія на эту задуманную Щедринымъ вторую часть изслѣдованія. По замыслу автора, она должна именно «обнимать два періода: «Ташкентцы на пути къ славѣ» и «Ташкентцы на верху величія».

Какъ извѣстно, это обѣщаніе сатирика такъ и осталось невыполненнымъ. Но не всѣмъ извѣстно, однако, что одинъ очеркъ изъ задуманныхъ Щедринымъ «Ташкентцевъ въ дѣйствіи» все же былъ имъ впослѣдствіи написанъ и, такъ сказать, фуксомъ вставленъ во второе изданіе первой части «Ташкентцевъ». Я имѣю въ виду очеркъ «Они же».

---

[1]) Въ «Собраніи сочиненій» измѣненъ порядокъ очерковъ, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ».
[2]) Т. IX, стр. 42.

Библиотека "Руниверс"

II.

«Господа Ташкентцы» неизмѣнно во всѣхъ изданіяхъ печатаются въ «Собраніи сочиненій» съ датою 1869—1872 гг., показывающею время появленія въ печати перваго и послѣдняго очерка этой серіи. Но напрасно вы стали бы искать въ «Отеч. Запискахъ» и въ другихъ изданіяхъ этого періода только что названный мною очеркъ. Нѣтъ его и въ первомъ отдѣльномъ изданіи «Господъ Ташкентцевъ», вышедшемъ въ 1873 году. И не мудрено. Потому что въ очеркѣ «Они же» рѣчь идетъ о нѣкоторой частной компаніи, подъ названіемъ «Робкое усиліе благонамѣренности», которая, подъ предводительствомъ отставныхъ генераловъ, объявила крестовый походъ противъ неблагонадежныхъ элементовъ. Ни въ 60-хъ, ни въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, ни о какомъ походѣ, къ участію въ которомъ приглашались бы добровольцы, противъ неблагонадежныхъ элементовъ русскаго общества мы не знаемъ. Можно подумать, что общество подъ названіемъ «Робкое усиліе благонамѣренности» есть ничто иное, какъ «Священная Дружина», въ дѣятельности которой дѣйствительно есть черты, сближающія ее съ обществомъ «Робкаго усилія». Но и это предположеніе приходится отбросить, потому что «Священная Дружина» сформирована гр. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ уже послѣ восшествія на престолъ Императора Александра III, въ 1881 г., тогда какъ «Они же» написаны сатирикомъ никакъ не позднѣе конца 1880-го года.

Остается допустить, что обществомъ «Робкаго усилія благонамѣренности» сатирикъ мѣтилъ въ Верховную Распорядительную Комиссію, учрежденную 12 февраля 1880 г. подъ предсѣдательствомъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, въ составѣ членовъ: К. П. Побѣдоносцева, М. С. Коханова, П. А. Черевина и др. высокопоставленныхъ лицъ.

Первымъ актомъ Верховной Комиссіи было опубликованное 14-го февраля, отъ имени предсѣдателя ея, воззваніе «къ жителямъ столицы», съ призывомъ «сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала государственнаго порядка». «Уповая на Всевышняго, твердо вѣруя въ непоколебимость государственнаго строя Россіи», предсѣдатель Комиссіи обращался къ «поддержкѣ всѣхъ частныхъ людей», при чемъ на поддержку общества онъ смотрѣлъ, «какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни». Съ своей стороны, онъ обѣщалъ «приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни

Библиотека "Руниверс"

передъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій».

Если раньше я могъ высказывать только догадку о тождествѣ общества «Робкаго усилія благонамѣренности» съ Верховной Комиссіей, то теперь, послѣ статьи М. К. Лемке «Партизаны сыска» въ «Завѣтахъ» (1913 г., книга IX-я), догадка превращается въ увѣренность, основанную на документальныхъ данныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ. По свидѣтельству сатирика, воззваніе «Робкаго усилія благонамѣренности» имѣло среди ташкентцевъ-цивилизаторовъ огромный успѣхъ. Пріемная генерала, стоявшаго во главѣ общества, была переполнена соискателями всѣхъ возрастовъ, состояній и націй. Послѣ переписи «оказалось 666 соискателей, изъ нихъ 400 (все-таки большинство) русскихъ, 200 нѣмцевъ съ русскими душами, тридцать три инородца безъ души, но съ развитыми мускулами, и 33 поляка. Послѣднихъ генералъ тотчасъ же вычеркнулъ изъ списка», но послѣ ихъ пламенныхъ увѣреній, что они тоже русскіе, что они не католики, такъ какъ и въ церкви никогда не бываютъ, онъ приказалъ возстановить поляковъ въ правахъ.

По свидѣтельству М. К. Лемке [1]), воззваніе Верховной Комиссіи имѣло не меньшій успѣхъ. Правда, число откликнувшихся на призывъ выражалось здѣсь не кабалистической цифрой 666, какъ въ щедринской сатирѣ, но въ канцелярскомъ дѣлѣ за № 1 все же зарегистрировано 318 прошеній лицъ самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, желавшихъ послужить дѣлу борьбы съ крамолой. Тутъ встрѣчаются имена кн. А. Г. Щербатова, гр. Д. А. Маркова и т. д. Много лицъ судейскаго званія считаютъ нужнымъ предложить свои услуги. Мировой судья А. Н. Матросовъ пишетъ: «Въ теченіе моей 16-лѣтней службы я наиболѣе отличался слѣдовательскими способностями, почему въ данное время, въ виду напряженнаго вниманія на государственныя и политическія преступленія и, вслѣдствіе обращенія вашего сіятельства къ народнымъ силамъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить принять мое заявленіе, что, ради общихъ государственныхъ нуждъ, я за счастье считалъ бы оставить должность мирового судьи и принять обязанности по указанію вашего сіятельства».

Отставной поручикъ В. Безусъ пишетъ: «Ознаменовалъ я себя усмиреніемъ крамольниковъ и охраненіемъ мирнаго насе-

---

[1]) Въ распоряженіи М. К. Лемке находилось купленное имъ у букиниста «Дѣло канцеляріи главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи по просьбамъ разныхъ лицъ объ опредѣленіи ихъ на должности при верховной распорядительной комиссіи» за № 1, на 364 листахъ.

Библиотека "Руниверс"

ленія отъ террора во ввѣренномъ моему управленію участкѣ, за что, впрочемъ, со смертью графа (М. Н. Муравьева), при которомъ имѣлъ счастье служить, былъ лично ему извѣстенъ и при развившемся тогда въ петербургскомъ обществѣ либерализмѣ, щадившемъ крамолу и ея сторонниковъ, не могъ я идти выше, а даже терпѣлъ несправедливости»...

А. А. Блокъ, который былъ извѣстенъ своей сыщицкой дѣятельностью, аттестуетъ себя: «Я честный труженникъ на службѣ съ полнымъ призваніемъ, не смѣю себя выставлятся первымъ, но не послѣднимъ, но стараюсь, дабы меня начальникъ полюбилъ, а чтобы я его, тогда для меня нѣтъ границы, нѣтъ препятствія, нѣтъ боязни и нѣтъ предмета, котораго не достигну, не привыкъ къ формѣ, а къ дѣлу (за что иногда и почти всегда дѣло страдало, а я въ особенности пострадалъ и страдаю)... Ваше сіятельство, я желаю всецѣло предаться Вамъ, дѣлу, у меня принципъ—на службѣ Богъ, дѣло, начальникъ»...

Генрихъ Станиславовичъ Дергиманъ считаетъ себя вполнѣ пригоднымъ для дѣла борьбы съ крамолой. Онъ сообщаетъ: «Я потомственный столбовой дворянинъ, бывшій чиновникъ, нынѣ помѣщикъ, высокихъ должностей въ свою службу не занималъ, но тѣмъ не менѣе имѣлъ возможность пріобрѣсти столько практики и опытности, что на основаніи сосредоточившихся у меня данныхъ и будучи при этомъ врагомъ соціализма мнѣ извѣстны: его происхожденіе и средства къ его уничтоженію».

Поручикъ Н. Ф. Витчевскій «съ безпредѣльнымъ фанатизмомъ» возмущается противъ крамольниковъ, отверженниковъ Бога и людей. «Я рвуся на части посвятить себя въ ловцы этихъ злодѣевъ.. Относительно моей политической благонадежности и моихъ способностей справки быть могутъ очень скоры, касательно же моихъ нравственныхъ качествъ, то я долженъ сознаться предъ вашимъ сіятельствомъ, такъ же правдиво, какъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога, что я подвергался временной слабости къ вину, но ради святого служенія моего Царю и отечеству обязуюсь и клянусь разстаться навсегда съ этимъ, хотя единственнымъ, но важнымъ порокомъ, который всегда былъ тормазомъ моимъ въ моей служебной карьерѣ».

Артуръ Карловичъ Поленскій молитъ «Всевышняго, чтобы Онъ вдохновилъ Васъ хотя бы искрою того желанія видѣть меня при себѣ, какимъ я вполнѣ горю. Пламя моего призванія сожигаетъ меня. Если вамъ нуженъ человѣкъ съ качествами подобными моимъ, то я увѣренъ вы найдете его во мнѣ».

«Инородцы» тоже предлагаютъ свои услуги въ дѣлѣ розыска. Тутъ встрѣчаются грузины, поляки, евреи. Еврей Симонъ Ароновъ

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"
Библиотека "Руниверс"

Гельцеръ желаетъ слѣдить за религіознымъ развитіемъ учащихся въ смоленскихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Тогда бы таковой ученикъ—мотивируетъ онъ — вышелъ бы окончившимъ курсъ, Богобоязливымъ человѣкомъ и истинно вѣрноподданнымъ Государю Императору и полезнымъ Отечеству, ибо эти двоякія боязни, боязнь Бога и боязнь Его Помазанника, сопряжены вмѣстѣ, какъ изъяснено царемъ Соломономъ въ священнописаніяхъ: «бойся Бога и царя, сынъ мой». Далѣе дано имъ тоже нравоученіе человѣку: «привыкать юношу къ праведному пути, тогда и по старости не отвергнетъ отъ онаго»...

Полякъ Антонъ Клементьевичъ Карковскій, проживая въ имѣніи, читая газеты, пишетъ: «Кровь во мнѣ закипѣла. Готовъ я жертвовать жизнью».

Все это типичные ташкентцы-цивилизаторы, какъ будто взятые Верховной Комиссіей на прокатъ изъ щедринской сатиры. Даже приложенные къ «Дѣлу канцеляріи» проекты оздоровленія Россіи носятъ всѣ черты ташкентскаго происхожденія.

Вотъ, напримѣръ, штабсъ-капитанъ Константинъ Рудаковъ. Онъ предлагаетъ Верховной Комиссіи ни мало, ни много какъ «рѣзать у пойманныхъ уши, носъ, вытягивать жилы, вырѣзывать кожаные ремни, сжигать живьемъ»... Что это, какъ не пьяный бредъ того самаго безшабашнаго ташкентца, который въ щедринской сатирѣ, будучи обласканъ начальникомъ «Робкаго усилія», въ порывѣ дикаго энтузіазма доводитъ свои безстыдные подвиги по части борьбы съ крамолой до такой степени наглости, что даже призвавшій его на подвиги генералъ бросаетъ ему: «Мерзавецъ!»

Вообще найденное М. К. Лемке дѣло Верховной Комиссіи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сатира «Они же» написана Щедринымъ по адресу именно этого учрежденія, написана съ полнымъ знаніемъ всей обстановки, въ которой вершились дѣла Комиссіи, и вставлена во второе изданіе «Господъ Ташкентцевъ», вопреки установившемуся уже плану сатиры.

Конечно, я говорю объ этомъ нарушеніи плана «Ташкентцевъ» отнюдь не съ сожалѣніемъ. Напротивъ, присутствіе этой яркой политической сатиры въ данной серіи очень кстати дополняетъ развернутую въ ней художественную картину нравовъ эпохи. Что же касается недочетовъ въ стройности и въ единствѣ плана, то эти недочеты свойственны вообще всѣмъ крупнымъ сатирамъ Щедрина и объясняются пріемами его творчества.

III.

Въ какой бы моментъ литературной дѣятельности вы не захватили Щедрина, вы увидите, что онъ одновременно занятъ

Библиотека "Руниверс"

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

нѣсколькими сатирическими планами, которые вперемежку и выполняетъ. Въ частности въ 1869—1872 годы, когда Щедринъ писалъ «Господъ Ташкентцевъ» (исключаю отсюда очеркъ «Они же», написанный, какъ я уже показалъ, въ 1880 г.), у него, такъ сказать, въ работѣ, въ мастерской находились въ это же время и слѣдующія сатиры: «Помпадуры и Помпадуршы» (1863—1873г.г.), «Признаки времени» (1866—1869), «Письма о провинціи» (1868—1870), «Исторія одного города» (1869—1870), «Итоги» (1871 г.), «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ» (1872—1873) и др.

Такая разбросанность творческой дѣятельности имѣла, разумѣется, свои хорошія стороны. Получая импульсы для творчества изъ непосредственныхъ переживаній текущаго дня, сатирикъ не стѣснялся въ своей писательской работѣ границами какой-либо одной поставленной имъ себѣ задачи или темы. Давала ему жизнь нынѣшняго дня импульсъ для продолженія начатой вчера сатиры, онъ продолжалъ ее и сегодня. А нѣтъ, онъ, прислушиваясь къ внутреннему голосу, возобновлялъ одну изъ прежде начатыхъ работъ или же принимался за совершенно новую, только что ему подсказанную жизнью тему. Быть можетъ, именно благодаря этой разбросанной работѣ, сатиры Щедрина такъ насыщены ароматомъ и трепетаніемъ живой жизни, что оставляютъ впечатлѣніе ея непрерывной, художественно преображенной лѣтописи.

Но, съ другой стороны, планомѣрность его сатиръ, растягивавшихся часто на многіе годы, не могла не страдать отъ этого. И въ самомъ дѣлѣ, установленіе плана—больное мѣсто сатирика. Едва ли можно назвать хотя бы одно большое произведеніе Щедрина, которое бы въ процессѣ творчества не претерпѣло въ своемъ планѣ значительныхъ и часто весьма существенныхъ измѣненій. Такъ было съ «Господами Головлевыми»; [1]); такъ было съ «Исторіей одного города»[2]), и то же самое случилось съ «Господами Ташкентцами».

Среди рукописей Щедрина въ архивѣ М. М. Стасюлевича, которымъ я пользовался, благодаря любезности М. К. Лемке, сохранились два черновыхъ наброска сатирика, подъ названіемъ «Господа Ташкентцы. Изъ воспоминаній одного просвѣтителя». И хотя подъ однимъ изъ этихъ набросковъ написано: «Нумеръ второй», а подъ другимъ:—«Нумеръ третій», но оба они представляютъ варіанты одного и того же очерка, не появившагося въ печати.

---

[1]) См. мою статью «Новая экскурсія въ Головлево», въ IV кн. «Русскаго Богатства» нынѣшн. года.

[2]) См. мою статью по поводу «Исторіи одного города», въ IV кн. «Соврем. Міра» нынѣшн. года.

Библиотека "Руниверс"

Очевидно, «Нумеръ второй» и Нумеръ третій» задуманы были сатирикомъ, какъ прямое продолженіе очерка «Ташкентцы-цивилизаторы», точно такъ же называвшагося раньше, т.-е. въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ отдѣльномъ изданіи 1873 г.: «Изъ воспоминаній одного просвѣтителя» [1]).

Мнѣ кажется, что печальная заброшенность, на которую были обречены сатирикомъ эти черновые наброски, легко можетъ быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что, по своему характеру, они явно выходятъ изъ рамокъ, въ которыхъ намѣчалась сатира первыми статьями Щедрина о «Ташкентствѣ». Здѣсь, въ черновыхъ очеркахъ, впервые ставится сатирикомъ вопросъ о воспитательной средѣ, которая готовитъ юныхъ отпрысковъ дворянскихъ фамилій къ будущимъ подвигамъ ташкентства. И весьма вѣроятно, что эти именно наброски и натолкнули сатирика на мысль отодвинуть пока въ сторону «ташкентское дѣло» и заняться ташкентской генеологіей; что именно они двинули творческую фантазію художника въ направленіи къ блестящей серіи «Ташкентцевъ приготовительнаго класса», гдѣ съ такой удивительной рельефностью зарисованы Щедринымъ отдѣльныя разновидности даннаго типа, захваченныя имъ въ самомъ источникѣ ташкентства,— въ нѣдрахъ семьи и школы.

Во всякомъ случаѣ, нумера второй и третій, предназначенные для изображенія «ташкентцевъ въ дѣйствіи», оказались на самомъ дѣлѣ какъ бы первоначальными эскизами для большой и законченной картины, которую затѣмъ создалъ сатирикъ въ четырехъ «параллеляхъ». Самъ художникъ имѣлъ поэтому основанія забросить эскизъ послѣ того, какъ онъ развернулъ его замыселъ въ большое красочное полотно «Ташкентцевъ приготовительнаго класса». Но, имѣя въ виду самостоятельную художественную цѣнность этого эскиза, я считаю своимъ долгомъ извлечь его изъ архивнаго забвенія и представить его здѣсь вниманію читателя во второй редакціи, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ сатирикомъ подъ «нумеромъ третьимъ».

А пока сдѣлаю нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній къ другому, точно такъ же воспроизводимому здѣсь отрывку подъ названіемъ: «Ташкентцы приготовительнаго класса (Параллель пятая и послѣдняя)».

Этотъ отрывокъ сохранился въ рукописяхъ Щедрина въ двухъ черновыхъ незаконченныхъ наброскахъ. Одинъ изъ этихъ набросковъ снабженъ примѣчаніемъ, которое, за нѣкоторыми,

[1]) Замѣчу здѣсь, кстати, что этотъ очеркъ въ изданіи 1873 г. имѣлъ очень удачный подзаголовокъ («Типъ объяснительный»), оправдывавшій его присутствіе въ книгѣ, посвященной главнымъ образомъ «Ташкентцамъ приготовительнаго класса».

Библиотека "Руниверс"

частью указанными мною выше исключеніями, составило впослѣдствіи предисловіе къ отдѣльному изданію «Господъ Ташкентцевъ»:—«Отъ автора». И здѣсь, стало быть, оправдалось старинное наблюденіе, что авторское предисловіе всегда слѣдуетъ понимать «наоборотъ», т.-е. какъ послѣсловіе. Въ «предисловіи» къ «Ташкентцамъ» это «наоборотъ» особенно замѣтно, потому что въ немъ чувствуются усилія автора придать извѣстную планомѣрность очеркамъ, которые на самомъ дѣлѣ связаны другъ съ другомъ часто очень тонкою нитью. И если въ данномъ случаѣ автору посчастливилось болѣе или менѣе удачно выйти изъ затруднительнаго положенія, то случилось это исключительно благодаря данному имъ, но не выполненному обѣщанію написать вторую часть сатиры —«Ташкентцевъ въ дѣйствіи».

Что касается «Параллели пятой и послѣдней», то начата она Щедринымъ какъ разъ именно во исполненіе обѣщанія, даннаго имъ, впрочемъ, не въ предисловіи, а въ началѣ «параллели четвертой», т.-е. въ очеркѣ, посвященномъ финансисту Порфирію Велентьеву.

Какъ извѣстно, Порфирій Велентьевъ производилъ свои геніальныя финансовыя операціи въ компаніи съ купцомъ Василіемъ Вонифатьевымъ Поротоуховымъ, который на дѣловыхъ бумагахъ отчетливо расписывался: «вильмерстанскій первастатейный купецъ Василей Велифантьяфъ Портаухафъ симъ патъ Писуюсь». И такъ какъ этотъ компаньонъ Велентьева представлялъ изъ себя тоже финансовое свѣтило, то сатирикъ, занявшись въ «четвертой параллели» первымъ, «предоставилъ себѣ поговорить о Васильѣ Поротоуховѣ при случаѣ» [1]).

«Параллель пятая» и посвящалась именно Василію Поротоухову, хотя, къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ двухъ черновыхъ набросковъ сатирикъ до самаго Василія не доходитъ, а останавливается на характеристикѣ его злополучнаго родителя, кабатчика Вонифантія Семенова Поротоухова. Впрочемъ, и самъ Вонифантій Портоуховъ—фигура, какъ увидитъ читатель, достаточно интересная и вполнѣ заслуживающая того, чтобы быть, наконецъ, извлеченной изъ пыли архива.

Почему же, однако, и этотъ очеркъ Щедрина остался незаконченнымъ и былъ погребенъ имъ въ массѣ другихъ, частью использованныхъ, частью заброшенныхъ рукописей?

Потому, очевидно, — отвѣчу я, — что «параллель пятая и послѣдняя» никакъ не вмѣщается въ планъ, намѣченный «Господами Ташкентцами».

Еще въ очеркѣ «Что такое «ташкентцы»? сатирикъ писалъ, что «нѣтъ ничего легче, какъ составить краткое извѣстіе о родо-

[1]) Т. IX, стр. 283.

Библиотека "Руниверс"

происхожденіи любого «ташкентца». Въ большинствѣ случаевъ, это дворянскій сынъ, не потому, чтобы въ дворянствѣ фаталистически скоплялись элементы всевозможнаго ташкентства, а потому, что сословіе это до сихъ поръ было единымъ дѣйствующимъ и, слѣдовательно, невольно представляло собой разсадникъ всего, что такъ или иначе имѣло возможность проявлять себя»[1])...

Въ другихъ мѣстахъ сатиры Щедринъ съ достаточною отчетливостью опредѣляетъ и соціальныя причины, объясняющія, почему именно молодое поколѣніе дворянъ пореформеннаго періода заполнило собою кадры «ташкентцевъ».

А между тѣмъ уже въ «параллели четвертой» сатирикъ уклонился въ сторону отъ намѣченнаго имъ типа: Порфирій Велентьевъ происходитъ не изъ дворянскаго, а изъ духовнаго званія. Правда, отецъ Порфирія Менандръ Велентьевъ, благодаря долгому общенію съ дворянствомъ, утратилъ отчасти свойственныя его званію черты и даже въ концѣ-концовъ породнился съ дворянствомъ, женившись на княжнѣ Крикулидзевой. Такимъ образомъ Порфирій и по происхожденію, и по родственнымъ связямъ и по соціальному положенію близокъ къ дворянству, и это въ извѣстной степени оправдываетъ сатирика, зачислившаго Порфирія Велентьева въ категорію «ташкентцевъ».

Что же касается Василія Поротоухова, который «провелъ цвѣтущіе дни юности въ кабакѣ», то его перечисленіе въ ряды «ташкентцевъ» нельзя было бы оправдать никакими соображеніями Попавъ въ «ташкентцы», Василій Поротоуховъ однимъ своимъ именемъ уничтожилъ бы всякія рамки, въ которыя укладывается понятіе «ташкентства». Сатирикъ во-время оцѣнилъ свою ошибку и оставилъ «параллель пятую» незаконченной. А такъ какъ жизнь въ это время, т.-е. въ началѣ 70-хъ годовъ, настойчиво выдвигала фигуры, подобныя Поротоуховымъ, на первый планъ, то, отдавая дань времени, сатирикъ поспѣшилъ покончить съ «ташкентцами», чтобы немедленно же заняться новыми героями новаго времени.

Въ 9-й кн. «Отечественныхъ Записокъ» 1872 г. напечатана послѣдняя статья изъ серіи «Г.г. Ташкентцевъ», а уже въ 10-й кн. журнала начинается новая серія сатиръ—«Благонамѣренныя рѣчи», — гдѣ главными персонажами являются кабатчики, они же «столпы», признанные поддерживать и охранять «священные устои нашего дорогого отечества». Вотъ здѣсь-то, среди Полушкиныхъ и Деруновыхъ, нашлось бы достаточное мѣсто и для Поротоуховыхъ, но, къ сожалѣнію, сатирикъ, однажды удаливъ ихъ изъ общества «ташкентцевъ», потомъ уже не вспоминилъ о старыхъ знакомыхъ.

Вл. Кранихфельдъ.

---

[1]) Ibid., стр. 46.

Библиотека "Руниверс"

Господа ташкентцы.

Изъ воспоминаній одного просвѣтителя.

Нумеръ третій.

Я принадлежу къ хорошей фамиліи. Одинъ изъ моихъ предковъ ѣздилъ въ Тушино; другой кому-то цѣловалъ крестъ, потомъ еще цѣловалъ крестъ, а потомъ еще цѣловалъ крестъ. За всѣ эти поцѣлуи ему выщипали по волоску бороду и заточили въ Чердынскій острогъ. Третій предокъ соперничалъ въ грасахъ съ Бирономъ, но оплошалъ и за измѣну былъ сосланъ въ Березовъ.

Съ матеріальной стороны обстановка моя представляется не столь блистательной.

Предки мои жили весело; но такъ какъ и въ то время на счетъ этого существовали законы, то и веселые дѣдушки и бабушки почти постоянно находились подъ судомъ...

Результатомъ всѣхъ этихъ веселостей было то, что когда мнѣ пришлось вступить во владѣніе наслѣдственнымъ имѣніемъ, то предо мной предстало неуловимое село Прахово, при которомъ значились какія-то странныя земли: по болоту покосъ, да по мокрому мѣсту то же покосъ, да лѣсу ненастоящаго часть и т. д. Даже мужики явились какіе-то ненастоящіе: или совсѣмъ дряхлые, или подростки съ огромными, выпяченными впередъ животами.

Разумѣется, я сейчасъ же всю эту чушь по боку и, получивъ кушъ (послѣдній кушъ!), отправился съ нимъ въ Петербургъ.

Воспитаніе получилъ я очень изящное, но не могу скрыть, что знаній большихъ не имѣю. Въ томъ закрытомъ заведеніи, гдѣ протекли годы моей юности, науки преподавались коротенькія: тетрадки въ двѣ, въ три, не больше. Преподавались примѣры рыцарскихъ чувствъ и утонченной вѣжливости; излагалось кратко, что рыцари имѣли обыкновеніе сѣчь и обдирать различныхъ буржуа и manants, но за что собственно производилось это хроническое сѣченіе, — этого никто намъ не объяснялъ. Только уже по выходѣ изъ школы я узналъ, что это была цѣлая величествен-

Библиотека "Руниверс"

ная система, задуманная въ виду предотвращенія коммунизма и нигилизма...

По субботамъ насъ отпускали къ родителямъ. Но родители были у насъ милые и, точно такъ же, какъ и мы, воспитывались въ чувствахъ рыцарства и утонченной вѣжливости. Ничего буржуазнаго, ничего такого, что напоминало бы унылый семейный очагъ. Когда мы являлись домой, насъ очень любезно осматривали, давали цѣловать ручку, произносили: amusez vous! и уѣзжали въ гости. Послѣ этого мы были свободны, какъ вѣтеръ въ полѣ.

Собственно у меня maman была настоящая конфетка. Всякій разъ, какъ я являлся домой (особенно, когда я былъ на послѣднемъ курсѣ), она въ какомъ-то дѣтскомъ страхѣ зажмуривала глаза и восклицала:

— Ахъ, какой большой! Ахъ, какой большой!

— Но нельзя же, ma chère, — утѣшалъ ее papa: — таковъ законъ природы. Молодое растетъ, старое старится!..

— Ахъ, нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Я хочу, чтобъ онъ былъ маленькій! всегда, всегда маленькій! — повторяла maman и затѣмъ, бросивъ послѣдній взглядъ на свой туалетъ, уѣзжала въ гости.

Затѣмъ изъ всѣхъ воспоминаній моего дѣтства остались въ моей памяти только два: воспоминаніе о томъ, какъ я въ первый разъ напился пьянъ (мнѣ было тогда тринадцать лѣтъ, и, клянусь честью, я думалъ, что совершилъ Богъ вѣсть какое преступленіе!) и воспоминаніе о моемъ первомъ грѣхопаденіи (мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ... Леокади!)[1]).

Ни наукъ, ни искусствъ...

Годы летѣли мимо меня съ такой быстротой, что я даже не чувствовалъ ихъ. Умеръ papà, скончалась maman. Я поплакалъ. Сѣрые рысаки смѣнились караковыми, караковые — воронымн. Леокади уступила мѣсто Армансѣ, Арманса — Жозефинѣ (не француженкѣ, а шведкѣ). Даже Марья Петровна какая-то была... изъ русскихъ. Все это плыло и плыло и заставляло вмѣстѣ съ собою уплывать тѣ тысячи, которыя были выручены черезъ продажу села Прахова... Я возмужалъ и въ карманѣ у меня оставалась только одна тысяча... на всю жизнь!

Когда я убѣдился въ этомъ, то мнѣ показалось, какъ будто я сейчасъ только родился. Я понялъ, что покуда у меня были деньги въ карманѣ, я ихъ расходовалъ; что теперь у меня нѣтъ денегъ въ карманѣ, и я не могу расходовать. Что такое: нѣтъ денегъ? Почему я не могу расходовать? Я думалъ, что съ ума сойду!

---

[1]) Въ «нумерѣ второмъ» разсказывается и о первомъ опьяненіи и о первомъ грѣхопаденіи. Въ «нумерѣ третьемъ» эти подробности выпущены. Вл. Кр.

Библиотека "Руниверс"

Весь міръ представлялся мнѣ въ какомъ-то новомъ свѣтѣ; всѣ эти портные, прачки, квартиры, лакеи, все, что прежде представлялось какъ во снѣ, вдругъ приняло какіе-то живые образы, заговорило, запротестовало... я положительно думалъ, что сойду съ ума.

Но ежели у меня нѣтъ ни имѣній, ни капиталовъ, если предки мои проживали свое достояніе, какъ они выражались, «ради вящшаго россійской имперіи блеску и авантажа»—ужели я не долженъ быть за это вознагражденъ? Рыцарскія чувства! Утонченная вѣжливость! — tout ça est bel et bon, messieurs! но мнѣ нуженъ пирогъ, который я могъ бы кусать à belles dents! я желаю, я требую его! Я требую той доли, на которую мнѣ даютъ право мои рыцарскія чувства, моя утонченная вѣжливость! И вотъ, въ эту критическую минуту въ умѣ моемъ созрѣла мысль о мѣстѣ въ провинціи.

Я рвался въ провинцію, потому что жизнь уже поистрепала меня. Борьба съ кокотками подорвала мои силы; опасеніе встрѣтиться съ портнымъ (которому я много лѣтъ не платилъ) убило во мнѣ всякую предпріимчивость. Въ Петербургѣ я рѣшительно не годился; Петербургъ требуетъ, чтобы человѣкъ разглядывалъ свою добычу издалека и налеталъ на нее съ увѣренностью. Я никогда не могъ достигнуть этой виртуозности. Я былъ хищникъ второго разряда; я не нападалъ, а просилъ и вслѣдствіе этого очень скоро поступилъ въ разрядъ пикъ-ассьетовъ. Съ тѣхъ поръ никто не хотѣлъ смотрѣть на меня серьезно. Самые, что называется, шалопаи изъ шалопаевъ, — и тѣ легкомысленно улыбались при упоминаніи моего имени...

Меня кормили обѣдами и поили шампанскимъ, и въ то же время вымещали на мнѣ каждый съѣденный кусокъ, каждую выпитую бутылку. Иногда это оскорбляло меня. Ужели я въ самомъ дѣлѣ гороховый шутъ?—спрашивалъ я себя и давалъ себѣ слово проучить перваго шалопая, который позволитъ себѣ назвать меня этимъ именемъ. Но мой гнѣвъ выходилъ у меня какъ-то странно, и вмѣсто того, чтобы устрашать, пробуждалъ еще большій взрывъ веселости...

Несмотря на все это, я продолжалъ жить...

Провинція! Не тамъ ли тихая гавань, въ которой должно навсегда погрузиться мое прошлое, въ которой, въ первый разъ въ жизни, сказанное мною слово не будетъ встрѣчено ни хохотомъ, ни щелканьемъ!

Но тутъ, на первыхъ порахъ, я былъ озадаченъ совершенно неожиданнымъ образомъ.

— Ваши принципы? — спросили меня, едва я успѣлъ заикнуться о предметѣ моихъ вожделѣній.

Библиотека "Руниверс"

Я смутился; я думалъ, что меня хотятъ испытать.

— Никакихъ принциповъ я никогда не имѣлъ!—отвѣчалъ я съ негодованіемъ.

— Подумайте и придите въ другой разъ.

Собесѣдникъ мой улыбнулся (онъ нѣкогда видалъ меня у Леокади!) и прошелъ далѣе.

— Ваши принципы? — вторично раздался въ ушахъ моихъ вопросъ, обращенный уже къ слѣдующему соискателю.

— Священное исполненіе предписаній начальства... до послѣдней капли крови... Ваше превосходительство!..

Съ говорившимъ сдѣлалось дурно.

Я вышелъ словно ошеломленный. Принципы!

Я не могу сказать, что это слово было мнѣ совершенно неизвѣстно. Я знаю, что принципы существуютъ, но при этомъ словѣ въ воображеніи моемъ всегда рисовалось нѣчто лохматое, неумытое, тайнодѣйствующее. И вдругъ я слышу это самое слово... гдѣ? Когда? По какому случаю?

Какъ зародилось это нововведеніе? Какой былъ процессъ его развитія? Повидимому, тутъ не было ни зарожденія, ни развитія, а было только внезапное помраченіе. Принципы явились на сцену жизни, какъ являются непомнящіе родства на сцену полицейскаго дѣйствія. Откуда? Какъ? гдѣ ночевалъ?.. Никто ничего не знаетъ, никто ничего объяснить не можетъ...

Къ счастію, у меня былъ пріятель Поль Безпалый, который могъ объяснить мнѣ все это. Онъ служилъ сначала въ гусарахъ, потомъ опредѣлился къ штатскимъ дѣламъ, потомъ прошелъ огонь и воду и имѣлъ одинъ недостатокъ: терпѣть не могъ, когда его называли дѣйствительнымъ статскимъ кокодессомъ.

— Mon cher,—сказалъ я ему—ты, который знаешь все, ты долженъ объяснить мнѣ, что такое «принципы»!

Мнѣ показалось, что на лицѣ его выразилось положительное изумленіе. По крайней мѣрѣ, онъ не тотчасъ отвѣтилъ, а ущипнулъ меня разомъ за обѣ щеки и сказалъ:

— Душка!.. И ты меня спрашиваешь объ этомъ! Ты, который снизу до верху преисполненъ самыми лучшими принципами!— весело смѣялся Поль.

Да не смѣйся же Поль! скажи, что долженъ я отвѣчать?

—Во-первыхъ, ты ничего отвѣчать не долженъ; во-вторыхъ, ты долженъ приложить руку къ сердцу, въ-третьихъ, слегка закатить глаза и, въ-четвертыхъ, что-нибудь пробормотать. «Смѣю увѣрить»... «безграничная преданность»... «святое исполненіе долга»... что-нибудь въ этомъ родѣ. Чѣмъ невнятнѣе, тѣмъ лучше,

Библиотека "Руниверс"

потому что это докажетъ, что въ тебѣ говоритъ не умъ, а чувство Скажи, пожалуйста, вѣдь ты... *не очень* уменъ?

Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданъ, что я невольно сконфузился.

— Виноватъ, мой другъ,—продолжалъ Поль,—но этотъ вопросъ намъ необходимо очистить, чтобы имѣть подъ ногами совершенно твердую почву.

Какъ я ни привыкъ къ веселонравію моихъ друзей, но отвѣтъ былъ такъ щекотливъ, что просто-на-просто не срывался съ моего языка.

— Хорошо, будемъ говорить яснѣе,—вновь началъ Поль.— Возьмемъ для примѣра хоть наши теперешнія взаимныя отношенія. Я тебя искренно люблю, и ты меня искренно любишь — это несомнѣнно; но почему же мы любимъ другъ друга? спрашиваю я тебя. А потому, душа моя, что мы оба оба *не очень* умны. Понимаешь; оба, не ты одинъ! Ты разскажешь мнѣ какой-нибудь проектъ, и я тебѣ разскажу какой-нибудь проектъ, — и намъ обоимъ не стыдно! Тогда какъ, еслибъ ты былъ *очень*, *а я не очень* уменъ, то мнѣ было бы постоянно совѣстно, и я кончилъ бы тѣмъ, что возненавидѣлъ бы тебя... понялъ?

— Такъ, но вѣдь я могу, наконецъ, скрыть свой умъ?

— Нѣтъ, это ужъ не то! Человѣкъ, который скрываетъ свой умъ, хоть невзначай да обмолвится. Нѣтъ, если ты хочешь успѣть, такъ лучше не скрывай, а прямо такъ, какъ есть. Итакъ, этотъ вопросъ очищенъ.

— Позволь, тутъ могутъ встрѣтиться еще нѣкоторыя подробности, которыя тоже необходимо предусмотрѣть. Напримѣръ, можетъ понадобиться мой взглядъ, мое мнѣніе... Que sais-je enfin?

— Ну да, и взглядъ, и мнѣніе... все это ты обязанъ! Ахъ, да пойми же, душа моя, ты самъ весь состоишь изъ взглядовъ и мнѣній и только не подозрѣваешь, что все это называется взглядами и мнѣніями...

Поль сдѣлалъ нѣсколько туровъ по комнатѣ, какъ бы желая наглядно объяснить, въ чемъ заключаются и взгляды, и мнѣнія.

— Всѣ взгляды извѣстны, всѣ мнѣнія составлены, продолжалъ онъ, останавливаясь предо мною: — разумѣется, *не очень* умные. И чѣмъ больше ты будешь высказывать такихъ взглядовъ и мнѣній, тѣмъ лучше. Ты не повѣришь, мой другъ, какъ это развязываетъ языкъ, когда знаешь навѣрнсе, что не скажешь ничего *очень* умнаго! У насъ въ клубѣ случился на-дняхъ поразительный примѣръ въ этомъ родѣ. Сорокъ лѣтъ сряду прожилъ Пьеръ Накатниковъ на бѣломъ свѣтѣ, и сорокъ лѣтъ нельзя было разобрать, говоритъ онъ или молчитъ. Говорятъ, будто онъ боялся

Библиотека "Руниверс"

сказать что-нибудь *очень* умное. И вдругъ этотъ человѣкъ убѣдился, что онъ хоть и уменъ, но *не очень*... и заговорилъ! И чтожь? Мы цѣлый часъ его слушали и, право, слушали не безъ удовольствія... Потому что онъ дѣйствительно говорилъ *не очень* умныя вещи!

— Но Накатниковъ, вѣдь, былъ басней цѣлаго города?

— А теперь онъ сдѣлался чуть не геніемъ. Ахъ, ты не повѣришь, душа моя, какъ это освѣжаетъ, когда вдругъ заговоритъ передъ тобой нѣчто такое, что десятки лѣтъ сряду сидѣло противъ тебя и молча предлагало тебѣ рюмку вина! Наплывъ какой-то чувствуешь... радость какую-то! такъ бы и вырядилъ его въ одежды златотканныя и пустилъ бы его на всѣ четыре стороны: лопай кого угодно!

По мѣрѣ того, какъ Поль говорилъ, я чувствовалъ, что мнѣ дѣлается легче и легче. За что жъ они меня называли шалопаемъ?— спрашивалъ я себя.

— Понимаю, сказалъ я послѣ нѣкотораго размышленія: — но вѣдь это почти то же самое... ну да, это совсѣмъ то же самое, что я всегда...

— Вотъ то-то и есть, что ты часто создаешь себѣ затрудненія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не существуетъ. Но резюмируемъ наши дебаты. Ты хочешь знать, въ чемъ состоятъ наши принципы: вотъ они. Принципъ первый: вездѣ... всегда... когда угодно... Принципъ второй: мыслей не имѣю, чувствовать могу. Если ты усвоишь эти два принципа, то можешь дерзать совершенно свободно.

Поль обнялъ меня съ нѣжностью. Очевидно, что роль ментора для него было еще вновѣ, и я былъ чуть ли не первымъ ученикомъ его въ дѣлѣ искусства пріобрѣтать успѣхи[1]).

Н. Щедринъ.

---

[1]) На этомъ рукопись Щедрина обрывается. Вл. Кр.

Библиотека "Руниверс"

Ташкентцы приготовительнаго класса.

(Параллель пятая и послѣдняя).

Василій Поротоуховъ провелъ цвѣтущіе дни юности въ кабакѣ. Тамъ онъ узналъ тайну обращенія съ сильными міра сего, тамъ же получилъ и первоначальныя понятія о наукѣ финансовъ.

Отецъ его, Вонифатій Семеновъ Поротоуховъ, въ просторѣчіи Велифантій, проще Лифантій, а еще проще Лифатка, былъ цѣловальникомъ въ бѣдномъ уѣздномъ городишкѣ Чернолѣсьѣ, въ одной изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ губерній. Кабакъ стоялъ на выѣздѣ изъ города, и за исключеніемъ базарныхъ дней былъ мало посѣщаемъ. Зато въ базарные дни ни одинъ мужикъ не проѣзжалъ мимо, чтобъ не зайти въ длинное одноэтажное зданіе, почернѣвшія стѣны котораго имѣли въ себѣ притягивающую силу магнита. Въ эти дни кабакъ бывалъ набитъ-биткомъ, пѣнное лилось рѣкой и пьяныя пѣсни съ утра до поздней ночи оглашали окрестность.

Поротоуховъ-отецъ принадлежалъ къ той породѣ расторопныхъ мѣщанъ-кулаковъ, которые съ утра до ночи бѣгаютъ, высуня языкъ, машутъ руками, торопятся, суетятся, проталкиваются впередъ, пускаютъ въ ходъ локти — и все затѣмъ, чтобы къ концу дня получить грошъ барыша. Какъ тѣ «кулаки», которые съ наступленіемъ базарнаго дня чуть свѣтъ начинали шнырять около кабака, перехватывая за заставой мужиковъ, везшихъ на базаръ сельскій припасъ, и которые выбивались изъ силъ, галдѣли, кряхтѣли и потѣли, чтобы, въ концѣ концовъ, предоставить знатный барышъ толстому купчинѣ, а самимъ воротиться на ночь въ холодный и голодный домъ, — Поротоуховъ каждое утро начиналъ изнурительную работу сколачиванья грошей и каждый вечеръ ложился спать съ тѣмъ же грузомъ, съ какимъ и утромъ всталъ. Всталъ—грошъ и легъ—все тотъ же грошъ. Посмотритъ-посмотритъ Лифатка на свой извѣчный заколдованный грошъ, помнетъ его промежъ пальцевъ, щелкнетъ языкомъ и полѣзетъ спать на полати, съ тѣмъ, чтобы завтра опять чуть свѣтъ пустить

Библиотека "Руниверс"

тотъ грошъ въ оборотъ. Да чтобы не зѣвать — Боже сохрани!— а то вѣдь, пожалуй, и послѣдній грошь прахомъ пойдетъ.

И нельзя сказать, чтобы Поротоуховъ не радѣлъ о себѣ. Напротивъ того, объ немъ даже сложилась пословица, что онъ «родного отца на кобеля промѣнялъ», а такая аттестація, какъ извѣстно, прилагается только къ самымъ прозженымъ, а слѣдовательно, очень радивымъ людямъ. Но у него не было той «задачи», въ которую такъ вѣритъ русскій человѣкъ, и которая, впослѣдствіи, дѣйствительно, сослужила службу только не ему, а его сыну. Эта «задача» есть нѣчто мистическое, неподдающееся никакому опредѣленію и тѣмъ не менѣе совершенно ясное для всякаго истинно русскаго человѣка. Скажите ему: «незадача»—и онъ отвѣтитъ, что это та самая вещь, при которой, будь человѣкъ хоть семи пядей во лбу — ничего не подѣлаетъ. Скажите: «задача»— и онъ отвѣтитъ, что это такая вещь, благодаря которой самый мизерный человѣчишко со дна морского выплываетъ на верхъ, достигаетъ берега и, не успѣвъ еще обсушиться, запускаетъ лапу въ карманъ первому встрѣчному и благополучно вынимаетъ оттолѣ сокровище. «Незадача» кладетъ сразу свое клеймо на человѣка, и что бы онъ впослѣдствіи не предпринималъ, чтобъ освободиться отъ этого клейма, оно навсегда преградитъ ему пути къ будущему.

— Что, торопыга? Маешься? ласково спроситъ какой-нибудь жирный купчина, взирая, какъ у «торопыги» разгораются глаза на чужой грошъ.

— Маюсь, ваше степенство!

— Ну, майся, братецъ, трудись! Богъ труды любитъ!

Только и словъ въ поощреніе бѣдному торопыгѣ. Какъ будто ему на роду написано: заниматься моціономъ, облизываться на чужой грошъ и никогда не заполучить его...

Вотъ эта то самая «незадача» и взлюбила Поротоухова. Не то, чтобы онъ былъ черезчуръ простъ или имѣлъ какіе-нибудь необычные взгляды на хозяйскую выручку, или на достояніе пьянаго потребителя — отнюдь нѣтъ. Былъ онъ человѣкъ радѣтельный, какъ и всѣ человѣки, да только радѣнье то, благодаря «незадачѣ», не на пользу служило ему. Другіе и кабаки поджигали, и выручку похищали, и потребителя грабили — и все благополучно сходило имъ съ рукъ. А Лнфатка чуть задумаетъ планъ пограндіознѣе — смотришь, анъ тутъ его же и накрыли. Либо ревизоръ, либо повѣренный, либо дистаношный, а не то, такъ и самъ откупщикъ. И сейчасъ раздѣнутъ раба Божьяго до нитки: ступай и начинай маяться съизнова.

Можетъ быть, Поротоухову оттого не везло, что онъ ужъ черезъ чуръ радѣтеленъ и даже талантливъ былъ. У него былъ

Библиотека "Руниверс"

очень вѣрный и даже очень блестящій взглядъ на воровство, но не доставало коммерческой выдержки. Каждое его дѣйствіе само по себѣ несомнѣнно свидѣтельствовало, что онъ «родного отца на кобеля готовъ промѣнять», но, взятыя въ совокупности, эти дѣйствія не представляли ни малѣйшей солидности. Это былъ какой-то коммерческій фельетонистъ, у котораго нервная воспріимчивость замѣняла разсудокъ. При всякомъ случаѣ у него разбѣгались во всѣ стороны глаза, дрожали руки отъ волненія, стучало сердце и даже появлялась одышка. Онъ не понималъ, что жадность слѣдуетъ ограничивать, что очень хорошо постигли тѣ Парамонычи и Сидорычи, которые, пользуясь «задачей», благополучно похищали хозяйскія выручки и на нихъ заводили свои собственныя хозяйства. Замотается-засуетится Лифатка, разомъ хочетъ во всѣ мѣста лапу запустить — запуститъ, вынетъ, — анъ въ лапѣ попрежнему нѣтъ ничего. «Незадача»!,— завопитъ онъ въ огорченіи, и пойдетъ опять колотиться, бѣгать и махать руками... Въ городѣ на Поротоухова смотрѣли, какъ на бахвала, который только другому руку портитъ. Взглядъ этотъ одинаково раздѣляли всѣми чиновники и торговые люди. Торговцамъ онъ сбивалъ цѣны, на чиновниковъ вчужѣ производилъ впечатлѣніе досады. Вотъ Иванъ Парамонычъ, напримѣръ, сидѣлецъ кабака на базарной площади, — тотъ и достатокъ имѣлъ, и въ то же время пользовался репутаціей мужика обстоятельнаго и даже богобоязненнаго. Между тѣмъ, радѣнія у него, противъ Лифаткинаго, и на десятую долю не было. Въ чемъ же тутъ штука однакожъ? — а въ томъ, просто, что тамъ, гдѣ Лифатка радъ былъ душу свою за грошъ продать, Иванъ Парамонычъ цѣнилъ свою отнюдь не меньше рубля серебромъ. Вотъ секретъ, котораго никакъ не хотѣлъ постичь Поротоуховъ, хотя Иванъ Парамонычъ, по христіанству, не разъ принимался наставлять его.

— А ты не торопись, другъ!—говорилъ онъ ему:—не во всѣ стороны глазами кидай, а въ одну точку гляди! За грошъ нашему брату христіанскій законъ отмѣнять тоже не приходится!

Но все тщетно. Уйдетъ Поротоуховъ отъ Ивана Парамоныча утѣшенный и какъ будто съ твердой рѣшимостью «глядѣть въ одну точку», но воротится домой, увидитъ въ чей-нибудь рукѣ грошъ,— не утерпитъ и продастъ душу.

Даже городничій, вообще благоволившій къ откупу и оражданвшій его интересы (въ тѣ времена это былъ единственный вопросъ внутренней политики, считавшійся важнымъ)—и тотъ не иначе называлъ Поротоухова, какъ мерзавцемъ. Несправедливость эта, конечно, до глубины души возмущала Лифатку. Онъ—мерзавецъ! Онъ, у котораго грошъ въ карманѣ, да блоха на арканѣ! Онъ!.

Библиотека "Руниверс"

— Да вы, ваше высокоблагородіе, на одежу-то мою взгляните!—протестовалъ онъ:—такъ ли мерзавцы-то—нынче ходятъ!

Но протестъ этотъ нимало не убѣждалъ городничаго, и потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, Лифатка испытывалъ на своихъ бокахъ всю силу этого городническаго убѣжденія. Случится ли въ городѣ пропажа, сейчасъ квартальному приказъ:

— Идите къ мерзавцу Лифаткѣ! У него! Навѣрное, онъ, мерзавецъ, краденое за косушку принялъ!

Идутъ — и дѣйствительно находятъ у Лифатки не только искомое, но и множество другого хлама, котораго хотя никто не искалъ, но происхожденія котораго онъ не умѣетъ объяснить. Почему не умѣетъ объяснить?—потому что ему некогда думать объ объясненіяхъ; потому что онъ въ попыхахъ беретъ и въ попыхахъ же суетъ куда попало. Затѣмъ ему надо опять спѣшить брать, и все брать и совать, покуда, наконецъ, рука квартальнаго не ухватитъ его.

Окажется ли на выгонѣ мертвое тѣло — опять-таки первое слово:

— Это Лифатка! Это его, мерзавцево, дѣло!

— Идутъ — и дѣйствительно сразу убѣждаются, что тутъ пахнетъ Поротоуховымъ. Тотъ видѣлъ, какъ Лифатка покойнаго за ноги изъ кабака тащилъ, другой — какъ онъ съ покойнаго полушубокъ снималъ... Раскошеливайся, Лифатка!

И не выходитъ такимъ манеромъ Поротоуховъ изъ-подъ слѣдствія и суда. Но и оставленный по десяти дѣламъ въ подозрѣніи, обруганный, обобранный, онъ не въ силахъ измѣнить своей натурѣ. Попрежнему продолжаетъ онъ торопиться и разомъ запускать во всѣ мѣста лапу и по прежнему ничего не можетъ ухватить, а если и ухватитъ онъ что-нибудь одною лапой, то другою немедленно вручитъ ухваченное квартальному надзирателю...

Ни бѣдность, ни «не задача», ни вѣчное нахожденіе подъ судомъ, не могли угомонить Поротоухова. Бахвалъ по природѣ, онъ пронимался (?) даже въ такихъ случаяхъ, когда бы другой на его мѣстѣ давно бы свѣта не взвидѣлъ. Бѣды соскальзывали съ него, какъ вода съ гуся, и повидимому давали ему даже новыя силы.

— Мы еще свой предѣлъ сыщемъ!—хвастался онъ въ самыя горькія минуты жизни: — поditко ужо, что будетъ!

И когда онъ начиналъ хвастаться, ничто такъ не раздражало его, какъ напоминаніе о какомъ-нибудь Иванѣ Парамонычѣ, который безъ блеску, но навѣрнякъ созидалъ свое благополучье.

— Барановъ-то потрошить... важность! Нѣтъ, ты пойди волка выпотроши, — вотъ когда я тебѣ въ ножки поклонюсь!

Библиотека "Руниверс"

— Зачѣмъ тебѣ волки? Бараны-то, сказываютъ, посмирнѣе!— урезонивала его жена.

— Я намеднись, какого волка-то зарѣзалъ — видѣла? Иванъ Парамоновъ — нашла съ кѣмъ сравнить! Да Ивану Парамонову въ семь лѣтъ того не сдѣлать, что я сейчасъ... сею минутою... Деньги-то — вотъ онѣ!

Однимъ словомъ, еслибъ Лифатка не умѣлъ «валяться въ ногахъ», давно бы онъ пропалъ. И откупу надоѣло слѣдить за непрерывными проявленіями его «радѣнія», да и полиціи онъ значительно опротивѣлъ. Нѣсколько разъ было рѣшаемо, чтобъ его доканать совсѣмъ, но тутъ-то именно и пускалось въ ходъ то «валянье въ ногахъ», которое во многихъ случаяхъ служитъ единственнымъ ограждающимъ средствомъ отъ вѣрной погибели.

Русскій человѣкъ вообще довольно охотно «валяется въ ногахъ». Три причины способствовали укорененію и развитію этого прискорбнаго явленія: во-первыхъ, привычка, ведущая свое начало чуть ли не со временъ Гостомысла, во-вторыхъ, твердое убѣжденіе въ несокрушимости спинного хребта, и въ третьихъ, надежда, что человѣкъ, валяющійся въ ногахъ сегодня, быть можетъ, завтра сочтетъ себя въ правѣ потребовать такихъ же знаковъ почитанія отъ другихъ. Всѣ мы валялись, валяемся и будемъ валяться — это сознаніе не только смягчаетъ процедуру факта, но и способствуетъ установленію снисходительныхъ отношеній къ нему. Но Поротоуховъ валялся въ ногахъ, какъ никто. Онъ валялся и въ то же время причиталъ и метался, какъ въ предсмертной агоніи. Только жиды умѣютъ метаться такимъ образомъ, когда видятъ, что, по военнымъ обстоятельствамъ, имъ предстоитъ повѣшеніе.

Нельзя было не тронуться при видѣ человѣка, который такъ искренно проклиналъ часъ своего рожденія, который бодро призывалъ во свидѣтели сатану и всѣхъ его ангеловъ и, такъ сказать, живой умиралъ. Часъ тому назадъ этотъ человѣкъ гордо запускалъ руку въ карманъ своему ближнему, теперь — онъ былъ ничтожнѣе той пыли, которую вздымаетъ его простертое на землѣ тѣло. Чье начальственное сердце не забьется при видѣ столь поразительнаго перехода? Лифатка понималъ это отлично и сообразно съ этимъ устраивалъ планъ кампаніи. Былъ ли начальникъ на лицо — онъ валялся въ предсмертныхъ корчахъ передъ его глазами; уходилъ ли начальникъ въ дальнюю комнату, — онъ и тамъ слышалъ, какъ корчится и клянетъ свою душу Лифатка; выводили ли, наконецъ, Лифатку на улицу, — онъ и тамъ отыскивалъ мѣсто гдѣ-нибудь подъ начальническимъ окномъ и корчился, и вопилъ. Казалось всѣмъ онъ говорилъ: «ви-

Библиотека "Руниверс"

дали вы, какъ разстается у человѣка душа съ тѣломъ? Не видали?— такъ смотрите»! И ежели были сердца черствыя и безучастныя, то съ другой стороны находились и такія, которыя не могли выносить зрѣлища страданій, столь неслыханныхъ. И Лифатка почти всегда выходилъ изъ бѣды сухъ. Его терпѣли съ трудомъ, но терпѣли; его оставляли въ подозрѣніи, но не осуждали. Всякій чувствовалъ, что только одно можетъ освободить его отъ этого человѣка—это твердая рѣшимость раздавить его. Но какъ сохранить эту рѣшимость при видѣ человѣка, и безъ того уже находящагося въ предсмертной агоніи? И вотъ, навалявшись досыта, Лифатка вновь возвращался домой, и вновь гордо запускалъ руку въ карманъ своему ближнему.

Въ такой-то обстановкѣ росъ сынъ Поротоухова, — Василій. Покуда отецъ день-деньской бился около потребителя или на базарѣ, употребляя всѣ силы-мѣры, чтобъ затравить лишнюю копейку, Васька копался въ навозѣ, полоскалъ ноги въ лужахъ, валялся въ грязи на улицѣ и весь измокшій, иззябшій и словно высмоленный вбѣгалъ въ «горницу», чтобъ схватить корку хлѣба и опять убѣгалъ изъ дому. Жена Поротоухова была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя могутъ присмотрѣть за ребенкомъ. Это была рыхлая, лѣнивая, заспанная баба, помнившая лучшіе дни, когда она жила у родителевъ, содержавшихъ почтовую станцію, и безпечно щелкала у воротъ подсолнухи. На губахъ у нея словно застыла глупо-язвительная улыбка, появившаяся на нихъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ къ Лифаткѣ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ привязалась его «незадача». Эта несходящая съ лица улыбка выражала безмолвный протестъ, который, по временамъ, доводилъ Поротоухова до остервенѣнія. Измученный неудачами, навалявшись до-сыта въ ногахъ, онъ возвращался домой и первое, что встрѣчало его тутъ, — это безсмысленная улыбка, сопровождаемая какимъ-то беззвучнымъ хихиканьемъ. Тогда онъ бросался на жену очертя голову и билъ ее, куда попало. И чѣмъ чаще сыпались побои, тѣмъ явственнѣе и явственнѣе рисовалась улыбка, а хихиканье постепенно обращалось въ хохотъ.

Н. Щедринъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣдніе годы жизни М. А. Бакунина[1].

(Къ столѣтію со дня рожденія).

Закатъ жизни великаго агитатора глубоко трагиченъ. И эта трагичность выражается не во внѣшнемъ пораженіи — таковое суждено на первой стадіи большинству новаторскихъ идеаловъ,— а во внутреннемъ крушеніи. Идеалъ Бакунина не выдержалъ провѣрки на практикѣ, и Бакунинъ самъ усомнился въ его вѣрности. Онъ утратилъ свои надежды, онъ пересталъ вѣрить въ успѣхъ своихъ начинаній и осудилъ человѣчество за его дряблость и спячку. Въ соціально-политической концепціи Бакунина доминировали двѣ идеи: первая, что народъ, т.-е. пролетаріатъ и крестьянство, уже готовы къ соціальной революціи въ силу своего бѣдственнаго положенія — и готовы не только психологически, но и практически, въ смыслѣ активности и способности осуществить свой идеалъ; вторая, что ближайшая революція будетъ не просто политической, но и соціальной. Ему казалось кромѣ того, что та историческая эпоха, когда онъ получилъ возможность приступить къ осуществленію своей программы, представляетъ особенно благопріятныя условія для реализаціи соціально-революціоннаго идеала. Дѣйствительность жестоко обманула его ожиданія и нанесла страшный, непоправимый ударъ его радужнымъ чаяніямъ. Бакунинъ получилъ смертельную душевную рану. Съ этого момента раненый левъ удаляется въ свою берлогу, чтобы тамъ начать скорбный періодъ медленнаго умиранія. Радикальный пересмотръ своего міросозерцанія теперь былъ для стараго борца психологически невозможенъ: слишкомъ тѣсно слились его воззрѣнія съ самимъ его существомъ, слишкомъ прочно вошли они въ его кровь и плоть. Да и по всему складу своего темперамента, характера и стремленій Бакунинъ, выражавшій «періодъ бури и натиска» капиталистическаго общества, періодъ, въ теченіе котораго сложилась его бунтарская система,

[1]) Изъ подготовляемой къ печати книги «М. А. Бакунинъ. — Его жизнь и дѣятельность».

Библиотека "Руниверс"

органически не способенъ былъ къ усвоенію иной системы воззрѣній. Онъ предпочиталъ смерть тому, что ему казалось примиреніемъ съ дѣйствительностью, подчиненіемъ объективнымъ законамъ исторіи. Въ этомъ заключалась и трагичность, и извѣстная красота послѣднихъ содраганій побѣжденнаго, но неукрощеннаго бойца. Трагедія могучей личности невольно волнуетъ и трогаетъ даже людей, принципіально отвергающихъ такой бунтъ противъ законовъ исторіи.

I

Бакунинъ во время франко-прусской войны.—Попытки возстанія въ Ліонѣ и Марселѣ. — Коммуна. — Славянская секція Интернаціонала. — Борьба съ лавристами. — Исключеніе Бакунина изъ Интернаціонала. — Заявленіе его объ отказѣ отъ общественной дѣятельности. — Разочарованіе.

Поселившись въ Локарно[1]), Бакунинъ наряду съ русскими дѣлами не переставалъ заниматься пропагандою идей Интернаціонала, точнѣе, Альянса, поддерживая оживленныя сношенія съ итальянцами, испанцами, французами и юрцами. Тѣмъ временемъ разразилась война между Франціей и Германіей. Бакунинъ съ глубокимъ волненіемъ слѣдилъ за всѣми перипетіями войны, которая, по его мнѣнію, могла повлечь за собою соціальную революцію. «Ты только русскій, — писалъ онъ Огареву 11 августа 1870 г., — а я интернаціоналъ, вслѣдствіе чего происшествія возбудили во мнѣ настоящую горячку. Въ продолженіе трехъ дней я написалъ ровно 23 большихъ письма, это маленькое — двадцать четвертое. У меня выработался цѣлый планъ; (О(зер)овъ передастъ его тебѣ или, лучше, онъ прочтетъ тебѣ письмо, написанное мною къ одному французу»[2]). Это и была первая часть знаменитыхъ «Писемъ къ французу» о современномъ кризисѣ, адресованныхъ въ мысли Бакунина Гаспару Блану. Здѣсь онъ старался доказать, говоря его словами, сказанными Огареву, что «если изъ этой войны не выйдетъ непосредственно соціальная революція во Франціи, соціализмъ надолго погибнетъ въ цѣлой Европѣ» (31 августа). А 19 сентября 1870 г., приступивъ къ практическому осуществленію своего плана, онъ писалъ Огареву уже изъ Ліона: «Я иду на панъ или пропалъ. Надѣюсь на близкое торжество»[3]).

[1]) Съ октября 1869 года.

[2]) «Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Жен. 1895 г., 300.

[3]) Ib., 305.—«Планъ», о которомъ пишетъ Огареву Бакунинъ, состоялъ, повидимому, въ возбужденіи одновременно революціоннаго возстанія во Франціи, Испаніи, Италіи и Швейцаріи, — возстанія, которое

Библиотека "Руниверс"

Бакунинъ съ ужасомъ взиралъ на побѣды нѣмецкаго оружія: по его мнѣнію, разгромъ Франціи военно-феодальною Германіею равносиленъ былъ торжеству контръ-революціи, которая должна была на десятилѣтія, если не на столѣтія, отсрочить торжество народнаго дѣла. Противодѣйствовать такому печальному исходу можно было, только обратившись къ французскимъ народнымъ массамъ и призвавъ ихъ возстать не только противъ иностранныхъ завоевателей, но и противъ внутреннихъ тирановъ. Въ письмѣ къ ліонцу Альберу Ришару[1]) онъ заклинаетъ своихъ французскихъ товарищей безотлагательно поднять массы противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, не дожидаясь сигнала изъ Парижа, обманутаго и парализованнаго угрожающею ему опасностью. «Если черезъ 10 дней во Франціи не будетъ народнаго возстанія (писано 23 августа), Франція погибла. О! если бы я былъ молодъ, я не писалъ бы писемъ, а былъ бы среди васъ».

Бакунинъ возмущался соображеніями о томъ, будто французскій пролетаріатъ индифферентно относится къ вторженію нѣмцевъ. «О!, — восклицалъ онъ, — если бы Франція подверглась нашествію пролетарской арміи, состоящей изъ нѣмцевъ, англичанъ, бельгійцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, высоко поднявшихъ знамя революціоннаго соціализма и возвѣстившихъ міру окончательное освобожденіе труда, то я первый готовъ былъ бы крикнуть французскимъ рабочимъ: «Раскройте имъ свои объятія, это ваши братья, и объединитесь съ нами для того, чтобы смести съ лица земли разлагающіеся останки буржуазнаго міра!» Но нашествіе, позорящее нынѣ Францію, это нашествіе аристократическое, монархическое и военное... Оставаясь пассивными передъ лицомъ такого нашествія, французскіе рабочіе предали бы не

должно было носить соціально-революціонный (анархическій) характеръ и во главѣ котораго должны были стать члены бакунинскаго тайнаго «Альянса соціальныхъ революціонеровъ». Изъ 23 писемъ, упоминаемыхъ Бакунинымъ, извѣстно только одно небольшое письмо къ Альберту Ришару отъ 10 августа; здѣсь говорится о письмахъ, посланныхъ Гаспару Блану (въ Ліонъ), Джемсу Гильому (швейцарская Юра), Гамбуцци (итальянскій интернаціоналистъ и другъ Бакунина, впослѣдствіи женившійся на его вдовѣ), Сентиньону (испанскій альянсистъ). См. M. Nettlau—Bakunin und die Internationale in Spanien 1868—1873 въ «Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung», Leipzig, 1913, 2 Heft, стр. 274.

[1]) Этотъ А. Ришаръ былъ въ то время виднымъ французскимъ представителемъ бакунинскаго Альянса. Впослѣдствіи онъ, вмѣстѣ съ другимъ бывшимъ бакунистомъ «Гаспаромъ Блакомъ» (изъ Ліона, тѣмъ самымъ, которому были адресованы «Письма къ французу» о современномъ кризисѣ) сдѣлался ренегатомъ, попытавшись послѣ коммуны начать среди французскихъ рабочихъ черносотенную демагогію въ бонапартистскомъ духѣ. На старости лѣтъ вернулся къ соціализму и работалъ среди аллеманистовъ и жоресистовъ, но остался ярымъ противникомъ марксизма и гэдистовъ.

Библиотека "Руниверс"

только свою собственную свободу, но и дѣло всемірнаго пролетаріата, священное дѣло революціоннаго соціализма»[1]).

Общій смыслъ всѣхъ писемъ и посланій Бакунина къ своимъ французскимъ единомышленникамъ заключался въ томъ, что спасти Францію можно только путемъ анархіи. Онъ рѣшительно отрицалъ, чтобы революціонная агитація или внутреннія потрясенія могли парализовать способность націи къ сопротивленію внѣшнему врагу. «Исторія показываетъ намъ, что никогда націи не оказывались столь могущественными во-внѣ, какъ тогда, когда онѣ чувствовали себя глубоко взволнованными и потрясенными внутри, и что, напротивъ, никогда онѣ не были такъ слабы, какъ тогда, когда бывали объединены подъ какой-нибудь властью и въ какомъ-нибудь порядкѣ. И это совершенно естественно: борьба это жизнь, а жизнь это сила»[2]). Члены Конвента не боялись народной анархіи и народныхъ движеній, а сами всемѣрно вызывали ихъ, стараясь «революціонно организовать эту народную анархію»[3]). Среди внѣшнихъ и внутреннихъ смертельныхъ опасностей, угрожающихъ Франціи, спасти ее можетъ только «стихійное, могучее, страстно-энергическое, анархическое, разрушительное и дикое возстаніе народныхъ массъ на всей территоріи Франціи»[4]). Если возстанетъ народъ, побѣда несомнѣнна. «Разнуздайте, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, эту народную анархію, расширьте ее такъ, чтобы она катилась впередъ подобно яростной лавинѣ, пожирая и уничтожая все: враговъ и пруссаковъ. Это средство героическое и варварское, я знаю. Но это послѣднее и теперь единственно возможное. Внѣ его нѣтъ спасенія для Франціи. Такъ какъ всѣ регулярныя силы ея разложились, ей остается только отчаянная и дикая энергія ея дѣтей, которыя должны выбирать между порабощеніемъ буржуазною цивилизаціею или свободою путемъ пролетарскаго варварства»[5]).

---

[1]) Oeuvres, 11, 257—8 (Lettre à un Français, въ первоначальномъ видѣ).

[2]) Ib. 114—115, 247. — Аналогичную мысль высказываетъ и Прудонъ въ слѣдующихъ словахъ: «Государство проявляетъ во-внѣ лишь ту силу, которую оно извлекаетъ извнутри: если внутренняя жизнь недостаточна, она напрасно будетъ стараться дѣйствовать во внѣ» (Confessions, стр. 95).

[3]) Ib., 127.

[4]) Ib. 125.

[5]) Ib. 233—4, 242, 251. — Дикая энергія бакунинскихъ писаній исчезла въ той литературной обработкѣ, которой его «Письма къ французу» подверглись въ рукахъ европейца Гильома. Бакунинъ протестовалъ противъ прилизыванія своихъ писаній и называлъ эту операцію «оскопленіемъ», что очень задѣло Гильома. Послѣдній въ томѣ 1 «Oeuvres» перепечаталъ брошюру какъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была опубликована въ 1870 г., такъ и въ томъ, въ какомъ ее написалъ самъ Бакунинъ. Нетрудно догадаться, что послѣднія двѣ цитаты взяты нами изъ оригинальной рукописи Бакунина.

Библиотека "Руниверс"

Будучи человѣкомъ не только слова, но и дѣла, Бакунинъ пожелалъ принять непосредственное участіе въ попыткахъ возбудить народное движеніе во Франціи. 9 сентября 1870 г. онъ оставилъ Локарно и черезъ Бернъ направился въ Ліонъ, куда и прибылъ 15-го. Образованъ былъ «Центральный комитетъ спасенія Франціи», въ совѣщаніяхъ котораго Бакунинъ принялъ дѣятельное участіе. Началась серія народныхъ митинговъ, на которыхъ постановлялись крайнія рѣшенія. 26 сентября расклеенная на стѣнахъ Ліона красная афиша, подписанная делегатами Ліона, Сентъ-Этьена и Марселя, а также Бакунинымъ, который не поколебался присоединить свое имя къ именамъ товарищей, возвѣстила программу подготовлявшагося народнаго движенія. Вотъ текстъ этого замѣчательнаго документа:

«Французская республика».

«Революціонная федерація коммунъ».

«Плачевное положеніе, въ которомъ находится страна; безсиліе офиціальныхъ властей и индифферентизмъ привилегированныхъ классовъ привели французскую націю на край гибели.

«Если революціонно-организованный народъ не поспѣшитъ дѣйствовать, то его будущее погибло, революція погибла, все погибло. Взвѣсивъ размѣры опасности и принимая во вниманіе, что нельзя ни на минуту откладывать отчаяннаго выступленія народа, делегаты федерированныхъ комитетовъ Спасенія Франціи совмѣстно съ Центральнымъ комитетомъ предлагаютъ немедленно принять слѣдующее рѣшеніе:

«Статья 1.—Административная и правительственная государственная машина, ставшая безсильной, отмѣняется.

«Французскій народъ возвращаетъ себѣ полноту правъ.

«Ст. 2.—Всѣ уголовные и гражданскіе суды закрываются и замѣняются народнымъ правосудіемъ.

«Ст. 3.—Уплата налоговъ и ипотекъ прекращается. Налоги замѣняются взносами федерированныхъ коммунъ, взимаемыхъ съ богатыхъ классовъ соразмѣрно потребностямъ Спасенія Франціи.

«Ст. 4.—Распавшееся государство не можетъ впредь вмѣшиваться въ платежъ частныхъ налоговъ.

«Ст. 5.—Всѣ существующія муниципальныя организаціи распускаются и замѣняются во всѣхъ федерированныхъ коммунахъ комитетами спасенія Франціи, которые будутъ осуществлять всѣ виды власти подъ непосредственнымъ контролемъ народа.

Библиотека "Руниверс"

«Ст. 6.—Каждый комитетъ губернскаго города пошлетъ двухъ делегатовъ, которые всѣ вмѣстѣ составятъ революціонный Конвентъ Спасенія Франціи.

«Ст. 7.—Этотъ Конвентъ немедленно соберется въ Ратушѣ Ліона, какъ второго города Франціи и болѣе всѣхъ другихъ способнаго энергически озаботиться защитою страны.

«Этотъ конвентъ, опираясь на весь народъ, спасетъ Францію.

«Къ оружію!!!»

28 сентября вспыхнуло въ Ліонѣ народное движеніе, отдавшее въ руки революціонеровъ городскую Ратушу. Но измѣна генерала Клюзере и трусливое поведеніе нѣкоторыхъ участниковъ движенія, особенно бакуниста Альбера Ришара, дало возможность буржуазной національной гвардіи одержать легкую побѣду.

Тщетно Бакунинъ и нѣкоторые его друзья совѣтовали принять рѣшительныя мѣры, арестовать представителей власти и т. д.; революціонный комитетъ принужденъ былъ покинуть Ратушу, а самъ Бакунинъ былъ захваченъ національными гвардейцами, и только Озеровъ, подоспѣвшій на помощь съ отрядомъ вольныхъ стрѣлковъ, успѣлъ освободить стараго революціонера. Бакунинъ провелъ ночь у друзей, а на слѣдующій день, узнавъ, что прокуроръ республики, Андріе [1]), выпустилъ приказъ объ его арестѣ, уѣхалъ въ Марсель. Уѣзжая изъ Ліона, Бакунинъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ Паликсу, у котораго жилъ тамъ на квартирѣ:

«Мой дорогой Паликсъ! Я не хочу уѣхать изъ Ліона, не сказавъ тебѣ послѣдняго прости. Осторожность мѣшаетъ мнѣ придти къ тебѣ, чтобы пожать тебѣ руку въ послѣдній разъ. Мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать. Я пріѣхалъ въ Ліонъ, чтобы сражаться или умереть вмѣстѣ съ вами. Я пріѣхалъ, потому что глубоко убѣжденъ, что судьба Франціи въ этотъ великій часъ, когда дѣло идетъ о ея бытіи или небытіи, снова стало дѣломъ всего человѣчества, и что окончательное пораженіе Франціи, ея паденіе, ея порабощеніе прусскими штыками составляютъ величайшее несчастіе, которое, съ точки зрѣнія свободы, можетъ постигнуть всю Европу. Я принялъ участіе во вчерашнемъ движеніи и подписалъ свое имя подъ резолюціями Комитета Спасенія Франціи, такъ какъ для меня очевидно, что послѣ фактическаго разрушенія всей административной и правительственной машины только непосред-

[1]) Это тотъ самый Андріе, который во время Второй Имперіи разыгрывалъ роль революціонера и даже интернаціоналиста, а затѣмъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, сдѣлался префектомъ полиціи въ Парижѣ, гдѣ завелъ самую гнусную провокацію, издавая черезъ своего агента анархическую газету, устраивая динамитные взрывы и пр.

Библиотека "Руниверс"

ственное революціонное дѣйствіе народа можетъ спасти Францію. Всѣ эти обломки старой администраціи страны, эти муниципалитеты, состоящіе большей частью изъ буржуа или рабочихъ, предавшихся буржуазіи, люди заскорузлой рутины, лишенные ума, энергіи и добросовѣстности; всѣ эти прокуроры республики, а особенно эти префекты, чрезвычайные комиссары, облеченные неограниченною военною и гражданскою властью, т.-е. полною диктатурой, врученной имъ баснословной и роковой властью того обломка временнаго правительства, которое засѣдаетъ въ Турѣ,—все это способно лишь парализовать послѣднія усилія Франціи и выдать ее головой пруссакамъ. Вчерашнее движеніе, если бы оно сумѣло удержать свою побѣду,—а оно удержало бы ее, если бы генералъ Клюзере не предалъ дѣло народа,—это движеніе, замѣнивъ наполовину реакціонный, а наполовину неспособный ліонскій муниципалитетъ революціоннымъ комитетомъ, непосредственно вышедшимъ изъ народной воли, могло бы спасти Ліонъ, а вмѣстѣ съ Ліономъ и Францію. Можетъ быть, время для этого еще не ушло. Я не сомнѣваюсь, что если бы ліонскій народъ этого дѣйствительно захотѣлъ, онъ могъ бы навязать свою волю всѣмъ этимъ импровизированнымъ властямъ, которыя выдвинулись на несчастіе Франціи. Но я боюсь, что ліонскій народъ сообразитъ это лишь тогда, когда уже слишкомъ поздно будетъ спасать Ліонъ, и когда Ліонъ очутится во власти пруссаковъ, а это будетъ неминуемо, если положеніе вещей не измѣнится въ теченіе 24 часовъ: тогда Франція погибнетъ. Останется ожидать спасенія, не говорю уже ея существованія, какъ великой, свободной и независимой націи, но спасенія ея достоинства и чести, лишь отъ демократическаго города Средиземнаго Моря—Марселя. Марсель, я увѣренъ, не попадетъ во власть пруссаковъ, но онъ не сможетъ спасти Францію. Дорогой другъ, я покидаю Ліонъ съ глубокой грустью и съ мрачными предчувствіями. Я начинаю думать теперь, что Франція погибла. Она сдѣлается вассальнымъ княжествомъ Германіи, и ея голосъ, нѣкогда столь мощный, голосъ, возвѣщавшій свободу всему міру, не будетъ пользоваться никакимъ вліяніемъ въ совѣтахъ Европы. Мѣсто ея живого и реальнаго соціализма займетъ доктринерскій соціализмъ нѣмцевъ, которые будутъ говорить только то, что позволятъ имъ сказать прусскіе штыки, вернувшіеся домой послѣ побѣды. Бюрократическій и военный разумъ Пруссіи въ союзѣ съ кнутомъ петербургскаго (правительства, водворятъ спокойствіе и общественный порядокъ на всемъ континентѣ Европы, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ. Прощай свобода, прощай соціализмъ, справедливость для народа и торжество человѣчности! Все это могло бы выйти изъ современ-

Библиотека "Руниверс"

наго разгрома Франціи, и все это вышло бы изъ него, если бы французскій народъ, если бы ліонскій народъ этого захотѣлъ. Но не будемъ больше говорить объ этомъ. Совѣсть моя подсказываетъ мнѣ, что я исполнилъ свой долгъ до конца. Мои ліонскіе друзья также знаютъ это, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ» [1]).

Неудача ліонскаго движенія нанесла *первый серьезный ударъ революціонному оптимизму Бакунина.* Возстаніе коммуны возбудило въ немъ новыя, хотя и весьма слабыя надежды, но разгромъ Парижа *окончательно* убѣдилъ его въ томъ, что на непосредственную соціальную революцію (а на меньшемъ онъ не хотѣлъ помириться), надеждъ нѣтъ. *Съ этого момента и начинается,* собственно говоря, *душевный кризисъ Бакунина.*

Реакціонная французская печать осыпала клеветами Бакунина за то, что этотъ чужеземецъ поспѣшилъ на помощь французскому народу (впрочемъ, та же участь постигла и Гарибальди, предложившаго свою славную шпагу Франціи). Къ сожалѣнію, и въ соціалъ-демократической печати послышались насмѣшки, которыхъ его попытка, по правдѣ сказать, не заслуживала [2]). Конечно, люди, не раздѣляющіе анархическихъ воззрѣній Бакунина и его единомышленниковъ, могутъ и должны критически отнестись къ его неосновательнымъ надеждамъ и къ провозгла-

---

[1]) Дальше идетъ личная просьба къ Паликсу раздобыть записную книжку и кошелекъ Бакунина, отобранные у него при арестѣ его національными гвардейцами. Кончается письмо словами: «Мнѣ остается лишь обнять тебя и вмѣстѣ съ тобою пожелать всего хорошаго этой бѣдной Франціи, оставленной ея собственнымъ народомъ». Письмо по ошибкѣ помѣчено 28 сентября, но ясно, что оно написано 29-го, такъ какъ о движеніи 28 сентября Бакунинъ говоритъ какъ о «вчерашнемъ».

Этотъ замѣчательный документъ былъ давно извѣстенъ всѣмъ, занимавшимся исторіей Интернаціонала, но въ неправильной редакціи. Онъ былъ написанъ на шести листкахъ; первые четыре листка были впервые опубликованы *Оскаромъ Тестю* въ его книгѣ «L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe», т. II, стр. 280, со многими грубыми ошибками; Максъ Неттлау перепечаталъ его цѣликомъ, тоже съ нѣсколькими ошибками, въ своей біографіи Бакунина. Въ «Кнуто-Германской Имперіи» (Oeuvres, т. II, стр. 271. а также въ русскомъ переводѣ этой брошюры), равно какъ въ статьѣ Ралли («Мин. Годы», 1908, № 10, стр. 166—7) оно также напечатано невѣрно и съ пропусками. И только въ четвертомъ томѣ сочиненій Бакунина, вышедшемъ подъ редакціей Гильома въ 1910 году (Oeuvres,т. IV, стр. 76—80), оно впервые появилось полностью и въ правильномъ видѣ, перепечатано съ черновика, который былъ найденъ въ бумагахъ Бакунина. Мы и приводимъ его оттуда.

[2]) Напр., въ Volkstaat'ѣ отъ 12 окт. 1870 г.; въ извѣстной брошюрѣ, вышедшей въ 1873 г. «L'Alliance de la democratie socialiste», стр. 21, говорится: «Наступилъ критическій моментъ, котораго ждали столько лѣтъ, когда Бакунинъ получилъ наконецъ возможность совершить самый революціонный актъ, какого не видывалъ міръ: онъ декретировалъ *отмѣну Государства.* Но государство въ видѣ двухъ ротъ буржуазныхъ національныхъ гвардейцевъ вошло въ дверь, оставленную безъ охраны, очистило залъ (Ратуши) и заставило Бакунина быстро возвратиться въ Женеву». Здѣсь кстати нѣсколько фактическихъ ошибокъ. Ср. Гильомъ, L'Internationale, т. II, 101 и сл.

Библиотека "Руниверс"

шенію «отмѣны государства» на бумагѣ. Но независимо отъ этихъ недостатковъ, его тогдашнее выступленіе было мужественной попыткой поднять уснувшую энергію французскаго пролетаріата и направить ее, одновременно съ отраженіемъ чужеземнаго нашествія, на борьбу противъ капиталистическаго строя. Приблизительно то же черезъ полгода попыталась сдѣлать Коммуна, которую, какъ извѣстно, Марксъ горячо привѣтствовалъ. Для насъ важно лишь подчеркнуть, что Бакунинъ, какъ истинный гражданинъ вселенной, спѣшилъ со своей помощью туда, куда, какъ ему казалось, призываютъ его интересы всемірной революціи. Такъ онъ дѣйствовалъ въ 1848—49 гг. въ Германіи, такъ онъ пытался дѣйствовать во Франціи [1]).

Изъ Ліона Бакунинъ отправился въ Марсель, гдѣ скрывался нѣкоторое время въ окрестностяхъ. Онъ разсчитывалъ на народное движеніе въ Марселѣ и, видимо, не окончательно потерялъ еще надежду на возможность новой вспышки въ Ліонѣ. Здѣсь онъ написалъ письмо къ Эскиросу, старому республиканцу, занявшему постъ главнаго администратора Усть-Ронскаго департамента. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «Если побѣдитъ Пруссія, то съ европейскимъ человѣчествомъ будетъ покончено, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ, а намъ, старикамъ, останется только умереть. Увы! я долженъ буду признать, что мой покойный другъ Ал. Герценъ былъ правъ послѣ плачевныхъ іюньскихъ дней 1848 г., дней, въ которые буржуазія Парижа и Франціи воздвигла тронъ Луи-Бонапарта на обломкахъ надеждъ и всѣхъ законныхъ стремленій пролетаріата,—когда онъ провозгласилъ, что Западная Европа отнынѣ умерла, и что для возрожденія, для продолженія исторіи остается только два источника: съ одной стороны Америка, а съ другой—восточное варварство». Тогда Бакунинъ спорилъ съ Герценомъ: «Я допускалъ его правоту по отношенію къ вашей буржуазной цивилизаціи, но возражалъ ему, что въ Западной Европѣ подъ буржуазіей имѣется варварскій міръ sui generis: городской пролетаріатъ и крестьянство». Герценъ былъ убитъ своимъ скептицизмомъ, подорвавшимъ его душевныя силы [2]). «Я же, напротивъ, былъ полонъ вѣры; я былъ соціалистомъ-революціонеромъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Я вѣрилъ въ осуществленіе соціалистической теоріи, и именно благодаря этому я его пережилъ.

---

[1]) Впослѣдствіи, 13 авг. 1871 г. Бакунинъ былъ заочно приговоренъ военнымъ судомъ за участіе въ ліонскомъ возстаніи къ ссылкѣ съ содержаніемъ въ крѣпости.

[2]) Ср. письмо Бакунина къ Огареву отъ 22 февраля 1870 г., гдѣ онъ пишетъ: «Для нихъ (для семьи покойнаго Герцена) скептицизмъ — мудрость. Въ этой мудрости умеръ нашъ другъ Герценъ» (Письма, 264).

Библиотека "Руниверс"

Я былъ и остаюсь соціалистомъ не только потому, что соціализмъ это *дѣйствительная* свобода, *дѣйствительное* равенство, *дѣйствительное* братство, человѣческая и всемірная правда, но и по соображеніямъ соціальной физіологіи. Я соціалистъ потому, что я пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ классы, бывшіе до сихъ поръ, если такъ можно выразиться, главными живыми и дѣйствующими лицами исторической трагедіи, умерли... Что же остается? Крестьянство и городской пролетаріатъ. Только они могутъ спасти Европу отъ прусскаго милитаризма и бюрократизма, этихъ двухъ союзниковъ и двоюродныхъ братьевъ всероссійскаго кнута». На первый взглядъ и крестьянство, и пролетаріатъ мертвы. Но нѣтъ! Бакунинъ съ этимъ не соглашается. Въ Ліонѣ и Марселѣ «я видѣлъ, я чувствовалъ, что народъ не умеръ... Ему не достаетъ лишь организаціи и надлежащаго руководства... той организаціи ,того руководства, которыя развиваются снизу и служатъ прямымъ выраженіемъ народной жизни и дѣйствія» [1]).

Но Марсель и Ліонъ не шевелились, а посланный Бакунинымъ въ Ліонъ товарищъ его, полякъ Б. Ланкевичъ, былъ арестованъ, при чемъ у него найденъ былъ словарь, содержащій имена всѣхъ ліонскихъ друзей (вѣчное несчастіе Бакунина). Послѣдовали многочисленные аресты, и Бакунинъ потерялъ послѣднюю надежду на возможность въ скоромъ времени новаго движенія; 23 октября, наканунѣ отъѣзда изъ Марселя, онъ написалъ испанскому альянсисту Сентиньону, прибывшему изъ Испаніи для принятія участія во французской революціи, письмо, которое показывало, что его революціонному оптимизму нанесенъ послѣдній ударъ: «Я долженъ покинуть это мѣсто, потому что мнѣ здѣсь рѣшительно нечего дѣлать, и я сомнѣваюсь, чтобы ты нашелъ что-нибудь хорошее въ Ліонѣ. Другъ мой, *я окончательно потерялъ вѣру въ революцію во Франціи.* Эта страна совершенно перестала быть революціонной. Самъ народъ сдѣлался здѣсь доктринеромъ, резонеромъ, буржуа на манеръ буржуазіи. Соціальная революція могла бы ее спасти, и она одна была бы способна ее спасти. Но такъ какъ она неспособна совершить эту революцію, она сильно рискуетъ быть окончательно завоеванной пруссаками. Каково же можетъ быть наше положеніе и наша дѣятельность между буржуа, которые по глупости или злостно считаютъ насъ пруссаками и преслѣдуютъ насъ какъ таковыхъ, и наступаю-

[1]) Lettre à Esquiros (20 окт. 1870 г.). Oeuvres т. IV, стр. 233 сл. Ср. т. V, стр. 251—2, гдѣ Бакунинъ говоритъ, что если бы не пролетаріатъ, то въ судьбахъ Европы можно было бъ отчаяться. Онъ подастъ сигналъ Россіи; но если онъ будетъ медлить, то начнетъ русское крестьянство.

Библиотека "Руниверс"

щими пруссаками, которые, отличаясь большею проницательностью, чѣмъ французскіе буржуа, преслѣдуютъ насъ какъ соціалистовъ-революціонеровъ? Это положеніе невозможное, и я заявляю тебѣ, что съ меня довольно... Я покидаю эту страну съ чувствомъ глубокой безнадежности въ сердцѣ. Какъ бы я ни старался убѣдить себя въ противномъ, но я твердо увѣренъ, что Франція погибла, преданная пруссакамъ бездарностью, низостью и жадностью буржуа. Милитаризмъ и бюрократизмъ, юнкерская наглость и протестантскій іезуитизмъ пруссаковъ въ трогательномъ союзѣ съ всероссійскимъ кнутомъ станутъ господствовать на европейскомъ континентѣ Богъ знаетъ въ продолженіи сколькихъ десятилѣтій. Прощай, всѣ наши мечты о близкомъ освобожденіи! Теперь начнется убійственная и страшная реакція» [1]).

На слѣдующій день 24 октября Бакунинъ на пароходѣ уѣхалъ въ Геную, передъ чѣмъ остригъ свои длинные волосы, сбрилъ бороду и прикрылъ глаза синими очками. Поглядѣвъ на себя въ зеркало, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: «Эти іезуиты заставляютъ меня перенять ихъ типъ!» 27 октября онъ прибылъ въ Локарно и засѣлъ за новую работу. Это и должна была быть «Соціальная революція или военная диктатура», задуманная какъ продолженіе «Писемъ къ французу». Это произведеніе, которое Бакунинъ считалъ своимъ «завѣщаніемъ», писалось урывками и такъ и осталось незаконченнымъ: въ 1871 г. былъ напечатанъ первый его выпускъ подъ названіемъ «Кнуто-германская имперія и соціальная революція» [2]), а различныя составныя части его впослѣдствіи заняли большую часть II, III и IV томовъ въ собраніи его сочиненій. Въ этомъ произведеніи полнѣе и систематичнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ,—если можно говорить о систематичности по отношенію къ писаніямъ Бакунина, каждый разъ прерываемымъ для нуждъ практической агитаціи,—изложены его взгляды на эволюцію человѣчества, на философію, религію, государство и анархію. Грустно подумать, что опубликованіе и обработка этой работы, которую Бакунинъ предпринялъ почти наканунѣ своей смерти и въ которой хотѣлъ изложить результаты своихъ размышленій и долголѣтняго опыта, должны были пріостановиться изъ-за невозможности найти средства для изданія второго выпуска.

[1]) Это письмо, найденное впослѣдствіи среди бумагъ Н. Жуковскаго, напечатано у Гильома (op. cit., II, 112). Изъ него между прочимъ явствуетъ, что Бакунинъ собирался направиться въ Барселону, гдѣ въ то время началъ широко развиваться его Альянсъ (начало которому было положено его другомъ, итальянскимъ депутатомъ Фанелли, совершившимъ туда по порученію Бакунина поѣздку въ началѣ 1869 года). Но въ Испанію Бакунинъ такъ и не поѣхалъ (см. цитированную статью Неттлау объ Испаніи, стр. 271).

[2]) Есть русскій переводъ (кстати, крайне плохой).

Библиотека "Руниверс"

Относящійся къ этому времени (къ первой трети 1871 г.) дневникъ Бакунина полонъ указаній на крайне бѣдственное матеріальное положеніе. Братья упорно не помогали ему, и бывали дни, когда въ кошелькѣ его было не больше 5 сантимовъ, и когда больной старикъ сидѣлъ безъ чая. Около этого времени жена его писала одному знакомому: «М. Б. находится въ крайне подавленномъ состояніи; онъ говоритъ: «Что дѣлать? Я слишкомъ старъ, чтобы начать зарабатывать свой хлѣбъ, и мнѣ недолго уже осталось жить». Матеріальный вопросъ настолько его подавляетъ, что онъ теряетъ всю энергію и убиваетъ себя морально; и все это послѣ того, какъ онъ отдалъ всю свою жизнь дѣлу свободы и человѣчества, забывая о самомъ себѣ! Братья его все время оставались безучастными и бездѣятельными—до преступленія; М. Б. думаетъ заставить своихъ братьевъ выдѣлить ему его часть наслѣдства» [1]). Таковы были 25.000 франковъ, ежегодно получаемыхъ Бакунинымъ отъ «панславистической партіи», какъ думалъ Марксъ!

Провозглашеніе Коммуны въ Парижѣ какъ бы противорѣчило пессимистическимъ пророчествамъ Бакунина (инсуррекціонное движеніе въ Марселѣ, вспыхнувшее 31 октября 1870 г., черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Бакунина, и быстро подавленное, равно какъ новая неудачная попытка въ Ліонѣ 4 ноября, могла только укрѣпить его пессимизмъ). Замѣчательно, что Бакунинъ уже не вѣрилъ въ побѣду Коммуны,—настолько событія послѣдняго года повліяли на его настроеніе. Въ письмѣ къ Озерову отъ 5 апрѣля 1871 г. онъ говорилъ: «По всѣмъ вѣроятностямъ парижане погибнутъ, но погибнутъ не даромъ, сдѣлавъ дѣло; пусть положатъ съ собою, по крайней мѣрѣ, полъ-Парижа. Провинц. города: Ліонъ, Марсель и другіе, къ несчастію, попрежнему плохи, судя, по крайней мѣрѣ, по всѣмъ извѣстіямъ, до меня дошедшимъ. Очень безпокоятъ меня также старые якобинцы: Делеклюзы, Флюрансы, Піаты (т.-е. Піа) и даже Бланки, сдѣлавшіеся членами Коммуны. Боюсь, что они потянутъ и перетянутъ ее на *старую головорѣзную и карманощадительную колею*. Тогда все пропало. Une et indivisible все погубитъ и прежде всего погубитъ себя. *Все достоинство этой революціи состоитъ именно въ томъ, что она революція рабочихъ*. Вотъ что дѣлаетъ *организація* [2]). Наши друзья во время осады успѣли и умѣли организо-

---

[1]) Это письмо приводится Гильомомъ (II, 132) изъ неизданной рукописи Неттлау. Мы перевели его съ французскаго; не знаемъ, на *какомъ* языкѣ оно было написано.

[2]) Курсивъ мой. Несмотря на всю свою склонность къ вспышкопускательству, Бакунинъ придавалъ рѣшающее значеніе организаціи (но въ данной статьѣ не мѣсто останавливаться на этомъ вопросѣ).

Библиотека "Руниверс"

ваться и такимъ образомъ создали громадную силу, а наши ліонскіе и марсельскіе остались ни при чемъ. Въ Парижѣ сосредоточилось слишкомъ много способныхъ и энергичныхъ людей, такъ много, что боюсь, чтобы они не стали мѣшать другъ другу. Зато въ провинціи нѣтъ никого. Если еще будетъ время, надо будетъ напирать, чтобы изъ Парижа попало какъ можно болѣе истинно революціонныхъ делегатовъ въ провинцію. Какъ это Cluseret попалъ въ комитетъ? Неужели это правда? Да вѣдь это просто насиліе, если только правда. Что за дьявольски трудное положеніе! Съ одной стороны, стачка, полицейская, пруссаковъ съ фр. реакціею, съ другой—глупость провинціи. Только самыя отчаянныя мѣры и готовность все рушить съ собою можетъ спасти дѣло» [1]).

Тогда же онъ писалъ Огареву: «Чѣмъ бы ни кончилось, а надо сказать, что молодцы. Въ Парижѣ нашлось именно то, чего мы тщетно искали въ Ліонѣ и Марселѣ: организація и люди, рѣшившіеся идти до конца. *Вѣроятно, они будутъ побѣждены* [2]). Но вѣроятно то, что для Франціи отнынѣ не будетъ другого существованія, кромѣ соціальной революціи. L'Etat français погибло на вѣки» [3]). 9 апрѣля 1871 г. онъ пишетъ ему же: «Я самъ было запоролъ горячку, но пересталъ. Вижу слишкомъ ясно, что дѣло проиграно. Французы, даже работники, не проняты еще достаточно, а кажется, урокъ былъ ужасный. Но какъ было его мало. Надо болѣе бѣдъ, сильнѣйшихъ потрясеній. Обстоятельства сложились такъ, что въ нихъ недостатка не будетъ, и тогда, можетъ быть, дьяволъ проснется. Но пока онъ дѣйствительно не проснулся намъ тамъ дѣлать нечего. Въ чужомъ пиру похмѣлье было бы плохое, чрезвычайно непріятное, тѣмъ болѣе, что совершенно безполезное. Наше дѣло готовится, организоваться, распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробужденія дьявола. А до тѣхъ поръ тратить свои бѣдныя средства и своихъ немногихъ людей, наше единственное сокровище,—было бы преступно и глупо. Таково мое окончательное мнѣніе. Я стараюсь и ты старайся всѣми силами удержать нашего друга, нашихъ друзей (Озерова) и Росса, а также нашихъ горныхъ друзей» [4]).

Но несмотря на овладѣвшее имъ и до тѣхъ поръ несвойственное ему чувство пессимизма, были, повидимому, моменты, когда Бакунинъ началъ снова колебаться. 25 апрѣля онъ выѣхалъ изъ Локарно и пріѣхалъ въ Юру, чтобы быть поближе къ француз-

---

[1]) Письма, 316.
[2]) Курсивъ мой.
[3]) Письма, 317—8.
[4]) Т.-е. юрцевъ. Письма, стр. 318—9.

Библиотека "Руниверс"

ской границѣ. Здѣсь онъ и его друзья придумывали разные планы помощи французскимъ инсургентамъ [1]); ожидали новыхъ вспышекъ революціоннаго движенія въ провинціи и въ частности въ Ліонѣ, гдѣ 30 апрѣля дѣйствительно была сдѣлана слабая попытка. Но провинція оставалась безгласна, и Бакунинъ долженъ былъ 1 іюня уѣхать обратно въ Локарно, не принявъ непосредственнаго участія въ событіяхъ. Но, несмотря на понесенное ею пораженіе, Коммуна доставила глубокое удовлетвореніе Бакунину, который увидѣлъ въ ней первую попытку практическаго примѣненія его анархическихъ идей. «Революціонный соціализмъ,— писалъ онъ,— воспринятый латинскими народами въ Европѣ [2]), проявилъ себя впервые въ блестящей и практической попыткѣ, которая носитъ великое имя Парижской Коммуны. Все величіе этого историческаго факта заключается именно въ томъ, что отрицаніе *государства* впервые фактически проявилось въ той самой Франціи, которая до сихъ поръ была страной исключительно политической централизаціи, именно въ томъ самомъ Парижѣ, который въ исторіи сыгралъ роль создателя великаго единства всей Франціи и который теперь принялъ на себя же иниціативу діаметрально противоположной работы... Онъ провозглашаетъ начало новой эры, эры окончательнаго и полнаго освобожденія рабочихъ массъ, эры реальной солидарности рабочихъ всего міра внѣ всякихъ границъ государствъ; онъ окончательно порываетъ съ патріотизмомъ и основываетъ на своихъ развалинахъ религію человѣчества; Парижъ провозглашаетъ гуманность и противопоставляетъ религіознымъ фикціямъ великую дѣйствительность соціальной жизни; онъ замѣщаетъ вѣру наукой, ложь и нелѣпости религіозной, политической и юридической нравственности принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этихъ вѣчныхъ основъ человѣческой нравственности». И Бакунинъ предсказываетъ: «Настанетъ день будущей международной революціи; въ этотъ день воскреснетъ великій Парижъ» [3]).

Къ общему хору клеветниковъ на Интернаціоналъ и Коммуну счелъ нужнымъ присоединить свой голосъ и ветеранъ итальян-

---

[1]) Между прочимъ, по мысли нѣкоторыхъ французскихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ послѣ безпорядковъ въ Ліонѣ и другихъ городахъ, задумано было сформировать въ Женевѣ или въ ея окрестностяхъ легіонъ изъ нѣсколькихъ сотъ волонтеровъ разныхъ націй; на это нужны были деньги, но парижская Коммуна отказалась ихъ дать подъ тѣмъ предлогомъ, что она обязана отчетностью по всѣмъ произведеннымъ ею расходамъ, а потому тайныхъ выдачъ не можетъ производить. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ Гильомъ (op. cit., II, 152).

[2]) Прим. Бакунина: «Онъ признанъ и навсегда остается анти-политическимъ инстинктомъ славянскихъ народовъ».

[3]) Бакунинъ. Парижская Коммуна и понятіе о государственности, Женева, 1892, стр. 5—7.

Библиотека "Руниверс"

скаго патріотическаго движенія Мацціни, чувствовавшій, что работа соціалистовъ угрожаетъ подкопать самыя основы его буржуазно-республиканскаго міросозерцанія и его вліяніе на итальянскихъ рабочихъ. Тогда Бакунинъ написалъ свой извѣстный «Отвѣтъ интернаціоналиста Мацціни», появившійся въ августѣ 1871 г. на итальянскомъ и французскомъ языкахъ. За этимъ послѣдовала брошюра «Политическая теологія Мацціни и Интернаціоналъ», первый выпускъ которой напечатанъ былъ въ томъ же 1871 г. [1]). Эти произведенія усилили вліяніе Бакунина на итальянскихъ революціонеровъ и дали сильный толчокъ образованію многочисленныхъ интернаціоналистическихъ секцій, окрашенныхъ, впрочемъ, духомъ бакунинскаго анархизма и бунтарства.

Тѣмъ временемъ внутренняя борьба въ Интернаціоналѣ между марксистами и бакунистами не прекращалась и принимала все болѣе острый характеръ. Въ августѣ 1870 г. Бакунинъ былъ исключенъ вмѣстѣ съ тремя единомышленниками [2]) изъ женевской секціи. Старая женевская секція Альянса объявила себя распущенной и вмѣстѣ съ нѣсколькими эмигрантами-коммунарами основала новую секцію «соціально-революціонной пропаганды и дѣйствія», но Генеральный Совѣтъ не допустилъ ее въ ряды Интернаціонала. Враждебныя Генеральному Совѣту романскія секціи объединились 12 ноября 1871 г. на съѣздѣ въ Сонвилье въ Юрскую федерацію, сдѣлавшуюся центромъ бакунистской агитаціи противъ Генеральнаго Совѣта, и выпустили циркуляръ къ секціямъ Интернаціонала, призывавшій ихъ къ борьбѣ съ «авторитарными замашками» Генеральнаго Совѣта и къ отстаиванію своей неограниченной автономіи. Бакунинъ съ восторгомъ встрѣтилъ сонвильерскій циркуляръ и старался всячески распространять его среди итальянскихъ интернаціоналистовъ. Считая Бакунина главнымъ виновникомъ всѣхъ раздоровъ и, очевидно, полагая, что безъ вмѣшательства его крупной индивидуальности разрозненныя секціи бунтарскаго направленія никогда не могли бы сплотиться въ объединенную силу [3]), Генеральный

---

[1]) La theologie politique de Mazzini et l'Internationale. Premiére Partie. Neuchâtel, 1871. Перепечатана будетъ въ седьмомъ томѣ сочиненій Бакунина.

[2]) Перрономъ (женевецъ), Н. Жуковскимъ и Сутерландомъ (сынъ второй жены Огарева, англичанки).

[3]) Эта же мысль выражена въ слѣдующихъ словахъ у Іекке («Интернаціоналъ», 1906, изд. «Знанія», стр. 161): «Конечно, сами по себѣ эти отдаленные, затерявшіеся въ горахъ, швейцарскіе городки никогда не додумались бы до такихъ честолюбивыхъ плановъ; будь они представлены самимъ себѣ, они бы ссорились между собою, какъ это было и въ другихъ секціяхъ, но они никогда не могли бы разрушить организацію Интернаціонала, да и желанія такого у нихъ не являлось бы. Если бы они задались

Библиотека "Руниверс"

Совѣтъ выпустилъ въ 1872 г. направленную противъ Бакунина брошюру «Мнимый расколъ въ Интернаціоналѣ». Бакунинъ, возмущенный нападками на свою личность, писалъ по поводу этой брошюры своимъ друзьямъ: «Дамокловъ мечъ, которымъ намъ такъ долго грозили, опустился, наконецъ, на наши головы. Но, по правдѣ сказать, это не мечъ, а обычное оружіе г. Маркса— ушатъ помоевъ».

Весною 1872 г. жена Бакунина съ дѣтьми уѣхала въ Россію, а самъ онъ перебрался въ Цюрихъ, гдѣ и провелъ лѣто и осень. Находясь ближе къ Юрѣ, онъ могъ теперь принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Юрской федераціи, отъ которыхъ въ предшествующее время былъ нѣсколько далекъ. Но, главнымъ образомъ, онъ занялся въ Цюрихѣ организаціей славянской секціи Интернаціонала, принявшей анархическую программу и примкнувшей къ Юрской федераціи. Здѣсь участвовали, главнымъ образомъ, русскіе, какъ Эльсницъ, Владиміръ Гольштейнъ, З. Ралли, Россъ, Лермонтовъ [1]) и нѣсколько сербовъ; былъ также одинъ чехъ и одинъ кроатъ. Организуя «Славянскій Зэвѣсъ», Бакунинъ ставилъ себѣ цѣлью привлечь славянскихъ рабочихъ въ ряды Интернаціонала. Практическихъ послѣдствій эта затѣя не имѣла, и черезъ годъ славянская секція распалась вслѣдствіе внутреннихъ дрязгъ между русскими сторонниками Бакунина.

Въ Цюрихѣ въ разсматриваемое время сосредоточилось нѣсколько сотъ русской молодежи, преимущественно студентовъ или студентокъ. Громадное большинство этой молодежи высказалось за анархическія теоріи и примкнула къ Бакунину. Начались ожесточенныя распри между бакунистами и лавристами, послѣдователями эмигранта Лаврова, который выдвигалъ на первый планъ *пропаганду* соціалистическихъ идей въ народѣ и *постепенную подготовку* трудящихся массъ къ соціальной революціи. Бакунисты же отстаивали *боевые и бунтовскіе методы* революціонной дѣятельности. Изъ среды этой молодежи вышло

подобной геростратовской цѣлью и преслѣдовали ее съ упорствомъ и ожесточеніемъ, такъ это было дѣломъ могучей воли, которая, точно тайная сила, околдовывала и наэлектризовывала ихъ, дѣломъ чудовищнаго генія разрушенія, — это было дѣломъ *Бакунина*».

Почему *отдѣльной личности* оказалось подъ силу разрушеніе организаціи Интернаціонала, на какое неспособны были швейцарскія секціи, это составляетъ секретъ Іекка. Странная философія исторіи для марксиста! Подобно тому, какъ анархисты приписываютъ всѣ злоключенія Интернаціонала «интригамъ» Маркса, Іеккъ готовъ взвалить всю отвѣтственность на злую волю Бакунина. Это упрощенное отношеніе къ вопросу избавляетъ тѣхъ и другихъ отъ серьезнаго историко-соціальнаго анализа.

[1]) Впослѣдствіи Россъ и Лермонтовъ были арестованы въ Россіи; Лермонтовъ умеръ въ тюрьмѣ, а (Россъ) былъ приговоренъ по «Большому Процессу» (1877—8) къ каторжнымъ работамъ.

Библиотека "Руниверс"

au Vénérable Frère
Mezzan patriarche
de Lodi
Son frère et ami.
1869. Février. M. Bakounine

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

впослѣдствіи много энергичныхъдѣятелей русскаго революціоннаго движенія, и въ значительной мѣрѣ черезъ ихъ посредство идеи Бакунина получили широкое распространеніе въ Россіи, гдѣ долгое время пользовались преобладающимъ вліяніемъ. Цюрихскіе бакунисты основали тамъ русскую типографію, которая напечатала нѣсколько анархическихъ книгъ и брошюръ, въ томъ числѣ «Историческое развитіе Интернаціонала» (сборникъ статей изъ бельгійскихъ и швейцарскихъ газетъ, съ приложеніемъ главы объ Альянсѣ, написанной Бакунинымъ, его рѣчей на Бернскомъ конгрессѣ «Лиги Мира и Свободы» въ 1868 г. и пр.), «Государственность и анархія» Бакунина, «Анархію по Прудону», написанную Гильомомъ и напечатанную въ Лондонѣ, куда типографія была перенесена въ 1874 г.

Тѣмъ временемъ состоялся Гаагскій конгрессъ, на которомъ Бакунинъ былъ исключенъ. Тогда русскіе эмигранты, сторонники Бакунина опубликовали 4 октября 1872 г. протестъ противъ этого исключенія и особенно противъ его мотивовъ:

«Съ негодованіемъ прочли мы въ № 37 вашей газеты (Брюссельской Liberté) текстъ невѣроятнаго доклада, поставленнаго Гаагскому Конгрессу слѣдственной комиссіей объ Альянсѣ.

«Въ этомъ докладѣ, внушенномъ очевидно ненавистью и желаніемъ отдѣлаться во что бы то ни стало отъ неудобнаго противника, рѣшились бросить нашему соотечественнику и другу Михаилу Бакунину обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ [1]). Большинство этого конгресса сдѣлалось соучастникомъ вели-

[1]) Какъ извѣстно, Гаагскій Конгрессъ назначилъ слѣдственную комиссію по дѣламъ Альянса. Послѣдняя признала, что Бакунинъ стремился основать и, вѣроятно, основалъ тайное общество подъ названіемъ Альянса, уставъ котораго противорѣчилъ статутамъ Интернаціонала съ точки зрѣнія соціальной и политической, и что онъ употребилъ нечестные пріемы (manoeuvres frauduleuses), направленные къ «полному или частичному присвоенію чужого имущества, что составляетъ мошеничество», а сверхъ того, съ цѣлью уклониться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, онъ или его агенты прибѣгли къ угрозамъ. Здѣсь рѣчь шла объ извѣстныхъ инцидентахъ, связанныхъ съ переводомъ перваго тома «Капитала». Любавинъ, тогда студентъ въ Германіи, а впослѣдствіи профессоръ въ Россіи, устроилъ для Бакунина у издателя Полякова переводъ упомянутой книги. Бакунинъ, получившій авансъ въ размѣрѣ 300 руб. (изъ общей суммы выговореннаго гонорара въ 1.2 0 руб.), успѣлъ перевести лишь начало первой главы, когда явился Нечаевъ, убѣдившій его оставить эту работу, чтобы посвятить всѣ свои силы исключительно «русскому дѣлу», и обѣщавшій уладить вопросъ объ авансѣ. Безъ вѣдома Бакунина Нечаевъ послалъ Любавину на бланкѣ революціоннаго комитета письмо съ требованіемъ не добиваться отъ Бакунина возврата аванса подъ угрозой смерти. Этотъ-то документъ, доставленный Марксу Любавинымъ черезъ Николая — она, и послужилъ основаніемъ для предъявленія Бакунину вышеуказаннаго обвиненія. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько Бакунинъ былъ отвѣтственъ за дикій образъ дѣйствій Нечаева. Для насъ несомнѣнно лишь одно, что, при всемъ легкомыслiи Бакунина въ денежныхъ дѣлахъ, онъ былъ слиш-

Библиотека "Руниверс"

чайшей низости, постановивъ исключить человѣка, вся жизнь котораго была посвящена на служеніе великому дѣлу пролетаріата, и который искупилъ это преступленіе восемью годами заключенія въ разныхъ нѣмецкихъ и русскихъ крѣпостяхъ и четырехлѣтней ссылкой въ Сибирь.

«Послѣ своего побѣга изъ Сибири въ 1861 г. онъ былъ встрѣченъ клеветою марксистовъ, которые съ этого момента не переставали поносить его въ нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ газетахъ. Вы безъ сомнѣнія читали нелѣпыя, смѣхотворныя росказни, которыя за послѣдніе три года распространяются противъ него въ Volkstaat. А теперь незавидную честь послужить орудіемъ низменной мести приберегли для международнаго конгресса рабочихъ, задолго подготовленнаго въ этихъ цѣляхъ самимъ г. Марксомъ.

«Мы не считаемъ ни нужнымъ, ни удобнымъ оспаривать здѣсь мнимые факты, на которыхъ признано было возможнымъ обосновать странное обвиненіе, выдвинутое противъ нашего соотечественника и друга. Эти факты прекрасно намъ извѣстны, извѣстны въ мельчайшихъ деталяхъ, и мы сочтемъ своимъ долгомъ возстановить ихъ въ истинномъ свѣтѣ, какъ только мы получимъ возможность это сдѣлать. Въ данный моментъ этого не допускаетъ несчастное положеніе другого соотечественника, который не есть нашъ другъ, но котораго преслѣдованіе русскаго правительства дѣлаютъ для насъ священнымъ» (т.-е. Нечаева).

«Г. Марксъ, ловкость котораго мы, впрочемъ, не думаемъ оспаривать, въ данномъ случаѣ ошибся въ расчетѣ. Честныя сердца во всѣхъ странахъ несомнѣнно почувствуютъ только негодованіе и отвращеніе при видѣ такой грубой интриги и такого явнаго нарушенія самыхъ простыхъ требованій справедливости. Что касается Россіи, то можемъ увѣрить г. Маркса въ томъ, что его старанія будутъ тамъ напрасны. Бакунинъ тамъ слишкомъ уважаемъ и извѣстенъ, чтобы клевета могла достигнуть его. Въ лучшемъ случаѣ она встрѣтитъ благопріятный пріемъ въ полицейской печати или въ рядахъ того пресловутаго русскаго Интернаціонала (намекъ на секцію Утина), которымъ г. Марксъ можетъ хвастать, но который тѣмъ не менѣе совершенно неизвѣстенъ въ нашей странѣ. Мы великодушно уступаемъ ему этотъ успѣхъ»...

комъ уменъ для того, чтобы прибѣгнуть къ такого рода способу уплаты аванса. Нечаевъ и въ этомъ случаѣ сыгралъ съ старымъ революціонеромъ скверную шутку.

За исключеніе Бакунина изъ Интернаціонала изъ 42 голосующихъ подано было 27 голосовъ, противъ—7, 8 воздержалось; за исключеніе Гильома (только за участіе въ Альянсѣ) 25—*да*, 9—*нѣтъ*, 9 воздержалось.

Библиотека "Руниверс"

Подписали: Николай Огаревъ.—Варѳоломей Зайцевъ.—Владимиръ Озеровъ.—Арманъ Россъ.—Владимиръ Гольштейнъ.—Замфиръ Ралли.—Александръ Эльсницъ.—Валерьянъ Смирновъ.

Извѣстно, что большинство національныхъ федерацій не согласилось съ постановленіями Гаагскаго конгресса и объединилось въ новый, анти-авторитарный Интернаціоналъ [1]). Предварительный съѣздъ новаго Интернаціонала состоялся въ Сентъ-Имье сейчасъ же послѣ Гаагскаго конгресса, а 1 сентября 1873 г. въ Женевѣ открылся съѣздъ бакунистовъ, на которомъ были представлены федераціи бельгійская, голландская, англійская, испанская, итальянская, французская и юрская, и который назвалъ себя шестымъ общимъ конгрессомъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ. Этотъ съѣздъ принялъ резолюціи въ бакунинскомъ духѣ, высказывался за уничтоженіе Генеральнаго Совѣта и за полную автономію секцій.

Бакунинъ, который съ октября 1872 г. снова поселился въ Локарно, въ началѣ сентября пріѣхалъ въ Бернъ къ своему другу, доктору Адольфу Фогту. Во время пребыванія его въ Бернѣ у него произошелъ окончательный разрывъ съ группой русскихъ анархистовъ, состоявшей изъ Гольштейна, Эльсница и Ралли. Послѣдніе основали свою типографію и выпустили въ сентябрѣ 1873 г. брошюру: «Къ русскимъ революціонерамъ. Революціонная коммуна русскихъ анархистовъ», въ которой была опубликована, составленная Бакунинымъ, программа тайнаго революціоннаго русскаго братства, куда они сами прежде входили. Опубликованіе этой программы Бакунинъ и Россъ сочли настоящей измѣной.

Всѣ эти дрязги, сыпавшіяся на него обвиненія, исключеніе изъ Интернаціонала (онъ дѣлалъ видъ, что игнорируетъ его, но въ дѣйствительности оно не могло его больно не задѣть), разочарованіе въ близости революціи, наконецъ, старость и болѣзненное состояніе, дававшее себя чувствовать—все это побудило Бакунина отказаться отъ общественной дѣятельности, для того чтобы провести спокойно остатокъ своихъ дней въ кругу семьи и близкихъ друзей. Воспользовавшись появленіемъ въ Journal de Genéve двухъ статей, упоминавшихъ его имя, Бакунинъ обратился въ эту газету съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ о своемъ рѣшеніи уйти въ частную жизнь. Вотъ это письмо, напечатанное въ № женевской газеты отъ 25 сентября 1873 г.:

«Не въ моихъ привычкахъ отвѣчать на газетныя нападки и клеветы. Мнѣ пришлось бы много возиться, если бъ я захотѣлъ

[1]) См. нашу статью «Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго конгресса» въ «Голосѣ Минувшаго» за 1913 г., №№ 11 и 12.

Библиотека "Руниверс"

оспаривать весь вздоръ, который, начиная особенно съ 1869 г., распространяется на мой счетъ.

«Среди самыхъ ярыхъ моихъ клеветниковъ, на ряду съ агентами русскаго правительства, я ставлю естественно г. Маркса, главу нѣмецкихъ коммунистовъ, который безъ сомнѣнія по причинѣ своего тройного характера: коммуниста, нѣмца и еврея [1]) возненавидѣлъ меня, и который, хотя и заявляетъ, что столь же сильно ненавидитъ русское правительство, никогда не упускалъ случая, по крайней мѣрѣ по отношенію ко мнѣ, дѣйствовать въ полной гармоніи съ нимъ. Чтобы очернить меня въ глазахъ публики, г. Марксъ не только прибѣгалъ къ органамъ слишкомъ угодливой прессы, но и пользовался интимной перепиской съ комитетами, конференціями и даже конгрессами Интернаціонала, не поколебавшись обратить эту прекрасную и великую Ассоціацію, основанію которой онъ способствовалъ, въ орудіе свой личной мести.

«Вотъ и сейчасъ мнѣ сообщаютъ о выходѣ брошюры подъ заглавіемъ: «Интернаціоналъ и Альянсъ» [2]). Какъ говорятъ, это докладъ слѣдственной комиссіи, назначенной Гаагскимъ конгрессомъ.

«Кто не знаетъ теперь, что этотъ конгрессъ былъ просто марксистской поддѣлкой, и что эта комиссія, въ которой засѣдали два шпіона (Дантрегъ [3]) и Ванъ Эддегемъ), приняла резолюціи, мотивировать которыя она сама признала себя неспособной, требуя отъ конгресса вотума довѣрія; единственный честный членъ комиссіи рѣшительно протестовалъ противъ этихъ одновременно возмутительныхъ и смѣхотворныхъ заключеній въ докладѣ меньшинства.

«Недовольный неумѣлостью своихъ агентовъ, г. Марксъ взялъ на себя трудъ самому составить новый докладъ, который онъ публикуетъ теперь за своей подписью и за подписью нѣсколькихъ своихъ приближенныхъ.

«Эта новая брошюра, какъ мнѣ говорятъ, представляетъ форменный жандармскій доносъ на общество, извѣстное подъ названіемъ Альянса. Увлеченный своей бѣшеной ненавистью, г. Марксъ не побоялся заушить самого себя и выступить публично въ роли полицейскаго доносчика и клеветника. Это его дѣло, и разъ это

---

[1]) Какъ извѣстно, въ полемикѣ со своими противниками изъ марксистскаго лагеря Бакунинъ и нѣкоторые его сподвижники, какъ, напр., Гильомъ, не удержались отъ антисемитическихъ выходокъ, при чемъ увлекались въ этомъ отношеніи до того, что и Либкнехта зачислили въ евреи

[2]) Рѣчь идетъ о брошюрѣ «Alliance de la démocratie socialiste».

[3]) Дантрегъ не былъ членомъ комиссіи, но былъ членомъ Гаагскаго конгресса и... шпіономъ.

Библиотека "Руниверс"

ремесло ему нравится, пусть имъ занимается. И не для отвѣта ему я сдѣлаю исключеніе изъ усвоеннаго мною правила молчанія.

«Однако на этотъ разъ я считаю нужнымъ сдѣлать это исключеніе для опроверженія лжи или, говоря болѣе парламентскимъ языкомъ, ошибокъ, вкравшихся въ столбцы вашей газеты.

«Въ № Вашей газеты отъ 14 сентября, котораго я не могъ достать, вы, какъ мнѣ сообщаютъ, перепечатали корреспонденцію какого-то парижскаго листка, Liberté или Journal des Débats, въ которомъ какой-то анонимъ развязно утверждаетъ, что онъ слышалъ, какъ я признавалъ или даже хвастался тѣмъ, что былъ причиною всѣхъ революціонныхъ потрясеній въ Испаніи. Это просто напросто глупо. Съ такимъ же основаніемъ можно было бы сказать, что я вызвалъ всѣ бури, которыя въ теченіе этого года опустошали океанъ и землю.

«Систематически клевеща на меня, эти господа въ концѣ концовъ меня обожествятъ.

«Долженъ ли я увѣрять васъ, что я никогда ничего подобнаго не говорилъ? Я даже увѣренъ, что никогда не встрѣчалъ этого господина, и приглашаю его назвать себя и указать день и мѣсто, гдѣ мы встрѣчались.

«Но вы сами, господа, въ № вашей газеты отъ 19-го приписываете мнѣ произведенія, къ опубликованію которыхъ я непричастенъ[1]). Поэтому я позволю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбой, которую ваше чувство справедливости не позволитъ вамъ отклонить. Въ другой разъ, когда вы вздумаете предоставить мнѣ честь вашихъ нападокъ, обвиняйте меня только за тѣ сочиненія, которыя подписаны моимъ именемъ.

«Сказать вамъ правду? Все это возбудило во мнѣ глубокое отвращеніе къ общественной дѣятельности. Она мнѣ надоѣла, и, проведя всю свою жизнь въ борьбѣ, я отъ нея усталъ. Мнѣ уже перевалило за 60; и усилившаяся съ возрастомъ болѣзнь сердца дѣлаетъ мое существованіе все болѣе тяжелымъ. Пусть возьмутся за работу другіе, болѣе молодые; я же не чувствую въ себѣ уже нужныхъ силъ, а, быть можетъ, и нужной вѣры, чтобы продолжать катить Сизифовъ камень противъ повсюду торжествующей реакціи.

«Поэтому я ухожу съ арены и прошу у моихъ дорогихъ современниковъ только одного — забвенія.

«Отнынѣ я не нарушу ничьего покоя; пусть же и меня оставятъ въ покоѣ.

---

[1]) Если рѣчь дѣйствительно идетъ о «Постановкѣ революціоннаго вопроса», то вѣдь эта брошюра принадлежала именно Бакунину.

Библиотека "Руниверс"

«Былъ ли я слишкомъ высокаго мнѣнія о вашей справедливости, господа, выражая надежду, что вы не откажетесь напечатать это письмо?»

Черезъ нѣсколько дней Бакунинъ обратился съ прощальнымъ письмомъ къ своимъ швейцарскимъ сотоварищамъ, въ которомъ заявлялъ о выходѣ своемъ въ отставку изъ состава Юрской федераціи и изъ Интернаціонала и говорилъ:

«Не думайте, что на это я рѣшился главнымъ образомъ вслѣдствіе личныхъ непріятностей, постигшихъ меня за послѣдніе годы. *Я не говорю, чтобы я былъ абсолютно къ нимъ нечувствителенъ* [1]); но я нашелъ бы въ себѣ достаточно силъ для противодѣйствія имъ, если бы думалъ, что мое дальнѣйшее участіе въ вашей работѣ могло бы быть хоть сколько-нибудь полезно для торжества пролетарскаго дѣла. Но въ томъ-то и дѣло, что я этого не думаю.

«По своему происхожденію и личному положенію, но, конечно, не по своимъ симпатіямъ и стремленіямъ, я никто иной, какъ буржуа, и, какъ таковой, я могу среди васъ заниматься только пропагандой. Такъ вотъ, я убѣжденъ, что время длинныхъ теоретическихъ рѣчей, печатныхъ или устныхъ, прошло. За послѣдніе 9 лѣтъ въ нѣдрахъ Интернаціонала было развито больше идей, чѣмъ ихъ требовалось бы для спасенія міра, если бы однѣ идеи могли его спасти, и пусть-ка кто-нибудь придумаетъ еще какую-нибудь новую.

«Теперь настала пора не идей, а фактовъ и актовъ. Въ настоящее время *прежде всего нужна организація силъ пролетаріата*[2]). Но эта организація должна быть дѣломъ самого пролетаріата. Если бъ я былъ молодъ, я бы вошелъ въ рабочую среду и, раздѣляя трудовую жизнь моихъ собратій[3]), я вмѣстѣ съ ними принялъ бы также участіе въ великомъ трудѣ этой необходимой организаціи. «Но ни мой возрастъ, ни состояніе моего здоровья не позволяютъ мнѣ сдѣлать это. Напротивъ, они диктуютъ мнѣ уединеніе и покой. Каждое усиліе, каждая лишняя поѣздка становится для меня очень серьезнымъ дѣломъ. Морально я чувствую себя еще достаточно сильнымъ, но физически я сейчасъ же устаю и не чувствую въ себѣ уже нужныхъ силъ для борьбы. Поэтому въ лагерѣ пролетаріата я буду уже не помощникомъ, а помѣхой.

«Вы видите, дорогіе товарищи, что все заставляетъ меня уйти въ отставку. Живя далеко отъ васъ и далеко отъ всего свѣта, какую пользу смогу я принести Интернаціоналу вообще, Юрской

[1]) Курсивъ мой. Ясно, что аттаки марксистовъ больно его задѣвали, какъ мы выше и указывали.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Такъ и дѣлали его послѣдователи въ Россіи въ эпоху «хожденія въ народъ».

Библиотека "Руниверс"

федераціи въ частности? Ваша великая и прекрасная Ассоціація, отнынѣ всецѣло боевая и всецѣло практическая, не должна терпѣть въ своей средѣ ни синекуръ, ни почетныхъ мѣстъ.

«Итакъ, дорогіе товарищи, я ухожу съ чувствомъ глубокой признательности къ вамъ и симпатіи къ вашему великому святому дѣлу, — дѣлу человѣчества. Я буду съ братской тревогой слѣдить за всѣми вашими шагами и съ наслажденіемъ буду привѣтствовать всякій вашъ новый успѣхъ.

«До смерти я буду вашъ.

«Но на прощаніе позвольте дать вамъ послѣдній братскій совѣтъ. Друзья мои, международная реакція, центръ которой теперь находится не въ бѣдной Франціи, шутовски посвященной Святому Сердцу, но въ Германіи, въ Берлинѣ и которая въ такой же степени представляется соціализмомъ г. Маркса, какъ и дипломатіею г. Бисмарка; эта реакція, ставящая себѣ конечной цѣлью пангерманизацію Европы, грозитъ теперь все поглотить и все извратить. Она объявила безпощадную войну Интернаціоналу, нынѣ представленному исключительно автономными и свободными федераціями. Хотя вы входите въ составъ еще свободной Республики, но вы обязаны, подобно пролетаріямъ всѣхъ другихъ странъ, бороться съ ней, такъ какъ она становится между нами и вашей конечной цѣлью, освобожденіемъ пролетаріата всего міра.

«Борьба, которую вамъ придется выдержать, будетъ ужасна. Но не падайте духомъ и знайте, что, несмотря на колоссальную матеріальную силу вашихъ противниковъ, конечное торжество обезпечено вамъ, если только вы станете сторого соблюдать слѣдующія два условія: 1) Держитесь твердо принципа великой и широкой народной свободы, безъ которой само равенство и сама солидарность были бы простымъ обманомъ; 2) Организуйте все болѣе международную практическую боевую солидарность рабочихъ всѣхъ ремеслъ и всѣхъ странъ и помните, что, будучи безконечно слабыми, какъ отдѣльныя лица, мѣстности или страны, вы обрѣтете въ этомъ всемірномъ коллективѣ колоссальную, непреодолимую силу».

Когда появились эти письма Бакунина, ближайшіе его друзья сочли ихъ простой военной хитростью; они думали, что Бакунинъ, выдавая себя за уставшаго революціонера, жаждующаго покоя, выполняетъ планъ, условленный между нимъ и Кафіеро[1]) для того, чтобы съ большею безопасностью предаться итальянскому движенію.

[1]) Карло Кафіеро происходилъ изъ богатой аристократической семьи; въ молодости увлекся соціальными идеями; сначала былъ близокъ съ Энгельсомъ, но затѣмъ перешелъ на сторону Бакунина. Подъ конецъ

Библиотека "Руниверс"

янскимъ революціоннымъ конспираціямъ. Но скоро оказалось, что Бакунинъ выразилъ свое искреннее настроеніе, и что онъ дѣйствительно собирался удалиться на покой.

II

Жизнь въ Локарно.—Инцидентъ съ «Баронатой» и разрывъ съ молодыми послѣдователями.—Удаленіе въ Лугано.—Болѣзнь и смерть.

Интимные друзья Бакунина могли ошибиться относительно значенія его писемъ по слѣдующему поводу. Имъ извѣстно было, что зимою 1872—73 года между Кафіеро и Бакунинымъ условлено было пріобрѣсти на имя стараго революціонера помѣстье, которое служило бы притономъ для итальянскихъ революціонеровъ. Средства на это предпріятіе взялся доставить Кафіеро, унаслѣдовавшій значительное состояніе по смерти своего отца. Съ этой цѣлью пріобрѣтена была на имя Бакунина усадьба (Бароната), расположенная у дороги изъ Локарно въ Белинсону, на берегу озера Лаго-Маджоре. Въ этомъ домѣ предполагалось устроить тайную типографію и складъ оружія въ виду подготовлявшихся итальянскими бакунистами революціонныхъ вспышекъ.

Вся эта затѣя кончилась для Бакунина весьма трагично. Дѣло въ томъ, что старый революціонеръ, одолѣваемый физическими немощами и подавленный неудачей своихъ революціонныхъ предпріятій, дѣйствительно усталъ и думалъ воспользоваться предложеніемъ своего горячаго послѣдователя и друга для того, чтобы устроить спокойный уголъ для себя и для своей семьи, не переставая при этомъ по мѣрѣ послѣднихъ своихъ силъ служить революціи. Хотя ядъ скептитизма уже проникъ въ его сердце, и теперь онъ уже не питалъ прежнихъ надеждъ на близкій взрывъ соціальной революціи, тѣмъ не менѣе онъ не отказывался принять участіе въ новыхъ революціонныхъ выступленіяхъ, мечтая закончить свою долгую революціонную карьеру смертью на баррикадѣ. *Умереть*, какъ Самсонъ[1]),—такова была его послѣдняя мечта человѣка, который не чувствовалъ въ себѣ уже силъ для того, чтобы продолжать *жить* и *бороться*, какъ библейскій герой. Лѣтомъ 1873 года, когда испанская революція, какъ казалось, торжествовала побѣду, Бакунинъ рѣшилъ лично отпра-

---

своей жизни снова вернулся къ соціалъ-демократическимъ идеямъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ сошелъ съума и умеръ. Онъ былъ женатъ на русской, Олимпіадѣ Кутузовой. *Авт.* Срав. далѣе воспоминанія О. Е. Кафіеро объ ея мужѣ. *Ред.*

[1]) Его собственное выраженіе въ перепискѣ съ Огаревымъ.

Библиотека "Руниверс"

виться въ Испанію, чтобы тамъ съ оружіемъ въ рукахъ сражаться рука-объ-руку со своими учениками. Разсчитывая сложить въ Испаніи свою буйную голову, онъ взялъ съ Кафіеро обѣщаніе позаботится объ его женѣ и дѣтяхъ въ случаѣ его смерти. Но денегъ на поѣздку Кафіеро Бакунину не далъ, такъ какъ, по его мнѣнію, присутствіе стараго бойца было нужно здѣсь на мѣстѣ для итальянскихъ дѣлъ. Тогда юрскіе друзья собрали для Бакунина 1.500 франковъ, но послѣдній нашелъ, что этихъ денегъ недостаточно. И юрцы[1]) поняли его отказъ такъ, что Бакунинъ постарѣлъ, и что у него уже не хватаетъ духу для непосредственнаго участія въ такихъ боевыхъ выступленіяхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ, хотя они были гораздо моложе Бакунина, въ Испанію не поѣхалъ; отъ измученнаго же, разбитаго и больного старика они почему-то требовали чудесъ[2]).

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ періодѣ своей жизни, Бакунинъ передаетъ свой разговоръ съ Кафіеро: «Онъ говорилъ, что отнынѣ я долженъ воздерживаться отъ всякихъ революціонныхъ выступленій и предоставить это дѣло молодежи... Я соглашался съ Кафіеро въ томъ, что состояніе моего здоровья, моя отяжелѣлость, болѣзнь сердца и обусловленная ею окоченѣлость моихъ членовъ и движеній дѣлали меня теперь мало способнымъ къ рискованнымъ экспедиціямъ... Но я всегда отстаивалъ свой долгъ и свое право ринуться во всякое рискованное предпріятіе, принимающее болѣе или менѣе общій, прочный и серьезный характеръ, и я всегда чувствовалъ и думалъ, что самымъ желаннымъ для меня концомъ было бы пасть посреди великаго революціоннаго потрясенія»[3]).

Скоро ему пришлось убѣдиться въ неудачѣ испанской революціи и возложить свои надежды на Италію, въ которой, какъ ему казалось, замѣчаются симптомы революціоннаго пробужденія. Онъ находилъ только, что до поры до времени нужно было дѣйствовать въ тиши и надѣть на себя маску мирныхъ зажиточныхъ буржуа. Съ этой цѣлью и условлено было, что Бакунинъ

---

[1]) Личное сообщеніе Гильома автору этихъ строкъ. — А между тѣмъ Бакунинъ имѣлъ основаніе опасаться поѣздки въ Испанію съ недостаточными средствами, такъ какъ онъ прекрасно помнилъ, какія непріятныя осложненія возникли на этой почвѣ между нимъ и Фанелли въ 1869 г.; у послѣдняго во время его агитаціонной поѣздки по Испаніи (см. выше) не хватило денегъ, достать на мѣстѣ онъ ихъ не могъ,— и въ результатѣ наступило временное охлажденіе между нимъ и Бакунинымъ. А въ 1873 г., когда Испанія была взбудоражена революціей, разсчитывать на мѣстныя средства было бы еще рисковано.

[2]) Да и въ Ліонъ (въ 1870г.) его сопровождали не юрцы и не итальянцы, а главнымъ образомъ русскіе и поляки (Озеровъ, Ланкевичъ и др.).

[3]) Mémoire Justificatif, приведенный у Неттлау и перепечатанный частью у Гильома (объ этомъ документѣ см. ниже).

Библиотека "Руниверс"

долженъ притвориться уставшимъ и разочарованнымъ революціонеромъ, который отнынѣ хочетъ жить мирной обывательской жизнью. (Это-то и сбило съ толку знавшихъ объ этомъ юрцевъ, которые и рѣшили, что вышецитированныя письма, гдѣ Бакунинъ заявлялъ о своемъ полномъ отказѣ отъ общественной дѣятельности вовсе не выражаютъ его дѣйствительнаго настроенія; а между тѣмъ это въ значительной мѣрѣ было именно такъ).

Насколько ядъ разочарованія проникъ въ сердцѣ Бакунина, видно изъ слѣдующаго эпизода, передаваемаго Гильомомъ[1]). Весною 1874 г., въ мартѣ или апрѣлѣ, Гильомъ, отправляясь на урокъ, получилъ на улицѣ письмо отъ своего стараго учителя и друга. Но, впрочемъ, предоставимъ лучше слово самому Гильому, такъ какъ въ пересказѣ его сообщеніе терятъ значительную долю своей силы. «Въ виду того, что письма отъ Бакунина стали получаться рѣдко, я съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ себя, о чемъ бы это онъ могъ мнѣ сообщить. Съ глубокимъ изумленіемъ читалъ я, не вѣря своимъ глазамъ. Сначала онъ повторилъ то, о чемъ не разъ уже писалъ, а именно, что отнынѣ онъ удаляется на покой; онъ сообщалъ, что скоро къ нему пріѣдетъ жена. Онъ прибавлялъ, что *время революціонной борьбы прошло*, и что Европа вступила въ періодъ реакціи, конца которой современному поколѣнію не придется, вѣроятно, увидѣть. И онъ приглашалъ меня послѣдовать своему примѣру, «*помириться съ буржуазіей*» и постараться снова получить мѣсто въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Не стоитъ, говорилъ онъ, упрямо стремиться къ невозможному: нужно взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и признать, что въ данное время *народныя массы не хотятъ соціализма*. «А если какой-нибудь пьянчужка (!) съ (юрскихъ) горъ вздумаетъ по этому поводу обвинять тебя въ измѣнѣ, то за тебя будетъ голосъ твоей совѣсти и уваженіе твоихъ друзей» (я могу поручиться за буквальную точность этой фразы, которую я запомнилъ дословно, такъ какъ я ее часто перечитывалъ и повторялъ). Въ заключеніе онъ говорилъ, что счелъ своимъ долгомъ дать мнѣ этотъ совѣтъ, благоразуміе котораго я позже долженъ буду признать[2]).

«Письмо это подавило меня: «Итакъ, — говорилъ а себѣ,— вотъ до чего дошелъ Мишель!» Я шелъ вдоль озера; небо было пасмурно и печально, дулъ пронизывающій вѣтеръ, природа

---

[1]) L'Internationale, т. III, 186—7.

[2]) Къ сожалѣнію, письмо это не сохранилось. Оно было сожжено въ 1898 г. вмѣстѣ со многими другими бумагами Гильома во время опасной болѣзни послѣдняго, отъ которой онъ не надѣялся оправиться. Но до того Гильомъ давалъ его читать нѣсколькимъ товарищамъ, въ томъ числѣ и Кропоткину (въ 1877 г.).

Библиотека "Руниверс"

имѣла унылый видъ, и холодъ сжималъ мое сердце. Не знаю, какъ я далъ свой урокъ. Черезъ нѣсколько часовъ мнѣ удалось однако придти въ себя, но я надолго сохранилъ болѣзненное потрясеніе отъ полученнаго удара. И когда я узналъ въ сентябрѣ про развязку баронатскихъ дѣлъ, я былъ не такъ пораженъ ею, какъ былъ бы безъ этого письма.

«Впослѣдствіи я иначе отнесся къ этому письму Бакунина. Я понялъ, что, разочарованный и усталый, онъ поступилъ, какъ честный человѣкъ, подѣлившись со мною своею новою оцѣнкою положенія, и я почувствовалъ признательность къ этому энтузіасту, который безъ колебаній жертвовалъ собою для дѣла человѣчества и который теперь хотѣлъ предостеречь молодого человѣка противъ необдуманныхъ увлеченій».

Если припомнить, что Гильомъ былъ самымъ любимымъ ученикомъ и послѣдователемъ Бакунина, который посвящалъ его даже въ свои интимныя дѣла, то мы должны будемъ признать, что въ этомъ письмѣ отразилось настроеніе Бакунина въ этотъ печальный періодъ его жизни.

Водворившись въ Баронатѣ, Бакунинъ, вообще не знавшій счета деньгамъ, принялся швырять ими направо и налѣво, возводя новыя постройки, копая пруды и колодцы, прокладывая дороги т. д. Кафіеро, ничуть не уступавшій въ непрактичности своему старому другу, поддерживалъ и одобрялъ всѣ его затѣи, а часто шелъ даже дальше его, такъ какъ Бакунинъ иногда какъ бы начиналъ понимать, что вся эта исторія кончится величайшимъ крахомъ, и протестовалъ противъ нѣкоторыхъ чрезмѣрныхъ затратъ.

Около этого времени Бакунина посѣтилъ въ Баронатѣ В. Дебогорій-Мокріевичъ, оставившій интересное описаніе тогдашней жизни стараго агитатора. «Бакунинъ былъ необычайно высокъ и массивенъ, хотя его полнота была очевидно болѣзненная. Его лицо было обрюзглое, подъ свѣтло-сѣрыми или голубыми глазами висѣли мѣшки. Огромная голова заканчивалась большимъ лбомъ, по сторонамъ котораго торчали вьющимися клоками рѣдкіе, полусѣдые волосы. Онъ одѣвался, сопѣлъ и отъ времени до времени уставлялъ на меня свои свѣтлые глаза. Я чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, и мнѣ было неловко тѣмъ болѣе, что совершалось это молча. Я слыхалъ раньше, что Бакунинъ составляетъ мнѣніе о людяхъ по первому впечатлѣнію, и теперь чего добраго онъ изучалъ мою физіономію. Изрѣдка онъ перебрасывался съ Р. короткими фразами. Онъ сильно шепелявилъ, такъ какъ у него не доставало многихъ зубовъ. Но вотъ онъ согнулся, чтобы обуть ноги, и въ эту минуту я услыхалъ, какъ его дыханіе

Библиотека "Руниверс"

сперлось. Когда онъ выпрямился, то засопѣлъ страшно тяжело— онъ задыхался, его обрюзглое лицо посинѣло. Все это указывало на то, что болѣзнь, сведшая его три года спустя въ могилу, уже была развита въ сильной степени. Когда Бакунинъ одѣлся, мы вышли въ садъ, въ бесѣдку, куда поданъ былъ затракъ. Здѣсь къ намъ подошли двое итальянцевъ, одному изъ которыхъ онъ меня отрекомендовалъ. То былъ Кафіеро, ближайшій другъ Бакунина, извѣстный тѣмъ, что отдалъ свое состояніе, достигавшее весьма значительной цифры, на итальянскія революціонныя дѣла. Онъ молча усѣлся позлѣ насъ и принялся курить трубку. Между тѣмъ пришелъ почтальонъ съ кучею газетъ и писемъ, и Бакунинъ занялся ихъ просматриваніемъ. Затѣмъ появился Зайцевъ, бывшій сотрудникъ журнала «Русское Слово», жившій тогда въ одномъ домѣ съ Бакунинымъ, и вскорѣ между нами завязался общій разговоръ о Барцелонскомъ возстаніи»[1]).

«...По отношенію къ русскимъ у него звучала скептическая нота. Надъ нѣмцами онъ любилъ посмѣяться, особенно когда заходила рѣчь о нѣкоторыхъ возстаніяхъ 48-го года. Нѣмецъ и революція были въ его представленіи два другъ друга исключающія понятія. Всѣ свои надежды Бакунинъ возлагалъ на романскія племена и въ частности на итальянцевъ, посвящая все время и энергію на конспираціи среди нихъ. Поэтому Локарно, построенное на берегу Лаго-Маджоре, находящагося на границѣ Швейцаріи и Италіи, представляло изъ себя какъ нельзя болѣе удобный пунктъ для Бакунина, которому въѣздъ въ Италію, какъ и во Францію, былъ запрещенъ: Локарно игралъ роль революціоннаго центра, куда съѣзжались итальянскіе заговорщики для тайныхъ совѣщаній съ Бакунинымъ. Планъ Бакунина состоялъ въ томъ, чтобы организовать заговоръ изъ смѣлыхъ людей, готовыхъ на самопожертвованіе, которые въ опредѣленный срокъ должны были собраться въ извѣстное мѣсто съ тѣмъ, чтобы начать вооруженное возстаніе. Предполагалось дѣло начать съ нападенія на мѣстныя правительственныя учрежденія и затѣмъ перейти къ «ликвидаціи» существующаго строя, т.-е. конфискаціи земельной собственности, фабрикъ и т. п. Однако Бакунинъ далеко не льстилъ себя надеждой на непремѣнный успѣхъ. — «Мы должны безпрестанно дѣлать попытки возстанія, — говорилъ онъ. — Пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается всеобщимъ, — жертвы окупятся».

---

[1]) Во время этой бесѣды Бакунинъ развивалъ свои бунтарскія идеи и въ частности мысль о важномъ значеніи уничтоженія всевозможныхъ актовъ и документовъ.

Библиотека "Руниверс"

Весь вопросъ такимъ образомъ сводился къ тому, чтобы выбить, такъ сказать, народную массу изъ ея индифферентнаго состоянія и заставить ее вступить въ открытую борьбу со своими притѣснителями. Бакунинъ являлся сторонникомъ *активнаго* революціоннаго дѣла и не удовлетворялся одною пропагандою слова, находя ее безсильнымъ средствомъ для того, чтобы революціонизировать массы...

«... Устройство притона съ секретными выходами и складомъ сильно занимало Бакунина. Онъ тоже допускалъ возможность обысковъ. Очевидно, Бакунинъ мало довѣрялъ швейцарской свободѣ.

«Быть можетъ, и вамъ русскимъ,—говорилъ онъ,—понадобится держать за границею свою строго конспиративную типографію для печатанія летучихъ листковъ,—можно будетъ ее тоже помѣстить здѣсь». Потомъ онъ перемѣнилъ тонъ и рѣзко добавилъ: «Впрочемъ, какіе же конспираторы русскіе? Пойдутъ болтать—скомпрометируютъ, пожалуй, и наше итальянское дѣло».

«Мнѣ было очень непріятно слышать этотъ упрекъ, и я принялся что-то, не помню ужъ что именно, говорить въ защиту насъ, русскихъ. Но еще непріятнѣе сдѣлалось, когда Бакунинъ, возражая мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: «Да что русскіе!?. Всегда они отличались стадными свойствами. Теперь они всѣ анархисты. На анархію мода пошла. А пройдетъ нѣсколько лѣтъ и, можетъ быть, ни одного анархиста среди нихъ не будетъ».

... «Но вотъ, наконецъ, я сталъ собираться въ дорогу. Помню, наканунѣ моего отъѣзда, Бакунинъ высчиталъ по путеводителю количество денегъ, необходимыхъ для моего путешествія, и потребовалъ, чтобы я показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно, и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ все-таки настоялъ на своемъ, кошелекъ свой я долженъ былъ въ концѣ-концовъ ему показать. До требуемаго количества не хватало тридцати съ небольшимъ франковъ.

— Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятели, у которыхъ я могу взять денегъ, сколько мнѣ понадобится,— объяснилъ я.

— Ну-ну, разсказывай!—возражалъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую деревянную коробочку, отворилъ ее, сопя отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако, я принужденъ былъ ихъ взять.

— Хорошо, по пріѣздѣ въ Россію я вышлю,—проговорилъ я.

Но Бакунинъ только сопѣлъ и, глядя на меня, улыбался.

Библиотека "Руниверс"

— Кому? Мнѣ вышлешь? — спросилъ, наконецъ, онъ, потомъ добавилъ: это я даю тебѣ не свои деньги.

— Кому же ихъ переслать въ такомъ случаѣ?

— Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непремѣнно отдать» [1]...

Около 100.000 франковъ были быстро истрачены на пріобрѣтеніе и улучшеніе Баронаты. Наслѣдство Кафіеро оказалось меньше, чѣмъ разсчитывали друзья, тѣмъ болѣе, что ему пришлось его быстро реализовать. Дѣло кончилось тѣмъ, чего и надо было ожидать. Начались сплетни и пересуды; добрые пріятели, какъ, напримѣръ, Острога (Мрочковскій), начали поговаривать, что Бакунинъ эксплоатируетъ и разоряетъ своего довѣрчиваго молодого друга въ личныхъ интересахъ. Скоро и Кафіеро пришелъ къ тому выводу, что Бакунинъ гораздо больше имѣетъ въ виду интересы своей семьи, которую онъ ожидалъ съ часу на часъ, чѣмъ интересы итальянской революціи.

Тѣмъ временемъ жена Бакунина съ своими тремя дѣтьми, а также съ престарѣлымъ отцомъ и матерью и одною своею сестрой, Лозовскою, выѣхала изъ Красноярска и 13 іюля 1874 г. прибыла къ Баронату съ дѣтьми и отцомъ, Ксаверіемъ Квятковскимъ. Вслѣдъ за симъ прибылъ и Кафіеро съ послѣдними крохами своего растраченнаго наслѣдства, и между нимъ и Бакунинымъ произошло тягостное объясненіе, закончившееся разрывомъ [2]. Теперъ Бакунинъ очутился въ самомъ отчаянномъ положеніи. Онъ выписалъ семью, увѣривъ ее, что новая усадьба принадлежитъ ему, и что они теперь смогутъ жить вмѣстѣ въ полномъ довольствѣ и спокойствіи. Съ другой стороны, его угнетала мысль о томъ, что молодые товарищи приписываютъ ему самыя низкія побужденія и смотрятъ на него, какъ на «старую тряпку, которую слѣдуетъ выбросить вонъ». И впавшій въ отчаяніе старый боецъ въ первый разъ подумалъ о самоубійствѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ безсонныхъ ночей онъ обдумывалъ, какъ подготовить жену къ ожидавшему ее страшному удару, и какъ съ честью выйти изъ создавшагося тяжелаго положенія. Ошеломленный неожиданно свалившимся на него ударомъ, Бакунинъ, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, не сумѣлъ соблюсти свое достоинство: онъ безпреклословно уступилъ Кафіеро Баронату со всѣмъ имуществомъ и интвентаремъ, но имѣлъ слабость принять отъ него обѣщаніе обезпечить жену и дѣтей Бакунина послѣ его смерти.

---

[1]) Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. Воспоминанія, Спб., 1906 г., стр. 94—102.

[2]) Срав. далѣе воспоминанія г. Росса. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Къ этому періоду относится самая тяжелая страница страдальческой жизни стараго борца. Онъ рѣшилъ умереть, и смерть была для него самымъ желаннымъ исходомъ изъ создавшихся недоразумѣній. Но молодые товарищи и послѣдователи Бакунина совершенно не замѣчали ужаснаго душевнаго состоянія Бакунина, а если и замѣчали, то совершенно не считались съ нимъ. Тогда въ Италіи подготовлялось революціонное выступленіе, и друзья увлекли въ него Бакунина, который впослѣдствіи обвинялъ ихъ въ томъ, что они насильно заставили его принять участіе въ этой рискованной экспедиціи, потому что ничуть не дорожили имъ.

Мысль о томъ, что послѣдній, быть можетъ, въ своей жизни революціонный актъ онъ долженъ совершить не по доброй волѣ, а по принужденію, особенно угнетала Бакунина; но онъ считалъ это заслуженнымъ наказаніемъ за допущенную имъ минутную слабость. Въ своей *Оправдательной Запискѣ* онъ говоритъ по этому поводу:

«Моя ошибка заключалась въ томъ, что я съ самаго начала принялъ братское предложеніе Кафіеро. Отклонивъ его, я бы сохранилъ незапятнанность своей жизни до конца и теперь былъ бы свободенъ располагать ею по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и склонностямъ. Въ сущности я долженъ признать, что, принимая его, я совершилъ измѣну по отношенію къ самому себѣ, по отношенію къ моему прошлому и, чтобы употребить настоящее слово, совершилъ низость, которую теперь я искупаю. А теперь я скажу о тѣхъ причинахъ, которыя побудили меня принять его, и которыя до извѣстной степени могутъ послужить мнѣ извиненіемъ. Во-первыхъ, *я дѣйствительно усталъ и разочарованъ* [1]). События во Франціи и Испаніи нанесли смертельный ударъ всѣмъ нашимъ надеждамъ и ожиданіямъ. Мы разсчитывали на массы, которыя не захотѣли со страстью отнестись къ дѣлу своего собственнаго освобожденія, а за отсутствіемъ этой народной страсти, мы, при всей своей теоретической правотѣ, были безсильны. Второе соображеніе было таково: теперь единственно оставшаяся для насъ возможною работа была работа тайная и хорошо замаскированная. Намъ непремѣнно нужно было принять мирный буржуазный видъ. Кромѣ того швейцарское федеральное правительство, подъ давленіемъ итальянскаго правительства, а слѣдовательно, и правительство Тессинскаго кантона хотѣли водворить меня обязательно во внутреннихъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Мнѣ съ величайшимъ трудомъ удалось остаться въ Локарно.

[1]) Курсивъ мой.

Библиотека "Руниверс"

Предложеніе Кафіеро давало мнѣ возможность добиться этого. Наконецъ, третьею и самою, скажу, побудительною причиною была моя тревога за будущность моей семьи и мое горячее желаніе доставить ей пріютъ и обезпечить, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени ея судьбу». Замѣчательно, что въ то время молодые бакунисты не могли простить своему учителю какъ разъ послѣдняго побужденія; особенно ихъ возмутили переданныя имъ слова Бакунина, что онъ хотѣлъ устроить въ Баронатѣ «рай для Антоніи» (т.-е., своей жены).

Итакъ, теперь приходилось такою дорогою цѣною искупать ошибку, минутную слабость, можетъ быть, единственную слабость этого рода за всю долгую жизнь стараго профессіональнаго революціонера. Бакунинъ рѣшилъ, или, быть можетъ, вѣрнѣе, было бы сказать, Бакунину пришлось поѣхать въ Болонью, которую предполагалось сдѣлать однимъ изъ центровъ подготовлявшагося возстанія. Въ этомъ возстаніи, общею цѣлью котораго было *низверженіе монархіи* [1]), должны были принять участіе также нѣкоторые мацциписты и гарибальдисты на ряду съ интернаціоналистами. На послѣдніе остатки кафіеровскаго состоянія пріобрѣтены были оружіе, динамитъ и т. п. Въ Баронату одинъ за другимъ пріѣзжали вожди предпріятія, какъ Россъ, Коста, Малатеста, чтобы выработать послѣднія мѣры. Это было въ самый разгаръ постигшаго Бакунина кризиса, когда онъ рѣшился искать смерти на баррикадѣ. Повидимому, молодежь не догадывалась о томъ адѣ, который былъ въ душѣ Бакунина; по крайней мѣрѣ, Малатеста, которому Россъ сообщилъ о происшедшемъ конфликтѣ, нашелъ желаніе Бакунина примкнуть къ итальянскимъ революціонерамъ и раздѣлить ихъ судьбу совершенно естественнымъ. Но Бакунинъ колебался. Заявивъ о своемъ рѣшеніи ѣхать въ Болонью, рѣшеніи, принятомъ въ первый моментъ отчаянія, Бакунинъ было передумалъ: онъ предпочиталъ остаться съ женою и не ѣхать—не по малодушію, а потому, что онъ не одобрялъ затѣяннаго предпріятія. Однако у него не хватило духу прямо заявить объ этомъ Кафіеро или Россу; онъ просилъ своего молодого друга Беллеріо передать Кафіеро, что ему не хочется ѣхать; но Беллеріо не исполнилъ его просьбы. И Бакунинъ, связанный своимъ первымъ заявленіемъ, принужденъ

[1]) Итакъ, правовѣрные бакунисты во главѣ со своимъ учителемъ приняли участіе въ движеніи чисто политическаго, а отнюдь несоціалистическаго характера. А между тѣмъ они неоднократно, вслѣдъ за программой Альянса соціальныхъ революціонеровъ, подчеркивали, что, въ отличіе отъ соціалъ-демократовъ, они ни за что не будутъ принимать участія въ движеніи, которое не ставитъ себѣ «прямой и непосредственной» цѣлью «торжество рабочаго дѣла надъ капиталомъ», т.-е. соціальную революцію. На это противорѣчіе не было обращено достаточнаго вниманія.

Библиотека "Руниверс"

былъ отправиться въ Болонью противъ своей воли. Неттлау со словъ Беллеріо разсказываетъ по этому поводу слѣдующее: «Онъ отправился неохотно. Эмилю Беллеріо онъ рѣшительно сказалъ: «мнѣ совсѣмъ не хочется ѣхать; сообщи имъ это, но такъ, чтобы они не могли догадаться, что ты говоришь имъ это по моему внушенію». Беллеріо ломалъ себѣ голову, чтобы подыскать подходящую форму для выполненія этого порученія; но ничего не придумалъ и промолчалъ. Бакунинъ чувствовалъ себя постарѣвшимъ, физически немощнымъ, онъ дышалъ съ трудомъ, но гордость не позволяла ему приводить подобные мотивы... Вотъ въ какомъ состояніи духа онъ, повидимому, выѣхалъ въ Болонью» [1]).

Рѣшившись умереть, Бакунинъ написалъ прощальное письмо къ братьямъ, умоляя ихъ выдѣлить, наконецъ, причитающуюся ему часть наслѣдства, чтобы обезпечить судьбу его жены и дѣтей. Но ему не пришлось пасть, какъ онъ мечталъ, на баррикадѣ. Задуманное возстаніе совершенно не удалось. Часть мацциниcтовъ была еще до начала его захвачена полиціей на собраніи; ожидавшіяся тысячи романьольскихъ интернаціоналистовъ не явились, а собравшіеся въ небольшомъ числѣ инсургенты были частью арестованы, частью разбѣжались. Бакунинъ, тщетно дожидавшійся подачи сигнала, понялъ, что движеніе не удалось. Онъ надѣялся, что, быть можетъ, удастся еще возбудить движеніе во Флоренціи, куда и намѣревался отправиться. Даже въ этотъ ужасный моментъ, терзаемый мыслями объ ударѣ, который долженъ былъ обрушиться на его жену, онъ не забывалъ интересовъ революціоннаго дѣла и условился съ находившимся при немъ товарищемъ (Натта) относительно шифра и условныхъ знаковъ. Изъ Болоньи Бакунинъ уѣхалъ, переодѣвшись католическимъ священникомъ, въ Шплюгенъ; здѣсь онъ узналъ отъ Росса со словъ Кафіеро, что на итальянское движеніе сейчасъ надѣяться не приходится.

6 августа произошло рѣшительное объясненіе между Антоніей и Россомъ, который заявилъ ей, что Бароната принадлежитъ не Бакунину, а революціи и предложилъ ей очистить помѣщеніе. Черезъ три дня она принуждена была уѣхать въ Арону, куда немедленно вызвала изъ Варшавы свою сестру Лозовскую. Узнавъ, наконецъ, о томъ, что Бакунинъ находится въ Шплюгенѣ, гдѣ ждетъ извѣстій отъ жены, Лозовская отправилась къ нему

[1]) Nettlau. Michael Bakunin. Eine Biographie, стр. 802. — J. Guillaume. L'Internationale, т. III, 201. Въ Италію Бакунинъ ѣхалъ окольнымъ путемъ. Въ Шплюгенѣ по дорогѣ онъ и написалъ свою длинную «Оправдательную Записку»; прочесть ее должны были Беллеріо и Кафіеро, а затѣмъ жена его Антонія, которая въ то время ничего еще не знала и даже думала, что мужъ ея по дѣламъ выѣхалъ въ Цюрихъ.

Библиотека "Руниверс"

туда въ сопровожденіи Беллеріо. Здѣсь Бакунинъ заявилъ имъ, что ему окончательно опротивѣла всякая общественная конспираторская дѣятельность, и что онъ намѣренъ эмигрировать въ Америку и тамъ натурализоваться; при этомъ онъ выразилъ надежду, что Кафіеро доставитъ ему на это средства. Въ Сіеррѣ состоялось 2—3 сентября свиданіе между Бакунинымъ и Кафіеро съ Россомъ. Свиданіе было холоднымъ и закончилось полнымъ разрывомъ. Передъ этимъ Кафіеро и Россъ посвятили юрцевъ Гильома и Швицгебеля въ исторію съ Баронатой, при чемъ юрцы признали ихъ правыми, а Бакунина кругомъ виноватымъ. (Виноватъ-то, можетъ быть, виноватъ; а все-таки въ Болонью поѣхалъ онъ, а не молодые юрцы). На свиданіи въ Сіеррѣ Бакунинъ заявилъ Россу и Кафіеро, что онъ въ Америку не поѣдетъ, а останется въ Швейцаріи, что онъ окончательно принялъ рѣшеніе совершенно отказаться отъ всякой политической дѣятельности, какъ открытой, такъ и тайной, и уйти исключительно въ семейную жизнь и въ частную дѣятельность. Онъ отказался отъ предложенной ему пенсіи и предложилъ Кафіеро ссудить ему 5.000 франковъ на два года изъ 6% годовыхъ. Тотъ обѣщалъ подъ условіемъ, что вексель подпишетъ Софья Лозовская (которая отъ этого отказалась). При этомъ, какъ водится, Бакунинъ строилъ воздушные замки: онъ то надѣялся получить отъ братьевъ на свой пай не менѣе 50.000 франковъ, то разсчитывалъ на поддержку Лозовской, которая должна была разбогатѣть отъ какихъ-то своихъ золотыхъ пріисковъ въ Сибири; наконецъ, онъ собирался засѣсть за писаніе своихъ мемуаровъ, отъ чего также думалъ получить нѣсколько тысячъ франковъ. Послѣдній расчетъ былъ, конечно, самымъ вѣрнымъ, но вся бѣда въ томъ, что этихъ мемуаровъ Бакунинъ такъ и не написалъ. Объ этомъ мы можемъ только пожалѣть. Какой это былъ бы богатый историческій источникъ, и какой замѣчательный человѣческій документъ! [1]).

До 23 сентября Бакунинъ мучился въ Сіеррѣ, стараясь наладить отношенія съ женой, которая тѣмъ временемъ перебралась въ Лугано. 25-го онъ прибылъ въ Невшатель, гдѣ имѣлъ еще объясненіе съ своими молодыми партизанами. Послѣдніе, какъ разсказываетъ Гильомъ, пришли къ единодушному убѣжденію,

---

[1]) До насъ дошло лишь начало его мемуаровъ, написанное, вѣроятно, въ началѣ 70-хъ годовъ: «Histoire de ma vie», напечатанное въ Брюссельскомъ анархическомъ журналѣ «La Societé Nouvelle», 1896, septembre. Тамъ говорится лишь о первыхъ годахъ его жизни, затѣмъ дается характеристика умственнаго состоянія русскаго общества при Николаѣ I. Ничего особенно интереснаго тамъ нѣтъ. — Бакунинъ собирался также диктовать свои мемуары г-жѣ А. Баулеръ, но такъ и не собрался. В. Зайцевъ разсказывалъ, будто онъ читалъ въ 70-хъ годахъ мемуары Бакунина, но что это за мемуары, такъ и не извѣстно. Вѣроятно, это ошибка.

Библиотека "Руниверс"

что Бакунинъ, котораго они такъ любили и продолжаютъ любить, выказалъ въ дѣлѣ Баронаты непростительное легкомысліе и слабость. Кафіеро, Россъ, Шпихигеръ и Гильомъ явились къ Бакунину въ комнатку отеля, гдѣ онъ ихъ ждалъ, и здѣсь Гильомъ отъ имени всѣхъ высказалъ ему безъ обиняковъ мнѣніе товарищей. Гильомъ разсказываетъ, что при этомъ онъ самъ волновался до потери голоса; Кафіеро и Россъ молчали, а Шпихигеръ тихо плакалъ въ углу. Товарищи Бакунина предложили ему послѣ этой декларації ежемѣсячную ренту въ 300 франковъ; конечно, Бакунинъ отвергъ это предложеніе и согласился только занять у Кафіеро 3.000 франковъ подъ вексель за поручительствомъ Беллеріо и еще какого-нибудь платежеспособнаго лица. Послѣ этого свиданія Бакунинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Противъ заранѣе составленнаго въ издавна подготовлявшемся заговорѣ мнѣнія ничего не подѣлаешь!.. Видѣлся съ *друзьями*. Д. (Джемсъ, т.-е. Гильомъ), какъ всегда холоденъ. К(афіеро), какъ всегда глупъ. Полный разрывъ... Одинъ Шпихигеръ обнаружилъ, что у него есть сердце». Забѣгая нѣсколько впередъ, скажемъ, что въ 1875 г. Бакунинъ отчасти примирился съ Россомъ и Кафіеро; но съ юрцами прежнія отношенія никогда не возобновились.

Черезъ мѣсяцъ, а именно 21 октября 1874 года, Бакунинъ, узнавъ, что Россъ собирается въ Россію, написалъ ему изъ Лугано слѣдующее, характерное для тогдашняго его настроенія, письмо:

«Получилъ твое письмо. О дружбѣ, Р(осс)ъ, мы говорить не станемъ. Послѣ всего, что ты противъ меня сдѣлалъ,—а мнѣ теперь все даже до малѣйшей подробности стало извѣстно,—называть другъ друга друзьями было бы съ твоей, точно также, какъ и съ моей стороны, возмутительно ложно. Ты сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы убить меня физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моимъ другомъ, и если тебѣ не удалось, то вина не твоя [1]).

«Дальновидный и умный Каф(іеро) былъ только твоихъ рукъ дѣломъ, ты его внушителемъ. Хочу вѣрить, что ты обманывалъ себя самого, принимая внушеніе нетерпѣливаго и, право, сильнаго честолюбія за ревность къ дѣлу. Несомнѣнно,—ты самъ, по крайней мѣрѣ, передъ собою сознайся,—что ты дѣйствовалъ противъ меня какъ самый злой врагъ. И несмотря на это, я продолжаю вѣрить въ твою преданность русскому дѣлу и въ твою способность служить дѣлу: и потому на этомъ полѣ я всегда готовъ подать тебѣ руку.

[1]) Бакунинъ считалъ Росса главнымъ виновникомъ разрыва съ Кафіеро и юрцами по поводу инцидента съ Баронатой.

Библиотека "Руниверс"

«Ты готовишься теперь совершить рѣшительный шагъ, отъ направленія и исхода котораго будетъ зависѣть вся будущность твоей жизни и, главное, твоей революціонной дѣятельности. Позволь мнѣ, старику, сказать тебѣ нѣсколько истинныхъ словъ, вѣроятно, послѣднихъ.

«Въ сношенія съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя скупая природа позволитъ. Пойми же ты, наконецъ, что на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живого, крѣпкаго не построишь, что революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ, и что безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала никакая революція не восторжествуетъ. Въ этомъ направленіи и смыслѣ желаю тебѣ самаго искренняго успѣха» [1]).

Бакунинъ уѣхалъ въ Лугано, гдѣ поселился съ семьею. Здѣсь онъ сошелся съ бывшимъ членомъ Коммуны Артуромъ Арну, а также съ нѣсколькими итальянцами, какъ Набруцци, Педерцолли и нѣсколько рабочихъ. Онъ быстро освоился съ новыми условіями и все продолжалъ надѣяться на близкое улучшеніе своего матеріальнаго положенія. Но въ ожиданіи богатства онъ продолжалъ перебиваться, главнымъ образомъ, займами; Кафіеро обѣщанныхъ 3.000 ему не далъ. Софья Лозовская, получивъ отъ Бакунина полномочіе, уѣхала въ Россію хлопотать передъ братьями о выдѣлѣ ему извѣстной доли наслѣдства. Бакунинъ разсчитывалъ получить не менѣе ста тысячъ рублей, какъ онъ писалъ Беллеріо, но въ ожиданіи будущихъ благъ ему приходилось очень тяжело. Каково было его настроеніе въ это время, видно изъ слѣдующаго письма, написаннаго имъ 15 февраля 1875 г. своему пріятелю, извѣстному географу Элизе Реклю [2]):

«Мой дорогой другъ, горячо благодарю тебя за твои хорошія слова. Я никогда не сомнѣвался въ твоей дружбѣ, это чувство всегда взаимно, и я сужу о твоемъ по моему.

«Да, ты правъ, революція временно вошла въ свое русло, мы возвращаемся въ періодъ эволюціи, т.-е. въ періодъ подземныхъ, невидимыхъ и часто даже незамѣтныхъ революцій. Происходящая въ настоящее время эволюція крайне опасна,

---

[1]) Письма, 351 *Авт.* Мы знаемъ отъ г. Росса, что онъ никогда не получалъ этого письма, которое было найдено въ бумагахъ Бакунина послѣ его смерти. Вѣроятно, Бакунинъ передумалъ и не послалъ его. *Ред.*

[2]) Какъ извѣстно, Реклю (равно какъ братъ его Эли Реклю), былъ членомъ меньшинства, ушедшаго вмѣстѣ съ Бакунинымъ съ Бернскаго конгресса «Лиги Мира» въ 1868 г. и основавшаго Альянсъ соціальныхъ революціонеровъ.

Библиотека "Руниверс"

если не для человѣчества, то, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ націй. Это послѣднее воплощеніе упадочнаго класса, ставящаго свою послѣднюю карту подъ охраною военной диктатуры,—макъ-магоновско-бонапартистской во Франціи, бисмарковской въ остальной Европѣ.

«Я согласенъ съ тобою, что время революціи прошло не по причинѣ ужасныхъ катастрофъ, свидѣтелями которыхъ мы были, и страшныхъ пораженій, болѣе или менѣе виновными жертвами которыхъ мы оказались, но потому, что я, къ моему великому отчаянію, констатировалъ и каждый день снова констатирую, что въ массахъ рѣшительно нѣтъ революціонной мысли, надежды и страсти; а когда ихъ нѣтъ, то можно хлопотать сколько угодно, а толку никакого не будетъ. Я преклоняюсь передъ героическимъ терпѣніемъ и настойчивостью юрцевъ и бельгійцевъ, этихъ послѣднихъ могиканъ покойнаго Интернаціонала [1]), которые наперекоръ всѣмъ затрудненіямъ, неудачамъ и препятствіямъ, посреди всеобщаго индифферентизма, упорно плывутъ противъ теченія, продолжая спокойно дѣлать то, что дѣлали до катастрофъ, когда движеніе шло вверхъ, и малѣйшее усиліе создавало силу.

«Эта работа тѣмъ похвальнѣе, что они не пожнутъ ея плодовъ; но они могутъ быть увѣрены, что трудъ ихъ не пропадетъ напрасно,—ничто не пропадаетъ въ этомъ мірѣ,—и капли воды, при всемъ ихъ ничтожномъ размѣрѣ, образуютъ все-таки океанъ.

«Что же касается меня, мой дорогой, то я сталъ слишкомъ старъ, слишкомъ боленъ и, долженъ ли я тебѣ это сказать, во многихъ отношеніяхъ слишкомъ разочаровался, чтобы чувствовать въ себѣ желаніе и силу участвовать въ этомъ дѣлѣ. Я окончательно отказался отъ борьбы и проведу остатокъ дней моихъ въ созерцаніи—не праздномъ, а напротивъ, умственно очень дѣйственномъ, которое, какъ я надѣюсь, дастъ что-нибудь полезное.

«Одна изъ страстей, владѣющихъ мною въ данное время, это колоссальная любознательность. Разъ вынужденный признать, что зло восторжествовало, и что я не въ силахъ помѣшать этому, я принялся изучать его эволюцію и развитіе съ почти научною, совершенно *объективною* страстью.

«Какіе актеры и какая сцена! Въ глубинѣ и господствуя надъ всей ситуаціей, императоръ Вильгельмъ и Бисмаркъ во главѣ

---

[1]) Гильомъ (т. III, стр. 284) удивляется этому выраженію Бакунина «feu L'Internationale», тогда какъ онъ дескать «зналъ, что она (Межд. Ассоціація) была въ то время болѣе живой, чѣмъ когда-либо». Но въ томъ-то и дѣло, что Бакунинъ былъ умнѣе своихъ послѣдователей и прекрасно понималъ, что анти-авторитарный интернаціоналъ былъ мертворожденной затѣей и простой тѣнью прежняго интернаціонала.

Библиотека "Руниверс"

великаго лакейскаго народа; противъ нихъ папа со своими іезуитами, вся римско-католическая церковь, богатая милліардами, господствующая надъ значительной частью міра съ помощью женщинъ, благодаря невѣжеству массъ и несравненному искусству своихъ безчисленныхъ приверженцевъ, имѣющихъ повсюду глаза и руки.

«Третій актеръ: французская цивилизація, воплощенная въ Макъ-Магонѣ, Дюпанлу и Бройлѣ, кующихъ цѣпи для великаго павшаго народа. Вокругъ всего этого Испанія, Италія, Австрія, Россія—каждая со своею соотвѣтствующею случаю гримасою, а вдалекѣ Англія, не могущая рѣшиться снова сдѣлаться чѣмъ-нибудь, а еще дальше образцовая республика Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, уже кокетничающая съ военною диктатурой.

«Бѣдное человѣчество!

«Совершенно очевидно, что выйти изъ этой клоаки оно сможетъ только съ помощью колоссальной соціальной революціи. Но какъ совершится эта революція? Никогда международная реакція въ Европѣ не была такъ грозно вооружена противъ всякаго народнаго движенія. Она возвела репрессію въ рангъ новой науки, которую систематически преподаютъ въ военныхъ школахъ поручикамъ всѣхъ странъ. А что у насъ есть для нападенія на эту неприступную крѣпость? Дезорганизованныя массы. Но какъ ихъ организовать, когда онѣ даже не воодушевлены, какъ слѣдуетъ, стремленіемъ къ собственному спасенію, когда онѣ не знаютъ, чего должны хотѣть, и не хотятъ того, что только одно можетъ ихъ спасти!

«Остается пропаганда въ томъ видѣ, какъ ее ведутъ юрцы и бельгійцы. Конечно, это кое-что, но этого слишкомъ мало: нѣсколько капель воды въ океанѣ, и если бы не было другого средства спасенія, человѣчество успѣло бы десять разъ сгнить раньше, чѣмъ спастись.

«Остается другая надежда: всемірная война. Эти колоссальныя военныя государства рано или поздно должны будутъ уничтожить и пожрать другъ друга. Но какая перспектива!..»

(Конецъ письма не сохранился):

При такомъ душевномъ настроеніи матеріальная нужда должна была особенно сильно давать себя чувствовать. Но въ это время Бакунинъ увлекся новымъ планомъ. Разсчитывая на скорое полученіе денегъ изъ Россіи, онъ пріобрѣлъ въ кредитъ недалеко отъ Лугано за 28.000 франковъ виллу Бессо съ большимъ участкомъ земли [1]). Бакунинъ вздумалъ на старости лѣтъ

[1]) Впослѣдствіи эта вилла пріобрѣтена была скульпторомъ М. Антокольскимъ.

Библиотека "Руниверс"

сдѣлаться огородникомъ и садоводомъ и со свойственной ему фантазіей началъ строить самые химическіе планы. Онъ выписалъ себѣ множество книгъ объ интенсивной культурѣ и производствѣ удобренія; подъ руководствомъ какого-то профессора началъ изучать химію, раздобылъ множество самыхъ разнообразныхъ сѣмянъ и приступилъ къ дѣлу. Прежде всего онъ вырубилъ на своемъ участкѣ всѣ тутовыя деревья, дающія въ той мѣстности главный доходъ, и началъ топить ими печки. Затѣмъ онъ выкопалъ нѣсколько глубокихъ, выложенныхъ камнемъ, ямъ для производства интенсивнаго удобренія; насадилъ фруктовыя деревья, буквально одно на другомъ, а между этими деревьями посѣялъ всѣ свои сѣмена. Все это было обильно полито «усовершенствованнымъ» удобреніемъ, и въ результатѣ все сгорѣло; даже трава перестала расти на несчастномъ участкѣ. Этотъ опытъ, не дешево обошедшійся Бакунину, занялъ у него цѣлый годъ [1]).

Въ августѣ 1875 года Малатеста, посѣтившій Бакунина въ Лугано, нашелъ стараго бойца «въ состояніи разложенія» [2]). Молодые революціонеры уже не узнавали въ теперешнемъ Бакунинѣ великаго учителя, еще недавно вдохновлявшаго ихъ на бранные подвиги. Тѣмъ не менѣе Бакунинъ по прежнему производилъ сильное впечатлѣніе на людей, впервые съ нимъ встрѣчавшихся: такое впечатлѣніе онъ, напримѣръ, произвелъ на Кравчинскаго, который по дорогѣ въ Герцеговину заѣхалъ къ нему съ Россомъ, чтобы познакомиться съ «первосвященникомъ анархіи», а также на молодую русскую революціонерку Веберъ, которая впослѣдствіи подъ псеводнимомъ А. Баулеръ написала интересныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ Бакунина [3]). Когда совершенно разорившійся Кафіеро принужденъ былъ покинуть Баронату и уѣхать въ Миланъ на частную службу, его слуги, Филиппо Маццоти и жена его Маріетта, переѣхали въ Лугано, и здѣсь эти простые люди старались окружить Бакунина самыми трогательными заботами. Вокругъ Бакунина сгруппировался небольшой кружокъ итальянскихъ рабочихъ, съ благоговѣніемъ относившихся къ старому усталому борцу и старавшихся оказывать ему всяческія услуги; и его хладѣющая душа согрѣвалась отъ огня, который онъ нѣкогда самъ зажегъ въ нихъ.

---

[1]) Объ этомъ періодѣ жизни Бакунина имѣются воспоминанія Артура Арну, напечатанныя подъ псевдонимомъ A. Matthey въ журналѣ «La Nouvelle Revue» отъ 1 августа 1891 года, а также воспоминанія А. Баулеръ.

[2]) «En décomposition» (Guillaume, III, 300).

[3]) «Былое», 1907, іюнь, стр. 62—87: «М. А. Бакунинъ наканунѣ смерти».

Библиотека "Руниверс"

«Докторъ,—разсказываетъ А. Баулеръ,—опредѣлилъ у Бакунина болѣзнь мочевого пузыря. Бакунину утромъ и вечеромъ надо было дѣлать какія-то втиранія, прибирать его комнату, а иногда, когда у него бывали сильныя боли, надо было помочь ему одѣться и раздѣться. Все это дѣлали по очереди итальянскіе рабочіе, жившіе тогда въ Лугано.

«Такъ велико было обаяніе его удивительной личности до послѣдняго часа его жизни, что въ небольшой группѣ итальянскихъ анархистовъ-изгнанниковъ, простыхъ сапожниковъ, угольщиковъ и цирульниковъ, Бакунинъ имѣлъ не только друзей, но обожавшихъ его сыновей. Ежедневно сапожникъ Андреа Сантандреа послѣ тяжелой дневной работы приходилъ на виллу укладывать М. А. въ постель и, сдѣлавъ всѣ нужныя манипуляціи, сидѣлъ съ нимъ до глубокой ночи. Утромъ приходилъ Филиппо Маццотти. Были и другіе сидѣльцы-добровольцы, но Бакунинъ не любилъ ихъ услугъ: малѣйшая неловкость раздражала его, хотя раздраженіе свое онъ ничѣмъ не выражалъ, кромѣ глухого стона, а бѣдный доброволецъ при этомъ львиномъ стонѣ терялъ послѣдній признакъ умѣлости. Всѣ эти люди, едва жившіе на ничтожные гроши, не только не получали никакой платы отъ Бакунина, но часто на собственныя деньги покупали для него какія-нибудь нехитростныя лакомства. И если бъ М. А. вздумалъ отказаться принять отъ кого-нибудь изъ нихъ услуги или подарокъ, я знаю, что онъ причинилъ бы имъ величайшее горе и оскорбленіе. Я никогда не видѣла ни раньше, ни позже такой восторженной, безкорыстной преданности. То было любовное, романтическое чувство учениковъ къ учителю, чувство, гдѣ преданность идеѣ сливается съ преданностью личности, несущей идею. Такъ, вѣроятно, нѣкогда складывались отношенія между великими художниками и ихъ учениками, между основателями религій и ихъ ближайшими послѣдователями.

«Я помню, какъ иногда въ воскресный день въ комнату Бакунина приходили двое, трое и больше рабочихъ. Сантандреа сидѣлъ недвижимо и, положивъ локти на столъ, а свою голову римскаго патриція на скрещенныя руки, смотрѣлъ большими черными экстатическими глазами прямо въ ротъ Бакунина. Маццотти, болѣе экспансивный, живой и наивный, улыбался, поддакивалъ, качалъ головой и съ грустью поглядывалъ на меня, жалѣя, очевидно, что я не понимаю великихъ словъ, не могу раздѣлить его восторга [1]). А Бакунинъ, куря папироску за папироской, отпивалъ глотками чай изъ огромной чашки и говорилъ долго и много.

[1]) Такъ какъ Бакунинъ говорилъ съ рабочими по-итальянски.

Библиотека "Руниверс"

Иногда кто-нибудь изъ другихъ присутствовавшихъ что-нибудь возражалъ, и тогда, перебивая другъ друга или говоря заразъ, Сантандреа и Маццотти принимались объяснять и убѣждать, а Бакунинъ слушалъ, одобрительно кивалъ головой или вставлялъ нѣсколько словъ. Вначалѣ я не понимала даже общаго смысла разговора, но, глядя на лица собесѣдниковъ, мнѣ казалось, что около меня происходитъ нѣчто необыкновенно важное и торжественное. Атмосфера такихъ бесѣдъ охватывала меня, создавала во мнѣ—я бы хотѣла сказать, за неимѣніемъ другого выраженія,—молитвенное настросніе. Крѣпла вѣра, стушевывались сомнѣнія. Значеніе личности Бакунина опредѣлялось для меня, фигура его росла. Я понимала, что сила его заключается въ умѣніи завладѣвать душами людей. Для меня не подлежало сомнѣнію, что всѣ эти люди, слушавшіе его, были готовы на все по одному его слову. Онъ владѣлъ ими. Я могла перенести эти впечатлѣнія въ другую обстановку, менѣе интимную, представить себѣ толпу и понимала, что вліяніе будетъ такое же. Только настроеніе энтузіазма тихаго и внутренняго здѣсь станетъ неизмѣримо сильнѣе, атмосфера сдѣлается грознѣе отъ взаимнаго зараженія въ толпѣ.

«Въ чемъ собственно состояли чары Бакунина? Точно этого опредѣлить, думается мнѣ, невозможно, потому что самое вѣрное опредѣленіе будетъ неясная формула: *во всемъ его существѣ*. Не силой убѣжденія онъ дѣйствовалъ, не мысль онъ будилъ своею мыслью, но поднималъ всякое бунтующее сердце, будилъ стихійную злобу. Она охватывала красотой, становилась творческой и рисовала экзальтированной жаждѣ справедливости и счастья исходъ, возможность достиженія: «Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust»,—повторялъ Бакунинъ до конца жизни. Не въ этой ли формулѣ надо искать разгадку его обаянія?

«Наблюдая отношенія М. А. къ простымъ людямъ, я все болѣе удивлялась ему. Часто въ длинныхъ бесѣдахъ вдвоемъ, излагая свои философскіе взгляды и какъ бы ретроспективно развивая свое міросозерцаніе, онъ говорилъ о гегельянизмѣ и оспаривалъ его посылку за посылкой. Я только съ большимъ усиліемъ мысли могла слѣдовать за ходомъ его логики. Тогда онъ удивлялъ меня яркостью своей оригинальной мысли, смѣлостью выводовъ. Когда же я видѣла, съ какой легкостью онъ входилъ въ умственное общеніе съ людьми еле грамотными, съ людьми другого класса, другой расы,—удивленіе мое еще усиливалось. Вѣдь, несмотря на упрощенность жизни и обстановки, Бакунинъ оставался настоящимъ русскимъ барономъ съ головы до ногъ, а между тѣмъ стоялъ съ рабочими на гораздо болѣе равной ногѣ, чѣмъ какой-

Библиотека "Руниверс"

нибудь Малонъ, который, кажется, былъ французскимъ крестьяниномъ по рожденію. Въ отношеніяхъ коммунаровъ, жившихъ въ Лугано, къ рабочимъ мнѣ всегда чувствовалось или заискиваніе, или снисходительность. У Бакунина выходила органически, безъ малѣйшаго усилія, простая дружба. Онъ могъ кричать на Филиппо или на Андреа, какъ на мальчишекъ, могъ держать ихъ подъ гипнозомъ своихъ идей и могъ подолгу разсуждать съ ними объ ихъ и своихъ ежедневныхъ дѣлахъ, выслушивать и сообщить партійныя и городскія сплетни, шутить, острить, хохотать ихъ шуткамъ. Тогда меня это поражало, потому что противорѣчило моей теоріи, по которой выходило, что нельзя быть услышаннымъ народомъ, не ставъ въ его ряды. Потомъ, думая объ этомъ часто и много, я пришла къ заключенію, что именно его свойство настоящаго русскаго барина и помогало ему въ этихъ отношеніяхъ: въ нашихъ крѣпостныхъ нравахъ на практикѣ было много и патріархально-демократическаго».

Матеріальное положеніе Бакунина не переставало ухудшаться; онъ перебивался тѣмъ, что занималъ направо и налѣво по нѣсколько франковъ, которые отдавалъ женѣ на веденіе хозяйства. Въ началѣ февраля 1876 г. кредиторы Бакунина собрались на совѣщаніе и постановили дать ему три мѣсяца сроку для уплаты долговъ. Наконецъ, въ мартѣ г-жѣ Лозовской удалось продать лѣсъ, выдѣленный Бакунину братьями на его пай, и 25 марта онъ получилъ изъ Варшавы первую тысячу рублей изъ доставшагося ему наслѣдства. Скоро выяснилось, что надежды Бакунина на поправку матеріальныхъ обстоятельствъ въ послѣдній разъ жестоко разбиты: г-жа Лозовская привезла съ собою всего 7.000 рублей. Этихъ денегъ не могло хватить на уплату всѣхъ долговъ, и на семейномъ совѣтѣ рѣшено было предоставить виллу кредиторамъ и уѣхать изъ Лугано. Бакунинъ задумалъ переѣхать на жительство въ Неаполь, но такъ какъ послѣ болонскаго дѣла въѣздъ въ Италію былъ для Бакунина невозможенъ, то Гамбуцци началъ хлопотать передъ итальянскимъ правительствомъ, чтобы Бакунину разрѣшено было поселиться въ Италіи: въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ Италіи Никотера, нѣкогда другъ Бакунина и даже участникъ въ его конспираціяхъ. Находившіеся тогда въ Лугано друзья Бакунина смотрѣли на эти хлопоты какъ на окончательное отреченіе стараго революціонера отъ всего своего прошлаго и обвиняли во всемъ его жену, принудившую больного старика вступить на путь компромиссовъ. Итакъ, Бакунину на старости лѣтъ снова приходилось взять въ руки страннический посохъ и пойти навстрѣчу невѣдомой судьбѣ. Птицы небесныя имѣютъ свой кровъ, и

Библиотека "Руниверс"

только сынъ человѣческій не имѣетъ, куда преклонить свою голову...

Бакунинъ стоически выносилъ новые удары судьбы; онъ не жаловался, но сильно палъ духомъ, становился все раздражительнѣе, а болѣзнь усиливалась. Окружавшіе его какъ будто не замѣчали, что дни его сочтены. По цѣлымъ ночамъ Бакунинъ не смыкалъ глазъ и, наконецъ, не въ состояніи былъ уже даже ложиться на постель. «Всѣхъ обманывала его изумительная выносливость,—разсказываетъ Баулеръ.—Когда его терзала боль, онъ упорно молчалъ, и лишь по тяжелому дыханію можно было догадаться, что съ нимъ. Изрѣдка только изъ сжатыхъ губъ въ такія минуты вырывалось нѣчто въ родѣ стона. Когда боль проходила или затихала, онъ веселѣлъ, принимался острить, строить планы будущаго; распекалъ, поощрялъ, училъ и писалъ, пыхтя и массивно сгорбивъ широкую спину... Не потому ли, что смерть уже коснулась его неслышнымъ крыломъ, М. А. такъ много и такъ упорно говорилъ о прошлой жизни, о далекомъ юношествѣ, о давно невиданной русской природѣ? Онъ съ любовью пересказывалъ незначительные эпизоды дѣтскихъ лѣтъ, вспоминалъ собаку Тюрка, чтеніе «Швейцарскаго Робинзона», часто и всегда съ чувствомъ любви вспоминалъ отца... Когда М. А. чувствовалъ себя усталымъ и былъ вслѣдствіе этого неразговорчивъ, онъ заставлялъ меня «разсказывать про деревню». Но его интересовало не характеристика людей или измѣнившіеся съ его времени нравы, а главнымъ образомъ картины русской природы. Иногда онъ спрашивалъ, точно самъ вспоминалъ что-нибудь и хотѣлъ ярче вызвать въ себѣ воспоминаніе: «А было у васъ въ деревнѣ лѣсное болото?» Или говорилъ: «Разскажи-ка, какой у васъ былъ фруктовый садъ». Если мой набросокъ картинки русской природы мнѣ удавался, М. А. черезъ день-другой заставлялъ меня повторить разсказъ: «Ну-ка, разскажи еще про заливные луга».

Наконецъ, когда болѣзнь начала причинять Бакунину нестерпимыя мученія, онъ рѣшилъ поѣхать въ Бернъ къ своему старому другу Адольфу Фогту, чтобы полѣчиться у него. Въ это же время Антонія должна была отправиться въ Римъ и подготовить тамъ все для устройства новаго мѣстожительства. Но для того, чтобы Бакунинъ могъ предпринять свою поѣздку по тессинскому закону требовалось согласіе кредиторовъ, которое и было получено 9 іюня 1876 г. 13-го Бакунинъ выѣхалъ изъ Лугано въ сопровожденіи Сантандреа, и въ тотъ же день жена его тронулась въ Римъ. На Бернскомъ вокзалѣ ждалъ его Фогтъ. Бакунинъ сказалъ ему: «Я пріѣхалъ въ Бернъ для того, чтобы ты поставилъ меня на ноги или же закрылъ мнѣ глаза». Фогтъ немедленно отвезъ его

Библиотека "Руниверс"

въ Маттенгофскую клинику, гдѣ больного поспѣшили навѣстить супруги Рейхели; г-жѣ Рейхель Бакунинъ сказалъ по-русски: «Маша, я пріѣхалъ сюда умереть» [1]).

Бакунинъ страдалъ параличомъ мочеиспускательнаго канала, хроническимъ воспаленіемъ почекъ и гипертрофіей сердца, осложненной водянкою. Несдержаніе мочи заставляло его въ послѣднее время носить машинку, но послѣдняя была недостаточно исправна, что причиняло ему и физическія, и нравственныя мученія. Фогтъ обѣщалъ ему дать послѣ изслѣдованія зондомъ другую, лучшую машинку и прибавилъ: «Прежде всего, другъ мой, тебя нужно заставить вести болѣе упорядочную жизнь». На что Бакунинъ отвѣтилъ: «Ба! я всегда жилъ безпорядочно, и про меня скажутъ: онъ жилъ безпорядочно, но въ порядкѣ умеръ». Рейхель пригласилъ его къ себѣ на чашку чаю, на что Бакунинъ охотно согласился. Большой любитель музыки — вѣдь это онъ сказалъ: «Все пройдетъ и міръ погибнетъ, а Девятая Симфонія останется» [2]), — онъ попросилъ Рейхеля поиграть ему, но сильный приступъ боли заставилъ его не дослушать музыки и вернуться въ клинику, откуда онъ больше уже не выходилъ.

Изслѣдованіе зондомъ произведено было на другой день, 15 іюня. Бакунинъ былъ очень доволенъ своей новой машинкой. Онъ попросилъ, чтобы ему принесли для чтенія Шопенгауера «Міръ какъ воля и представленіе». Въ разговорѣ съ Рейхелемъ по этому поводу онъ замѣтилъ, что вся наша философія исходитъ изъ ложнаго основанія, что она съ самаго начала беретъ человѣка какъ индивидуумъ, а не какъ часть коллектива; отсюда и вытекаетъ большинство философскихъ заблужденій, приводящихъ или къ блаженству на небесахъ, или къ песимизму въ духѣ Шопенгауера и Гартмана. Въ это время Бакунинъ сохранилъ еще всю ясность ума. Въ среду 21-го онъ разговаривалъ еще довольно сознательно. На выраженное Рейхелемъ сожалѣніе, что Бакунинъ такъ и не собрался написать свои воспоминанія, онъ отвѣтилъ: «Скажи-ка на милость, для кого я сталъ бы ихъ писать? Не стоитъ разговаривать. Теперь всѣ народы утратили революціонный инстинктъ. Всѣ они слишкомъ довольны своимъ положеніемъ, а страхъ потерять и то, что у нихъ есть, дѣлаетъ ихъ смирными и инертными. Нѣтъ, если я поправлюсь, то я, пожалуй, напишу

---

[1]) Музыкантъ Адольфъ Рейхель былъ женатъ на Марьѣ Каспаровнѣ Эрнъ, знакомой Герцена по Вяткѣ. Это были старые друзья Бакунина.

[2]) Эти слова Бакунинъ произнесъ, какъ разсказываютъ, во время бесѣды съ Р. Вагнеромъ въ Дрезденѣ. Бакунинъ произвелъ тогда (въ 1849 г.) на Вагнера сильное впечатлѣніе и отчасти привилъ ему свои взгляды, которые Вагнеръ затѣмъ повторялъ при обоснованіи своихъ музыкальныхъ новшествъ. См. Hugo Dinger—R. Wagners Geistige Entwicklung, Band I, стр. 225, и Неттлау—Біографія Бакунина, т. I.

Библиотека "Руниверс"

этику, основанную на принципахъ коллективизма, безъ философскихъ и религіозныхъ фразъ».

Въ четвергъ 22-го Рейхель засталъ его лежащимъ на диванѣ; на вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ, Бакунинъ отвѣтилъ: «Я обалдѣлъ». Начиналась уремія и ея разрушительнсе дѣйствіе на мозгъ. Бакунинъ впалъ въ какое-то оцѣпененіе. Въ субботу онъ призвалъ къ себѣ г-жу Рейхель и продиктовалъ ей порусски письмо къ своей семьѣ. Въ этомъ письмѣ онъ выражалъ надежду, что недѣли черезъ двѣ вернется въ Лугано совершенно выздоровѣвшимъ. Въ тотъ день онъ находился въ полномъ сознаніи. Въ понедѣльникъ 26-го вечеромъ онъ бесѣдовалъ съ Рейхелемъ о музыкѣ, спрашивалъ, сочинялъ ли Бетховенъ фуги, и сурово отозвался о характерѣ и музыкальныхъ произведеніяхъ своего бывшаго сотоварища по дрезденскому возстанію, Вагнера. Въ среду 28-го Фогтъ убѣдился, что болѣзнь Бакунина неизлѣчима; въ этотъ день у него прекратился стулъ и отдѣленіе мочи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сонливость усилилась, и совершенно исчезъ аппетитъ. Съ этого дня онъ уже не вставалъ съ постели и все болѣе погружался въ спячку. Когда Рейхель просилъ его выпить немного бульону, Бакунинъ отвѣтилъ, не открывая глазъ: «Мнѣ ужъ ничего не нужно, моя пѣсенка спѣта».

Въ четвергъ 29-го утромъ г-жа Рейхель предложила больному приготовить для него кашу. «Да, — отвѣтилъ онъ,—свари мнѣ кашу». Когда Рейхель хотѣлъ заставить его выпить немного бульону, Бакунинъ разсердился и сказалъ ему: «Подумайте, что вы дѣлаете со мной, заставляя меня ѣсть. Я знаю, чего хочу». А на вопросъ Рейхеля: «Но каши-то ты поѣшь?» — «Да, — отвѣтилъ онъ, — каша другое дѣло», и все это полнымъ голосомъ. Когда черезъ два часа Рейхель принесъ ему ѣду, онь съѣлъ нѣсколько ложекъ каши. Но положеніе его ухудшалось съ каждой минутой, и онъ все болѣе впадалъ въ безсознательное состояніе. Въ субботу 1 іюля Рейхель и жена его навѣстили его утромъ, а затѣмъ должны были отлучиться. Въ одиннадцать часовъ былъ у него Фогтъ, а въ 12 час. безъ 4 минутъ Бакунинъ испустилъ духъ. Того, что называютъ агоніей, у него почти не было. Онъ умеръ одинокимъ.

«Я не могу, — пишетъ Рейхель, — сказать иначе, какъ слѣдующее: Бакунинъ умеръ, какъ и жилъ, цѣльнымъ человѣкомъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ выступалъ тѣмъ, чѣмъ былъ, безъ фразъ и безъ притворства, и умеръ онъ также съ полнымъ сознаніемъ самого себя и своего положенія. Въ общемъ онъ казался мнѣ утомленнымъ жизнью. Онъ составилъ себѣ правильное сужденіе о современномъ мірѣ и, сознавая, что ему не хва-

Библиотека "Руниверс"

таетъ нужнаго матеріала для свойственной ему дѣятельности, онъ безъ сожалѣнія смежилъ свои очи. Возможно даже,что онъ хотѣлъ умереть, хотя у него никогда не вырывалось слова, указывающаго на такое желаніе».

Какъ мы знаемъ, мысль о смерти, какъ желанной освободительницѣ отъ всѣхъ страданій частнаго и общественнаго характера, за послѣдніе годы неоднократно являлась у Бакунина. И кто знаетъ, отъ какихъ еще новыхъ мученій эта смерть избавила измученнаго жизнью человѣка, обманувшагося такъ жестоко въ своихъ общественныхъ и личныхъ надеждахъ!

3-го іюля соціалисты, съѣхавшіеся съ различныхъ сторонъ Швейцаріи, проводили въ могилу Михаила Бакунина. На могилѣ его произнесены были рѣчи Швицгебелемъ, Жуковскимъ, Джемсомъ Гильомомъ, не закончившимъ своей рѣчи изъ-за душившихъ его рыданій, Элизе Реклю, Карло Сальвіони, Полемъ Бруссомъ и, наконецъ, бернскимъ рабочимъ Бетсиномъ. Среди провожавшихъ прахъ Бакунина было не мало и русскихъ, въ томъ числѣ студентокъ. Послѣ похоронъ состоялось собраніе въ помѣщеніи соціалъ-демократическаго союза. Тамъ единогласно всѣми пристутствующими, безъ различія національностей, высказано было пожеланіе, чтобы надъ гробомъ Михаила Бакунина были забыты всѣ раздоры чисто личнаго характера, и чтобы на почвѣ свободы создалось объединеніе всѣхъ фракцій соціалистической партіи Стараго и Новаго свѣта.

Особенно сильное впечатлѣніе смерть Бакунина произвела среди итальянскихъ революціонеровъ, которые смотрѣли на Бакунина, какъ на настоящаго отца соціализма въ Италіи. Многочисленныя статьи въ соціалистическихъ газетахъ, резолюціи, вотированныя истальянскими секціями Интернаціонала по поводу смерти Бакунина, приняли характеръ настоящей манифестаціи сознательныхъ итальянскихъ рабочихъ въ память погибшаго борца. Какъ живо итальянскіе соціалисты почувствовали потерю Бакунина, видно изъ разсказа А. Баулеръ о томъ, какъ встрѣтилъ извѣстіе о его смерти кружокъ рабочихъ, окружавшихъ его въ Лугано. «Когда я безъ всякихъ подготовленій, на порогѣ двери, сказала: Michele e morto, я даже испугалась собственныхъ словъ—такое потрясающее впечатлѣніе они произвели, Плакали не одни бакунисты, плакали и швейцарцы, только слыхавшіе о Бакунинѣ отъ товарищей по мастерской. Сантандреа кинулся наземь, билъ ногами по полу, какъ ребенокъ, и плакалъ навзрыдъ. Я увела его въ квартиру Маццотти, гдѣ онъ долго не могъ успокоиться. Да и трудно было успокаивать его людямъ, которые были почти въ такомъ же состояніи. Отъ этого дня у

Библиотека "Руниверс"

меня осталось смутное впечатлѣніе ужаса катаклизма. Рушились какія-то великія надежды, уходила изъ-подъ ногъ почва, и вмѣстѣ съ тѣмъ горе это экзальтировало надежды, укрѣпляло увѣренности... Личность Бакунина выросла для насъ въ день полученія о его кончинѣ до сверхъестественныхъ размѣровъ и подняла насъ самихъ на болѣе высокій уровень. Куда бы не отнесли насъ потомъ волны жизни, но у каждаго изъ насъ, сидѣвшихъ тогда въ бѣдной рабочей комнатѣ, билось сердце гордаго, свободолюбиваго, независимаго человѣка, ненавидящаго всякій родъ стаднаго рабства. Какъ ни чужды были мы другъ другу по расѣ, привычкамъ жизни, общественному положенію—любовь къ учителю, внушенныя имъ идеи дѣлали изъ насъ настоящихъ братьевъ. Только впечатлѣнія кровной близости съ этими простыми людьми остались неизгладимо въ моей памяти, отношеніе къ смерти М. А. его культурныхъ друзей совершенно изгладилось».

Нѣкоторыя соціалъ-демократическія газеты, какъ напримѣръ Лиссабонскій Protesto, помѣстили сочувственныя замѣтки и статьи о Бакунинѣ. Protesto, примыкавшій къ марксистскому теченію, писалъ въ № 49: «Съ сожалѣніемъ мы отмѣчаемъ смерть Михаила Бакунина, игравшаго одну изъ первыхъ ролей въ движеніи современнаго пролетаріата. Надъ его могилою должна утихнуть борьба, которая въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ его жизни велась въ рядахъ пролетарской партіи, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ обдуманныхъ актовъ его общественной жизни, мы должны почувствовать боль отъ его смерти, какъ отъ смерти одного изъ самыхъ энергичныхъ революціонныхъ соціалистовъ».

Даже нѣкоторыя буржуазныя газеты сочувственно отозвались на извѣстіе о смерти Бакунина. Органъ базельскихъ «демократовъ» Vorwärts посвятилъ его памяти статью, въ которой между прочимъ говорилось: «Бакунинъ, бывшій атлетомъ въ физическомъ отношеніи, былъ также гигантомъ духа. Однако, при всей его неуротимой энергіи и сжигавшемъ его жарѣ, ему не хватало практическаго чутья. Съ Бакунинымъ исчезла мощная личность, подобная которой рѣдко попадается въ исторіи. Если бы онъ поддался обольщеніямъ своихъ собратьевъ по русской аристократіи и поступилъ на государственную службу, то, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, онъ безъ сомнѣнія достигъ бы въ своемъ отечествѣ столь же высокаго положенія, какъ то, какое Бисмаркъ занимаетъ въ Германіи. Если бы онъ остался въ рядахъ арміи и вмѣсто того, чтобы посвятить свои выдающіяся способности изученію философскихъ и соціальныхъ вопросовъ, примѣнялъ бы ихъ къ военнымъ дѣламъ, то онъ, быть можетъ,

Библиотека "Руниверс"

сдѣлался бы русскимъ Мольтке и закончилъ бы свои дни во славѣ и окруженный офиціальными почестями. Но онъ не искалъ почестей, а стремился къ *наукѣ*; онъ не желалъ славы, а жаждалъ *истины*. И съ нимъ случилось то, что случается со всѣми тѣми, кто не ищетъ своей личной выгоды, а хочетъ жить для человѣчества; онъ принужденъ былъ кочевать изъ страны въ страну, гонимый и преслѣдуемый сильными міра сего, какъ хищный звѣрь. Онъ не оставилъ прочныхъ плодовъ своей дѣятельности, его ученія неспособны были привести къ ихъ созрѣванію. Онъ пребудетъ въ исторіи подобно старой гигантской соснѣ, которая наперекоръ бурямъ высится на вершинѣ скалы, поражаемой молніями: это фигура импозантная, но не несущая съ собою благословенія».

Къ сожалѣнію, нѣкоторые органы, слишкомъ живо еще помнившіе о недавнихъ схваткахъ въ рядахъ Интернаціонала и считавшіе Бакунина главнымъ виновникомъ произошедшаго раскола, не сумѣли на этотъ моментъ вполнѣ освободиться отъ партійнаго духа и дать правильную объективную оцѣнку этой великой исторической фигурѣ. Такъ въ цюрихской Tagwacht появилась статья, въ которой говорилось: «Бакунинъ умеръ въ Бернѣ. Онъ пережилъ свою славу и давно уже прошло то время, когда русская молодежь внимала его словамъ, какъ глаголу пророка[1]). Бакунинъ причинилъ много вреда рабочему движенію, пока ему не помѣшали продолжать эту работу. Изданная по постановленію Гаагскаго конгресса брошюра, разоблачивъ бакунистскій заговоръ, нанесла смертельный ударъ старому интригану. Онъ опубликовалъ въ Journal de Génève заявленіе, въ которомъ сообщалъ, что окончательно отстраняется отъ политической жизни, и сдержалъ свое слово въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Бакунинъ былъ законченнымъ типомъ конспиратора; но въ теченіе всей своей жизни онъ никогда въ сущности не зналъ, чего онъ хочетъ, впадая изъ одного противорѣчія въ другое и внося самую ужасную путаницу. Такъ, напримѣръ, установивъ въ своемъ тайномъ Альянсѣ настоящую деспотическую диктатуру (?) въ русскомъ духѣ, онъ въ то же время въ рядахъ Интернаціонала напалъ, какъ на «авторитарную», на организацію, въ которой совершенно не было элемента властности. Многіе добрые соціалисты, люди безпристрастные, считали Бакунина русскимъ агентомъ; это подозрѣніе — несомнѣнно ошибочное — основалось на томъ

[1]) Между тѣмъ почти вся русская революціонная молодежь была тогда бакунистской, и какъ разъ къ этому времени идеи бунтарства въ Россіи окончательно вытѣснили всѣ другія направленія.

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ М. А. Бакунина на городскомъ кладбищѣ въ Бернѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

фактѣ, что разрушительная дѣятельность Бакунина принесла революціонному движенію только вредъ, тогда какъ она была очень на руку реакціи».

Такимъ образомъ пожеланіе о томъ, чтобы надъ гробомъ Бакунина умолкли старые счеты, не осуществилось, по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ. Слишкомъ живо было еще воспоминаніе о междусобной борьбѣ въ рядахъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ. Да и самъ Бакунинъ, человѣкъ боевого темперамента по преимуществу, не склоненъ былъ къ ложному сентиментализму, и личность его очень мало располагала къ идилліи. Тѣмъ болѣе, что борьба между двумя теченіями соціально-революціонной мысли со смертью Бакунина не прекратилась. Правда, анархическій Интернаціоналъ, основанный его послѣдователями, просуществовалъ недолго, и скоро большинство входившихъ въ него элементовъ примкнули къ международной соціалъ-демократіи. Тѣмъ не менѣе осталось достаточно анархистовъ, которые, особенно въ романскихъ странахъ, сумѣли привлечь къ себѣ новыя силы и направить значительную, если не главную, свою энергію на борьбу съ соціалъ-демократическими рабочими партіями. Отчасти духомъ бакунизма окрашено движеніе такъ-называемаго «революціонанаго синдикализма», какъ это не перестаетъ настойчиво подчеркивать Гильомъ[1]). Это обостреніе борьбы между анархистами и соціалистами несомнѣнно является однимъ изъ главныхъ факторовъ, питающихъ непріязнь, хотя бы чисто теоретическую, къ Михаилу Бакунину, и оно мѣшаетъ отнестись къ нему съ надлежащею объективностью,дать ему правильную историческую оцѣнку и опредѣлить значеніе его революціонной дѣятельности. Теперь настала пора воздать должное этой незаурядной исторической фигурѣ и признать, что въ общемъ и цѣломъ ея недостатки далеко перевѣшивались ея достоинствами, и что въ общей экономіи мірового пролетарскаго движенія привнесенные Бакунинымъ плюсы заставляютъ поблѣднѣть его минусы. И никто не призванъ въ такой степени къ выполненію этого долга исторической справедливости, какъ соціалъ-демократія русская, считающая въ числѣ своихъ родоначальниковъ не только Маркса, но въ извѣстномъ смыслѣ и Бакунина, и соціалъ-демократія нѣмецкая, которой въ свое время пришлось нанести наибольшее число жестокихъ ударовъ его памяти. Вспоминая участіе Бакунина, этого воспитанника нѣмецкой философіи, въ борьбѣ за нѣмецкую революцію на баррикадахъ Дрездена, Мишле когда-то писалъ: «Когда Гер-

[1]) Въ своей исторіи Интернаціонала (ср. напр., Предисловіе къ четвертому тому) и въ отдѣльныхъ статьяхъ.

Библиотека "Руниверс"

манія станетъ Германіей, этому русскому будетъ тамъ воздвигнутъ алтарь». Пролетаріатъ не воздвигаетъ алтарей, но если не матеріальнаго памятника, то признательной памяти въ сердцахъ рабочаго класса Бакунинъ несомнѣнно заслуживаетъ [1]).

Ю. *М. Стекловъ.*

Въ статьѣ Ю. М. Стеклова между прочимъ идетъ рѣчь объ отношеніяхъ М. А. Бакунина къ А. Россу. Мы обратились къ г. Россу съ просьбою высказаться по поводу свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Стéкловымъ объ этихъ отношеніяхъ, и ниже печатаемая статья (въ отдѣлѣ воспоминаній) служитъ отвѣтомъ на нашу просьбу. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Учебные годы А. Н. Радищева [1]).

III. Первый періодъ петербургской жизни. 1771—1775.

Возвращеніе въ Россію.—Первыя впечатлѣнія.—Служба Радищева и Кутузова въ Сенатѣ.— Судьба другихъ питомцевъ лейпцигскаго университета.—Выходъ Радищева въ отставку.—Дружба съ Кутузовымъ.—Переводъ изъ Мабли.—Примѣчанія къ переводу.—Изданіе перевода Н. И. Новиковымъ.—«Офицерскія упражненія».—Служба въ военномъ судѣ.—Занятія Радищева.—Англійскій клубъ.—Связи съ масонствомъ.—Вопросъ объ участіи Радищева въ «Живописцѣ».

Закончивъ курсъ наукъ, Радищевъ, Кутузовъ и Рубановскій выѣхали изъ Лейпцига въ серединѣ октября 1771 года. Яновъ, окончившій курсъ вмѣстѣ съ ними, по предложенію изъ Петербурга, былъ оставленъ въ Германіи для дипломатической службы при саксонскомъ посольствѣ у кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Четверо товарищей ихъ уѣхало раньше: въ 1769 г.—Михаилъ Ушаковъ, рѣшившій перемѣнить свою карьеру на военную; Челищевъ и Трубецкой, отозванные за годъ раньше, чѣмъ остальные (въ 1770 г.), и Насакинъ, уѣхавшій въ Россію въ началѣ 1771 года. Трое умерло (Ѳ. Ушаковъ, А. Корсаковъ и кн. Несвижскій), и одинъ изъ всѣхъ 12 молодыхъ дворянъ остался еще на 2 года въ Лейпцигѣ (В. Зиновьевъ).

Снабженные аттестатами профессоровъ, у которыхъ они учились,—Радищевъ, Рубановскій и Кутузовъ пріѣхали въ Петербургъ въ 20-хъ числахъ ноября 1771 года [2]). Длинный мѣсячный путь изъ Германіи въ Россію три товарища совершали съ особеннымъ нетерпѣливымъ чувствомъ. «Вспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую... Если кто не понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такового, и что не могли бы мы тогда жертво-

---

[1]) См. „Гол. Мин." № 3.

[2]) Сб. Р. И. Об-ва, X, 128. Письмо кн. Бѣлосельскаго отъ 22 окт. 1771 года.—«Путеш.» изд. подъ ред. Павлова-Сильванскаго. Примѣч., стр. 285.--Русскій Архивъ 1870 г., стр. 946. Письмо Н. И. Зиновьева отъ 25 нояб. 1771 г.

Библиотека "Руниверс"

вать и жизнью для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго»[1]). Пять лѣтъ были проведены за границей подъ живительнымъ вліяніемъ просвѣтительной литературы и лейпцигскихъ профессоровъ, въ той атмосферѣ предреволюціоннаго броженія, въ которой жила вся Европа. Пять лѣтъ шла незамѣтная выработка высокихъ идеаловъ и личнаго и общественнаго совершенствованія. Гуманныя теоріи, воспитавшія молодыхъ дворянъ на чужбинѣ, не составляли тамъ бьющаго въ глаза контраста съ дѣйствительностью; поэтому окружающая жизнь не давала себя чувствовать, и все образованіе свое молодые люди почерпали изъ книгъ и лекцій, а единственными уроками жизни для нихъ явились столкновенія съ Бокумомъ и воспитателями. И вотъ эти тепличныя растенія изъ чуждой среды, культивировавшей въ ихъ душахъ высокую гуманность и сильное стремленіе къ свободѣ,—попадаютъ въ свою родную страну. Туда, за-границу до нихъ могли доходить только свѣдѣнія о блестящихъ войнахъ, которыя вела Екатерина; они знали, вѣроятно, о знаменитой комиссіи 1767 года и знаменитомъ Наказѣ, который былъ овѣянъ духомъ трактата Беккаріи, того самого трактата, о которомъ они слышали на лекціяхъ проф. Гоммеля или отъ своего товарища Ушакова; можетъ быть, проѣзжія знатныя особы и военные люди, какъ Ѳ., Алексѣй Орловъ, Н. Е. Муравьевъ [2]), А. Зиновьевъ [3]) и др. военные и моряки, отправлявшіеся на театръ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, разсказывали своимъ молодымъ соотечественникамъ объ увлеченіяхъ въ Россіи французскими политическими писателями и философами. Но объ отрицательныхъ явленіяхъ подлинной русской дѣйствительности, объ ужасахъ крѣпостного права—они едва ли могли знать даже по разсказамъ. Молодые люди только что сошли съ тѣхъ скамей, передъ которыми Платнеръ во вдохновенныхъ рѣчахъ проводилъ связующую нить между философіей и жизнью, открывалъ имъ глаза на несовершенство законовъ, управляющихъ современными обществами и порождающихъ неравенство, нищету и роскошь, говорилъ объ очерствѣвшихъ сердцахъ у сильныхъ міра, заглушающихъ въ себѣ голоса природы и совѣсти и стремящихся держать народъ въ невѣжествѣ, говорилъ объ отсутствіи живой, въ дѣлахъ воплощаемой вѣры [4]). Но и это все было далекимъ отъ родной дѣйствительности. И намъ понятно, какъ тяжело было соприкосновеніе съ нею для молодыхъ людей, ѣхавшихъ въ Рос-

[1]) «Собр. соч.», I. 31.
[2]) I., 33. и «Сочин. Р-ва» изд. подъ ред. П. Ефремова. 1872 г., т. II, примѣчанія стр. 417.
[3]) Русскій Архивъ 1870.
[4]) М. Сухомлиновъ. Ист. Росс. Акад., VI, 18.

Библиотека "Руниверс"

сію въ состояніи того высокаго чувства самоотверженія, о которомъ разсказываетъ самъ Радищевъ. «Признаюсь, говоритъ дальше Радищевъ: и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило» [1]). Изъ своего лейпцигскаго далека они рисовали себѣ Россію совсѣмъ въ иныхъ краскахъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ предстала передъ ними она—подлинная.

Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ Радищевъ и Кутузовъ были опредѣлены въ Сенатъ протоколистами. Н. И. Зиновьевъ, который въ письмахъ къ сыну за границу, постоянно твердилъ ему о дальнѣйшей карьерѣ, писалъ по этому поводу: «Кутузовъ съ товарищами пожалованы въ титулярные совѣтники, то уповаю, что тебѣ, можетъ быть, чинокъ излишній дадутъ, ежели ты выучишься изрядно» [2]). Позднѣе, когда опредѣлялся на службу ихъ товарищъ Козодавлевъ, то Екатерина II придала такому же назначенію характеръ награды за ревностную службу въ пажахъ: «Осипа Козодавлева, который при дворѣ нашемъ пажемъ служилъ, за оказанную его къ службѣ нашей ревность и прилежность въ наши сенатскіе протоколисты въ рангъ сухопутнаго капитана всемилостивѣйше пожаловали» [3]). Очевидно, и назначеніе пажей Радищева и Кутузова было такимъ же всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ. Кромѣ того, оно имѣло цѣлью познакомить ихъ съ русскимъ законодательствомъ, потому что въ лейпцигскомъ университетѣ они не могли заполнить этого пробѣла. Козодавлевъ въ своемъ прошеніи при опредѣленіи на службу указывалъ именно на этотъ пробѣлъ: «а потому, что я ни обрядовъ, ни правъ россійскихъ не знаю, то покорно прошу мнѣ такое мѣсто дать, гдѣ бы онымъ научиться могъ» [4]). Козодавлевъ очень быстро сдѣлалъ свою карьеру на нивѣ народнаго просвѣщенія, куда попалъ послѣ знакомства съ «правами и обрядами россійскими». Въ сенатѣ онъ оставался до 1783 г., получивъ послѣдовательно два назначенія на судебно-административномъ поприщѣ. Въ 1783 г. онъ—совѣтникъ академіи наукъ, а въ 1784—членъ комиссіи о народныхъ училищахъ,—въ должностяхъ высокихъ, съ возможностью самой широкой инициативы.

Иной была судьба Радищева и Кутузова. Они не такъ легко, какъ Козодавлевъ, приспособились къ русской дѣйствительности, особенно Кутузовъ, который очень скоро отдался весь масонству, въ ихъ мистическія ученія вложилъ всю свою «schöne

[1]) «Собр. Соч.» I. 31.
[2]) Русск. Арх. 1870.
[3]) Сухомлиновъ. Ист. Росс. Акад., VI, 28.
[4]) Тамъ же, 27.

Библиотека "Руниверс"

Seele» и нашелъ въ нихъ забвеніе отъ окружающихъ жизненныхъ противорѣчій.

О другихъ лейпцигскихъ товарищахъ Радищева мы имѣемъ мало свѣдѣній. Рубановскій совершенно исчезаетъ изъ нашего поля зрѣнія, и мы не знаемъ, въ чемъ онъ нашелъ выходъ изъ противорѣчія идеаловъ съ дѣйствительностью, не знаемъ даже, возникли ли они у него. Повидимому, онъ служилъ первые годы, въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ имя его упоминается въ числѣ посѣтителей ложи «Уранія» въ 1773 г. [1]). Зиновьевъ оправдалъ надежды своего отца и прошелъ жизненный путь въ блестящей дипломатической службѣ. Онъ посѣщаетъ Германію, Италію, Англію, впитываетъ въ себя ихъ культуру, наслаждается красотами природы и шедеврами искусства. Потребность въ общеніи онъ выливаетъ въ форму дружбы съ гр. С. Р. Воронцовымъ, кн. П. Д. Цицiановымъ. Пріѣзжая въ Петербургъ, онъ вращается въ высокихъ кругахъ, среди людей, стоящихъ въ первыхъ рядахъ общества, и не они, конечно, могли бы открыть ему глаза на русскую дѣйствительность [2]). Правда, въ заграничныхъ путешествіяхъ онъ вращается также въ кругахъ масоновъ и попадаетъ въ члены ихъ ложъ (въ 1785г.). Но его мистическая настроенность другого происхожденія, чѣмъ у тѣхъ, кто ушелъ въ масонство съ его экзальтаціей и таинственнымъ ритуаломъ отъ безотрадной жестокой жизни, послѣ тяжелыхъ попытокъ подойти къ ней, попытаться приложить свои юношескіе порывы, свою вѣру къ ея ужаснымъ язвамъ. Зиновьевъ, правда, можетъ мимоходомъ поговорить съ гр. Воронцовымъ объ англійскомъ судѣ присяжныхъ, о необходимомъ ограниченіи помѣщичьяго произвола, о лучшей организаціи войска [3]); но все это не выходитъ изъ рамокъ общихъ мѣстъ, а въ сущности—не его сфера, не его жизненное дѣло. Какъ просвѣщенный помѣщикъ, въ своемъ селѣ въ Новгородской губерніи онъ открываетъ училище для 12 крестьянскихъ мальчиковъ (1789 г.) [4]). Но какъ Зиновьевъ вышелъ изъ коллизіи прививавшихся ему въ Лейпцигѣ взглядовъ и рабства, которое въ Россіи проникало всѣ сферы общественныхъ отношеній и всюду вносило свою разлагающую струю? Объ этомъ мы ничего не знаемъ, и изъ длиннѣйшихъ дневниковъ, замѣтокъ, воспоминаній и писемъ Зиновьева мы не сможемъ просѣять ни малѣйшаго намека на то, что̀ дѣлать, напримѣръ, съ крѣпостнымъ правомъ.

---

[1]) Лонгиновъ, М. Новиковъ и московскіе мартинисты. стр. 97.
[2]) «Изъ семейнаго архива села Вытебити» Русск. Арх. 1870, 933—934.
[3]) Тамъ же, 934.
[4]) Московск. Вѣдомости 1789, № 16, отъ 24 февраля. Перепечатано въ Русск. Стар. 1878, т. XXIII, стр. 404, примѣч.

Библиотека "Руниверс"

Изъ ранѣе вернувшихся въ Россію кн. Трубецкой умеръ еще въ 1771 году [1]), а Мих. Ушаковъ и П. И. Челищевъ не выдвинулись «на чредѣ замѣтной». Ушаковъ, который не пробылъ въ Лейпцигѣ и двухъ лѣтъ, тяготясь науками, необходимыми «въ службѣ политической и гражданской» поступилъ въ военную службу [2]). Въ военную же службу ушелъ и Челищевъ. Его жизнь остается какъ-то въ тѣни, хотя все время онъ не прерываетъ дружескихъ сношеній съ Радищевымъ [3]). Имя его всплываетъ въ связи съ судомъ надъ Радищевымъ. Екатерина II высказала предположеніе, что и Челищевъ принималъ участіе въ составленіи «зловредной книги» Радищева, но подозрѣніе вскорѣ разсѣялось. Челищевъ тогда былъ въ отставкѣ, въ невысокомъ чинѣ секундъ-маіора: должно быть, его преслѣдовали какія-нибудь неудачи на жизненномъ пути, и въ военной службѣ онъ былъ на плохомъ счету [4]). Изъ всѣхъ товарищей по университету въ петербургскій періодъ своей жизни Радищевъ былъ близокъ больше всего съ Челищевымъ и Кутузовымъ. Первый по духу, вѣроятно, былъ даже ближе ему, чѣмъ Кутузовъ, такъ далеко стоявшій отъ подлинной жизни. Наоборотъ, Челищевъ весь въ ней. Какъ и Радищевъ, сынъ совсѣмъ незнатнаго дворянина, воронежскаго гарнизоннаго секундъ-маіора, онъ долженъ былъ пробиваться своими личными качествами и личнымъ трудомъ. Его взгляды — отголосокъ лейпцигскихъ годовъ, очень близки убѣжденіямъ Радищева и, поскольку мы знаемъ ихъ изъ интереснаго дневника путешествій Челищева, по всей вѣроятности, и были причиной служебныхъ неуспѣховъ и ранняго выхода въ отставку. У Радищева было больше страстности въ характерѣ, взамѣнъ мирнаго, религіознаго настроенія Челищева. Вліяніе лейпцигскихъ годовъ сказалось сильнѣе и глубже на Радищевѣ и болѣе бурно проявилось у него впослѣдствіи, потому что въ Лейпцигъ Радищевъ попалъ, будучи значительно моложе своего товарища, съ душою, готовой еще для безраздѣльнаго воспріятія какого угодно вліянія. Челищеву же было 22 года, когда онъ сѣлъ на ученическую скамью, и уѣхалъ онъ значительно раньше изъ Лейпцига, не пройдя, вѣроятно, той полосы увлеченій, которая запечатлѣна именемъ Мабли и которая легла самымъ послѣднимъ слоемъ на міровоззрѣніи Радищева.

Итакъ, Радищевъ и Кутузовъ въ Россіи, оба—протоколистами въ сенатѣ для пополненія чужеземнаго образованія знаніемъ за-

[1]) Библіогр. записки 1859, № 17, стр. 541.
[2]) Сб. Росс. Ист. Об-ва, т. X, 115, 116.
[3]) «Собр. Соч. Р-ва» подъ ред. Бороздина, т. II, стр. 410.
[4]) П. Челищевъ. Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году. Спб. 1886 г. Предисловіе Л. Майкова, стр. VII.

Библиотека "Руниверс"

коновъ, правъ и обрядовъ родной страны. Вскорѣ обнаружился и другой пробѣлъ. Пятилѣтнее пребываніе на чужбинѣ отозвалось на ихъ знаніи русскаго языка. Въ пажескомъ корпусѣ на изученіе родного языка во времена Радищева не обращалось никакого вниманія. Въ Лейпцигѣ, точно такъ же, русскій языкъ мало употреблялся даже въ домашнемъ обиходѣ, особенно тогда, когда студенты совершенно овладѣли нѣмецкимъ языкомъ; на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ они привыкли говорить и писать [1]). Словомъ, пажами ихъ учили преимущественно французскому языку, въ университетѣ—нѣмецкому, а родному языку имъ пришлось обучаться самимъ же въ Россіи. Незнаніе языка Николай Радищевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ выставляетъ, какъ одну изъ причинъ, почему Кутузовъ и Радищевъ оставили службу въ сенатѣ: «незнаніе русскаго языка, товарищество съ приказными и обхожденія высшихъ чиновниковъ, не отличавшихъ ихъ отъ прочихъ приказно-служителей, сдѣлали имъ сей родъ служенія противнымъ» [2]). Радищевъ и Кутузовъ пробыли въ сенатѣ два года и ушли оттуда, не вынося, очевидно, общаго духа, общей атмосферы, царившей въ этомъ высшемъ судебномъ учрежденіи. Странички изъ «Путешествія», гдѣ говорится о судѣ и службѣ, внушены, вѣроятно, воспоминаніемъ объ этихъ двухъ годахъ. Еще въ Лейпцигѣ Радищевъ слышалъ отъ Ѳ. Ушакова разсказы о томъ, что награждаются вовсе не достойнѣйшіе по службѣ, а сумѣвшіе снискать расположеніе своихъ начальниковъ. «Изъ нѣсколькихъ милліоновъ служащихъ людей едва единое сто служатъ (отечеству); всѣ другіе служатъ вельможамъ» [3]). Здѣсь, въ сенатѣ Радищевъ имѣлъ возможность убѣдиться во всемъ этомъ на личномъ опытѣ. Одинъ отрывокъ изъ «Житія Ѳ. В. Ушакова» подтверждаетъ приведенное выше сообщеніе Николая Радищева о причинахъ ухода въ отставку. Это—слова которыми друзья Ушакова убѣждали его не рисковать служебной карьерой и не ѣхать въ Лейпцигъ, потому что не знанія цѣнятся на службѣ. Эти строки такъ ярко рисуютъ картины возвращенія изъ Лейпцига, юношескую мечту приложить къ большому дѣлу, накопленныя знанія, наконецъ, разочарованіе во всемъ этомъ, что, несомнѣнно,—въ нихъ отразились дѣйствительныя переживанія Радищева и Кутузова. «Положимъ, что ты пребываніемъ

[1]) Со стороны отца одного изъ русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ высказывались частыя нареканія на сына за то, что письма домой онъ пишетъ по-нѣмецки, и частыя просьбы писать ихъ по-русски («Архивъ села Вытебити» Русск. Архивъ 1870, стр. 935. 936, 941, 942, 945). Только незадолго передъ отъѣздомъ Радищева изъ Лейпцига туда былъ присланъ учитель русск. языка. (Сб. Росс. Ист. О-ва, X, 126).

[2]) Русск. Старина 1872, т. VI, ноябрь, стр. 575.

[3]) «Полн. Собр. Соч. Р-ва», подъ ред. Бороздина, I, 14—15.

Библиотека "Руниверс"

своимъ въ училищѣ пріобрѣтешь знанія превосходнѣйшія, что достоинъ будешь управлять не токмо важнымъ отдѣленіемъ, но достоинъ будешь вѣнца; неужели думаешь, что тебя Государь поставитъ на первую по себѣ степень? Тщетная мечта юнаго воображенія! По возвращеніи твоемъ имя твое будетъ забыто... Ты помѣстишься въ число такихъ людей, кои не токмо не равны будутъ тебѣ въ познаніяхъ, но и душевными качествами иногда ниже скотовъ почесться могутъ; гнушаться ихъ будешь, но ежедневно съ ними обращаться долженъ. Окрестъ себя узришь нерѣдко согбенные разумы и души, и самую мерзость. Возненавидѣнъ будешь ими; пожнутъ тебя, да оставишь ристаніе имъ свободно. А если тогда начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующіе ему, берегись: гибель твоя неизбѣжна» [1]).

Въ подобное же положеніе, очевидно, попали и Радищевъ съ Кутузовымъ; и къ этимъ годамъ службы въ сенатѣ могутъ быть отнесены слова Радищева о томъ, что «послѣдовавшее по возвращеніи» ихъ—жаръ въ нихъ «гораздо умѣрило».

«О, вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, восклицаетъ Радищевъ, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юности. Единожды смиривъ его, нерѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою» [2]). Это калѣчество — расколъ въ душѣ Радищева, внесенный первымъ столкновеніемъ съ чиновничьей Россіей. Жизнь требовала одного, высокіе идеалы другого. Непримиримость этого, сознаваніе себя одинокимъ воиномъ, необходимость принесть свои идеалы въ жертву россійской дѣйствительности — калѣчили душу, заглушая ея высокіе порывы. Первымъ ушелъ изъ сената Кутузовъ; онъ вышелъ въ армію капитаномъ. Вслѣдъ за нимъ и Радищевъ уже въ 1773 г. переходитъ на военно-судебную должность оберъ-аудитора, въ штабъ генералъ-аншефа Я. А. Брюса.

Всѣ эти годы петербургской жизни вплоть до своей женитьбы Радищевъ проводитъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Еще пажами и студентами въ Лейпцигѣ они жили въ одной комнатѣ. Лейпцигъ ихъ очень сблизилъ, и эта совмѣстная жизнь въ теченіе 14 лѣтъ (1762—1775), несомнѣнно, сказалась въ обоюдномъ вліяніи ихъ другъ на друга. «Нравы наши и характеры были довольно сходны, такъ что, взявъ все сіе вкупѣ, составило между нами довольно тѣсную дружбу»,—вспоминалъ впослѣдствіи Кутузовъ [3]). Но уже тогда намѣтились разногласія. Кутузовъ говоритъ, что разно-

---

[1]) Тамъ же, I, 15.
[2]) Тамъ же, 31.
[3]) Русск. Стар. 1896, т. 88, стр. 329.

Библиотека "Руниверс"

гласія эти находились «въ головахъ, а не въ сердцѣ» [1]). Кутузовъ какъ-будто бы только повторилъ признаніе самого Радищева въ посвященіи «Путешествія»: «Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно» [2]). Письма Кутузова изъ Берлина къ московскимъ масонамъ даютъ кое-какой матеріалъ для оцѣнки этихъ разногласій. Правда, съ письмами Кутузова нужно быть очень осторожными, такъ какъ всѣ они разсчитаны на перлюстрацію московскаго почтъ-директора Пестеля.

Кутузовъ постоянно отгораживается отъ Радищева, выставляя себя «врагомъ всякаго возмущенія», человѣкомъ, считающимъ, «что критика настоящаго правленія есть не позволенное дѣло и ни мало не принадлежитъ литературѣ» [3]). Но если рѣзкость многихъ этихъ «открещиваній» въ письмахъ Кутузова и нѣсколько преувеличена, то доля истины о сущности разногласій въ нихъ все-таки заключается. Въ долгіе годы знакомства съ русской дѣйствительностью въ душѣ Радищева подготовлялся и нарасталъ тотъ протестъ, который вылился на страницахъ знаменитой книги. Кутузовъ по складу характера былъ не способенъ на такой протестъ, а, можетъ быть, и искренно считалъ, что онъ (протестъ) «ни мало не принадлежитъ литературѣ». Кутузовъ просто отвернулся отъ дѣйствительности. Воспитанникъ гуманныхъ теорій и идеаловъ французской философіи, молодой дворянинъ не въ силахъ былъ ни «принять» негуманную русскую дѣйствительность, ни разобраться въ причинахъ, отчего жизнь стала какимъ-то «чудищемъ облымъ». Кутузовъ нашелъ «выходъ» сначала—въ военныхъ походахъ подъ предводительствомъ Румянцева, а потомъ—въ мистикѣ масонства. Онъ замкнулся въ ней совершенно, и, уйдя отъ дѣйствительности, погрузился въ состояніе безразличія, въ которомъ не понялъ значенія Радищевскаго протеста. Это состояніе безразличія, непониманія, дошло до того, что онъ торгуется съ братомъ изъ-за дворовыхъ и крѣпостного парикмахера при продажѣ своихъ деревень [4])—въ то время, какъ Радищевъ за горячій протестъ противъ крѣпостного права ссылается въ Сибирь и изъ крѣпости проситъ родныхъ отпустить на волю его дворовыхъ. Эта узость Кутузова могла развиться уже въ тѣ годы, когда Радищевъ поддерживалъ сношенія съ нимъ только перепиской, а годы совмѣстной жизни обоихъ друзей могли быть окрашены большей общностью ихъ настроенія и взглядовъ. Въ

[1]) Тамъ же, 329.
[2]) Полн. Собр. Соч., I, 49.
[3]) Сб. статей, посвященн. С. Ѳ. Платонову. Спб. 1911.—Е. Тарасовъ.—Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ., стр. 232.
[4]) Тамъ же, стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

характерѣ Кутузова, («въ сердцѣ») въ противоположность взглядамъ («уму»), дѣйствительно было много радищевскихъ чертъ: молчаливый, отъ природы склонный къ меланхоліи и «представленіямъ пасмурнымъ», чувствительный, онъ обладалъ богатымъ воображеніемъ [1]). Онъ любилъ вольность: «сердце мое трепещетъ отъ радости при словѣ семъ», писалъ онъ Лопухину и такъ же, какъ Радищевъ, считалъ, что «истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ, а не въ нарушеніи оныхъ» [2]).

Совмѣстная жизнь Радищева и Кутузова въ Петербургѣ была точно продолженіемъ ихъ совмѣстной лейпцигской жизни: какъ тамъ ихъ объединялъ общій протестъ противъ грубаго Бокума, такъ здѣсь ихъ объединяетъ общее чувство отчужденности въ грубой средѣ приказныхъ. Ихъ петербургскую жизнь съ лейпцигскими годами тѣсно связываетъ и первый литературный опытъ Радищева, переводъ изъ Мабли [3]), очень характерный для ихъ настроенія тѣхъ лѣтъ. Живя въ одной комнатѣ со своимъ другомъ, Радищевъ, можно сказать, на его глазахъ переводилъ книгу французскаго аббата, и это было какъ бы продолженіемъ тѣхъ внѣ-учебныхъ занятій надъ французскими политическими писателями, которымъ предавался весь лейпцигскій кружокъ.

Книга, которую теперь переводитъ Радищевъ,—Observations sur l'histoire de la Grèce, или какъ потомъ называли ее «Observations sur les Grecs»—была однимъ изъ раннихъ произведеній Мабли, точно такъ, же какъ и «Droit public», произведшее такое впечатлѣніе на русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Политическое міровоззрѣніе французскаго мыслителя въ этой книгѣ по исторіи Греціи не развернулось еще въ полной мѣрѣ, но нѣкоторыя характерныя идеи уже были высказаны. Вмѣстѣ съ «Observations sur les Romains», это произведеніе Мабли знаменовало собою переворотъ въ его взглядахъ. Изъ сферы вліянія оппортюнистической литературы, изъ идей Монтескье, Мабли вошелъ въ потокъ боевого направленія, характернаго для его произведеній послѣднихъ десятилѣтій передъ революціей. Въ этихъ его «Размышленіяхъ» о грекахъ и римлянахъ еще свѣжи идеи Монтескье, но рядомъ пробивается замѣтная струя другого вліянія; по изслѣдованіямъ В. Герье, это было вліяніе англійской нравственно-философской литературы [4]). Мабли идеализируетъ Спарту и за-

[1]) Сборн. стат., посв. С. Ѳ. Платонову, стр. 221.
[2]) Тамъ же, стр. 233.
[3]) Размышленіе о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія Грековъ; сочиненіе г. аббата де Мабли. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ Общества, старающагося о напечатаніи книгъ. Въ Санктпетербургѣ при Имп. Ак. Наукъ. 1773, стр. 235.
[4]) В. Герье. Французскій этикъ-соціалистъ XVIII вѣка. Русск. Мысль, 1883, XI, 221—222.

Библиотека "Руниверс"

конодательную дѣятельность Ликурга. Аѳинскую демократію и Солона онъ, наоборотъ, развѣнчиваетъ. Постоянныя стремленія грековъ къ свободѣ, или, какъ выражается Радищевъ, «ревность ко своей вольности»,—Мабли отмѣчаетъ на всѣхъ ступеняхъ исторической лѣстницы, пройденной этимъ народомъ. Первоначальное воинское правленіе Греціи, когда полководцы пользовались «мало ограниченной властью во время войны и смятенія»,—начало укрѣпляться и въ мирное время. «Но народы, научившіеся чувствовать всю цѣну гражданскія вольности самымъ злоупотребленіемъ начальничей власти опасалися, чтобы не быть рабами тамъ, гдѣ законы не будутъ выше судей» [1]).

«Мабли особенно подчеркиваетъ «вольнолюбивость» грековъ. Классическіе примѣры римлянъ и грековъ, въ исторіи которыхъ время свободы отмѣчено самымъ высшимъ расцвѣтомъ, самымъ полнымъ благосостояніемъ,—эти примѣры были наиболѣе ходкими у писателей предреволюціонной эпохи. Республиканскій Римъ и свободная Спарта привлекали взоры современниковъ Мабли и въ исторіи этихъ давно исчезнувшихъ народовъ они почерпали и оживляли свою любовь и къ свободѣ.

«Любовь къ безподданству,—переводитъ Радищевъ,—стала отличающимъ грековъ качествомъ: даже Царское имя имъ стало ненавистно, и удрученный городъ мучителемъ былъ бы всей Греціи поношеніемъ» [2]). Эта яркая любовь къ свободѣ, по мнѣнію Мабли, создала въ свободной Греціи все то, что въ нашемъ представленіи такъ тѣсно связано съ нею. «Въ самодержавно управляемой Греціи не было бы ни законовъ, ни художествъ, ни добродѣтелей, вольностію и соревнованіемъ въ ней произращенныхъ» [3]).

Такой взглядъ на самодержавное государство переносилъ мысль изъ античнаго міра въ современность и неудивительно, что разсказы о любви къ вольности, культивировавшейся спартан-

---

[1]) Мабли. Размышленія, стр. 8. Здѣсь очень интересно отмѣтить мысль Мабли, переведенную Радищевымъ, о томъ, что цѣну свободы народъ почувствовалъ при помощи самого злоупотребленія начальниковъ своею властью. Радищевъ вспомнитъ ее въ «Житіи Ушакова», когда будетъ разсказывать о притѣсненіяхъ Бокума. Въ злоупотребленіи властью онъ усмотритъ тогда «сохранность страждущаго общества», такъ какъ притѣсненія рождаютъ спасительное для человѣчества изступленіе. Нѣсколько позже, въ «Путешествіи», онъ еще яснѣе выскажетъ ту же мысль въ словахъ: «а всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовати, всѣ—великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія» (Радищевъ, I ч., стр. 24, 189)

[2]) Переводъ, стр. 8. «L'amour de l'independance devint dès—lors le caractère distinctif des Grecs; le nom même de la royauté leur fut odieux; et une ville opprimée par un tyran, auroit en quelque sorte été un affront pour toute la Grèce».—Oeuvres complètes de Mably», vol. V., Toulouse, 1 93, p. 8—9.

[3]) Переводъ, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

цами, способны были зажигать сердца. «Читая ихъ исторію, мы воспламеняемся; если въ сердцѣ своемъ имѣемъ хотя малое зерно добродѣтели, то духъ нашъ воздымается и хочетъ, кажется, изступить изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ коихъ насъ удерживаетъ повреждение нашего вѣка»[1]). Эти слова какъ будто сказаны Радищевымъ о самомъ себѣ. Стоитъ прочесть его «Пѣснь историческую», чтобы почувствовать, какъ много вложено личной симпатіи Радищева въ эту пѣснь, гдѣ онъ разсказываетъ о герояхъ Эллады и Рима—вольнолюбивыхъ гражданахъ, ставившихъ свой долгъ къ отечеству выше всѣхъ своихъ обязанностей и интересовъ. Эти храбрые воины, жертвовавшіе жизнью ради отчизны достойны были всяческаго уваженія и преклоненія, а въ тѣ годы предреволюціонныхъ броженій—воспѣваніе рыцарей свободы пріобрѣтало особенный интересъ и особенное значеніе.

Основной мыслью «Размышленія» Мабли является восхваленіе мелкихъ республикъ. В. Герье отмѣчаетъ, что такое отношеніе къ мелкимъ республикамъ проявлено было еще въ англійской политической литературѣ, повліявшей на Мабли. Бѣдныя, но сильныя добродѣтелью республики,—думаетъ Мабли,—гораздо способнѣе отстоять свою независимость, чѣмъ обширныя, богатыя и истощенныя роскошью государства [2]).

Такою представляется Спарта, и восхваленіе ея составляетъ центръ «Размышленія» Мабли... Радищевъ переводилъ эти строки, гдѣ съ такимъ нескрываемымъ сочувствіемъ обсуждалось законодательство Ликурга,—проникался идеями, съ точки зрѣнія которыхъ съ такимъ восторженнымъ преклоненіемъ говорилось о спартанцахъ и Спартѣ. И Радищевъ навсегда сохранитъ это навѣянное ему Мабли уваженіе и преклоненіе передъ реформами Ликурга, которыя «паче всѣхъ земныхъ законоположеній согласно во всѣхъ частяхъ своихъ» [3]).

То, что Мабли подчеркиваетъ въ законодательствѣ Ликурга, было близко и дорого Радищеву, воспитаннику Платнера: мѣры Ликурга противъ роскоши (отчего не было и нищеты), изгнаніе

---

[1]) Перев. Радищева, стр. 231; Mably: p. 242.

[2]) «Повторить ли мнѣ здѣсь то, что въ другихъ политическихъ находится сочиненіяхъ, что неизбѣжимая въ великихъ государствахъ роскошь ихъ истощеваетъ? Тамъ законы изнемогаютъ и силы бываютъ безъ дѣйствія». (стр. 28). У Mably: p. 30

[3]) «Трактатъ о человѣкѣ».—«Полн. Собр. Соч. Р-ва», II, 107.

Переводъ изъ Мабли: «Народному тѣлу отдалъ законодатель сей власть самодержавную, т.-е. право давать законы, учреждать миръ или войну, и поставлять судей, коимъ онъ долженствовалъ повиноваться» (стр. 17). У Mably: p. 18. «Самодержавство, коимъ народъ пользовался, побуждало его безъ напряженія ко всему тому, что въ народно управляемомъ государствѣ любовь вольности и отечества могутъ произвести великаго и великодушнаго. (стр. 19). У Mably: p. 19.

Библиотека "Руниверс"

«изъ употребленія сребра и злата», введеніемъ желѣзной монеты «Онъ учредилъ народные столы, гдѣ каждый гражданинъ принужденъ былъ непрестанно подавать примѣръ воздержанія и строгости» [1]). Затѣмъ Ликургъ издалъ законъ, «запрещающій лакедемонянамъ производить войну, развѣ для своея защиты и никогда не пользоваться побѣдою, гоняясь за разбитымъ войскомъ.»

Рядомъ съ этимъ интересны выпады противъ современныхъ автору правленій въ самодержавныхъ государствахъ. Интересны также общія мысли, высказанныя по самымъ разнообразнымъ поводамъ; ихъ рѣзкость и свободомысліе не составляли препятствія къ появленію цѣликомъ въ русскомъ переводѣ. По поводу политики Ликурга Мабли, напримѣръ, заявляетъ, а Радищевъ переводитъ, что политика должна, конечно, повиноваться расположенію умовъ и не оскорблять народные нравы, когда она даетъ законы великому государству, для того что народный разумъ необходимо сильнѣе разума законодателя [2]). Въ одномъ мѣстѣ Мабли дѣлаетъ отступленіе для того, чтобы провести параллель между «вольными народами» съ демократизированнымъ правленіемъ и государствами, имѣющими самодержавныхъ правителей. Эта параллель, конечно, не въ пользу послѣднихъ, тоже цѣликомъ переведена Радищевымъ.

«Самодержавные государи, между прочимъ замѣчаетъ здѣсь Мабли,—не внемлютъ часто какъ своей воли, а воля ихъ всегда бываетъ колеблющаяся; иногда почитаютъ они корысть своихъ страстей корыстію своего государства, а страсти ихъ превращаются и перемѣняются по волѣ обстоятельствъ и особъ ихъ окружающихъ» [3]).

Еще рѣзче въ этомъ переводѣ изъ Мабли звучало примѣчаніе самого Радищева, которымъ онъ пояснялъ слово «самодержавство» (у Мабли: «despotisme»).

«Самодержавство,—говорилъ Радищевъ,—есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти; но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности». «Если мы,—продолжаетъ Радищевъ,—удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу

---

[1]) Переводъ Мабли, стр. 21.
[2]) Переводъ Мабли, стр. 16; Mably, Observations, p. 17.
[3]) Переводъ, стр. 205; Mably, p. 216. Ср. слова Радищева въ «Житіи Ушакова» о «самовластіи Государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже въ расположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей» (т. I, стр. 18.).

Библиотека "Руниверс"

пользу: о семъ мы дѣлаетъ съ обществомъ безмолвный договоръ». Радищевъ, какъ видимъ, вмѣстѣ съ Ушаковымъ принялъ идею общественнаго договора, развитую у Руссо и другихъ теоретиковъ естественнаго права. Онъ принимаетъ также и всѣ слѣдствія, выведенныя отсюда въ произведеніяхъ Мабли. Если договоръ нарушенъ, «то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности»; «неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками», потому что государь есть только «первый гражданинъ народнаго общества» [1]). Въ этихъ словахъ сказалось хорошо усвоенное ученіе о народномъ суверенитетѣ, выставленное еще и у Руссо, но болѣе опредѣленно развитое у Мабли. Слѣдствія нарушенія договора указываются уже въ «Contrat social»: «если договоръ нарушенъ, то каждая сторона возвращается къ своимъ первоначальнымъ правамъ, получая естественную свободу дѣйствій» [2]). У Мабли народъ является источникомъ всякой власти: онъ обязанъ выполнять договоръ только до тѣхъ поръ, пока его выполняетъ государь [3]), но даже если бы «актъ, устанавливающій правительство (l'acte constitutif du gouvernement), былъ самымъ мудрымъ, то народъ (la nation) вполнѣ имѣлъ бы право вернуть себѣ ту власть, которую онъ ввѣрилъ своимъ начальникамъ» [4]).

Радищевъ вполнѣ принимаетъ эти идеи въ примѣчаніи къ слову «despotisme». Свой переводъ онъ снабдилъ и еще нѣсколькими примѣчаніями, которыхъ нѣтъ у Мабли. На стр. 158 онъ даетъ примѣчаніе о ѳивской цитадели, называвшейся Кадмея; на стр. 17 въ примѣчаніи объ эфорахъ, онъ дѣлаетъ возраженіе Мабли. Основываясь на утвержденіяхъ Аристотеля и Плутарха, Радищевъ относитъ возникновеніе эфоровъ ко времени царей Ѳеопомпа и Полидора, а не ко временамъ Ликурга, какъ это дѣлаетъ Мабли; да и учрежденіе должности эфоровъ, по мнѣнію Радищева, противорѣчило бы духу ликургова законодательства. Кромѣ того, Радищевъ дѣлаетъ поправку къ тексту Мабли, цитируя по Квинту Курцію разговоръ Александра Великаго съ Парменіономъ, нѣсколько искаженный у Мабли [5]). Въ тѣхъ мѣстахъ подлинника, гдѣ Мабли приводитъ мнѣніе «единаго изъ славнѣйшихъ писа-

---

[1]) Переводъ Мабли, стр. 134.

[2]) «Du contrat social». Bibl. nationale. Paris. 1898, P. 28. Ср. у Дидро: «Если государь нарушитъ присягу, то народъ освобождается отъ клятвы сохранять вѣрность ему и можетъ не только низложить государя, но и осудить его на смерть. (цит. по книгѣ В. Семевскаго.—Общественныя и политическія идеи декабристовъ, стр. 10.)

[3]) ... des lors ils ne sont obligés d'y obéir qu'autant que le prince, de son coté, y est religieusement attaché».—Mably. De devoirs, p- 57.

[4]) Тамъ же, p. 58.

[5]) Переводъ Мабли, стр. 166.

Библиотека "Руниверс"

телей» [1]), Радищевъ дѣлаетъ точныя ссылки на «Монтескіо, о разумѣ законовъ, томъ I, кн. X, гл. XIV объ Александрѣ Великомъ».

Переводъ Мабли появился въ 1773 году.

Онъ былъ выполненъ Радищевымъ для «общества, старающагося о переводахъ иностранныхъ книгъ», учрежденнаго по личной иниціативѣ Екатерины II первоначально для перевода Энциклопедіи Дидро и д'Аламбера [2]). Общество это, или иначе «собраніе переводчиковъ», состояло при Академіи Наукъ, но не было ей подчинено, такъ какъ существовало на средства Екатерины, отпускавшей ежегодно сумму въ 5.000 руб. [3]). Руководительство этимъ обществомъ было поручено директору Академіи гр. Вл. Г. Орлову, гр. Андрею Петровичу Шувалову и Гр. В. Козицкому, извѣстному по многочисленнымъ переводамъ въ тогдашнихъ журналахъ [4]). Собраніе переводчиковъ скоро расширило свою задачу и занялось переводами передовыхъ мыслителей XVIII вѣка, греческихъ и римскихъ классиковъ [5]).

Переводный трудъ Радищева былъ начатъ, повидимому, еще тогда, когда Радищевъ служилъ въ Сенатѣ, по крайней мѣрѣ, на первой распискѣ въ полученіи денегъ за свой переводъ отъ 7 мая 1773 г. онъ подписался еще «титулярнымъ совѣтникомъ». Вторая же расписка отъ 6 декабря 1773, выданная тому же переводческому обществу, подписана уже новымъ званіемъ Радищева, ставшаго въ этомъ году оберъ-аудиторомъ при гр. Брюсѣ [6]).

Хотя переводъ Радищева и былъ сдѣланъ для «Собранія переводчиковъ» и подъ его непосредственнымъ «смотрѣніемъ», но издало его другое общество, организованное, согласно новѣйшему изслѣдованію В. П. Семенникова, Ник. Ив. Новиковымъ [7]). Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что «собраніе переводчиковъ» не имѣло возможности печатать и распространять всѣ свои переводы. Академическая типографія, заваленная работами по печатанію этихъ переводовъ была затруднена въ выполненіи своихъ собственныхъ академическихъ изданій и частныхъ заказовъ. Поэтому комиссія, завѣдывавшая типографіей Академіи, поста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 162, 164, 172.

[2]) В. П. Семенниковъ. Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 г. Историко-литерат. изслѣдованіе. Р. Библіофилъ. 1913, IV, приложеніе.

[3]) Спб. Вѣдомости, 1768, № 89 отъ 4 ноября.

[4]) Тамъ же.

[5]) Спб. Вѣдомости, 1769 г., №№ 5 и 7 отъ 16 и 20 января. Объявленіе объ изданныхъ и переводящихся книгахъ.

[6]) В. Семенниковъ—«Собраніе»... Р. Библіофилъ, 1913, V, стр. 47. Изъ расписокъ видно, что за свой переводъ Радищевъ получилъ 105 р.

[7]) В. Семенниковъ. Раннее издательское общество Н. И. Новикова. Р. Библіофилъ, 1912, № 5.

Библиотека "Руниверс"

новила въ 1772 г. сократить число станковъ, предназначенныхъ для печатанія переводовъ. На помощь переводческому обществу, повидимому, и выступаетъ въ 1773 г. Н. И. Новиковъ со своимъ обществомъ, «старающимся о напечатаніи книгъ» [1]). Большинство книгъ, изданныхъ Новиковскимъ обществомъ, и представляли собою труды собранія переводчиковъ. Принимая эти изданія на себя, Новиковъ избавлялъ переводческое общество отъ той зависимости, въ которой оно находилось по отношенію къ академической комиссіи. Но «общество, старающееся о напечатаніи книгъ» просуществовало недолго и въ 1774 г., очевидно, вслѣдствіе денежнаго кризиса—распалось. Однимъ изъ первыхъ изданій его былъ Радищевскій переводъ, на заглавномъ листѣ котораго оттиснуто имя, девизъ и знакъ Новиковскаго общества [2]).

Съ этимъ переводомъ Мабли связано одно любопытное сообщеніе старшаго сына А. Н. Радищева, Николая. Въ своей біографіи отца, разсказывая о годахъ его службы подъ начальствомъ гр. Я. Брюса, то-есть, о періодѣ 1773—1775 гг., Н. А. Радищевъ сообщаетъ, что «Александръ Николаевичъ не придерживался вреднаго обыкновенія» тогдашнихъ молодыхъ людей пренебрегать роднымъ языкомъ и усиленно занимался имъ. «Первый наставникъ его въ русскомъ языкѣ, разсказываетъ Радищевъ-сынъ,—былъ Александръ Васильевичъ Храповицкій, тогда еще гвардіи офицеръ, и подъ его руководствомъ Александръ Николаевичъ (Радищевъ) перевелъ изъ Монтескье «Разсужденіе о великости и упадкѣ Римлянъ. Книга сія была напечатана Н. И. Новиковымъ» [3]).

Явная ошибка памяти Николая Радищева, приписавшаго своему отцу переводъ изъ Монтескье заставляла нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать, что все сообщеніе носитъ какой-то легендарный характеръ, особенно вслѣдствіе упоминанія здѣсь имени Новикова. Теперь, благодаря разысканіямъ г. Семенникова, ясно, что дѣло идетъ о переводѣ Мабли, къ изданію котораго Новиковъ дѣйствительно имѣлъ ближайшее отношеніе, и заглавіе котораго очень легко было смѣшать съ похожимъ на него заглавіемъ труда Монтескье. Въ этомъ сообщеніи Николая Радищева интересно отмѣтить, что занятіемъ надъ переводомъ такого революціоннаго писателя, какъ Мабли, руководилъ не кто иной, какъ будущій секретарь Екатерины II, А. В. Храповицкій;

[1]) Семенниковъ. «Собраніе»... Р. Библіофилъ, 1913, IV.

[2]) «Иждивеніемъ общества старающагося о напечатаніи книгъ». Девизъ: «Согласіемъ и трудами». Всѣ изданія Новиковскаго общества были снабжены также знакомъ—символической виньеткой: отъ вензеля «Е. II.» исходятъ лучи, пронизывающіе тучи; посрединѣ пирамида, у вершины которой, въ кольцѣ двѣ соединенныя руки и рогъ изобилія; внизу кадуцей, щитъ, тюки товаровъ, книги.

[3]) Русск. Стар. 1872, т. VI.

Библиотека "Руниверс"

фактъ характерный для высоко стоящихъ лицъ екатерининской эпохи и далеко не единичный. Интересно также, что этотъ переводъ съ такимъ смѣлымъ примѣчаніемъ Радищева о «самодержавствѣ» былъ выполненъ на средства, шедшія изъ личной казны Екатерины.

Переводный трудъ Радищева былъ первой, но не единственной попыткой выйти на литературное поприще. Къ тому же 1773 г. относится и второй его переводъ, изданный анонимно нѣсколько позже подъ заглавіемъ «Офицерскія упражненія» [1]). Книга, состоящая изъ четырехъ частей представляетъ изъ себя переводъ съ какого-то нѣмецкаго оригинала, появившагося не ранѣе 1771 года [2]). Это сборникъ приказовъ, относящихся къ военному дѣлу и предназначенныхъ для «упражненія пѣхотныхъ офицеровъ отъ капитана до прапорщика».

Переводъ исполненъ Радищевымъ въ теченіе 1773—1774 года [3]). На выборѣ книги, быть можетъ, сказались интересы той новой среды, куда попалъ Радищевъ, перейдя въ штабъ гр. Я. А. Брюса, быть можетъ, даже указанія близкихъ знакомыхъ, того же самаго «гвардіи офицера» А. В. Храповицкаго. Переводчикъ на этотъ разъ не далъ никакихъ примѣчаній ни дополненій и интересенъ только, какъ образчикъ тогдашняго стиля и языка Радищева. Переводъ, какъ свидѣтельствуютъ расписки, выданныя Радищевымъ въ полученіи вознагражденія за трудъ, былъ исполненъ для того же собранія переводчиковъ и взятъ для напечатанія Новиковскимъ обществомъ, отъ имени котораго онъ и былъ представленъ въ академическую типографію. Изданіе его задержалось вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій, которыя начало испытывать Новиковское общество. Переводъ былъ выпущенъ только въ 1777 г. безъ имени общества и безъ его девиза.

Возможно, что литературная дѣятельность Радищева не ограничилась двумя этими переводными трудами, новая служба его не отнимала много времени и не могла быть помѣхой [4]). Н. А.

---

[1]) Офицерскія упражненія, состоящія изъ четырехъ частей, съ двадцатью осьмью гравированными фигурами. Переведенныя съ нѣмецкаго языка. При Имп. Академіи Наукъ, 1777 г..

[2]) Нѣкоторые приказы, вошедшіе въ эту книгу, датированы 1771 г.

[3]) Семенниковъ, «Собраніе»... Р. Библіофилъ, 1913, V, стр. 59. Расписки Радищева въ полученіи вознагражденія за переводъ помѣчены 6 декабря 1773 года и 12 декабря 1774 г. Радищевъ получилъ 154 руб.

[4]) Оберъ-аудиторы (въ этой должности Радищевъ находился съ 1773—1775 г.)по воинскому уставу Петра В. являлись въ правовыхъ вопросахъ совѣтниками строевыхъ офицеровъ, составлявшихъ военный судъ. Отъ оберъ-аудиторовъ «весьма требовалось доброе искусство въ правахъ, и надлежитъ онымъ добрымъ быть юристамъ, дабы при Кригсрехтахъ накрѣпко смотрѣли и хранили, чтобъ процессы порядочно и надлежашимъ образомъ отправлялись». Полн. Собр. Зак., т. V. Уставъ воинскій. Гл. I, § 7. Какъ разъ въ 1773 году по докладу военной коллегіи жалованіе оберъ-аудитору было увеличено съ 300 руб. до 562 р. въ годъ. Полн. Собр. Зак., т. XIX, № 13968.

Библиотека "Руниверс"

Радищевъ разсказываетъ о службѣ отца, что она «была самой пріятной эпохой» въ его жизни. Въ эти годы Радищевъ становится вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ. «Бывъ любимъ своимъ начальникомъ (гр. Брюсомъ), онъ посредствомъ его сдѣлался вхожъ въ лучшія петербургскія общества; вкусъ его образовался и онъ получилъ ловкость и пріятность въ обращеніи» [1]). Военная служба и высшее общество привлекли къ себѣ Радищева въ первый моментъ своимъ контрастомъ съ міромъ чиновничьихъ дрязгъ и интригъ, откуда онъ только что ушелъ. Но и въ этой новой средѣ онъ скоро почувствовалъ себя чужимъ.

Въ спискѣ членовъ англійскаго клуба—этого мѣста собраній свѣтскаго общества, мы находимъ фамилію Радищева только въ теченіе одного 1774 года. А «быть членомъ Англійскаго Собранія,—говоритъ анонимный историкъ клуба,—значило имѣть свѣтское положеніе»; ибо здѣсь собирались «всѣ наши знаменитости, всѣ люди должностные и чиновные» для игры въ карты, на билліардѣ, для бесѣдъ и чтеній ежедневно [2]) «Самый ограниченный и степеннѣйшій клобъ»—характеризуетъ его современное описаніе Петербурга [3]). Въ 1775 г. Радищевъ уже выбылъ изъ членовъ Англійскаго собранія [4]).

Среди всякихъ знакомствъ этого періода жизни у Радищева, конечно, были связи и съ тою средой, которая группировалась вокругъ масонскихъ ложъ. Въ петербургскую ложу «Уранія» были приняты въ 1773 г. членами пріятель Радищева, прапорщикъ Измайловскаго полка, Петръ Николаевичъ Яновъ [5]), и товарищъ Радищева по пажскому корпусу, Яковъ Ѳедоровичъ Дубянскій[6]).

Кутузовъ, жившій съ Радищевымъ въ одной комнатѣ, въ это время былъ уже масономъ и въ 1775 г., вмѣстѣ съ Новиковымъ, И. Тургеневымъ, Дубянскимъ и другими, организовалъ новую ложу—«Астрея». Въ протоколахъ ложи «Ураніи» зарегистрировано имя Радищева, какъ посѣтителя ложи[7]). Здѣсь же встрѣчаются, имена близкихъ товарищей Радищева еще по лейпцигскимъ годамъ тоже въ качествѣ посѣтителей ложи: П. И. Челищева и А. К. Рубановскаго, на племянницѣ котораго Радищевъ черезъ годъ женился. Словомъ, Радищева сближали съ масонствомъ хорошіе знакомые и пріятели. Впрочемъ, Радищевъ идейно

---

[1]) Русск. Стар. 1872, т. VI, ноябрь, стр. 575.
[2]) Столѣтіе Спб. Англійскаго Собранія. Спб., 1870, стр. 6.
[3]) Описаніе столичнаго города Спб., часть II, 1794 г., стр. 629. Аглинской клобъ.
[4]) Столѣтіе Англ.. Собр. стр. 54.
[5]) Братъ товарища Радищева по лейпц. университету—Сергѣя Янова.
[6]) Сборн. Имп. Ак. Наукъ по отд. русск. яз. и слов., т. VII, № 4, стр. 177; Лонгиновъ—«Новиковъ и моск. мартин.», стр. 98.
[7]) Лонгиновъ—«Новиковъ», стр. 97.

Библиотека "Руниверс"

никогда не былъ близокъ къ масонамъ и на слѣдствіи по своему дѣлу заявлялъ,—что «не только никогда не былъ мартинистомъ, но и мнѣніе ихъ охуждаетъ» [1]). Кутузовъ впослѣдствіи тоже подчеркивалъ идейныя разногласія съ Радищевымъ и неправильное называніе послѣдняго мартинистомъ [2]).

Свѣтскія знакомства и пребываніе въ кругахъ завсегдатаевъ англійскаго клуба не мѣшали Радищеву много и серьезно читать. Его имя мы встрѣчаемъ на цѣломъ рядѣ книгъ, изданныхъ въ тѣ годы. Такъ, его фамилія стоитъ въ числѣ подписчиковъ на «Древнюю Россійскую Вивліоѳику» Новикова и рядомъ съ нимъ—имя его неразлучнаго друга, А. М. Кутузова [3]).

Самъ Радищевъ въ письмѣ къ слѣдователю по дѣлу о «Путешествіи», Степану Ив. Шешковскому, указываетъ на свои занятія этого времени: «до женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ моимъ» [4]). Уже тогда Радищевъ готовилъ себя къ писательской дѣятельности. Въ томъ же письмѣ къ Шешковскому Радищевъ самъ намекаетъ на какіе-то «опыты письма», которые обращались «на нѣжные предметы». Вѣроятно, это были стихотворенія, не дошедшія до насъ. «Но все было съ неудачею»,—добавляетъ Радищевъ:—«когда я женился, то все любовное вранье оставилъ» [5]).

Эти «опыты письма», чтеніе книгъ, труды надъ переводами Мабли и «Офицерскихъ упражненій», занятія въ военномъ судѣ участіе въ свѣтской жизни, участіе въ обществѣ, переводившемъ иностранныя книги, и, вѣроятно, близкое знакомство съ другими переводчиками [6])—таковы разнообразные факты изъ жизни Радищева за этотъ промежутокъ времени послѣ ухода изъ Сената.

---

[1]) П. Собр. соч. Р-ва, II, 310.

[2]) Русск. Стар., 1874, т. IX, стр. 467. Письмо Кутузова къ Лопухину.

[3]) «Др. Росс. Вивліоѳика, издав. помѣсячно Н. Новиковымъ», ч. I, январь, въ Спб. 1773, стр. 6 ненум. «Любители Росс. древностей, подписавшихся на сіе изд.»—См. также «Древняя Росс. Идрографія, изд. Н. Новиковымъ». Въ Спб. 1773 г., стр. 8 ненум. «Имена особъ, подписавшихся на сію книгу».

[4]) Полн. Собр. Соч. Р—ва, II, 337.

[5]) Тамъ же.

[6]) Среди переводчиковъ наиболѣе интересно отмѣтить Г. В. Козицкаго, Ипп. Ѳ. Богдановича, Мих. Попова, Вас. Рубана, Я. Княжнина, Ив. Дмитревскаго.—В. Семенниковъ. Собраніе, старающееся о переводѣ иностр. книгъ.—Русск. Библіофилъ, 1913, IV. стр. 9. Въ спискѣ переводчиковъ г. Семенниковъ называетъ и А. М. Кутузова, которому принадлежалъ неизданный переводъ—«Мечты маршала де Сакса». Расписка въ полученіи денегъ за переводъ помѣчена 5 мая 17 3 г., а первая распи ка Радищева (переводъ Мабли) датирована 7 мая 1773 г., т. е. работа двухъ друзей совершалась одновременно.

Библиотека "Руниверс"

Мы не коснулись еще одного преданія объ эпизодѣ въ литературной дѣятельности, связанномъ съ именемъ все того же Н. И. Новикова. Это преданіе сообщено младшимъ сыномъ Радищева, Павломъ, въ его большой біографіи отца, написанной Павломъ Александровичемъ, кстати сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ и заключающей въ себѣ многія фактическія ошибки [1]). Дѣло идетъ объ извѣстномъ вопросѣ, участвовалъ ли Радищевъ въ Новиковскомъ журналѣ 1772 г. «Живописецъ». Весь вопросъ возникъ изъ сообщенія Павла Радищева о томъ, что нѣкоторыя «статьи «Путешествія» были напечатаны въ «Живописцѣ» Новикова въ 1776 г. и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Мартынова, ч. V, январь 1805 г. [2]). Рѣчь шла, конечно, объ очень извѣстномъ «Отрывкѣ изъ путешествія въ ***», снабженномъ иниціалами автора: И***. Т***. Это сообщеніе Радищева-сына, не вызвало никакого сомнѣнія, ни у сообщившаго его біографическую записку нѣкоего А. Корсунова, ни у снабдившаго ее примѣчаніями извѣстнаго изслѣдователя М. Н. Лонгинова. Первый строитъ на немъ даже доказательство вздорности преданія, что Радищевское «Путешествіе» явилось плодомъ инспираціи его покровителя и начальника гр. А. Р. Воронцова. Второй же очень осторожно относитъ «Отрывокъ» къ первоначальной редакціи «Путешествія», хотя, по его собственному замѣчанію, въ печатной книгѣ нѣтъ обстоятельства, похожаго на описанное въ журнальномъ отрывкѣ.

Этотъ вопросъ объ участіи Радищева въ «Живописцѣ» затрогивался не разъ и рѣшался разно. Нѣкоторые изслѣдователи, принимали сообщеніе П. Радищева, какъ фактъ, и, исходя изъ него, пытались приписать А. Н. Радищеву еще цѣлый рядъ статей изъ «Живописца». Такъ, Д. Кобеко, называя «Отрывокъ»—«какъ бы началомъ того труда, который имъ (Радищевымъ) былъ изданъ подъ именемъ «Путешествія»,—указалъ на возможность приписывать Радищеву авторство еще въ 2-хъ статейкахъ-письмахъ къ издателю, помѣщенныхъ въ «Живописцѣ» [3]). «Въ первомъ говоритъ Кобеко,—онъ проситъ вносить въ его («Живописца»)

[1]) Русск. Вѣстникъ, 1858 г., № 23.

[2]) Р. В., 1858, т. XVIII, № 23, стр. 406—407.—Въ «Сѣв. Вѣстн.» напечатанъ «Отрывокъ изъ бумагъ одного крестьянина». Въ «Путешествіи» онъ составляетъ главу «Клинъ». Изъ словъ П. Р—ва можно заключить, что и въ «Живописцѣ» напечатана глава изъ книги А. Н. Радищева. Однако, отрывокъ, помѣщенный въ журналѣ Новикова, ничего общаго съ «Путешествіемъ» не имѣетъ, позволяя говорить лишь объ отдаленномъ сходствѣ темы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, быть можетъ, тона—съ книгой Радищева. Указаніе на 3-е изданіе «Живописца», 1776 года не точно, такъ какъ «Отрывокъ» появился въ томъ же видѣ еще въ первомъ изданіи 1772 года, въ листахъ 5 и 14.

[3]) Первое съ подписью: «Отечеству своему всякаго блага желающій Россіянинъ» (ч. II, л. 10, статья XII),—и второе, подписанное: «Отечеству своему всякаго блага желающій Р...» (ч. II, листъ 21, стр. XXII).

Библиотека "Руниверс"

листочки письма свои, въ которыхъ намѣренъ открывать пороки согражданъ своихъ,—второе же еще болѣе похоже на тонъ Радищева. Въ немъ преобладаетъ аллегорія, которую онъ любилъ и подъ этой аллегоріей скрытъ, повидимому Петербургъ» [1]). Кобеко ограничивается такимъ утвержденіемъ о сходствѣ «тона», стиля Радищева и автора указанныхъ статеекъ. Онъ не дѣлаетъ рѣшительно, никакого анализа стилей, а ссылка на преобладаніе аллегоріи вопроса, конечно, пе рѣшаетъ.

П. Ефремовъ, также по чисто субъективному впечатлѣнію, находитъ, что статьи, отмѣченныя Кобеко, не особенно близки къ Радищевской манерѣ письма и со своей стороны указываетъ на статью [2]), которая больше напоминаетъ стиль Радищева и, если Радищевъ, что-нибудь писалъ для «Живописца», то онъ написалъ ее [3]).

Всѣ эти догадки исходили отъ упомянутаго выше «Отрывка изъ путешествія въ ***», поэтому приходится, оставивъ статьи, указанныя Кобеко и Ефремовымъ,—въ сторонѣ, обсудить шансы на возможность приписать «Отрывокъ» Радищеву. Возможность авторства нашего писателя въ этомъ «Отрывкѣ» будетъ говорить, такимъ образомъ, за возможность его участія вообще въ «Живописцѣ» и въ частности въ статьяхъ близкихъ по стилю. Невозможность же—разрушить ничѣмъ необоснованныя догадки.

Итакъ, Д. Кобеко считалъ, что «Отрывокъ изъ путешествія» принадлежалъ перу Радищева. Ему возражалъ П. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ изданію «Живописца» 1864 г., ссылаясь на показаніе самого Радищева въ письмѣ къ Шешковскому, гдѣ говорится, что до женитьбы (1775 г.) «опыты письма» Радищева «всегда обращались на нѣжные предметы» [4]). На этомъ же основаніи Ефремовъ рѣшаетъ отрицательно вопросъ объ участіи Радищева вообще въ «Живописцѣ» (т.-е. въ указанныхъ Кобеко статьяхъ) [5]). Позднѣйшіе изслѣдователи, большею частью, раздѣляли мнѣніе Кобеко и считали вполнѣ вѣроятнымъ его соображенія. Вотъ для примѣра слова В. Мякотина въ его широко извѣстной работѣ—«На зарѣ русской общественности». Участіе Радищева въ «Живописцѣ»,—говоритъ Мякотинъ,—«можно считать довольно вѣроятнымъ въ виду того, что письма о положеніи крестьянъ («Отрывокъ»), помѣщенныя въ этомъ сатирическомъ

---

[1]) Дм. Кобеко. Нѣсколько псевдонимовъ въ русской литературѣ XVIII вѣка.—Библіогр. Зап. 1861, т. III, № 4, стр. 110—111.

[2]) «Любители добродѣтели», II ч., 22 листъ, статья XXIV.

[3]) «Живописецъ» Н. И. Новикова 1772—1773. Изд. 7-е П. А. Ефремова. Спб. 1864. Примѣчанія, стр. 347.

[4]) Тамъ же, стр. 319.

[5]) Тамъ же, стр. 346—347.

Библиотека "Руниверс"

журналѣ, и по самой писательской манерѣ сильно напоминаютъ Радищева» [1]).

Правда, осторожные изслѣдователи совершенно обходили этотъ вопросъ. Такъ, А. И. Незеленовъ въ своемъ трудѣ о Новиковѣ, очень неопредѣленно указываетъ на И. П. Тургенева, какъ на автора отрывка, ни словомъ не обмолвясь о Радищевѣ [2]). Такъ же точно и Л. Майковъ въ изслѣдованіяхъ по литературѣ XVIII вѣка, говоря объ «Отрывкѣ», не считаетъ нужнымъ даже сообщить, что его мнѣніе объ авторѣ этой статьи идетъ въ разрѣзъ съ довольно прочно держащимся указаніемъ на Радищева [3]). Въ такомъ положеніи находится вопросъ въ литературѣ; одни рѣшаютъ его утвердительно, другіе обходятъ молчаніемъ, и только у П. Ефремова мы встрѣчаемъ отрицательное рѣшеніе. Но доводовъ Ефремова, ссылающагося на слова Радищева, слишкомъ мало. Вполнѣ естественно, что на слѣдствіи Радищевъ не хотѣлъ бы открывать своего никому неизвѣстнаго участія въ журналѣ, чтобы не пристегнуть къ своему судебному дѣлу еще какихънибудь ни въ чемъ неповинныхъ людей. Вопросъ рѣшаетъ примѣчаніе, которое добавлено въ 3-мъ изданіи «Живописца» въ концѣ «Отрывка»: «Продолженіе сего путешествія напечатано будетъ при четвертомъ изданіи сея книги» [4]). А въ четвертомъ и пятомъ изданіяхъ—обѣщано продолженіе «въ новомъ изданіи» [5]). Это обѣщаніе уже не имѣло бы смысла, если бъ авторомъ «Отрывка» былъ Радищевъ, такъ какъ въ 1793 г., когда вышло 5-ое изданіе «Живописца», нашъ писатель жилъ уже въ Сибири. Нужно принять во вниманіе и то, что «Отрывокъ» обнаруживаетъ большое знакомство автора съ бытомъ крестьянъ, большую наблюдательность и пониманіе условій крестьянскаго существованія, чего никоимъ образомъ не могло быть у только что сошедшаго со школьной скамьи юноши, начиненнаго отвлеченными построеніями французскихъ философовъ и политическихъ теоретиковъ. Радищевъ вернулся въ Россію во второй половинѣ ноября

---

[1]) Сборникъ «На славномъ посту». Памяти Н. К. Михайловскаго. Спб., 1902, стр. 465—466. Въ новѣйшемъ изслѣдованіи г. Семенникова о раннемъ издательскомъ обществѣ Новикова (Р. Библіофилъ, 1912, V) вопросъ объ участіи Радищева въ «Живописцѣ» получаетъ тоже утвердительный отвѣтъ; при чемъ въ видѣ подтверждающаго обстоятельства приводится установленный г. Семенниковымъ фактъ близкихъ литературныхъ сношеній Новикова и Радищева.

[2]) А. И. Незеленовъ. Николай Ив. Новиковъ, издатель журналовъ Спб., 1875. Стр. 238, примѣчаніе.

[3]) Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст. Спб., 1889, стр. 407.

[4]) Изд. 1776 г. Въ этомъ изд. оба отрывка «Путешествія» были соединены въ одинъ и помѣщены въ концѣ «Живоп.». Также и въ послѣдующихъ изданіяхъ.

[5]) 4-е изд. Москва, 1781, ч. II, стр. 174; 5-е—1793, тоже.

Библиотека "Руниверс"

1771 г., а пятый листъ «Живописца», въ которомъ напечатанъ «Отрывокъ» вышелъ уже 15 мая 1772 г., т.-е. только черезъ полъгода по возвращеніи Радищева въ Россію. Все это время было проведено въ Петербургѣ и деревня могла представляться ему лишь по воспоминаніямъ очень отдаленнаго дѣтства.

«Отрывокъ» помѣченъ XIV главой. Если бы онъ принадлежалъ Радищеву, то пришлось бы допустить, что уже въ 1772 г. у него была мысль написать книгу въ видѣ «путешествія». Но о возникновеніи этой мысли Радищевъ подробно разсказалъ самъ, относя написаніе первыхъ главъ, первоначально въ видѣ отдѣльныхъ повѣстей,—къ 1785 году; самая идея связать эти отдѣльныя повѣсти въ формѣ «путешествія» возникла еще позже, послѣ прочтенія «нѣмецкаго перевода Іорикова путешествія (Л. Стерна)» [1].

Всѣ эти соображенія позволяютъ отвергнуть приписываніе «Отрывка» Радищеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ рушится покоющееся на немъ предположеніе объ участіи въ «Живописцѣ» вообще, ибо на основаніи имѣющихся данныхъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только отрицательно, и установленный г. Семенниковымъ фактъ сношеній Радищева съ Новиковымъ, какъ издателемъ его переводовъ, не можетъ поколебать этого рѣшенія тѣмъ болѣе, что весь вопросъ, породившій цѣлую литературу, основанъ на простомъ недоразумѣніи и ошибочномъ указаніи Павла Радищева.

В. Міяковскій.

[1]) «Полн Собр. соч. Р—ва», подъ ред. А. Бороздина, т. II, стр. 338.

Библиотека "Руниверс"

Очерки прошлаго.[1])

1 марта 1881 года.

Толпѣ всегда нуженъ виновникъ и она не понимаетъ происхожденія этихъ взрывовъ изъ нашей внутренней безурядицы. — Указываютъ прямо на К. Н.—онъ главный виновникъ всему. Онъ самъ узналъ о ходящихъ въ городѣ слухахъ, пріѣхалъ къ себѣ во дворецъ и сказалъ въ присутствіи дѣтей и приближенныхъ (гр. Литке): — виновный найденъ — это я....

Хватали, брали кого попало безъ разбора. Одного мастерового, испуганнаго преслѣдованіемъ, нашли въ Аккерманѣ и привезли въ Питеръ. Тамъ онъ требовалъ свиданія съ прокуроромъ—на томъ основаніи, что онъ политическій преступникъ. Его, конечно, отпустили.—Административныхъ ссыльныхъ, говорятъ, до 40000. Что твои lettres de cachet. Одно время все упованіе возложили на дворниковъ.—Дворники очень оригинально поняли свою задачу.—Дворникъ одной моей знакомой стоитъ на улицѣ—его спрашиваютъ. Чей это домъ?—А почемъ я знаю—я «политическій дворникъ». Много такой дворникъ предупредитъ и усмотритъ.

Лорисъ-Меликовъ пустилъ новую струю въ русскую жизнь.—Произошли демонстраціи quasi политическаго характера на праздникѣ Пушкина, въ дворянскихъ собраніяхъ и при похоронахъ Достоевскаго. Очень кстати явилась пенсія вдовѣ Достоевскаго.—Хотя многіе и находили, что это revue générale au nihilisme, но пенсія придала этой демонстраціи очень благонамѣренный характеръ.—Суворинъ написалъ мнѣ очень интересное письмо по этому поводу.—Онъ находился подъ впечатлѣніемъ похоронъ Достоевскаго и спѣлъ диффирамбъ русской женщинѣ, которая пойдетъ на пушку, если потребуется. Ждалъ

[1]) «Гол. Мин.» № 4.

Библиотека "Руниверс"

оживленія своей литературной дѣятельности, т.-е. газеты, когда будетъ земскій соборъ. Это говорилъ онъ послѣ смерти Достоевскаго, а послѣ 1-го марта заговорилъ другое:—Земскій Соборъ невозможенъ, это будетъ Учредительное Собраніе, революція. Кто знаетъ, можетъ быть мы черезъ мѣсяцъ будемъ на площади кричать «да здравствуетъ свобода».

Все ожидало со дня на день объявленія конституціи. И вдругъ 1-го марта разразился надъ всею Россіею ударъ—Александра II убили революціонеры. Говорятъ, что народъ тужитъ, что онъ озлобленъ на всѣхъ посягнувшихъ и грозится мстить.

Александръ II въ послѣдній годъ своей жизни дѣлалъ все, чтобы лишить власть ея обаянія и силы. Ѣздилъ съ конвоемъ...

Трагизмъ смерти сразу поднялъ его на высоту легендарной личности. Все смѣшное забыто—теперь помнятъ только страдальца Царя-Освободителя и мученика.

Вмѣстѣ съ этимъ надо сознаться, что катастрофа многимъ открыла глаза.—Въ глазахъ многихъ революціонная партія выросла до недосягаемой высоты. Можно предсказать, что мучениковъ теперь найдется не десятокъ и сотни, а тысячи... —При этомъ народъ остался спокоенъ. Ходили зловѣщіе слухи, кое-гдѣ били помѣщиковъ (въ Тверской губ.), евреевъ (на югѣ), но, вообще, народъ остался очень равнодушенъ.—Я самъ знаю, что въ деревняхъ у многихъ подъ портретомъ Александра II теплится лампадка.

Царь-Освободитель сдѣлалъ такъ много, что сыну трудно будетъ до него дорасти.—Вообще мы переживаемъ крайне интересное историческое время.—Кто побѣдитъ?—вотъ вопросъ, который навязывается всѣмъ.

Вспоминаю по поводу перваго марта знаменательныя слова Шлабрендорфа, который говоритъ, что единеніе князя съ народомъ должно непремѣнно произойти. — Или князь спустится нѣсколькими ступенями къ народу или народъ поднимется къ нему. — И это правда. Александру II слѣдовало именно спуститься нѣсколько ступеней и отдать обществу то, что оно требовало... Смѣшно сказать, что у него все было подписано, и онъ только откладывалъ, откладывать въ этихъ случаяхъ невозможно. Онъ далъ относительно много свободы и ему не слѣдовало останавливаться на полпути. Вотъ и народъ поднялся на нѣсколько ступеней къ нему. — И тутъ среди бѣла дня съ полиціею, съ войскомъ совершилось ужасающее, показавшее, что — царь такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Это — не убіеніе Павла I.—Послѣ этого факта, авторитетъ этой кучки людей, которые про себя могутъ сказать, что они дѣлаютъ исто-

Библиотека "Руниверс"

рію, поднялся на недосягаемую высоту. Такой единой сплоченной воли, такой энергіи, такого единодушія, скрытности не проявилъ никто въ Россіи.—Какъ всегда послѣ покушенія, въ обществѣ проявилось безпокойство чисто эгоистическаго свойства—боязнь за свою шкуру, боязнь, что народъ бросится и начнетъ грабить, избивать.—Но народъ остался спокойнымъ и только въ глубинѣ гдѣ-то происходитъ глухое волненіе. «Господа убили... за освобожденіе», вотъ что слышится иногда... Не всѣ въ народѣ знаютъ государя. «Что—это тотъ, который освободилъ крестьянъ,—спросилъ меня одинъ грядской мужикъ,—хорошій человѣкъ—и больше ничего». Я замѣтилъ, что крестьяне неохотно говорятъ съ барами объ этомъ дѣлѣ, точно они подозрѣваютъ ихъ въ чемъ-то.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, ну и, конечно, толковъ, пересудовъ тамъ не оберешься.—Время страшно смутное переживаемъ мы. На улицѣ нельзя пройти съ пѣснею, въ домѣ нельзя играть на фортепьянахъ, народъ сейчасъ тутъ расправится съ тѣмъ, который смѣется надъ его горемъ. Тяжело дышать въ этой атмосферѣ, пропитанной электричествомъ.—Прежде всего о народѣ.—Всѣ говорятъ, что видѣли на небѣ корону и крестъ, потомъ всадника, потомъ отъ 10 часовъ до 12 часовъ въ Кремлѣ раздается гулъ, какъ бы отъ ударовъ колокола; открываются чудотворныя иконы.—Всѣ инстинктивно ждутъ чего-то чуднаго, сверхъестественнаго, точно многіе предчувствовали событіе. Будто въ Эрмитажѣ въ этотъ самый часъ играли похоронный маршъ по требованію генерала.

Интеллигенція, по обычаю, струсила и сидитъ дома и поглядываетъ на прислугу, которая толкуетъ о рѣзнѣ и о разныхъ ужасахъ.—У кого очки были на носу, у тѣхъ очки спрятаны—неравно примутъ за соціалиста.—Реакція, страхъ, опасенія, какая-то тоска, бѣлый и красный терроръ, умственная и нравственная анархія, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ—вотъ что виситъ надъ городомъ. По слухамъ—тамъ потеряли голову, другіе же говорятъ, что Александръ III очень бодръ.

Козлищемъ отпущенія называютъ по старой памяти все того же К. Н.—Откуда эти громадные капиталы въ рукахъ нигилистовъ?—спрашиваютъ многіе.—Онъ виноватъ.

Разсказываютъ, будто у него былъ обыскъ. Еще прежде разсказывали, что у него въ кабинетѣ былъ пожаръ. Сгорѣли компрометирующія бумаги.—Есть другіе голоса, которые говорятъ, что деньги принадлежатъ Польшѣ, но что и К. Н. волею-неволею долженъ молчать и потакать имъ. Вообще эти слухи и легенды характеризуютъ хаотическое состояніе общества

Библиотека "Руниверс"

и народа. Народъ инстинктивно держится за царя, потому что смутою воспользуются прежде всего нѣмцы, англичане, поляки. — Всѣхъ проповѣдниковъ - соціалистовъ народъ попросту избиваетъ, ужасно золъ на студентовъ, на женщинъ, вообще на интеллигенцію. Было нѣсколько фактовъ грубой расправы. Избили человѣка за то, что онъ не купилъ манифеста и сказалъ пристававшему къ нему газетчику: «Убирайтесь къ чорту съ своимъ манифестомъ». Тѣхъ, которые разорвали портретъ,... тѣхъ избили до смерти. — Дай только волю черни, и она все разнесетъ.—Но l'ordre règne à Varsovie, и войска всѣ съ заряженными ружьями и съ боевыми патронами наготовѣ. Вѣсть пришла въ тотъ же день, но губернаторъ не объявлялъ новости... Въ театрѣ пошло шушуканье, шопотъ и вдругъ разнеслась новость. Генералъ-губернаторъ принялъ всѣ необходимыя мѣры съ войскомъ. Публика въ театрѣ вдругъ, наэлектризованная извѣстіемъ, закричала актерамъ и оркестру:—депешу, депешу!—Оркестръ игралъ, но крикъ толпы заглушалъ его. Тогда Козловъ вышелъ на эстраду и сказалъ, что ничего офиціальнаго нѣтъ. Публика безмолвно разошлась....

Говорятъ, будетъ реакція.—О конституціи не моги говорить. Бартеневъ сообщалъ, что будутъ призваны редакціонныя комиссіи по финансовымъ вопросамъ. Аксаковъ мечетъ громы и молніи противъ либераловъ, бранитъ всѣ конституціонныя затѣи. Конституціонисты—это и есть цареубійцы.—До чего можно зарапортоваться, подумаешь.—Всѣ эти господа чаютъ движенія воды и съ новымъ царствованіемъ думаютъ играть роль. Многіе изъ нихъ лицемѣрно тужатъ, а втайнѣ радуются перемѣнѣ. Но ханжество, лицемѣрная скорбь, панихиды, слезы, колѣнопреклоненія теперь въ большомъ ходу.—Такое уже время—надо плыть по теченію, не поплывешь, сейчасъ крикнутъ: «Цареубійцы!» А у насъ, русскихъ людей, много стадности, табунности въ характерѣ.—Теперь нельзя благоразумное слово сказать. Пой непремѣнно въ тонъ или молчи. Такіе уже мы холопы во всемъ.

Кн. Юрьевской [1]), говорятъ, оставлено отъ 35 до 70 милліоновъ—хорошія денежки въ голодное время [2]).

Про новаго государя слышно, что онъ хорошій хозяинъ, бережливый, будетъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ. И, слава Богу. На престолѣ должна быть личность безупречная въ нравственномъ значеніи слова. Всѣ престолы теперь пошатываются, и мы

---

[1]) Говорится о морганатической супругѣ Александра II. *Ред.*

[2]) Это оказывается вздоромъ—она получила всего 3 милліона и домъ.—Слышалъ отъ Ламсдорфа.

Библиотека "Руниверс"

идемъ къ великой соціальной революціи. Благо тому, кто сумѣетъ сохранить обаяніе, престижъ, ясность власти.—Начало трудное для Александра III. Необходима программа, хуже всего балансированіе, нерѣшительность, отсутствіе программы, опредѣленныхъ мнѣній.—Ему надо быть Наполеономъ I или Фридрихомъ Великимъ. Дать свободу, но не выпускать изъ рукъ власть и руководительство надъ всѣмъ. Это очень трудно, но возможно человѣку умному, трезвому, способному и твердому.

Газеты теперь подлѣе и гаже всякаго описанія («Нов. Вр.», «Мос. Вѣд.», «Русь»). Какой тутъ чепухи чепухинской не нагородили онѣ.—Сберегу номера газетъ, авось, интересно будетъ посмотрѣть со временемъ.

Слухи въ началѣ царствованія.

То, чего надо было опасаться, то и случилось. Началось ни то, ни се. Всѣ недовольны. Всѣ толкуютъ о либеральномъ министерствѣ Абазы, Лорисъ-Меликова и Милютина, настаивающихъ на реформахъ. Владиміръ говоритъ о тѣхъ лицахъ (plantes des gibets de Pètersbourg à Tiflis). Въ обществѣ только и говорятъ о жидовскихъ (антисемейскихъ) безпорядкахъ на югѣ, и многіе съ опасеніемъ говорятъ о томъ, что эта волна народная поднимается на господъ. Все это вздоръ, конечно, но отмѣчаю слухи и разговоры, могущіе служить мнѣ воспоминаніемъ въ будущемъ времени. N разсказывалъ мнѣ, что онъ ѣхалъ на конкѣ и видѣлъ пьянаго мужика, который повелъ слѣдующую рѣчь: «Александръ II былъ хорошій человѣкъ, а Александръ III тоже хорошій человѣкъ. Пускай онъ скажетъ мнѣ, и я убью, кого онъ прикажетъ». То же изъ деревни разсказывалъ кто-то о словахъ мужика: «Я тебя люблю, баринъ, но прійдетъ время и тебя и сынка я долженъ буду убить».

Про Лорисъ-Меликова говорилъ я съ Суворинымъ и я нахожу, что онъ похожъ на Ломени де Бріеннъ. Суворинъ разсказывалъ про Лориса, что онъ сказалъ, что подастъ въ отставку, какъ только пойдутъ противъ его убѣжденій: «Я сумѣю оставить свой постъ.»

Къ числу такихъ полумѣръ, никого не удовлетворяющихъ и только вызывающихъ смѣхъ, принадлежитъ затѣя Баранова: дѣлать выборы въ городской совѣтъ со стороны владѣльцевъ квартиръ. Тяпъ-да ляпъ,—вызвали всѣхъ чуть не въ одинъ день составить выборы; нѣкоторые для шутки выбрали мѣстнаго квартальнаго. Такъ эта затѣя и прослыла въ Петербургѣ—*околодочная конституція*, и, кажется, погибнетъ отъ равнодушія публики.

Библиотека "Руниверс"

Про одного поэта разсказываютъ, что онъ сказалъ Лорисъ-Меликову:

Дайте намъ хоть куцую,
Но только конституцію.

Хорошій риторъ, человѣкъ истинно-русскій въ вопросѣ славянскомъ, Аксаковъ, кажется, потеряетъ то значеніе, которое онъ пріобрѣлъ послѣ двухъ своихъ знаменитыхъ рѣчей по Восточному вопросу. Охота, право, человѣку подниматься изъ Москвы, чтобы пріѣхать въ Петербургъ и повторить ту же старую пѣснь о соприкосновеніи царя съ народомъ, о пользѣ самодержавія, о томъ, что намъ не надо обносковъ Европы, и затѣмъ робко говорить о земскихъ соборахъ, объ единеніи царя съ народомъ и т. д. Исааковъ очень мило сказалъ: «Точно какую-то московскую икону подняли». Собраніе было очень многолюдно, много аплодировали, но потомъ, немного позднѣе, также аплодировали Соловьеву за его лекцію.

Соловьевъ сказалъ, что христіанскій царь долженъ быть милостивымъ, и эти слова были приняты съ энтузіазмомъ. Въ обществѣ ходили слухи, что Соловьева арестовали, ходили упорные слухи, а на дѣлѣ я видѣлъ Соловьева у Бестужева-Рюмина, окруженнаго толпою курсистокъ. Онъ былъ героемъ дня. Наша молодежь уважаетъ въ человѣкѣ искренность, неустрашимость, гражданское мужество. Мнѣнія Соловьева не подходятъ подъ общій діапазонъ, и все-таки ему сдѣлали овацію, и у него на лекціяхъ всегда бываетъ толпа, почему? Потому что онъ говоритъ искренно, смѣло то, что думаетъ. Соловьевъ не радикалъ, онъ христіанинъ, аскетъ. Въ молодежи есть инстинктъ, она угадываетъ характеръ, уважаетъ въ человѣкѣ прежде всего характеръ и поклоняется ему даже и въ томъ случаѣ, если человѣкъ проповѣдуетъ не симпатичные ей принципы.

И все такъ, какая-то разноголосица. Аксаковъ и весь Славянскій Комитетъ громили все и вся, начиная отъ покроя платья до конституціи и говорили, что народъ, какъ море, вздымается. А чего они достигли?—Одно только лицемѣріе, ни одного правдиваго, честнаго слова въ такую важную минуту.—Я сказалъ Суворину, что мнѣ не нравится это лицемѣріе. «Да,—сказалъ онъ,—совсѣмъ византійское лицемѣріе. Вѣдь и Аксаковъ съ братіею въ тѣсномъ кружкѣ бранятъ то, что они теперь такъ восхваляютъ».

Все это только сбило съ толку молодого государя.

Появился манифестъ въ духѣ Каткова и Аксакова.

Суворинъ говорилъ, что неудобно созвать соборъ. — Этотъ соборъ объявитъ себя Учредительнымъ собраніемъ, и тогда

Библиотека "Руниверс"

пойдетъ потѣха. Русскому мужику не нужна конституція—гдѣ у насъ интеллигенція—все чиновники, кромѣ чиновниковъ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. — Такъ вы хотите революціи и доведете до нея,—сказалъ я.—Да и будетъ революція. Что за странности!

Другой разъ я у него спрашивалъ о будущемъ призывѣ свѣдущихъ людей, экспертовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и что изъ этого будетъ? «Почемъ я знаю,—мы всѣ не знаемъ. Можетъ быть, мы съ Вами ужъ черезъ мѣсяцъ будемъ кричать на площади: Да здравствуетъ свобода!»...

Все надоѣло,—хочу ѣхать за границу.

Я вспомнилъ Макс. Ковалевскаго, который говорилъ мнѣ: «Да развѣ дѣлаютъ революцію? Революціи дѣлаются городами, и она будетъ лѣтъ черезъ двадцать».

Когда я сказалъ Аксакову о Земскомъ соборѣ,то онъ напустился на всѣхъ: «Теперь не время, теперь горе—надо дать успокоиться (вотъ уже лакейская черта—господа почиваютъ), и потомъ нельзя же дѣлать то, что они просятъ».

По разсказамъ Д. вотъ какъ было дѣло. На послѣднемъ засѣданіи было рѣшено двинуться впередъ. Слѣдующее засѣданіе происходитъ у Лориса. Вдругъ входитъ Набоковъ и подаетъ манифестъ Лорису и говоритъ, что онъ спѣшитъ отпечатать его до парада. Лорисъ читаетъ и съ гнѣвомъ бросаетъ его на столъ: «Передайте Милютину и Абазѣ, что такъ не можетъ оставаться долѣе—это измѣна!»—Кто писалъ манифестъ!—кричатъ всѣ наперерывъ. Выступаетъ Побѣдоносцевъ и говоритъ, что это онъ писалъ и защищаетъ свой проектъ. «Но вѣдь это противъ уговора»—кричитъ Лорисъ. «Вы ошибаетесь,—говоритъ Владиміръ,—уговора никакого не было. Государь сказалъ Вамъ: займитесь проектами,—а это само-собою». Всѣ продолжаютъ кричать и волноваться. «Конечно надо подать въ отставку,—предлагаютъ кто-то,—и сейчасъ же телеграфировать объ этомъ въ Гатчину».—Я не вижу необходимости подавать въ отставку, — заявляетъ ехидно Игнатьевъ, привычный къ серальскимъ разговорамъ (вѣрно подстроилъ всю эту механику, чтобы избавиться отъ Лориса и играть самому первую роль). Тутъ встаетъ Владиміръ и объявляетъ, что ему надо спѣшить устроить все для парада и уходитъ, не подавая никому руки. Разсказываютъ, что эти совѣщанія верховниковъ (такъ ихъ называетъ партія Каткова) происходили у Нелидовой, и будто она неосторожно говорила объ этомъ въ присутствіи агента Баранова. Послѣдній—штукарь не первой руки. Говорилъ все: «Государь и я» и т. д. Когда мы пріѣхали къ нему по дѣлу, то онъ насъ принялъ всѣхъ, какъ товарищей, и подалъ руку, предложилъ курить. Вообще власть и популяр-

Библиотека "Руниверс"

ничаетъ и прижимаетъ—не знаешь, что и ожидать. Ореста Миллера онъ требовалъ къ себѣ по объясненію насчетъ лекціи Соловьева, котораго публика чуть не на рукахъ понесла.

Принимая у себя Миллера, Барановъ встрѣтилъ его словами: «Я принадлежу къ числу вашихъ поклонниковъ и, извините, что заставилъ васъ ждать. Я хотѣлъ отъ васъ слышать, какъ все было на лекціи—не могу же я положиться на слова жандармскаго (по-хлестоковски либерально) офицера». (Слышалъ отъ самого О. Миллера).

Манифестъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на многихъ и многихъ людей. Всѣ, чаявшіе чего-то особеннаго отъ новаго царствованія, сильно пріуныли. Подняли голову тѣ, которые сочувствуютъ анархистамъ; имъ это недовольство въ руку. Въ обществѣ есть поклонники Каткова, Аксакова, но они не играютъ видной роли. Лорису дѣлали овацію. Большинство теперь жалѣетъ объ его уходѣ. Земцы новгородскіе, саратовскіе, самарскіе высказались за конституцію.—Петербургъ сдѣлалъ Лориса почетнымъ гражданиномъ.

Во время грозы разбился памятникъ въ Гатчинѣ; всѣ, какъ говорятъ, очевидцы струхнули.

Съ каждымъ днемъ все разочаровываются и начинаютъ опять поглядывать въ ту сторону, откуда вышли Рысаковы. Пресса подъ игомъ, а свѣдущіе люди призываются. Вотъ признаки, которые рисуютъ положеніе... Время хорошее пропущено. Бываютъ моменты, когда общество находится въ своей Sturm & Drang Periode, и кормить ихъ тогда прѣсною пищею, положительно, опасно. «Россія скучаетъ»—можно повторить слова Ламартина. Высшія назначенія не особенно удачны. Талантливыхъ людей (изъ старыхъ) разогнали, а плохихъ (изъ прежнихъ) оставили. Въ обществѣ называютъ новое министерство, бездарное министерство. Дѣйствительно, кромѣ Игнатьева, все такая безталанность патентованная. При назначеніяхъ не руководятся ни способностями, ни прошлымъ человѣка. Игнатьевъ могъ бы быть великолѣпнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а его сунули въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и вотъ онъ проводитъ константинопольскій режимъ.

Барановъ отличился на морѣ, а его сдѣлали градоначальникомъ Петербурга, а теперь въ Архангельскѣ (послѣ немилости)—Баранову дать бы назначеніе на морѣ и онъ былъ бы на мѣстѣ. Также Фадѣева, автора брошюры «Вооруженныя силы Россіи», можно было бы употребить съ большою пользою въ реформированіи арміи, а его прочатъ въ начальники главнаго управленія по дѣламъ печати. Что можетъ выйти изъ такого концерта,

Библиотека "Руниверс"

въ которомъ Венявскаго заставятъ пѣть, а Патти разыгрывать на скрипкѣ. Вѣроятно, новая метла плохо мететъ, хотя и новая, а авторитета нѣтъ. Революціонныя изданія, несмотря на запреты и облавы, продолжаютъ выходить и будоражатъ общество. Вспомнилъ анекдотъ про Куника. Говорятъ, что революціонныя изданія регулярно получались всѣми высокопоставленными лицами. Только одну Академію (по случаю ея застарѣлости) обошли г-да революціонеры.

Куникъ, какъ библіофилъ этому обидѣлся и, собравъ нѣсколько прокламацій, пріобщилъ ихъ къ Академической Библіотекѣ, а за недостаточностью экземпляровъ обратился къ Гурко, мотивируя это тѣмъ, что эти документы имѣютъ историческое значеніе. Но Гурко далъ ему такой нагоняй, что онъ вѣрно въ другой разъ не сунется. Я слышалъ, впрочемъ, раньше другую версію. Разсказывали, что Куникъ получалъ раньше всѣ прокламаціи и бережно хранилъ ихъ въ Библіотекѣ Академіи, а когда ему не дослали послѣднихъ изданій, то онъ попросилъ Зурова пополнить его коллекцію. Тотъ ужасно взбѣсился.

Подхалимство прессы дѣлаетъ то, что правительство, убаюкиваемое подлымъ, приниженнымъ тономъ газетъ, заблуждается насчетъ недовольства общества. А ему это нужно знать, въ виду всякихъ случайностей. Всю силу, которую правительство получило послѣ 1-го марта, оно утратило теперь въ глазахъ общества. Инцидентъ исчерпанъ, какъ сказалъ тогда Аксаковъ,— и пользы отъ этого властямъ мало. Оно также разобщено съ обществомъ, какъ и прежде.... Грустно, но видно, что идемъ вѣрными шагами къ какому-то громадному перевороту.

Дѣлаютъ, но не то, что нужно. Не чувствуется опытной умѣлой руки въ общемъ государственномъ управленіи: берутся за все ощупью (какое то tatonnement). Мѣры хороши, намѣренія еще лучшія, а недостаетъ смысла и умѣнія. Сейчасъ видно хорошаго кучера, а тутъ постоянно чувствуется, что кучеръ и остороженъ иногда не въ мѣру и возжи не такъ держитъ, не умѣетъ развернуть лошадей въ карьеръ. «Le gouvernement c'est une question de tod», говорилъ Наполеонъ. Въ томъ-то и дѣло, что все въ рукѣ,—какъ взять вожжи, когда отпустить, когда подтянуть... Передъ свѣдущими людьми прямо выдали себя. Armuth's Zeugniss, да, мы ничего не понимаемъ. Вы—излюбленные люди, а выходитъ, что излюбленные люди по знакомству приглашены—комедіи, не удовлетворяющія ни общество, ни государственныя нужды. Боятся они слова «конституція», какъ жупела, а при конституціи бисмаркизмъ и т. д. является иногда самодержавнѣе самодержавнаго царя.

Библиотека "Руниверс"

На что, спрашивается, это свѣдущіе люди? Воспользоваться знаніемъ нѣсколькихъ лицъ—это, положимъ, будетъ достигнуто... Но зачѣмъ же тогда играть въ конституціонную комедію? Вы, дескать, земскіе люди, а мы хотимъ у васъ поучиться. Вмѣстѣ съ этимъ, если думаютъ отвести глаза съ помощью прессы (въ родѣ «Нов. Вр.»), то эта цѣль не достигнута. Какіе же это излюбленные люди? Кто ихъ выбиралъ? Кто ихъ уполномочилъ? Никто. И общество все же остается съ прежнею своею тоскою. Развитыхъ людей вся эта комедія слишкомъ мало удовлетворяетъ, а народъ, да ему какое дѣло до свѣдующихъ людей?.. Земскій соборъ еще могъ бы удовлетворить коекого, но это слово боятся выговорить. Самъ Игнатьевъ вѣрно чувствуетъ, что на одномъ самодержавіи не выѣдешь, и вотъ онъ такіе куншткоки выкидываетъ. Конституція съ безмолвнымъ Corps Législatif, съ рѣчистымъ Tribunat была куда выше, но и эта конституція при Наполеонѣ I не была живуча. По-моему, надо итти слѣпо на конституціонный путь или бросить всѣ затѣи, въ родѣ свѣдующихъ людей, заигрыванія съ земствомъ. Деспотизмъ Наполеона I, Фридриха II имѣетъ тоже свое обаяніе, но для этого надо быть Наполеономъ—надо въ извѣстный моментъ преобладать надъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ и воплощать въ себѣ высшій разумъ націи и исторіи, а эти заигрыванія приведутъ къ катастрофѣ рано или поздно. Извѣрившись въ себѣ, самодержавіе, какъ ни стараются вдохнуть въ него силу Катковъ и Аксаковъ, приведетъ къ полному разстройству. Не было самодержавнѣе Наполеона, Фридриха В. и даже Бисмарка, но они вѣрили въ себя, и опытъ показалъ, что они стояли въ извѣстный моментъ во главѣ народа и государства.

Гнетъ, лежащій на прессѣ, ожесточаетъ иныхъ, заигрываніе съ земствомъ вызываетъ улыбку серьезныхъ людей. Привѣтливое обращеніе съ людьми, избранными изъ среды общества самимъ Игнатьевымъ, роняетъ престижъ власти. И все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе нерѣшительнаго, безтолковаго, иногда жестокаго, иногда мягкаго, иногда либеральнаго, иногда самодержавнаго правительства.

Единеніе царя съ народомъ совершилось, по выраженію Аксакова, пока въ Москвѣ и въ Костромской губерніи. Но вотъ какая картина представилась на маленькой станціи Николаевской дороги. Вся дорога оцѣплена войсками, бивуакирующими вдоль полотна съ огнями. Всѣ—начальникъ станціи, кассиръ, прислуга, всѣ сидятъ подъ замкомъ въ своихъ комнатахъ, а въ это время при гробовомъ молчаніи пролетаетъ поѣздъ. Вотъ и единеніе! Да развѣ Петръ I (абсолютизмъ и даже квинтъ-эссенція абсолю-

Библиотека "Руниверс"

тизма) послѣ стрѣлецкаго бунта, Наполеонъ послѣ взрыва бомбы и заговора Кадудаля и др. такъ прятались? Они шли въ народъ и жили съ нимъ одною жизнью.

Все это было бы смѣшно, если бы это не отразилось современемъ какою-нибудь катастрофою. При жизни въ Гатчинѣ—Петербургъ, т.-е. народъ, отвыкнетъ отъ царя. Его онъ хвалитъ. Онъ можетъ быть не Людовикомъ XVI, но можетъ быть Карломъ I. Послѣ 1-го марта необходимъ былъ человѣкъ съ громадными умственными силами, безстрастный до отваги, человѣкъ, про котораго сложились бы сейчасъ легенды о его неустрашимости, о томъ, какъ онъ на извозчикѣ ѣхалъ—даже нѣчто въ родѣ Николая.

А. И. Васильчиковъ.

Я прочиталъ въ газетахъ о смерти Васильчикова. Подумаешь, и тутъ лицемѣріе и партійность. Читаешь и не вѣришь глазамъ. Онъ былъ безспорно умный человѣкъ, полезный и хорошій писатель.—Этотъ человѣкъ, котораго я знаю послѣ близкаго знакомства съ нимъ, представлялъ странный контрастъ. Въ книгахъ своихъ (про которыя злые языки говорили, что онѣ пишутся студентами и т. д., а князь только сортируетъ матеріалъ и потомъ выступаетъ въ свѣтѣ) онъ является демократомъ и даже немного соціалистомъ. Въ жизни онъ былъ совсѣмъ другой. Въ немъ была непріятная morgue англійскаго лорда. Въ засѣданіи земскихъ людей его не любили за этотъ аристократизмъ, за это высокомѣрное обращеніе съ людьми. То же было и въ Славянскомъ Комитетѣ. Онъ не всѣмъ подавалъ руку, и это обижало многихъ. Сухой, длинный, костлявый, съ портфелемъ подъ мышкою, онъ подавалъ руку ближайшимъ, напр., Ламанскому и мнѣ, какъ секретарю, а остальнымъ отвѣшивалъ поклонъ. Въ обращеніи съ людьми у него было много рѣзкости (что французы называютъ cassant) и даже деспотическія замашки, онъ не сносилъ людей ниже себя (должно быть по натурѣ), разночинцевъ, въ родѣ Васильева, Аристова и др. и всегда брезгливо относился къ нимъ. Онъ и не былъ способенъ на такой поступокъ, какъ рѣчь Аксакова (первая и вторая), онъ дѣйствовалъ съ оглядкою, справлялся, какъ думаютъ повыше. Онъ, вѣрно, былъ честолюбивъ и слегка будировалъ правительство, но всегда старался сохранить прежнія связи.

Какъ кабинетный ученый, аристократъ и богатый землевладѣлецъ, взявшій на себя защиту народа, народной собственности, онъ выдѣляется среди нашихъ дѣятелей. Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной политической безтактности. Но это не чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ иниціативы или человѣкъ порыва (въ его время Славянскій Комитетъ обратился въ отдѣленіе Азіатскаго департамента и утратилъ всякое значеніе), онъ не допускалъ никакихъ научныхъ заявленій, боялся ихъ и даже выразилъ мнѣ свое несочувствіе о рѣчи Аксакова по поводу Восточнаго вопроса. «Не надо стеколъ ломать. Эта рѣчь—большая безтактность», сказалъ онъ тогда. Съ большимъ честолюбіемъ ему хотѣлось во что бы то ни стало играть роль и вотъ почему, не зная почти славянства и не сочувствуя душою возрожденію славянства, онъ принялъ на себя званіе предсѣдателя. Онъ игралъ на модный мотивъ: земство, самоуправленіе, дешевый кредитъ, славянство, а въ душѣ это былъ черствый, сухой, разсудочный человѣкъ съ аристократизмомъ до кончика ногтей. Если бы у насъ была бы конституція — онъ могъ бы сыграть нѣкоторую роль, но не надолго.

Онъ не обладалъ краснорѣчіемъ Аксакова или Ковалевскаго. Рѣчь его никого не воспламеняла и не дѣйствовала на людей, подобно Достоевскому, и, потомъ, онъ былъ все-таки не оригиналенъ. Трудолюбивый и знающій, онъ повторялъ чужія мысли. Онъ былъ хорошій компиляторъ. Правда, ему теперь воскуриваютъ фиміамъ, est modus in rebus,—воскуриваютъ ему за записку Толстому, за его сочиненія и потому, что этого требуютъ теперь интересы партіи. Все у насъ не спроста дѣлаютъ. Дѣлаютъ овацію Достоевскому (понимай: дѣлаютъ овацію бывшему петрашевцу, бывшему на каторгѣ). Вездѣ пробивается тонкою струйкою въ газетахъ, въ журналахъ оппозиція, но все это такъ спрятано, что непосвященному человѣку трудно разглядѣть. Кн. Васильчиковъ никогда не былъ конституціоналистомъ (и это высказывалъ въ разговорѣ) и даже не былъ славянофиломъ, игнорируя славянство, смѣялся надъ нашими общественными силами, и не вѣрилъ въ зрѣлость русскаго общества, но онъ имѣлъ тактъ этого не заявлять публично и хранить объ этихъ вещахъ молчаніе, потому онъ теперь получилъ свой апоѳеозъ и надъ нимъ теперь будутъ проливать слезы сожалѣнія. Вотъ какъ пишется исторія. Всѣмъ, знавшимъ близко Васильчикова въ роли предсѣдателя Славянскаго Комитета, покажется страннымъ его демократическая книга. Въ пріемѣ добровольцевъ, требующихъ пособія, онъ былъ безжалостно строгъ и даже дерзокъ съ людьми, которымъ комитетъ оказывалъ помощь. Черствый, чопорный и холодный на видъ, наводилъ уныніе на тѣхъ, которые приходили просить помощи. Идите—ничего не могу.

Къ Аристову и проч. онъ питалъ просто презрѣніе.

— «Вотъ онъ,—сказалъ онъ мнѣ,—хотѣлъ вдругъ ворачать европейскими дѣлами».—Чуть не сказалъ про нихъ, что такая

Библиотека "Руниверс"

сволочь много о себѣ воображаетъ. Вообще былъ брезгливъ съ плебсомъ. Въ Новгородѣ, когда онъ былъ предводителемъ дворянства, онъ тридцать тысячъ (или болѣе) ухлопалъ дворянскихъ денегъ (которыя шли на воспитаніе дворянъ) для постройки дворянскаго дома.

Заканчивая характеристику, могу сказать, что это натура сложная. Лордъ съ дворянскими замашками, увидѣвъ, что дворянство теряетъ почву и что правительство не сумѣло оцѣнить его ума и способностей, пошелъ къ замарашкамъ, которыхъ презиралъ въ глубинѣ души. Эта брезгливость, презрѣніе къ плебсу было сильнѣе самого князя и онъ не умѣлъ скрыть это. Во всякомъ случаѣ, жалко, что такіе люди, какъ Васильчиковъ, не находятъ себѣ поприща и что правительство не воспользовалось его способностями. Онъ былъ умнѣе многихъ нынѣшнихъ знаменитостей и былъ бы полезнѣе ихъ.

Письма Дараганъ и Кривенко.

1.

Пишите, Григорій Александровичъ, не будируйте за то, что я сама рѣдко пишу, право, это все отъ хандры; что же вашъ романъ въ «Словѣ». Или не пройдетъ, можетъ быть, вѣдь теперь что-то ужасное творится съ цензурой, скоро нечего читать будетъ. Ужъ и времячко, нечего сказать. Хуже всего, что рѣшительно ничего нельзя понять: при Николаѣ, по крайней мѣрѣ, просто и откровенно душили и кричать не велѣли, ну и понятно. А теперь только и можно видѣть, что есть два какія-то теченія: съ одной стороны призываютъ общество къ содѣйствію, но пока выражается это содѣйствіе только созваніемъ «нотаблей» для совѣщанія о кабакахъ (все-то у нихъ какъ-то странно, чтобъ не сказать пошло, выходитъ; а можетъ быть и правы, что съ этого начинаютъ, вѣдь не даромъ же Крыловъ говорилъ, что исторія русскаго народа исчерпывается *Исторіей кабаковъ въ Россіи;* (кстати, не забудьте мнѣ писать, если знаете, есть ли въ продажѣ эта книга Прыжова и можно ли ее выписать, не навлекая подозрѣній). А, рядомъ съ этимъ, пресса не смѣетъ ничего обсуждать, газеты закрываются одна за другою; вотъ мы уже третью перемѣнили: «Голосъ», «Новую Газету», «Московскій Телеграфъ», и вотъ уже недѣля, какъ и послѣдняго не получаемъ; можетъ, тоже запретили, а мы еще и не знаемъ.

На-дняхъ, напр., получили всѣ домовладѣльцы въ Ялтѣ и окрестностяхъ изданныя ген.-губ. правила: о паспортахъ, ору-

Библиотека "Руниверс"

жіи, строжайшемъ надзорѣ за пріѣзжими, крайне для всѣхъ стѣснительныя, и вдругъ пріѣзжаетъ самъ Дондуковъ-Корсаковъ, видитъ въ гостиницѣ прибитыя на стѣнѣ свои «Правила» и срываетъ ихъ собственноручно, говоря, что это можетъ только напугать публику, разогнать всѣхъ изъ Ялты. А на другой день объѣзжаетъ всѣ дома урядникъ и отбираетъ у насъ, уже полученныя нами, эти злосчастныя «Правила». Вы, конечно, этому не повѣрите (я сама тоже бы сдѣлала, не видавши всего), но я не прибавила ни одного слова отъ себя; а вѣдь, неправда ли, даже Щедринъ ничего не выдумалъ сильнѣе. Не знаешь, какъ разобраться въ этой чепухѣ. А, между тѣмъ, искренно жаль бѣднаго государя, который такъ, очевидно, хочетъ всего хорошаго, но не ясно видитъ средства къ достиженію цѣли. Кажется, что увлекается недовѣріемъ ко всѣмъ (отчасти, впрочемъ, понятнымъ), а самъ добровольно лишаетъ себя самого вѣрнаго содѣйствія общества, стѣсняя печать.

Вы, можетъ быть, найдете все это лишнимъ, да и отвѣтить не можете такъ свободно обо всемъ (вѣдь я только съ Ол. Ал. рѣшаюсь писать даже эти невинныя вещи), но мнѣ такъ захотѣлось сказать вамъ все, о чемъ думаю, а здѣсь я рѣшительно ни съ кѣмъ не говорю.

Искренно преданная вамъ

С. Д.

9-го октября 1881 г.
Ялта.

2.

Іюль, 9-е, 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Сейчасъ я получилъ начало «Полной чаши» и ваше письмо. Пожалуйста, извините, что редакція замедлила высылкою вашей рукописи; не до того было все это время, какъ сейчасъ увидите. Сначала, впрочемъ, скажу Вамъ, что продолженіе «Полной чаши» распоряжусь послать къ вамъ завтра же, а что касается до маленькой вашей повѣсти, то она очень понравилась обоимъ нашимъ редакторамъ, гораздо лучше обработана въ литературномъ отношеніи и назначена въ іюльскую книжку. Придется ли только ей увидѣть свѣтъ—не знаю, ибо дѣла «Слова» въ высшей степени печальны. Вотъ въ чемъ бѣда, Григорій Александровичъ, намъ не хотятъ утверждать ни постояннаго, ни временнаго редактора... О г-нѣ Альбовѣ въ д-тѣ государственной полиціи, говорятъ, былъ благопріятный отзывъ, но министръ внутреннихъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ, тѣмъ не менѣе, его не утвердилъ. Вяземскій, давъ слово, что его ни за что не утвердятъ, вѣроятно, настоялъ на своемъ. Прошеніе о васъ подавалось два раза, но оба раза его не приняли, сказавъ, чтобы сначала дожидались отказа въ утвержденіи Альбова. Когда 16 іюня, наконецъ (черезъ два мѣсяца слишкомъ), получился такой отказъ, то просить опять о васъ мы затруднились: 1) подумавъ, изъ двукратнаго отказа принять прошеніе, что и васъ не хотятъ утвердить, а 2) очень тороплюсь подачею прошенія, а вашего вида не было подъ руками. Поэтому, 17 іюня было подано прошеніе о г. Златовратскомъ (состоявшемъ до сего времени редакторомъ «Русскаго Богатства») и вслѣдъ затѣмъ о г. Плещеевѣ, предоставивъ Глав. упр. по д. п. сдѣлать выборъ или утвердить ихъ обоихъ редакторами. Но съ 17 іюня до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта. Департаментъ государственной пол. далъ и о г. Златовратскомъ хорошій отзывъ, но доклада министру Вяземскій до сихъ поръ еще не дѣлалъ и не обѣщаетъ опредѣленно, когда именно сдѣлаетъ. Вслѣдствіе того, что со мною и повѣреннымъ издательницы обращались въ Глав. управл. по д. п. очень грубо, не выслушивая, не давая отвѣтовъ, смѣялись прямо въ глаза надъ комическимъ положеніемъ журналистовъ безъ журнала, я вызвалъ изъ деревни бывшую издательницу, и вотъ что ей самой на-дняхъ категорически объявили въ Гл. упр. по д. п.: Вяземскій опять сказалъ, что временнаго редакторства онъ никому разрѣшить не можетъ, а утвержденіе постояннаго редактора зависитъ отъ министра, къ которому и рекомендуетъ обратиться, такъ какъ все промедленіе въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ него. Г. Адикаевскій, разсердившись на что-то, былъ гораздо откровеннѣе и сказалъ издательницѣ публично отъ лица Главнаго управленія слѣдующее: «Докладъ о Златовратскомъ мы сдѣлаемъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, черезъ два... Но это все равно для васъ потому, что представляйте вы хоть 20 человѣкъ въ редакторы и пускай д-тъ государственной полиціи даетъ о нихъ самые лестные отзывы, то и тогда ни одного изъ нихъ мы вамъ не утвердимъ. Вамъ остается одно изъ двухъ: или ликвидировать журналъ, или же представить въ редакторы кого-нибудь изъ двухъ: Каткова или Побѣдоносцева». Какъ вамъ понравится эта категоричность и этотъ цинизмъ насмѣшки и произволъ. Право, опускаются руки и нападаетъ отчаяніе... Была издательница и у министра, объяснивъ все дѣло, подала прошеніе, но получила въ отвѣтъ только обѣщаніе поговорить съ Вяземскимъ, отъ котораго все это зависитъ. Результата пока никакого не послѣдовало. Между тѣмъ, подписчики шлютъ каждый день массу писемъ, требуя запоздавшихъ книжекъ, или денегъ, упрекая въ

Библиотека "Руниверс"

недобросовѣстности и т. д.; майская и іюньская книжки лежатъ въ типографіи совершенно готовыя (іюль набирается), сотрудникамъ платится, наборщикамъ платится, конторщикамъ платится и т. д.; полугодовая подписка и досылка разсроченныхъ денегъ пріостановилась; а впереди обязательства въ 100,000 руб., по которымъ съ пріостановкой журнала, можетъ послѣдовать искъ, и потеря 15.000 сверхъ того затраченныхъ, не считая подписной суммы, которую нужно будетъ еще возвратить. Очевидно, они хотятъ закрытія журнала, но не имѣя для этого законныхъ основаній, желаютъ довести его до изнеможенія и заставитъ самому ликвидироваться. Такъ это и говорятъ съ откровенностью. Вы видите, что Глав. управ. по д. п. стоитъ на совершенно незаконной почвѣ и не желаетъ, имѣя полную возможность закрыть журналъ или отдать другимъ обыкновенными путями, сойти съ этой почвы, и сдѣлать противъ этого ровно ничего не можете. Связей и протекціи у насъ рѣшительно никакихъ нѣтъ, а будь онѣ, вѣроятно, такъ не поступили бы съ нами. Любопытнѣе всего во всей этой исторіи то, что намъ ставится въ вину прошлое журнала, къ которому мы не имѣли ни малѣйшаго прикосновенія, что за грѣхи другихъ должны поплатиться (и матеріально и нравственно) мы, взявшіе журналъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Просто не знаю, что и дѣлать. Не посовѣтуете ли вы, Григорій Александровичъ, что-нибудь предпринять или къ кому-нибудь обратиться. Не знаете ли вы чего о Фадѣевѣ. Онъ теперь пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ, въ особенности въ министерствѣ внутр. д. и по дѣламъ печати. Говорятъ, что онъ будетъ назначенъ вмѣсто Вяземскаго. Ему приписываютъ брошюру, вышедшую въ Лейпцигѣ, у Брокгауза: «Письма о современномъ состояніи Россіи», которую почти всѣ комментируютъ. Не обратиться ли къ нему съ объясненіемъ положенія вещей, которое положительно компрометируетъ тѣхъ, кто его создаетъ, въ особенности, когда мы желаемъ и просимъ только одного—законности. Утопающій, говоритъ пословица, хватается и за соломинку. Словомъ, Григорій Александровичъ, если можете что-нибудь сдѣлать или присовѣтовать, то очень обяжете. Не будете ли въ Петербургѣ?

Преданный Вамъ *С. Кривенко.*

Между прочимъ, сообщу Вамъ вотъ что: когда подавалось прошеніе о Златовратскомъ, то Вяземскій спросилъ—почему же не о де-Волланѣ, о которомъ хотѣли сначала просить. На это было отвѣчено, что вслѣдствіе двукратнаго отказа принять прошеніе, мы подумали и т. д. А можетъ быть они Васъ и утвердятъ. Подать прошеніе еще можно вѣдь. Какъ Вы объ этомъ думаете?

Библиотека "Руниверс"

3.

Пожалуйста, извините меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ, за мою медленность и неаккуратность по исполненію Вашего порученія. У меня такъ много всякихъ хлопотъ, работы и бѣготни, въ особенности теперь, когда всѣ разъѣхались по дачамъ, что немудрено быть неаккуратнымъ. Когда, послѣ перваго Вашего письма, я справлялся о Вашихъ рукописяхъ, то ихъ въ конторѣ еще не было (онѣ были въ редакціи); а затѣмъ я ѣздилъ въ Москву, гдѣ прожилъ около трехъ недѣль; потомъ вышла путаница съ Ор. Миллеромъ и Плещеевымъ (я понадѣялся на нихъ, а они на меня), наконецъ переговоры съ «Устоями». Словомъ—длинная исторія, а короче—повѣрьте, что вовсе не небрежность, а извинительная причина сдѣлала меня въ данномъ случаѣ неаккуратнымъ. Теперь Вы, вѣроятно, уже получили рукописи. Я ихъ Вамъ отправилъ дня три-четыре тому назадъ. И вотъ Вамъ примѣръ: по крайней мѣрѣ три дня не могъ выбрать десяти-пятнадцати минутъ, чтобы написать Вамъ нѣсколько строкъ. Теперь, впрочемъ, нѣсколько освободился и ѣду до воскресенья въ Чудово, къ своей женѣ, которая тамъ живетъ на дачѣ, неподалеку отъ Глѣба Ивановича. Вы говорите относительно помѣщенія «Полной Чаши» въ «Устояхъ». Это хорошо было бы сдѣлать и можно было бы сдѣлать, только вотъ въ чемъ бѣда: дни «Устоевъ» сочтены по недостатку средствъ, и если въ теченіе двухъ-трехъ недѣль положеніе не измѣнится, то врядъ ли они будутъ существовать. Вотъ, не хотите ли имѣть свой органъ. Чтобы довести до конца года нужно очень немного—тысячъ 6—7, даже съ 5-ю и имѣющимися остатками можно дотянуть до подписки. Если бы явилось, въ самомъ дѣлѣ, желаніе, то напишите—переговорю по этому поводу и сообщу подробности, а то сами пріѣзжайте въ воскресенье. Остановиться можете у меня, такъ какъ я теперь совершенно одинъ въ квартирѣ и это доставитъ мнѣ такое удовольствіе. Затѣмъ позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе.

С. Кривенко.

Глѣбъ Ивановичъ отправился путешествовать. Вчера получилъ отъ него телеграмму изъ Нижняго Новгорода.

4.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ, очеркъ Вашъ я уже передалъ въ «Устои». Извините, пожалуйста, что про-

Библиотека "Руниверс"

медлилъ отвѣтомъ. Все были надежды, все хотѣлось написать Вамъ что-нибудь радостное, но... ничего радостнаго не послѣдовало. Спасибо Вамъ за участливое отношеніе. Глѣбъ Ивановичъ живетъ теперь въ Чудовѣ, собственно въ Сябринцахъ, въ 4 верстахъ отъ Чудова. Въ свою очередь преданный Вамъ

С. Кривенко.

Я сейчасъ ѣду дня на два въ Москву. По возвращеніи, напишу Вамъ.

5.

Письма-то Ваши, добрѣйшій Григорій Александровичъ, я получилъ, только что Вамъ отвѣтить на нихъ—право не знаю, потому что журналъ находится все въ томъ же несчастномъ положеніи, въ какомъ и находился... Повидимому, положеніе это, несмотря на всю его несправедливость, желаютъ длить неопредѣленное время, такъ какъ относительно Златовратскаго и Плещеева до сихъ поръ нѣтъ отвѣта (съ 17 іюня), а словесно говорятъ теперь: Представьте редактора съ *твердымъ правительственнымъ направленіемъ* (точно—представленные нами—имѣютъ слабое или совсѣмъ антипотребное направленіе), *который совмѣщалъ бы въ себѣ служебныя заслуги съ литературными и былъ намъ (?) извѣстенъ, потому что одного одобрительнаго отзыва департамента государственной полиціи недостаточно*». Вотъ и ищите теперь такую, поистинѣ, жаръ-птицу. Собственно говоря, требуютъ вѣдь представить знакомаго имъ человѣка, но кому знакомаго—неизвѣстно. Словомъ, положеніе совсѣмъ невозможное и совсѣмъ невѣроятное, какое-то константинопольское положеніе. Просишь, вѣдь, только одного: законности и охраненія имущественныхъ правъ, которыя съ каждымъ днемъ уменьшаются, потому что подписчики уходятъ и изданіе обезцѣнивается; но и этого никакъ не можешь добиться. Говоришь: «У васъ цѣлый арсеналъ предусмотрѣнныхъ закономъ каръ, давайте предостереженія, пріостанавливайте изданіе, закрывайте совсѣмъ, задерживайте и жгите книжки, предавайте насъ суду, словомъ,—дѣлайте что угодно, только стойте на законной почвѣ, все это въ вашихъ рукахъ и въ вашей власти...» Нѣтъ, даже и не слушаютъ. Говоришь, что вы недовольны, вѣдь, на старое «Слово», а караете насъ, только въ него вступившихъ и связавшихъ съ нимъ свою судьбу; и этого не слушаютъ. Васъ тоже не хотятъ утвердить редакторомъ. Вчера самъ Вяземскій вспомнилъ про Васъ и сказалъ, что не утвердитъ и Васъ. Вы все-таки по-

Библиотека "Руниверс"

звольте подать о Васъ прошеніе, когда получится отказъ относительно З. и П., потому что, можетъ быть, они и поймутъ, что дѣлаютъ беззаконіе и не имѣютъ права не утверждать всѣхъ тѣхъ, кого они только не знаютъ близко. Былъ я и у г. Фадѣева (по рекомендаціи двухъ общихъ знакомыхъ), но налетѣлъ, какъ говорится, съ ковшомъ на брагу. Встрѣтилъ онъ меня до того надменно и черство, что я поспѣшилъ поскорѣе убраться. Теперь совсѣмъ не знаю, что предпринять и къ кому обратиться, а обратиться къ кому-нибудь нужно, потому что протекція, къ сожалѣнію, продолжаетъ играть очень большую, если только не главную, роль даже въ самомъ справедливомъ дѣлѣ. Брошюры Вашей въ продажѣ еще нѣтъ, а «Письма о совр. сост. Россіи» кто-то у меня взялъ и не несетъ до сихъ поръ. Не придумаете ли, Григорій Александровичъ, Вы чего-нибудь для злополучнаго «Слова».

Преданный Вамъ
С. Кривенко.

Хотѣлъ для успокоенія подписчиковъ сдѣлать самую краткую и совершенно безобидную публикацію, но оказалось, что публиковать нельзя, такъ что, сверхъ разоренія, Вы еще имѣете въ перспективѣ остаться передъ публикой въ самомъ скверномъ свѣтѣ и не имѣете возможности оправдаться даже.

13 іюля 1881 г.

Гр. де-Волланъ.

Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Карло Кафіеро.

(Изъ воспоминаній его жены).

Къ моимъ воспоминаніямъ изъ эпохи 70—80 годовъ, помѣщеннымъ въ журналѣ «Былое» въ январѣ 1907 г., мнѣ хотѣлось бы прибавить еще нѣкоторыя подробности о моемъ мужѣ, другѣ Михаила Александровича Бакунина, Карло Кафіеро.

Карло Кафіеро родился въ 1846 г. на южномъ берегу Адріатическаго моря, въ городкѣ Барлетта. Онъ былъ изъ богатой аристократической семьи и послѣ смерти своихъ родителей получилъ наслѣдство, состоящее изъ большого капитала и обширныхъ владѣній. Въ 1870 г., кончивъ свое образованіе въ Неаполѣ и получивъ ученую юридическую степень, Кафіеро заинтересовался спиритизмомъ и отправился въ Англію, разсчитывая тамъ поближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Но въ Англіи вниманіе его было отвлечено въ другую сторону: встрѣча съ молодежью, сближеніе съ нею увлекла его на иной путь; онъ познакомился съ положеніемъ и бытомъ рабочаго класса и вступилъ въ организацію «Международнаго Общества рабочихъ». Тяжелыя условія жизни англійскаго пролетаріата, ихъ страшная, ненормальная бѣдность, въ сравненіи съ богатствомъ страны, поразили Кафіеро до глубины души, и онъ, уѣзжая изъ Англіи въ Неаполь, оставилъ крупную сумму изъ своего наслѣдства на дѣла Интернаціонала въ Англіи.

Въ Неаполѣ Кафіеро встрѣтился и сошелся съ итальянскими революціонерами: депутатомъ Фанелли, Енрико Малатеста, Емиліо Ковелли и др. и основалъ первую въ Италіи революціонно-соціалистическую газету «La Campana».

Первое знакомство Кафіеро съ М. А. Бакунинымъ относится къ 1871 году, и съ этого же времени Кафіеро окончательно и всецѣло отдается революціонной дѣятельности и принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ возстаніяхъ Италіи. Въ 1872 г. его арестовываютъ въ Болоніи, въ 1874 г. въ Трани, въ 1876 г. въ Беневенто, гдѣ онъ и отсиживаетъ 17 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Библиотека "Руниверс"

По выходѣ изъ Болонской тюрьмы въ 1873 г. Кафіеро рѣшилъ купить въ Итальянской Швейцаріи, близъ Локарно (кантонъ Тичино) имѣніе «Бароната», и мы поселились тамъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ и нѣкоторыми революціонерами, эмигрировавшими изъ Италіи. Имѣніе Бароната, находящееся на берегу Лаго-Маджіоре, почти на самой границѣ Италіи, являлось очень удобнымъ пунктомъ какъ для собраній, такъ и для убѣжища преслѣдуемыхъ полиціей революціонеровъ, которые всегда находили тамъ временный пріютъ. Отношенія М. А. Бакунина и Кафіеро были самыя близкія и дружескія. Любя до поклоненія Михаила Александровича, Кафіеро былъ безгранично преданъ ему, замѣнялъ для него сестру милосердія, няньку, ухаживалъ за нимъ, какъ за ребенкомъ. Въ то время Бакунинъ уже началъ хворать, не могъ безъ посторонней помощи вставать по утрамъ. Каждый день по утрамъ слышался по всему дому громкій призывъ: «Карло! Карло!» — и Кафіеро, гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы не былъ занятъ, оставлялъ все и бѣжалъ на этотъ зовъ. И пока Карло не разотретъ онѣмѣвшей руки или спины, боли въ которой не давали Мих. Алекс. покоя, Бакунинъ не могъ встать съ постели. У Кафіеро у самаго въ то время уже начинались приступы сильной головной боли, но несмотря на свои тяжкія страданія во время этихъ припадковъ, онъ никогда не отказывалъ въ помощи больному Бакунину.

Въ 1874 г. мнѣ пришлось уѣхать изъ Баронаты въ Россію къ моей умирающей матери. Грустно мнѣ было разставаться на неопредѣленное время съ милыми обитателями Баронаты, но разлука эта была непродолжительна. Похоронивъ мать, я собралась снова въ Италію, но была задержана русской полиціей, не выдавшей мнѣ заграничнаго паспорта. Въ отвѣтъ на мою телеграмму Кафіеро самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился лично къ итальянскому консулу и разъяснилъ ему настоятельную необходимость моего отъѣзда за границу. Консулъ посовѣтывалъ намъ заключить у него въ консульствѣ гражданскій бракъ, что мы и сдѣлали съ помощью русскихъ удостовѣрительныхъ документовъ о моей личности и при четырехъ русскихъ свидѣтеляхъ. Консулъ выдалъ мнѣ итальянскій паспортъ, съ которымъ я безпрепятственно и благополучно переѣхала русскую границу въ качествѣ жены итальянскаго подданнаго Кафіеро.

Вскорѣ Бароната опустѣла: осенью 1875 года обитатели ея разъѣхались, а самъ Кафіеро, истративъ все свое состояніе на революціонныя дѣла, оказался на краю разоренія и вынужденъ былъ продать Баронату. Бакунинъ переѣхалъ въ Лугано, гдѣ, благодаря долѣ наслѣдства, выдѣленной ему братьями, могъ

Библиотека "Руниверс"

существовать, не нуждаясь. Въ Лугано вернулась къ нему жена со своимъ отцомъ, сестрой и дѣтьми.

Въ это время между Бакунинымъ и Кафіеро произошла небольшая размолвка, которая, однако, продолжалась недолго, и ихъ дружескія отношенія снова возстановились.

Прежде чѣмъ покинуть навсегда Баронату, мы всѣ, жившіе тамъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ, отправились къ нему въ Лугано пѣшкомъ, чтобы проститься. Здоровье Михаила Александровича въ то время было уже совсѣмъ плохо, его могучій организмъ былъ совсѣмъ разрушенъ, отъ прежняго Бакунина осталась одна только тѣнь. Онъ умеръ 1-го іюля 1876 г.

Итакъ, оказалось, что Кафіеро остался безъ средствъ и долженъ былъ искать себѣ работы. Бароната не была еще продана и денегъ не было. Мнѣ тоже необходимо было имѣть какой-нибудь заработокъ, а въ Италіи трудно было найти что-либо подходящее, и намъ пришлось временно разстаться: Карло долженъ былъ остаться въ Италіи и искать работы, я—ѣхать въ Россію, гдѣ скорѣе разсчитывала устроиться. Поздней осенью въ 1875 г. мы вмѣстѣ выѣхали изъ Баронаты. Кафіеро скоро нашелъ себѣ занятія въ фотографіи въ Миланѣ, а я уѣхала на родину.

Изъ Милана въ 1876 г. Кафіеро перебрался въ Римъ и тамъ со своими единомышленниками сталъ подготовлять возстаніе въ горахъ Беневенто: толпа возставшихъ революціонеровъ направилась въ горы и по дорогѣ разрушала коммунальныя учрежденія и сжигала тѣ бумаги, которыя касались налоговъ на крестьянъ. Тамъ ихъ всѣхъ арестовали и посадили въ тюрьму въ Беневенто.

Выпущенный въ 1878 г. изъ тюрьмы по амнистіи, Кафіеро уѣхалъ въ Ментону и тамъ нѣкоторое время служилъ поваромъ.

Только въ 1879 г. я вновь увидѣлась съ Кафіеро въ Парижѣ, на дачѣ у русской дамы, въ домѣ которой онъ жилъ. Тогда Кафіеро былъ очень возбужденъ и разстроенъ: французская полиція преслѣдовала его и гнала вонъ изъ Парижа, и онъ собирался уѣзжать въ Лондонъ. Это мое свиданіе съ мужемъ было очень непродолжительно: оба мы были страшно измучены, онъ — уже начинавшимся страшнымъ недугомъ, который вскорѣ овладѣлъ имъ и предвозвѣстникомъ котораго было его сильно повышенное нервное состояніе, я—тяжелымъ путешествіемъ по этапу изъ Тверской губерніи до границы Пруссіи. Меня, какъ иностранную поданную, выпроводили изъ Россіи этапнымъ порядкомъ, вмѣстѣ съ уголовными арестантами. Трудность пути, грубость конвоя, сопровождавшаго этапъ, ужасныя ночевки въ этапныхъ домахъ, гдѣ меня запирали вмѣстѣ съ мужчинами, держали меня въ такомъ удрученномъ нравственномъ состояніи, что это мое свиданіе

Библиотека "Руниверс"

съ Кафіеро оставило во мнѣ какое-то смутное, неясное воспоминаніе. Я не думала тогда, что въ послѣдній разъ вижу мужа здоровымъ. Вскорѣ, получивъ деньги отъ моей сестры, жены В. А. Зайцева, я уѣхала къ ней въ Ментону на отдыхъ. Проживъ недолго въ Ментонѣ, я снова вернулась въ Россію, въ 1881 г. была вновь арестована и, просидѣвъ въ тюрьмѣ полтора года, сослана въ Сибирь.

Изъ Сибири я возобновила переписку съ друзьями Кафіеро и узнала отъ нихъ печальныя вѣсти; мнѣ писали, что мужъ, находясь въ Миланской тюрьмѣ, покушался на самоубійство, перерѣзавъ себѣ стекломъ отъ очковъ артеріи на рукахъ. Очевидно, случай этотъ напугалъ тюремное начальство, его выпустили изъ тюрьмы и отправили въ сопровожденіи жандармовъ на итальянско-швейцарскую границу въ Локарно. Здѣсь его оставили на свободѣ, но безъ всякихъ средствъ и пріюта. Къ счастію, въ Локарно жилъ его пріятель Эмиліо Беллеріо, который и пріютилъ Кафіеро у себя. Въ то время у мужа уже замѣчалось опредѣленно выраженное психическое заболѣваніе: онъ бѣжалъ тайкомъ ночью отъ Беллеріо и отправился по желѣзной дорогѣ во Флоренцію. Въ поѣздѣ пассажиры, ѣхавшіе съ нимъ въ одномъ вагонѣ, обратили вниманіе на его разстроенный и больной видъ и предупредили полицію. За Кафіеро начали слѣдить. Съ вокзала, во Флоренціи, Кафіеро поѣхалъ въ отель, взялъ комнату, но въ ту же ночь скрылся изъ окна. Его нашли недалеко отъ города, въ дачномъ мѣстечкѣ Фіезола. Въ крайне возбужденномъ состояніи быстро шелъ онъ по полю, разговаривая самъ съ собою, жестикулируя и срывая съ себя одежду. Задержанный полиціей, онъ былъ посаженъ во Флоренціи въ сумасшедшій домъ. Друзья, сообщившіе мнѣ всѣ эти подробности, прибавляли, что флорентинскій сумасшедшій домъ считается, по своимъ условіямъ, самымъ ужаснымъ во всей Италіи и что взять его оттуда и перевести въ болѣе благоустроенную психіатрическую лѣчебницу можетъ только его законная жена.

Получивъ такія грустныя извѣстія, я рѣшилась во что бы то ни стало покинуть самовольно мѣсто моей ссылки и пуститься въ далекій и опасный путь, чтобы придти на помощь несчастному Кафіеро. Это было въ февралѣ 1883 г.

Судьба мнѣ помогла и, выѣхавъ изъ Ишима (Западная Сибирь) въ іюлѣ 1883 г., я въ ноябрѣ того же года благополучно добралась до Лозанны, гдѣ тогда жила моя сестра. Отдохнувъ у нея, я отправилась во Флоренцію. Въ сопровожденіи двухъ друзей Карло, пошла я въ первый разъ къ нему въ больницу. То, что увидѣла я, глубоко потрясло меня: Кафіеро былъ худъ до неузна-

Библиотека "Руниверс"

ваемости, видъ его былъ неопрятенъ до послѣдней степени, лицо и руки покрывалъ слой грязи. Онъ былъ наголо выбритъ, одѣтъ въ грязный, старый полосатый халатъ, на босыхъ ногахъ были рваныя, истоптанныя туфли. Чувство ужаса и отчаянія овладѣло всѣми нами, мы безмолвно стояли, смотрѣли на него и всѣ трое плакали. Кафіеро внимательно разглядывалъ насъ и съ удивленіемъ спрашивалъ, о чемъ мы плачемъ.

Меня онъ узналъ. Взявъ меня подъ-руку, онъ отвелъ въ сторону и сталъ требовать, чтобы я шла къ директору больницы, взяла бы назадъ его документы, такъ какъ онъ теперь же со мною вмѣстѣ хочетъ выйти изъ больницы. Въ залогъ же того, что я вернусь за нимъ, онъ взялъ мой зонтикъ. Директоръ объяснилъ мнѣ, что выпустить Кафіера изъ сумасшедшаго дома онъ можетъ только съ разрѣшенія полиціи, такъ какъ именно ею онъ былъ доставленъ въ больницу, при этомъ посовѣтывалъ не раздражать больного отказомъ, а сказать ему, что документы его будутъ надняхъ приготовлены.

Такой отвѣтъ раздражилъ Кафіеро, онъ разсердился и ушелъ, не простясь ни съ кѣмъ изъ насъ.

Сумасшедшій домъ, гдѣ находился несчастный Карло Кафіеро, помѣщался въ мрачномъ, сыромъ, почернѣвшемъ отъ времени зданіи. Одинъ внѣшній видъ его наводилъ ужасъ, казалось, что тамъ въ нѣдрахъ его мучаютъ и пытаютъ несчастныхъ больныхъ. Общая палата, въ которой мы находились, имѣла видъ сарая, большого и темнаго, съ окнами подъ потолкомъ и безъ признака какой-либо мебели. Изъ дверей этого сарая я видѣла больныхъ на прогулкѣ: они толпились на площадкѣ небольшого дворика, огороженнаго высокой стѣной, подъ палящими лучами солнца. Многіе изъ нихъ были безъ шапокъ, съ голыми, бритыми головами, и не было на дворикѣ ни одного деревца, которое давало бы возможность несчастнымъ укрыться отъ солнца въ его тѣни. Долго пришлось хлопотать, чтобы освободить оттуда Кафіеро. На помощь къ намъ пришелъ другъ Кафіеро, Андреа Коста, бывшій въ то время депутатомъ и жившій въ Имола (городкѣ около Болоніи). Онъ выхлопоталъ отъ полиціи разрѣшеніе перевести Кафіеро въ Имола, въ благоустроенную психіатрическую лѣчебницу и помѣстить въ отдѣльной комнатѣ для платныхъ больныхъ. Платить за Кафіеро оказалось возможнымъ, благодаря распорядительности Эмиліо Беллеріо, который озаботился сумму, полученную съ продажи Баронаты, внести въ какой-то банкъ въ Нью-Іоркѣ, откуда Кафіеро выдавали небольшую пожизненную ренту. Но Кафіеро мало пользовался отдѣльнымъ помѣщеніемъ и почти все время проводилъ въ общей палатѣ среди больныхъ, говоря, что

Библиотека "Руниверс"

его демократическія убѣжденія не позволяютъ ему пользоваться большими удобствами, чѣмъ другіе больные.

Во Флоренціи, директоръ, выпуская изъ своей больницы Кафіеро, отдалъ мнѣ письмо, которое тотъ писалъ въ редакцію «Le Revolté». Привожу его дословно: «Manicomio de Florence. Le 7 aout, 1883. Administration du journal «Le Revolté», à Genève. Je vous pris de m'envoyer le journal gardant mon compt pour ma sortie, oersque je vous pairais le toux. Mes salutations.—Charles Cafiero. Dans le manicomio de Florence».

Наконецъ, черезъ нѣкоторое время можно было исполнить желаніе Кафіеро и взять его совсѣмъ изъ больницы. Мы помѣстились, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей Карло, въ маленькомъ отдѣльномъ крестьянскомъ домикѣ, недалеко отъ Имола. Ему была предоставлена полная свобода, которой онъ, тѣмъ не менѣе, не пользовался. Жизнь онъ велъ совершенно такую же, какъ въ больницѣ, мало выходилъ изъ своей комнаты и избѣгалъ общества друзей, прося оградить его отъ посѣщеній и ссылаясь при этомъ на то, что разговоры вредно дѣйствуютъ на его здоровье. Почти цѣлыми днями сидѣлъ онъ одинъ, выкуривая въ день по 10 большихъ, толстыхъ сигаръ [1]). Неумолчно доносился изъ его комнаты разговоръ его съ самимъ собой. Въ его больной головѣ проходило все, что онъ раньше читалъ, изучалъ, переживалъ, и рѣчь его лилась безъ остановки, ясная и громкая, какъ рѣчь оратора. Даже по ночамъ, просыпаясь, я слышала его шопотъ, очевидно, понимая, что всѣ спятъ, онъ начиналъ ночью говорить тихо. Какъ у здороваго, отличительными и доминирующими свойствами характера Кафіеро были его доброта, ласковость, нѣжность и внимательность, — такъ и у больного эти свойства остались на первомъ планѣ. Онъ страшно боялся обременять собою кого-либо и постоянно извинялся передо мною за свой громкій разговоръ, зная, что моя комната рядомъ и что я страдаю сильными головными болями. Очевидно, онъ понималъ, что его разговоры удручающимъ образомъ дѣйствуютъ на меня и, конфузливо улыбаясь, онъ убѣждалъ меня не бояться его, увѣряя, что онъ никому не можетъ сдѣлать зла и что его громкіе разговоры — это привычка, оставшаяся у него отъ собраній, на которыхъ онъ постоянно ораторствовалъ. Кафіеро никогда ни на что не жаловался и съ посѣщавшими его былъ всегда вѣжливъ и добръ, а когда освѣдомлялись о его здоровьѣ, всегда отвѣчалъ съ ласковой улыбкой:—non c'è male (недурно).

---

[1]) Однажды, замѣтивъ, что хозяинъ дома, крестьянинъ, собираетъ брошеные за окно окурки сигаръ, Кофіеро сталъ самъ собирать ихъ и складывать на подоконникъ снаружи для хозяина.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ два года Кафіеро задумалъ поѣхать на родину въ Барлетта, говоря, что «родной воздухъ исцѣлитъ его недугъ». Одинъ изъ его друзей свезъ его туда и помѣстилъ въ домѣ его брата. Братъ его былъ человѣкъ богатый, жилъ роскошно, но, очевидно, тяготясь присутствіемъ въ своемъ домѣ больного, онъ вскорѣ устроилъ Кафіеро въ великолѣпную, образцовую психіатрическую лѣчебницу на Южномъ берегу Средиземнаго моря въ маленькомъ городкѣ Ночеро.

За годъ до смерти Кафіеро его посѣтилъ его старинный другъ Пизелли, редакторь и издатель газеты «Rivendicazione» въ Форли. Пизелли разсказывалъ, что по первому впечатлѣнію Кафіеро показался ему совершенно здоровымъ и нормальнымъ человѣкомъ. Онъ не только узналъ его, но помнилъ всѣхъ своихъ друзей и разспрашивалъ о нихъ. Но послѣ полутора часового разговора Кафіеро сталъ терять нить разговора, путался, повторялся, потомъ рѣчь его стала смутной и несвязной и, наконецъ, онъ совсѣмъ умолкъ, не отвѣчалъ на вопросы, не поднималъ глазъ отъ пола и лицо его сдѣлалось каменнымъ. На просьбу Пизелли написать друзьямъ въ Болонью, Кафіеро отвѣчалъ, что напишетъ, когда выйдетъ изъ «manicomio» — «но, впрочемъ, — прибавилъ онъ —я не прочь остаться здѣсь навсегда». —

Однако, Пизелли упросилъ таки написать это письмо, вотъ оно:

«Дорогимъ друзьямъ: Барбанти, Вентурини, Леонези и Гобетти. Болонья. Посылая вамъ черезъ Пизелли мою благодарность за посѣщеніе (?)», за память обо мнѣ и за предложеніе освободить меня. Я чувствую себя прекрасно и предчувствую, что увижу всѣ ваши мечты сбывшимися. Кромѣ того надѣюсь въ скоромъ времени обнять васъ въ Болоніи. Любовный привѣтъ. Вашъ товарищъ Карло Кафіеро.

Въ 1892 г. Кафіеро умеръ отъ воспаленія легкихъ, не приходя въ сознаніе.

Карло Кафіеро былъ богатъ и образованъ, но онъ не воспользовался ни тѣмъ, ни другимъ. Жизнь его была полна страданіями, такъ какъ онъ самъ шелъ имъ на встрѣчу, желая испытать на себѣ всю тяготу жизни рабочаго класса, живущаго исключительно физическимъ трудомъ. Въ своемъ имѣніи Бароната Кафіеро жилъ земледѣльцемъ-крестьяниномъ, въ Миланѣ — работникомъ фотографіи, въ Бернѣ былъ штукатуромъ, въ Ментонѣ — поваромъ, въ Марсели — выгружалъ въ портѣ мѣшки съ угольями.

О. Кафіеро.

Библиотека "Руниверс"

Исповѣдь священника[1]).

XI.

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ я выѣзжалъ изъ Рима на родину! Я ровно полгода былъ въ отсутствіи и горѣлъ нетерпѣніемъ обнять своихъ дѣтей, особенно старшую дочь, которой шелъ уже пятый годъ.

Въ Вѣнѣ я пробылъ нѣсколько часовъ, видѣлъ сестру, которая послѣ моего отъѣзда тоже присоединилась къ католичеству, оставаясь въ восточномъ обрядѣ. На границѣ я благополучно вручилъ свой паспортъ жандармскому офицеру и тотъ только спросилъ, откуда я ѣду; я сказалъ: изъ Рима. Въ Варшавѣ я послалъ домой телеграмму, что ѣду съ курьерскимъ, и заканчивалъ словами: «на Господа уповаю и не постыжуся во вѣки».

Въ субботу 22 апрѣля ст. ст. я вернулся въ Москву. Семью я нашелъ въ той же квартирѣ, старшая дочь мнѣ очень обрадовалась—младшую я увидѣлъ впервые, и она мнѣ улыбнулась. Несмотря на то, что я вернулся съ благословенія св. отца, аббатъ Вивьенъ нашелъ, что я поступилъ неосторожно. Такъ какъ пока у меня антиминса не было и въ русскихъ церквахъ служить я не могъ, то исповѣдовался и причащался, какъ мірянинъ, во французской церкви, каждую недѣлю. Въ то же время о. Вивьенъ занялся моимъ католическимъ образованіемъ. Онъ и раньше давалъ мнѣ книги, а теперь сталъ подробнѣе объяснять католическіе догматы и то, чего я не понималъ. Труднѣе всего мнѣ доставалось ученіе о первородномъ грѣхѣ и индульгенціи, и только впослѣдствіи я понялъ, въ чемъ дѣло, когда Ванутелли мнѣ истолковалъ, что они имѣютъ значеніе относительное, а не буквальное. Вивьенъ же, становясь на разную со мной точку зрѣнія, никогда мнѣ ничего доказать не могъ и изъяснить не умѣлъ. Католическое ученіе во всей его полнотѣ и тонкостяхъ я позналъ гораздо позже, благодаря восточнымъ священникамъ, трактовавшихъ вопросы съ во-

[1]) См. № 4.

Библиотека "Руниверс"

сточной точки зрѣнія и ссылаясь на восточные авторитеты. И тогда только я понялъ громадное воспитательное значеніе индульгенцій, казуистическое богословіе, институтъ кардинальства и даже свѣтскую власть папы, къ которой прежде относился, подобно всѣмъ восточнымъ, отрицательно, находя, что папство только бы выиграло, потерявъ ее, и возмущаясь тѣмъ, что папы, подобно свѣтскимъ государямъ, предводительствовали войсками и подписывали смертные приговоры.

Меня въ то время не мало смущало и то, что папа, какъ я узналъ въ Римѣ, при избраніи дѣйствительно садился на престолъ и ему поклонялись, вопреки увѣреніямъ Ванутелли, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Россію, что это ложь, выдуманная Паскалемъ и раздутая протестантами.

Въ концѣ лѣта аббатъ Лемонье, ѣздившій въ Римъ, привезъ мнѣ оттуда антиминсъ. До этого лѣтомъ я служилъ нѣсколько разъ въ подмосковномъ имѣніи Жеребцова, у котораго гостилъ патеръ Шумпъ изъ Петербурга, на его походномъ алтарѣ. Я жилъ на дачѣ, но часто навѣщалъ Жеребцова. Къ нему пріѣхалъ Карбонье, общій другъ его и Соломірскихъ, и тогда Жеребцовъ пригласилъ къ себѣ мать и дочь Соломірскихъ, а также аббатовъ Вивьена и Лемонье. Соломірскіе, которыхъ тоже присоединилъ преосв. Пассардіеръ безъ всякой формальности, находились въ неопредѣленномъ положеніи, они собрались за границу и тамъ хотѣли оформить это дѣло. Я предложилъ имъ причаститься за моей обѣдней, но Жеребцовъ почему то заявилъ, что не совѣтуетъ имъ даже присутствовать на ней, не только что причащаться! Карбонье и аббаты были того же мнѣнія, и я видѣлъ, что они-то и настроили Жеребцова, чтобъ онъ это сказалъ. Меня это огорчило и оскорбило. Во-первыхъ, хуже ли была для нихъ моя обѣдня, чѣмъ латинская, за которой они каждый день присутствовали? Во-вторыхъ, если это было сдѣлано изъ осторожности, то почему они не находятъ неосторожнымъ не только присутствіе, но и публичное пѣніе въ церкви св. Людовика, что я узналъ онѣ дѣлали въ Москвѣ. Въ-третьихъ, я не понималъ и не могъ понять того эгоизма, съ которымъ всѣ они боялись себя компрометировать присутствіемъ за моимъ богослуженіемъ, хотя абсолютно никому изъ нихъ терять было нечего, а въ то же время не только никогда не удерживали меня отъ неосторожнаго шага, а напротивъ толкали на него. Впрочемъ, сынъ Михаила Дмитріевича Жеребцова, Алексѣй, хотя самъ православный и чиновникъ генералъ-губернатора, не боялся за себя. Мнѣ кажется, что онъ меня болѣе понималъ и болѣе мнѣ сочувствовалъ, чѣмъ его отецъ. Онъ мнѣ предложилъ, захвативъ антиминсъ и сосуды, отслужить

Библиотека "Руниверс"

въ его московской квартирѣ, что я въ день Успенья и исполнилъ. Соломірскіе въ Москвѣ не выходили изъ французской церкви и церковнаго дома. Когда зазвонилъ Ангелусъ (полдневная молитва въ честь Божіей Матери) онѣ замѣтили: какъ тутъ хорошо! Какъ напоминаетъ Францію! И я понялъ, что онѣ такъ увлекаются католичествомъ не столько по религіозному чувству, сколько по тому, что онѣ болѣе близки католической Франціи, чѣмъ православной Руси.

Я устроилъ въ своей квартирѣ, во Всеволожскомъ переулкѣ, на мѣстѣ прежней молельни настоящую церковь съ открытымъ алтаремъ. У меня нашелся и псаломщикъ, студентъ университета Дмитрій Сергѣевичъ Новскій, очень религіозный молодой человѣкъ, принятый въ католичество Пассардіеромъ. Пѣла, служившая въ Покровской общинѣ у княгини Шаховской, сестра Софья. Мало-по-малу у меня организовалось нѣчто въ родѣ прихода. Ежедневно утромъ и вечеромъ шли службы, заказывались молебны и акаѳисты, читались по четкамъ молитвы и совершалось поклоненіе Св. Тайнамъ. Культъ Евхаристіи и Непорочнаго Зачатія наиболѣе притягивали вѣрующихъ и служили доминирующимъ звеномъ съ Римской и Вселенской церковью.

Положеніе мое въ обществѣ не только не пошатнулось, но какъ то упрочилось. Среди русскаго духовенства я получилъ ореолъ исповѣдника вѣры, пострадавшаго за православіе. Меня посѣщали высокопоставленныя лица, духовные—православные и католическіе, начетчики старообрядческіе, ученые, профессора, литераторы, купцы, прежніе товарищи офицеры, а главное, великосвѣтскія дамы. Приходилось и самому выѣзжать и давать обѣды. Одинъ разъ у меня обѣдалъ епископъ Симонъ со своей свитой.

Я занимался очень много, несмотря на свѣтскую жизнь. Составилъ громадную библіотеку спеціально духовную и полемическую, вѣрнѣе критическую, которую дополнилъ какъ новыми изданіями, такъ и древними «старыми» книгами. Я дѣлалъ въ особую тетрадь систематическіе выписки изъ св. отцовъ и богослужебныхъ книгъ, по вопросамъ католичества и православія. Я завелъ себѣ дорогую фисгармонію и продолжалъ наблюдать по ночамъ звѣзды въ купленную еще на французской выставкѣ трубу съ объективомъ въ 9,4 см. Днемъ часто, ѣдучи за покупками или на прогулку, я бралъ съ собой въ экипажъ мою старшую дочь Алину (названную такъ въ честь моей матери), а когда я ее съ собой не бралъ, она плакала, выбѣгала на каждый звонокъ, безпокоясь за меня и будто предчувствуя близкую и долгую разлуку.

Библиотека "Руниверс"

Въ началѣ декабря какъ-то утромъ меня навѣстилъ мѣстный приставъ.

— По какому виду вы проживаете?—спросилъ онъ меня.

— Я прописанъ у васъ въ участкѣ,—сказалъ я,—и, слѣдовательно, представлялъ вамъ мой видъ. Но если вамъ нужно, то вотъ онъ.

И я отдалъ ему мой кандидатскій билетъ, по которому и былъ прописанъ.

— Я принужденъ его оставить у себя, такъ какъ вы въ немъ числитесь православнымъ священникомъ. По распоряженію митрополита я долженъ отобрать у васъ дипломъ и ставленную грамоту.

— Грамота моя представлена въ канцелярію римскаго папы,—сказалъ я,—а дипломъ я переслалъ за границу еще лѣтомъ, когда меня просили въ Академіи его возвратить и, какъ мнѣ тамъ сказали, хотѣли замѣнить фальшивымъ аттестатомъ съ несуществующими отмѣтками.

— И еще требуется подписка, что вы не будете именоваться священникомъ и носить духовное платье.

— Вы можете меня арестовать и причинить насиліе, безспорно, но столько же можете отъ меня требовать подобной подписки, какъ я отъ васъ, чтобъ вы не носили шашки и не именовались бы приставомъ.

— Я не отъ своего лица, а отъ лица митрополита.

— Какое мнѣ дѣло до вашего митрополита? Столько же, сколько вамъ до папы римскаго!

— Но вы совершаете богослуженія!

— Я и не скрываю Можете посмотрѣть, вотъ моя церковь домашняя, вотъ мои ризы.

— И вы такъ спокойно мнѣ все это говорите и показываете?

— Чего же мнѣ безпокоиться? Я живу здѣсь совершенно легально и вернулся уніатскимъ священникомъ, съ разрѣшенія высшей власти, при чемъ императорскій министръ, резидентъ при его святѣйшествѣ папѣ, мнѣ гарантировалъ полную неприкосновенность не только моей личности, но и рясы.

— Извините, въ такомъ случаѣ мнѣ придется дожидаться новыхъ инструкцій, но билетъ я пока унесу съ собой.

Послѣ этого посѣщенія я, ожидая каждый день ареста, прекратилъ ежедневныя богослуженія и даже для безопасности отвезъ сосуды и антимисъ о. Вивьену.

— Этого слѣдовало ожидать,—говорилъ аббатъ.—Напрасно вы поторопились вернуться. Вамъ все равно не разрѣшатъ здѣсь

Библиотека "Руниверс"

имѣть церковь. На вашемъ мѣстѣ я сейчасъ уѣхалъ бы, пока не поздно, за границу. Чего вы еще дожидаетесь?

Но спустя нѣсколько дней приставъ снова зашелъ ко мнѣ.

— Вотъ вамъ кандидатскій билетъ; вышло недоразумѣніе Можете не тревожиться.

Сіяющій я отправился къ о. Вивьену за походнымъ алтаремъ. Но на мою преждевременную радость онъ только покачалъ головой.

— Поймите, это только отсрочка. Воспользуйтесь тѣмъ, что вамъ вернули видъ на жительство, и берите иностранный паспортъ. Уѣзжайте, пока цѣлы. Можетъ-быть, вамъ нарочно даютъ возможность уѣхать.

Я его не послушалъ и возобновилъ у себя богослуженія. Никто меня не безпокоилъ. Я ѣздилъ въ Петербургъ повидаться съ отцомъ. Но отецъ меня принялъ очень сурово и на мой отказъ снять рясу никуда на улицу днемъ не выпускалъ, говоря, что меня могутъ арестовать. Вечеромъ онъ меня отпускалъ къ Жеребцову, жившему недалеко въ собственномъ домѣ на набережной. Тамъ я видѣлъ самый радушный пріемъ и встрѣчалъ доминиканцевъ изъ церкви св. Екатерины: патера Шумпа и патера Лагранта, которыхъ зналъ съ ученическаго возраста. Всѣ они были одного мнѣнія относительно меня: я напрасно вернулся въ волчью пасть (такъ они называли Россію) и долженъ, пока цѣлъ, уѣзжать за границу.

Они настаивали, чтобъ я имъ это обѣщалъ, но я отмалчивался, внутренно возмущаясь ихъ безсердечіемъ. Я понималъ, что если я теперь уѣду, то возвращеніе будетъ еще труднѣе, почти немыслимо. Семья за мной не поѣдетъ, да на западъ ее и не пустятъ, такъ какъ женатыхъ священниковъ въ католичествѣ не допускаютъ. И если я все-таки ее привезу туда, то мнѣ запретятъ въ священнослуженіи, и средствъ не хватитъ тамъ жить съ семьей и воспитывать дѣтей, но семья не поѣдетъ изъ своего дома въ чужія края на неизвѣстное и мнѣ придется разстаться съ дѣтьми, которыхъ мнѣ туда не отдадутъ.

Въ Петербургѣ я узналъ о смерти о. Леонида, который вынесъ не мало непріятностей отъ синода изъ-за меня. Отецъ мнѣ говорилъ, что я ускорилъ его смерть и что онъ умеръ, меня проклиная. Я не могъ этому вѣрить, такъ какъ Соломірскіе видѣлись съ нимъ до послѣдняго времени и говорили, что онъ, напротивъ, меня защищалъ передъ всѣми, кто на меня нападалъ, и особенно передъ Саблеромъ.

Возвращаясь, я случайно встрѣтился въ поѣздѣ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, прошелъ къ нему въ купэ и до поздней ночи

Библиотека "Руниверс"

бесѣдовалъ съ нимъ о католичествѣ, къ которому и о. Іоаннъ относился весьма сочувственно. Онъ очень негодовалъ на то гоненіе, которому я подвергался за вѣру, и рекомендовалъ мнѣ искать утѣшеніе въ возможно частомъ совершеніи святой литургіи.

Вернувшись въ Москву, я возобновилъ ежедневныя службы. Передъ масляницей 1896 года аббатъ Вивьенъ меня познакомилъ съ одной дамой, желавшей принять католичество. Это оказалась дочь виленскаго генералъ-губернатора Долгорукова. Она давно собиралась сдѣлать этотъ шагъ и была къ тому вполнѣ подготовлена латинскими священниками, которые, однако, сами принять ее боялись. О. Вивьенъ прямо направилъ ее ко мнѣ, объясняя тѣмъ, что она должна была остаться въ восточномъ обрядѣ. Деканъ польской церкви о. Оттенъ меня предупреждалъ, чтобъ я остерегался гнѣва отца этой дамы. Но о. Вивьенъ былъ теперь мой духовникъ, и разъ онъ находилъ это нужнымъ, я не видѣлъ причины отказать. Правда, я подумалъ, почему же онъ отговаривалъ Соломірскихъ, которые ни сами не были опасны, ни имъ не грозила никакая опасность. И такъ я ее принялъ, и она у меня исповѣдывалась и причащалась и затѣмъ стала аккуратно посѣщать службы.

Наступилъ великій постъ, и мы съ Новскимъ стали совершать по уставу всѣ службы. На второй недѣлѣ у меня говѣлъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, и меня очень тронулъ фактъ, что мнѣ пришлось выслушать исповѣданіе вѣры и принять въ общеніе католической церкви моего же учителя, который именно меня къ ней и привелъ.

На слѣдующій день послѣ причащенія Соловьева, въ понидѣльникъ третьей седьмицы поста, меня потребовали въ участокъ къ приставу.

Отъ волненія, когда я шелъ, у меня занылъ зубъ. Приставъ меня принялъ въ своей квартирѣ и предъявилъ мнѣ бумагу, въ которой было сказано, что я долженъ дать подписку, что не буду совершать богослуженій, именоваться священникомъ и носить духовное платье. Я категорически отказался.

— И кромѣ того, вы должны немедленно отправиться въ Нижній-Новгородъ и явиться въ губернское правленіе, — сказалъ приставъ.

Я и въ этомъ отказался дать подписку.

Приставъ сталъ меня уговаривать, чтобъ я подписалъ бумагу, говоря, что я ставлю его въ затруднительное положеніе, что ему приказано отъ начальства. Я ему объявилъ, что никакихъ подписокъ давать не буду, такъ какъ, если даже меня заключатъ въ тюрьму, я все же буду совершать богослуженіе и именовать себя священникомъ.

Библиотека "Руниверс"

Приставъ позвонилъ по телефону. Я понялъ, что онъ говоритъ съ своимъ начальникомъ.

— Вы говорите: принять немедленно самыя строгія мѣры?— донеслось до меня.—Слушаю-съ.

«Какіе мѣры?»—подумалъ я. И вдругъ ужасъ сковалъ мое сердце. Мнѣ представилось, что меня будутъ бить.

— Мнѣ приказано принять рѣшительные мѣры,—подошелъ ко мнѣ приставъ,—и добиться во что бы то ни стало вашей подписи.

Ясное дѣло! Мнѣ угрожаютъ! Мнѣ стало дѣлаться дурно отъ страха. Я вспомнилъ разсказы о нагайкахъ, объ административныхъ допросовъ съ пристрастіями, которымъ раньше не вѣрилъ, о избіеніяхъ политическихъ, о никому невѣдомыхъ пыткахъ, которымъ подвергаютъ въ охранномъ отдѣленіи безъ разбора пола, возраста, сана и происхожденія.

— Послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ,—сказалъ приставъ.— Даете подписку въ томъ, что вы болѣе не священникъ, да или нѣтъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ я.

— Вы не признаете себя лишеннымъ сана и не хотите подчиниться рѣшенію синода,—спросилъ приставъ, начиная терять терпѣнье.

— Не признаю и не подчиняюсь.

— Въ такомъ случаѣ пеняйте на себя. Мнѣ васъ очень жаль, но я принужденъ принять крайнія мѣры,—и онъ опять подошелъ къ телефону. Опять слышу:—Слушаю-съ, будетъ немедленно исполнено.

Затѣмъ онъ положилъ трубку и обратился ко мнѣ.

— Вѣдь вы, можетъ быть, отказываетесь подписать въ той формѣ, какая вамъ была предложена, и не откажетесь расписаться въ томъ, что бумага вамъ предъявлена и что вы ее читали? Если вы это сдѣлаете, я могу васъ отпустить.

— Значитъ я арестованъ?

— Пока нѣтъ, и если вы согласитесь расписаться, то я васъ отпущу домой устроить ваши дѣла, но съ тѣмъ, что вы сами сегодня вечеромъ добровольно отправитесь въ Нижній Новгородъ и явитесь въ губериское правленіе, гдѣ вамъ вручатъ опредѣленіе консисторіи и выдадутъ паспортъ, какъ бывшему священнику и дворянину, но безъ права жительства въ столицахъ въ продолженіе 7 лѣтъ и поступленія на государственную службу въ теченіе 20 лѣтъ. Вы не будете ограничены болѣе ни въ какихъ правахъ и вамъ будетъ позволено проживать по всей Россійской Имперіи, кромѣ столицъ, и разрѣшенъ выѣздъ за границу. Если же вы

Библиотека "Руниверс"

этому не подчинитесь, то будутъ приняты немедленно самыя суровыя мѣры.

— Какія?

— Вы будете отправлены въ отдаленнѣйшія мѣста Имперіи административнымъ порядкомъ.

— А если я подпишу, что читалъ—вы мнѣ дадите свободу?

— Тотчасъ же.

— Въ такомъ случаѣ дайте я подпишу.

— Только не пишите *священникъ*.

— А какъ же?

— Пишите бывшій священникъ.

Я было положилъ перо. Но потомъ спохватился и написалъ: Читалъ бывшій священникъ *православной церкви...*

— Вы свободны,—сказалъ приставъ.—Можете идти.

Я вышелъ на улицу и полной грудью сталъ вдыхать свѣжій морозный воздухъ. Скорѣе домой, на извозчикѣ!

Дома стоялъ плачъ. Дворникъ разсказывалъ на кухнѣ, что молъ вашего батюшку въ Сибирь повезли.

— Мамочка, мы въ Сибирь ѣдемъ?—спрашивали дѣти мать.

Захвативъ икону Лундской Богоматери и священные сосуды и антиминсъ, я отвезъ ихъ къ о. Вивьену и у него исповѣдывался, какъ передъ смертью. Затѣмъ вернулся домой, передалъ все женѣ, запечаталъ свои бумаги, поручилъ ихъ женѣ же, обнялъ дѣтей въ послѣдній разъ и, захвативъ съ собой св. Дары, бѣжалъ...

XII.

Бѣгство мое было обставлено слѣдующимъ образомъ. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ ждалъ меня на своей квартирѣ въ Старо—Конюшенномъ переулкѣ. Мой постоянный извозчикъ Иванъ стоялъ у подъѣзда.

Я вышелъ съ небольшимъ чемоданчикомъ, въ которомъ лежало нѣсколько смѣнъ бѣлья, костюмъ англійскаго реверенда, привезенный изъ-за границы.

Въ переулкѣ стояли полицейскіе агенты. Я сѣлъ въ сани и громко скомандовалъ: въ участокъ! Иванъ тронулъ по направленію къ Пречистенкѣ. Уже предупрежденный, какъ только мы проѣхали за уголъ, онъ повернулъ въ Мертвый переулокъ и къ Соловьеву. Тамъ меня ждалъ Новскій. Я переодѣлся въ реверендъ и модные брюки, которые мнѣ предоставилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Пора,—сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ.

Иванъ тѣмъ временемъ, объѣхавъ участокъ, спокойно возвратился по Пречистенкѣ безъ сѣдока, окончательно сбивъ агентовъ.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ съ другого конца въѣхалъ въ Старо—Конюшенный переулокъ и сталъ ждать на углу. Соловьевъ вышелъ со мною, сдѣлалъ ему знакъ, онъ подсадилъ насъ и стрѣлою помчалъ на Николаевскій вокзалъ. Всю дорогу намъ обоимъ было какъ-то ужасно смѣшно, но мнѣ, кажется, что смѣхъ этотъ былъ нервный. На вокзалѣ Соловьевъ взялъ мнѣ билетъ I класса и усадилъ въ вагонъ.

Со мной въ купэ былъ всего одинъ пассажиръ. Когда поѣздъ тронулся и мы заговорили, я узналъ въ немъ французскаго фабриканта, часто посѣщавшаго церковь св. Людовика. Онъ тоже видалъ меня и потому не удивился, когда я, взявъ молитвословъ, сталъ читать про себя службу. На другое утро я пораньше всталъ, пока мой компаньонъ спалъ, и, прочтя молитвы, причастился Св. Тайнъ изъ дароносицы, которую имѣлъ на груди. Этотъ день, 20 февраля 1896 года, былъ днемъ моего рожденья, мнѣ минуло 29 лѣтъ. Подъѣзжая къ Петербургу, я попросилъ француза сообщить по адресу баронессѣ Будбергъ о моемъ пріѣздѣ и о томъ, что я принужденъ скрываться. Онъ обѣщалъ, а я, когда поѣздъ остановился, благополучно миновавъ платформу, направился къ княгинѣ Волконской, по совѣту Соловьева.

Княгиня еще не вставала, выслала мнѣ свою камеристку, которой я по-нѣмецки объяснилъ все, что со мной произошло. Княгиня направила меня къ моему дядѣ, Ушакову, жившему близко отъ нея, на Шпалерной. Дядя только что всталъ и заканчивалъ туалетъ. Онъ очень удивился моему пріѣзду, но еще болѣе, когда я ему все разсказалъ. Я еще не кончилъ, какъ позвонила и вошла княгиня Волконская. Я началъ сызнова мое повѣствованіе.

— Сейчасъ же пошлите за княземъ Ухтомскимъ,—сказала княгиня и набросала ему записку.

Не прошло десяти минутъ, какъ пришелъ князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій, редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

— Надо спасти человѣка,—сказала княгиня, и въ короткихъ словахъ объяснила мое положеніе. Тутъ очевидно административный произволъ, и надо довести до высшихъ сферъ все, что произошло. Вы *должны* это сдѣлать. А вы, батюшка,—обратилась она ко мнѣ,—пишите немедленно прошеніе, которое Эсперъ Эсперовичъ сегодня же передастъ лично.

Пока я писалъ, княгиня посвящала князя въ суть дѣла. Она говорила и о гарантіяхъ, которыя были даны Извольскимъ Ватикану, и о результатахъ доклада министра внутреннихъ дѣлъ и о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя были даны моему отцу въ высшихъ сферахъ. Ухтомскій соглашался съ тѣмъ, что никто изъ постороннихъ не долженъ знать объ этомъ, и въ тотъ же день пе-

Библиотека "Руниверс"

редалъ мое прошеніе по назначенію. Онъ же принесъ вечеромъ отвѣтъ: «Дѣло будетъ подробно разсмотрѣно: терпѣнье, сидѣть спокойно и не выходить изъ дому, чтобы *дворникъ* дома не зналъ, что онъ тамъ проживаетъ».

Началось мучительное и тоскливое ожиданіе. Дядя отвелъ мнѣ комнатку, сказалъ камердинеру, что онъ долженъ молчать, и постарался, чтобъ я ни въ чемъ не терпѣлъ лишенія. Былъ постъ, и онъ распорядился, чтобъ мнѣ готовили постное, самъ же онъ дома не обѣдалъ. Еще въ Москвѣ, когда меня позвали въ участокъ, у меня занылъ зубъ. Здѣсь зубная боль до того услилась, что я не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью. Княгиня Волконская навѣщала меня ежедневно. По ея совѣту я подробно описалъ, какъ меня арестовали, и на память воспроизвелъ бумагу, которую подписалъ. Когда княгиня ее прочла,то воскликнула: вѣдь васъ хотѣли объявить сумасшедшимъ! Вѣдь въ губернское правленіе только за этимъ и посылаютъ! Хорошо, что вы туда не поѣхали. Но я почему-то думалъ, что было бы не больше того, что сказалъ мнѣ приставъ, и мнѣ въ губернскомъ правленіи выдали бы видъ на жительство.

Княгиня съ этимъ не соглашалась.

— Для этого вовсе не требовалось ѣхать. Паспортъ можно переслать. Но васъ могли вызывать въ Нижній и съ другой цѣлью: публично растричь въ томъ самомъ соборѣ, въ которомъ и посвящали. А что это, дѣйствительно, намѣревались сдѣлать, я кое-что слышала.

Навѣстилъ меня и Жеребцовъ.

— Что я вамъ говорилъ?—были первые его слова.

Мой дядя былъ воспитателемъ дѣтей очень высокопоставленныхъ лицъ, которыя дарили его дружбой. Онъ имъ разсказалъ, что скрываетъ меня, и передалъ мой черновикъ съ подробнымъ описаніемъ всего происшедшаго. Высокопоставленное лицо обѣщало передать его еще выше.

Дни шли за днями, время тянулось безконечно долго. Отвѣта не приходило. Наконецъ, въ пятницу на вербной недѣлѣ, пока мой дядя ѣздилъ съ визитомъ къ своимъ высшимъ покровителямъ, за мной явилась полиція, чтобы меня арестовать. Павелъ, камердинеръ, сталъ увѣрять, что никого въ помѣщеніи не находится, но что безъ хозяина онъ не въ правѣ пустить въ квартиру. Тогда я наскоро набросалъ записку и послалъ Павла къ дядѣ, такъ какъ я зналъ, гдѣ онъ находился. Павелъ заперъ меня на замокъ и моментально доставилъ записку, которую Ушаковъ и прочелъ вслухъ. Тотчасъ же дядю послали къ градоначальнику Клейгельсу сказать, чтобъ онъ не прини-

Библиотека "Руниверс"

малъ никакихъ мѣръ, такъ какъ дѣло находится въ рукахъ высшей власти, и что я нахожусь подъ особымъ покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ то же время дядя послалъ къ Жеребцову увѣдомить. Поэтому, когда дядя вернулся, не заставъ градоначальника, ко мнѣ тутъ же пришелъ и Жеребцовъ, предложившій перевезти меня къ себѣ. Дядя мнѣ далъ свою шубу, такъ какъ моя была духовнаго покроя, и Жеребцовъ меня повезъ къ себѣ. Выйдя на улицу, я почувствовалъ, что у меня закружилась голова отъ свѣжаго воздуха, которымъ я не дышалъ около мѣсяца!

Какъ только Жеребцовъ меня привезъ къ себѣ, онъ далъ знать моему отцу, что я нахожусь у него. Мой отецъ давно зналъ, что я въ Петербургѣ, но отъ него почему-то скрывали, что я у Ушакова, и только недавно отъ Жеребцова же онъ это и узналъ, но такъ какъ не былъ съ моимъ дядей въ хорошихъ отношеніяхъ, то и не пожелалъ меня видѣть въ его квартирѣ. Но когда ему сказали, что я у Жеребцова, онъ сейчасъ же пришелъ и былъ со мной какъ-то особенно добръ и мягокъ. Уходя, онъ сказалъ Жеребцову:

— Хорошій ты человѣкъ, Михаилъ Дмитріевичъ! Спасибо за сына!

Во время обѣда неожиданно явился Ушаковъ, сіяющій и радостный.

— Сію минуту ко мнѣ явился посланецъ отъ Сипягина. Дѣло разсмотрѣно и передано Сипягину. Завтра къ 3 часамъ мой племянникъ долженъ быть у главноуправляющаго, которому поручено дать отвѣтъ. Опасаться больше нечего, онъ можетъ не скрываться!

Всѣ ликовали, думая, что теперь все пришло къ благопріятному концу. Я отправилъ женѣ условленную раньше телеграмму, что есть надежда на благополучный исходъ. Затѣмъ вернулся на Шпалерную пѣшкомъ, первый разъ наслаждаясь прогулкой, которой былъ лишенъ къ самой Москвы. Съ какимъ благодарнымъ чувствомъ пѣлъ я въ этотъ вечеръ всенощную Лазаря!

На другой день я въ назначенное время отправился къ Сипягину, въ Маріинскій дворецъ.

Посѣтителей было очень много, и мнѣ долго пришлось ждать очереди.

Наконецъ, когда она наступила, дежурный чиновникъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождалъ еще, пока всѣ будутъ приняты, такъ какъ со мной главноуправляющій имѣетъ говорить особенно подробно.

Я запасся терпѣніемъ и сталъ ждать.

Наконецъ, пріемъ кончился, и меня провели въ кабинетъ.

Библиотека "Руниверс"

Сипягинъ встрѣтилъ меня очень любезно, и я ему разсказалъ все дѣло.

— Чего же вы собственно просите?

— Только одного, чтобы меня въ Москвѣ не трогали, не таскали по участкамъ, не угрожали, не ссылали въ отдаленнѣйшія мѣста Имперіи, не сажали въ сумасшедшіе дома и не требовали подъ грозами подписокъ!

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Изложите на прошеніи точно, что именно вы желаете, чтобъ можно было на немъ положить резолюцію. Принесите его сюда во вторникъ; къ вамъ относятся очень благожелательно, я и не сомнѣваюсь въ хорошемъ исходѣ вашего дѣла.

Я вернулся веселый и одобренный, какъ было условлено, къ Жеребцову.

Я сообщилъ въ чемъ дѣло. Въ это время прибыла княгиня Волконская.

— Теперь,—сказалъ Жеребцовъ,—надо какъ можно искуснѣе составить прошеніе. Но прежде всего надо знать: о чемъ просить?

— Вернуться въ Москву, къ семьѣ,—сказалъ я.

— Какъ!—возмутились всѣ,—опять все сначала! Нѣтъ, тогда мы всѣ отступимся,—говорилъ мой дядя за всѣхъ.—Мы столько хлопотали, перепугались и только для того, чтобъ черезъ мѣсяцъ другой, много полгода опять все началось, какъ припѣвъ пѣсенный, постоянно повторящійся!

Я промолчалъ.

— Надо просить объ одномъ. О дозволеніи выѣхать за границу,—сказалъ Жеребцовъ.

— Для этого столько перенести! Ради этого безпокоить! Да кто мнѣ мѣшалъ еще въ Москвѣ уѣхать! Я всегда могъ получить заграничный паспортъ и выѣхать. Мнѣ и въ участкѣ сказали, что къ этому никакихъ препятствій не будетъ.

— И надо было воспользоваться тогда же!

— Но если объ этомъ просить, то теперь это значитъ безъ возврата!

— А зачѣмъ вамъ возвращаться?

— А семья, а родина!

— О семьѣ надо было думать раньше,—сказалъ дядя.

Княгиня Волконская молчала и грустно смотрѣла на меня. Она понимала мое внутреннее состояніе, ту тяжелую драму, какую я переживалъ.

И Вивьены, и Шумпы,—думалъ я,—любятъ свою родину и каждый годъ ѣздятъ къ себѣ на каникулы. Да и здѣсь они въ своей

Библиотека "Руниверс"

средѣ, въ своей колоніи. А я, что такое я за границей? Ни свой, ни чужой. А у нихъ вѣдь нѣтъ семьи, которая бы ихъ притягивала! Отъ меня же хотятъ, чтобъ я отказался отъ всего безвозвратно и отъ семьи, которая за мной не поѣдетъ и которую католики не пустятъ, и отъ родины... ради чего? Вѣдь я пошелъ въ священники для того, чтобъ послужить своему народу и своему отечеству, а за границей какое мнѣ дѣло, тамъ у нихъ своихъ поповъ много, и я буду лишній, и во всякомъ случаѣ чужой. Приходской дѣятельности мнѣ тамъ не будетъ. Миссіонеромъ? Но миссіонеромъ я могу быть хорошимъ только въ Россіи среди своихъ. Тамъ я не гожусь. Въ монастырь? Но у меня семья! И если бы у меня было призваніе къ монашеству, я бы не женился и пошелъ бы въ русскій монастырь, а не въ чужеземный!

Обо всемъ этомъ я думалъ и совершенно не слушалъ того, что мнѣ говорили Жеребцовъ и мой дядя, пока они сами не замѣтили, что я куда-то смотрю въ пространство и не дѣлаю репликъ.

Въ Вербное воскресеніе я исповѣдался у о. Шумпа и причастился Св. тайнъ изъ его рукъ въ ораторіумѣ Св. Екатерины.

Въ страстной понедѣльникъ я написалъ прошеніе, которое снова обсуждалось у Жеребцова и сообща было отвергнуто. Затѣмъ было составлено новое подъ редакціей Жеребцова, въ которомъ упоминалось о разрѣшеніи выѣзда за границу. Я хотѣлъ прибавить о томъ, чтобъ передъ отъѣздомъ мнѣ позволили вернуться проститься съ семьей въ Москву, но Жеребцовъ не хотѣлъ и слушать.

Но, въ концѣ-концовъ, я пришелъ на Шпалерную и составилъ третье, которое никому не показалъ и вручилъ на слѣдующій день Сипягину.

Я просилъ и умолялъ высшую власть вернуть меня къ великому празднику семьѣ и дать возможность оставаться въ Москвѣ и служить моей родинѣ.

Кромѣ того, я составилъ для Сипягина, по его просьбѣ, подробный мемуаръ.

XIII.

Въ великій четвергъ, причастившись у о. Шумпа, я отправился къ Сипягину. Но во дворцѣ его не было и меня направили на его частную квартиру. Онъ меня ждалъ.

— Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ для васъ хорошихъ вѣстей. Соизволенія не послѣдовало. Напротивъ, отдано распоряженіе предоставить васъ всей строгости законовъ.

Я былъ ошеломленъ.

Библиотека "Руниверс"

— Противъ васъ дѣйствовали К. П. Побѣдоносцевъ и протопресвиторъ Янышевъ. Они указали на распространяемый вами соблазнъ. Если васъ оставить безнаказаннымъ, то у васъ явятся послѣдователи, которые тоже избѣгнутъ кары, по прецеденту. Или же будутъ говорить, что вамъ все сходитъ благодаря вашему положенію и связямъ, что возбудитъ недовольство среди духовенства.

— Что же мнѣ дѣлать? Ѣхать въ Нижній-Новгородъ?—спросилъ я.

— Про это ничего мнѣ не сказано и никакихъ инструкцій не дано, кромѣ того, что я вамъ уже передалъ. Относительно Нижняго Новгорода вамъ пришлось бы ѣхать черезъ Москву, а тамъ васъ на станціи же арестуютъ.

— Но если я не буду носить духовнаго платья?

— Не объ этомъ рѣчь! Васъ вездѣ арестуютъ, могутъ арестовать и здѣсь въ Петербургѣ. Принимайте мѣры, пока не поздно. Во всякомъ случаѣ вамъ въ столицѣ оставаться нельзя.

— Принимайте мѣры, чтобъ васъ не арестовали,—повторилъ онъ на прощаніе.

Я не помню, какъ я добрался до дяди. Онъ ждалъ меня заранѣе улыбающійся и радостный, въ полной увѣренности, что отвѣтъ можетъ быть только хорошій. Онъ не могъ придти въ себя отъ неожиданности.

Мы оба отправились къ Жеребцову. Жеребцовъ нисколько не удивился.

— Что дѣлать? Что дѣлать?

— Послѣ обѣда,—сказалъ Жеребцовъ,—ко мнѣ зайдетъ о. Шумпъ, а вы пока съѣздите и предупредите княгиню.

Мы всѣ сидѣли за столомъ, когда дверь отворилась и княгиня Волконская медленно и торжественно взошла въ залъ. Ни съ кѣмъ не здороваясь, она подошла прямо ко мнѣ и молча поднесла мою руку къ своимъ губамъ.

Глаза ея говорили: мученикъ Христовъ, мужайся!

О, какую рѣшимость и бодрость влила она въ мою убитую горемъ душу!

Поздоровавшись общимъ кивкомъ со всѣми присутствующими, княгиня со свойственной энергіей стала излагать свой планъ.

— Немедленно достать иностранный паспортъ. Сейчасъ же послать за секретаремъ посольства сѣверо-американскихъ штатовъ. Я знаю, онъ не откажется намъ помочь и сегодня же выѣхать. Если почему-либо мы не получимъ паспорта, есть дорога черезъ Финляндію. Надо узнать, когда уходятъ пароходы.

За американскимъ дипломатомъ было послано, и тѣмъ временемъ стали изучать расписаніе поѣздовъ и пароходовъ. Америка-

Библиотека "Руниверс"

нецъ пришелъ и, къ моему удовольствію, наотрѣзъ отказался исполнить просимое. Я даже улыбнулся отъ радости.

— Что вы скажите?—спросилъ Жеребцовъ. До сихъ поръ они говорили и дѣйствовали, не спрашивая моего мнѣнія и не давая возможности вставить слова.

— Скажу, что я съ чужимъ паспортомъ все равно бы не поѣхалъ и, если бъ мнѣ его всучили, то на границѣ, отдавая его жандармамъ, объявилъ бы, что онъ мнѣ вовсе не принадлежитъ.

— Я страдаю за истину, а ради лжи страдать не намѣренъ.

Тогда было рѣшено, что меня переправятъ черезъ Финляндію, подъ личнымъ наблюденіемъ о. N, чтобы я не могъ ускользнуть и объявиться жандармамъ.

О. N отвезъ меня въ домъ церкви Св. Екатерины, куда мы прибыли съ задняго хода въ 10 часовъ вечера. Туда пріѣхалъ мой дядя, привезъ мнѣ 100 рублей, заплакалъ и просилъ благословить на прощаніе. Онъ одѣлъ меня въ свою шубу, а мою священическаго покроя, въ которой я пріѣхалъ, отдалъ своему камердинеру. Отецъ мнѣ прислалъ съ братомъ 125 рублей золотомъ. И еще Жеребцовъ далъ сто.

Ровно въ полночь на страстную пятницу я, переодѣтый съ сопровождавшимъ меня о. N, захвативъ чемоданъ, вышелъ со двора Екатерининской церкви заднимъ ходомъ и, сѣвъ на извозчика, отправились въ новую деревню на вокзалъ Приморской желѣзной дороги. Въ какомъ-то конножелѣзномъ вагонѣ мы доѣхали до Сестрорѣцкой станціи. Оттуда до города надо было идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ, ночью, по темной снѣжной дорогѣ. Былъ сильный морозъ, и мы страшно иззябли.

Пасха въ этомъ году была ранняя, рѣки еще не вскрывались, и мы съ о. N пѣшкомъ, таща мой чемоданъ и пледъ, переправились по колѣно въ снѣгу черезъ Сестру рѣку и очутились въ городѣ. Тамъ, взявъ лошадь на дровняхъ, поѣхали по самой Сестрѣ рѣкѣ, пока не добрались до границы Финляндіи.

— Вы спасены,—сказалъ онъ.—Мы перешли русскую границу, здѣсь финскія власти и арестовать васъ никто не можетъ.

Частью на ногахъ, частью на лошадяхъ, измученные и прозябшіе, мы добрались до Бѣлоострова.

Прежде, чѣмъ сѣсть на поѣздъ желѣзной дороги, о. N нашелъ какой-то постоялый дворъ, гдѣ въ шестомъ часу утра уже стоялъ накрытый столъ съ холодными кушаньями. Была страстная пятница, и я отказался отъ всего. О. N меня уговаривалъ закусить, такъ какъ предстоитъ еще долгое путешествіе, и слѣдуетъ, говорилъ онъ, подкрѣпить свои силы. Для убѣдительности онъ наложилъ себѣ на тарелку рыбы и сталъ ѣсть. Меня это шокировало,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ въ то время слишкомъ узко смотрѣлъ на посты даже съ православной точки зрѣнія.

Подошелъ петербургскій экспрессъ. Мы взяли билеты въ Гельсингфорсъ и сѣли во второй классъ. Мы уткнулись въ свои молитвенники и всю дорогу не разговаривали. Къ вечеру прибыли въ Гельсингфорсъ.

О. N. разыскалъ одну знакомую пожилую даму, госпожу К., и сказалъ ей, что она должна немедленно везти меня въ Ганге и взять билетъ на отходящій завтра пароходъ въ Гулль.

— Отецъ,—сказала она,—теперь безъ паспорта билетовъ за границу не выдаютъ. Къ намъ не спрашиваютъ паспортовъ, но отсюда ихъ требуютъ. Это недавнее распоряженіе.

— Въ такомъ случаѣ достаньте паспортъ!

— Хорошо, я возьму на имя моего сына.

Мнѣ этотъ разговоръ не нравился.

— Апостолы съ фальшивыми паспортами не путешествовали— сказалъ я. Я его не возьму.

— Вамъ и не нужно будетъ брать его,—сказала дама.—Я его покажу кассиру, онъ выдастъ билетъ до Гулля, вотъ и все. А пока васъ надо преобразить, чтобы васъ не узнали.

И она меня свела въ парикмахерскую, а сама отправилась хлопотать насчетъ паспорта и черезъ часъ уже его имѣла.

Меня между тѣмъ постригли, причесали на проборъ, выбрили догола бороду и усы. Затѣмъ на квартирѣ у госпожи К. передѣли въ костюмъ нѣсколько эксцентричный, какъ мнѣ сказали, финскаго торговца рыбой. Такъ какъ эту даму всѣ знали, то она дорогой не могла меня выдавать за сына.

Поблагодаривъ о. N, который остался въ Гельсингфорсѣ, я оправился въ Ганге подъ конвоемъ госпожи К.

Послѣ пересадки на какой-то станціи и утомительной ѣзды мы добрались до Ганге. Поѣздъ подошелъ къ самой пристани. Я остался сидѣть въ вагонѣ. Я чувствовалъ себя очень слабымъ, такъ какъ ничего съ четверга не ѣлъ, хотя на каждой остановкѣ моя хранительница мнѣ приносила разныхъ бутербродовъ, но, такъ какъ они всѣ были скоромные, я отказывался. Впрочемъ, гдѣ-то она достала для меня стаканъ чаю.

Госпожа К. подошла къ кассѣ, стоявшей на перронѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ въ вагонѣ. Я видѣлъ, какъ она брала билетъ, и замѣтилъ, что она очень была взволнована. Тутъ только я понялъ, какое самоотверженіе она выказала въ этомъ дѣлѣ. И я не зналъ, кому больше удивляться, ей ли, идущей на подвигъ изъ-за совершенно неизвѣстнаго ей лица, лишь изъ повиновенья своему духовнику, только сказавшему ей, что это надо сдѣлать,

Библиотека "Руниверс"

или о. N, рисковавшему изъ-за меня своимъ положеніемъ и спокойствіемъ, а, можетъ быть, и тюрьмою, единственно ради вящей славы Божіей.

Что касается до меня, то я до послѣдней минуты надѣялся, что меня узнаютъ жандармы, арестуютъ и свезутъ въ Нижній Новгородъ. Боже мой, мнѣ въ эту минуту была мила тюрьма, ссылка, каторга, сумасшедшій домъ, какой угодно компромиссъ, только бы не уѣзжать бѣглецомъ изъ Россіи!

Но на меня никто не обращалъ вниманія. Г-жа К., взявъ билетъ, отправилась на пароходъ, стоявшій тутъ же у пристани, и подошла къ капитану и начала что-то ему объяснять. Онъ кивнулъ головой и послалъ боя, который взялъ мой багажъ. Я за нимъ послѣдовалъ на пароходъ, и меня сейчасъ же отвели въ каюту 1-го класса. Въ это время пронеслось: полиція! Меня подхватили и куда-то по лѣстницѣ повели внизъ.

— На всякій случай я оставила паспортъ на койкѣ въ вашей каютѣ,—сказала мнѣ на прощаніе госпожа К.,—вы мнѣ его перешлете обратно изъ Копенгагена. Богъ благослови васъ!

— Богъ благослови васъ, и да воздастъ онъ вамъ,—отвѣтилъ я ей. Такъ какъ я шведскаго языка не зналъ, то мы говорили по-англійски. Когда она удалилась, я не вытерпѣлъ и вышелъ изъ трюма на палубу... Можетъ быть, русская полиція еще здѣсь и обратитъ на меня вниманіе... Но увы! было ужъ поздно, якоря уже были подняты, и пароходъ, взламывая весенній ледъ, удалялся отъ береговъ Финляндіи.

XIV.

Наконецъ, пароходъ вышелъ въ открытое море, и берега стали скрываться въ туманной дали. Былъ канунъ пасхи, но на душѣ моей было такъ темно и безотрадно, что я не могъ молиться. Какъ встрѣтитъ праздникъ моя семья? Что станетъ съ моими дорогими малютками. Какой позоръ! отецъ ихъ бѣжалъ, какъ какой-нибудь преступникъ! Я, который до щепетильности былъ лойяленъ...

Спустившись въ каюту, я нашелъ паспортъ К. Краска бросилась мнѣ въ лицо. Я не хотѣлъ дотронуться до него руками, но мнѣ надо было узнать: предъявленъ ли онъ былъ или нѣтъ? Раскрывъ его съ отвращеніемъ, я убѣдился, что всѣ листы цѣлы и штемпеля на немъ нѣтъ! Значитъ я имъ не воспользовался и не могу отвѣчать за то, что онъ мнѣ оставленъ. На первой же остановкѣ я его отошлю заказнымъ обратно, и сынъ госпожи К. имъ воспользуется. Это меня успокоило. Затѣмъ, оглянувшись, я замѣтилъ несоотвѣт-

Библиотека "Руниверс"

ствіе моего костюма съ роскошью первоклассной каюты. Я переодѣлся въ реверендъ и зачесалъ волосы назадъ. Затѣмъ машинально взялъ молитвенникъ, хотя мысли витали далеко; да были ли еще мысли? Я находился въ какомъ-то тупомъ отчаяніи.

Звонокъ къ обѣду вывелъ меня изъ отупѣнія и напомнилъ мнѣ о томъ, что я двое сутокъ не ѣлъ. Я прошелъ въ столовую, гдѣ мой приходъ произвелъ сенсацію, такъ какъ я былъ, одѣтъ какъ англійскій клерджиманъ. Капитанъ меня посадилъ рядомъ съ собой и относился съ большимъ вниманіемъ. За обѣдомъ шелъ разговоръ о томъ, что передъ самымъ отплытіемъ на пароходъ являлись представители полиціи и смотрѣли списокъ отъѣзжающихъ у капитана, а затѣмъ обошли каюты.

Капитанъ говорилъ, что въ послѣднее время это всегда такъ дѣлается и что нерѣдко у пассажировъ даже спрашиваютъ паспорта. Я не преминулъ полюбопытствовать, спрашиваютъ ли паспорта у тѣхъ, которые зъ-за-границы возвращаются въ Финляндію.

— О, нѣтъ!—съ улыбкой отвѣтилъ капитанъ.—До такихъ стѣсненій еще не дошло!

Для меня это было очень важно. Я тутъ же рѣшилъ рано или поздно вернуться этимъ путемъ на свою родину. А пока требовалось одно: терпѣнье.

На другой день, проснувшись и вспомнивъ, что сегодня Пасха, мнѣ было особенно больно и тяжело. Но я думалъ пересилить себя и сталъ пѣть пасхальный канонъ и не выдержалъ... разрыдался.

— За что, за что, Господи?—Только могъ я повторить.—Если я что не такъ дѣлалъ, наставь меня! научи меня, но не наказывай такъ жестоко! Пожалѣй моихъ крошекъ, которые останутся безъ отца!—И я не могъ пѣть и не могъ молиться.

— Нѣтъ!—сказалъ я себѣ:—я воспою пасхальный канонъ въ тотъ день, когда вернусь въ Россію, а пока прочту его и всю службу по книгѣ.

Весь день прошелъ тоскливо и грустно. Чтобъ забыться, я все время читалъ. Вечеромъ хотѣлъ было спѣть всенощную Благовѣщанію, которое падало въ понедѣльникъ на Пасхѣ, но голосъ оборвался, и я опять зарыдалъ, и на этотъ разъ далъ волю слезамъ и рыдалъ всю ночь.

Утромъ пароходъ подошелъ къ Копенгагену.

Я объявилъ капитану, что высаживаюсь здѣсь, чему онъ очень удивился: мой билетъ былъ до Англіи и стоилъ очень дорого. Вообще было сдѣлано много непроизводительныхъ тратъ, но меня вѣдь не спрашивали, а то я бы сразу взялъ билетъ только до

Библиотека "Руниверс"

первой остановки. Что мнѣ было дѣлать въ Англіи! Руководствовались, очевидно, только однимъ—удалить меня, какъ можно дальше, отъ Россіи.

Въ Копенгагенѣ я отослалъ госпожѣ К. ея паспортъ и нѣсколько вѣжливыхъ строкъ благодарности, которой, сознаюсь, я вовсе къ ней не чувствовалъ. Въ гостиницѣ Феникъ, гдѣ я остановился, я, не желая открывать своего имени, расписался первой фамиліей, пришедшей мнѣ въ голову:—Побѣдоносцевъ...

Куда мнѣ ѣхать въ Парижъ или въ Римъ? Римъ мнѣ былъ болѣе симпатиченъ, тамъ я ожидалъ встрѣтить друзей, а Парижъ мнѣ оставилъ скверное впечатлѣніе. И я безостановочно, черезъ Кельнъ, Санъ-Готардъ проѣхалъ въ Римъ, гдѣ о моей судьбѣ уже безпокоились. Неизвѣстно какимъ путемъ, но тамъ уже все знали во всѣхъ подробностяхъ. Газеты описывали мой побѣгъ въ тотъ самый день, когда онъ совершился. Въ La Croix, парижскомъ изданіи, мое имя красовалось на первой страницѣ дюймовыми буквами и передъ нимъ стояло le Vénérable, титулъ («достопочтенный»), который дается въ католической церкви исповѣдникамъ и мученикамъ послѣ смерти передъ причисленіемъ ихъ къ лику блаженныхъ.

Сколько времени я пробылъ въ Римѣ, я не помню. Мое нравственное состояніе было такое тяжелое и въ головѣ мысли такъ были спутаны, что несмотря на мою отличную память (я день за днемъ описываю въ дневникѣ всѣ событія моей жизни и до и послѣ этого времени), но дней, проведенныхъ въ Римѣ въ эту эпоху, я совершенно не помню, хотя писалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ менѣе года спустя. Я даже не помню, служилъ ли я тамъ обѣдню!

Кажется, въ самый день моего пріѣзда я былъ принятъ Папой, который поручилъ меня парижскимъ ассумисіонистамъ или августинцамъ Успенія Божьей Матери. Это новый сравнительно миссіонерскій орденъ, очень дѣятельный, занимающійся изданіемъ газетъ, брошюрокъ, иконъ, паломничествами въ Святую Землю, спасаніемъ на водахъ и школами на востокѣ.

Прокураторъ о. Эммануилъ далъ въ честь меня обѣдъ, и при прощаніи просилъ меня благословить всѣхъ членовъ его общины. Послѣ этого меня отправили въ Парижъ.

Кардиналъ Рамполла написалъ конфиденціальное письмо парижскому митрополиту кардиналу Ришаръ, а о. Эммануилъ своему генералу о. Пикаръ относительно меня по порученію самого Св. отца.

О. Ванутелли испросилъ себѣ копіи этихъ секретныхъ документовъ, ему дали подъ условіемъ, что онъ ихъ никому не пока-

Библиотека "Руниверс"

жетъ, но онъ передалъ ихъ мнѣ и они находятся у меня. Въ нихъ говорится, что папа меня взялъ подъ особое свое покровительство, считаетъ меня добрымъ и искреннимъ. «Что касается семейнаго положенія этого священника, то пусть парижскій архіепископъ самъ разсудитъ, возможно ли допустить, чтобъ его семья къ нему пріѣхала въ Парижъ»?

Кардиналъ Ришаръ отвѣтилъ такъ же конфиденціально—и такимъ же путемъ его отвѣтъ дошелъ до меня—что онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ, чтобы жена ко мнѣ пріѣхала жить, такъ какъ это былъ бы соблазнъ для всего французскаго духовенства и вообще для католиковъ. Но что онъ охотно приметъ монхъ дочерей въ институтъ Sacré Coeur или Oiseaux, если я того пожелаю.

Генералъ ассумисіонистовъ отвѣтилъ, что надѣется, что согласно инструкціямъ сдѣлаетъ изъ меня искуснаго миссіонера и рѣшитъ, гдѣ я буду полезнѣе—въ Парижѣ или гдѣ-нибудь на востокѣ.

Ассумисіонисты приняли меня съ замѣчательнымъ радушіемъ, отвели мнѣ прекрасную келію и всячески старались развлечь меня, видя, какъ я грущу по своей родинѣ. Настоятель, о Пикаръ, первое время постоянно приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, чтобъ поближе меня узнать. Когда я немного освоился, меня познакомили съ газетнымъ дѣломъ, и я сталъ давать имъ статейки на религіозные вопросы.

Вставали очень рано: въ половинѣ четвертаго утра начиналась утреня, но меня будили къ пяти, и я въ шесть служилъ обѣдню, при чемъ мнѣ прислуживалъ о. Іаковъ, престарѣлый и больной монахъ, совершенно слѣпой; онъ былъ восточнаго обряда и миссіонеромъ въ Болгаріи. Другой, молодой іермонахъ о. Христофоръ, предназначавшійся тоже для болгарской миссіи, былъ ко мнѣ приставленъ, и безъ него меня никуда первое время не выпускали.

Послѣ обильнаго обѣда, состоявшаго изъ пяти-шести блюдъ, шли къ генералу на рекреацію. Тоже дѣлалось и послѣ ужина.

Среди монаховъ были очень милые люди, работавшіе во славу Божью и очень любезные ко мнѣ, но самый режимъ мнѣ не нравился или вѣрнѣе приходился мнѣ совершенно не по нутру. Совсѣмъ иначе я чувствовалъ себя въ Грота Ферратѣ. Здѣсь все было чуждо, и я многаго не понималъ и не переваривалъ. Первое, чего мнѣ не доставало, были церковныя службы восточнаго обряда: и первое, что мнѣ претило, были латинскія молитвы. Мнѣ не давали служить публично и заставляли совершать обѣдню въ ризницѣ, на столикѣ, служившемъ для облаченія священниковъ. Во время изысканнаго мясного стола мой слухъ терзали

Библиотека "Руниверс"

заунывнымъ голосомъ совершаемыя чтенія изъ свѣтскихъ книгъ, издаваемыхъ общиной, бонапартистскаго духа. На рекреаціяхъ разговоры шли только о выборахъ и о политикѣ. Религіей, повидимому, интересовались меньше всего. Страннымъ мнѣ казалось, что настоятель трапезуетъ отдѣльно и что о. намѣстникъ получаетъ къ своему первому завтраку горячее жареное, тогда какъ всѣ довольствуются однимъ кофе. Удивляло меня, что монахи не соблюдаютъ посты и по пятницамъ пьютъ молоко, а по субботамъ ѣдятъ мясо, противъ своего же латинскаго устава. Возмущало меня, когда въ видѣ эпитиміи одного почтеннаго іеромонаха заставили во время обѣда ползать подъ столомъ на четверенькахъ и прикладываться къ сапогамъ всѣхъ присутствующихъ, не исключая гостей.

Но болѣе всего я не могъ привыкнуть къ тому, что меня держали, какъ малолѣтняго, и никуда одного не выпускали. Я сперва думалъ, что это правило монастыря. Но затѣмъ я увидѣлъ, что всѣ монахи пользуются полной свободой и ходятъ въ одиночку, куда и когда желаютъ, даже вечеромъ. Я находился подъ какой-то особой опекой. У меня были въ Парижѣ друзья. Меня къ нимъ не пускали. Разъ другъ моего отца, бывшій посолъ въ Россіи, г. де-Лабуле, пригласилъ меня къ обѣду. Мнѣ велѣли отказаться подъ предлогомъ, что правила монастыря не допускаютъ отлучаться позднѣе 5 часовъ вечера. Въ тотъ же день при мнѣ одинъ молодой монахъ былъ отпущенъ до 11 ч. ночи! Что я маленькій?—возмущался я.—Или школьникъ? Да я еще гимназистомъ и пажемъ пользовался въ этомъ отношеніи полной свободой и ни разу ею не злоупотребилъ. А теперь я, тридцатилѣтній священникъ, бывшій офицеръ, отецъ семейства и принужденъ жить на привязи! Что это за опека, что за недовѣріе?

Пріѣхалъ епископъ Пассардіеръ и позвалъ меня къ себѣ. Меня въ первый разъ выпустили безъ провожатаго. Я этимъ воспользовался, чтобъ опустить письмо своей женѣ, купивъ марку изъ тѣхъ денегъ, которыя мнѣ дали на конку. На прежнія письма я отвѣта не получалъ и вообще съ самаго выѣзда изъ Россіи не зналъ, что сталось съ семействомъ.

Пассардіеръ меня принялъ сердечно и ласково, оставилъ обѣдать и на прощанье далъ 500 франковъ на заказъ ста обѣдней, по 5 фр. каждая.

Пассардіеръ представилъ меня кардиналу Ришаръ, который отнесся ко мнѣ очень внимательно. Необычайной доброты и снисходительности этотъ святитель вызывалъ во мнѣ заранѣе настроенное враждебное чувство. Я зналъ его отвѣтъ относительно моего семейства.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ я былъ несправедливъ. Отзывчивый къ моему семейному горю, кардиналъ писалъ высочайшимъ особамъ, прося о разрѣшеніи мнѣ вернуться! На это былъ полученъ отвѣтъ Побѣдоносцева, что я выѣхалъ изъ Россіи самовольно, а вовсе не высланъ и никогда не былъ присужденъ ни къ каторгѣ, ни къ ссылкѣ. Мнѣ только, какъ лишенному сана, запрещенъ въѣздъ въ столицы и не дозволяется ношеніе духовнаго платья. Объ этомъ документѣ я узналъ гораздо позже и копію съ него съ надписью «конфиденціально» получилъ тоже отъ Ванутелли.

Между тѣмъ Пассардіеръ приказалъ о. Пикару меня выпускать одного и не стѣснять моей свободы до такой степени. Тогда мнѣ разрѣшили выходить, но зорко смотрѣли, куда я хожу, и требовали моего возвращенія къ опредѣленному часу.

XV.

Наступилъ май, и по этому случаю въ храмѣ ассумисіонистовъ происходили особыя службы въ честь Богоматери. Первая начиналась въ 5 ч., а вторая въ 8 ч. вечера. Мнѣ эти службы всегда нравились, и я ихъ усердно посѣщалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ стали давать относительную свободу, я сталъ усернѣе молиться, и мое душевное равновѣсіе стало возстанавливаться. Одно меня удивляло, это отсутствіе писемъ съ родины. Но вотъ однажды въ дверяхъ я столкнулся съ почтальономъ, передававшимъ письма привратнику, и спросилъ: нѣтъ ли на мое имя. «Есть,—отвѣтилъ тотъ,—но я обязанъ доставить его настоятелю. Вы получите его вечеромъ на рекреаціи». Было еще рано, но о. Пикаръ былъ занятъ, пришлось ждать. Затѣмъ онъ исповѣдывалъ до самой службы. Однимъ словомъ ранѣе рекреаціи я его не видалъ и сгоралъ отъ нетерпѣнья получить давно ожидаемыя извѣстія. Когда я наконецъ имѣлъ возможность подойти къ о. Пикару и спросить его о письмѣ, никакого письма для меня не оказалось. Сначала хотѣли меня увѣрить, что никакого письма не было, но когда я сказалъ, что самъ видѣлъ его въ рукахъ привратника, мнѣ обѣщали его розыскать. На слѣдующій день мнѣ его вручили: но въ какомъ видѣ! Оно было распечатано, и къ самому письму пришпилена бумажка съ точнымъ персводомъ содержимаго на французскій языкъ! На бланкѣ стоялъ штемпель агентства присяжныхъ переводчиковъ.

Письмо было отъ брата жены. Онъ мнѣ писалъ, что всѣ письма его сестры ко мнѣ аккуратно ей возвращались съ почты нераспечатанными. Отъ меня же не было ни одного. Что это значитъ! Если я желаю бросить семью, то долженъ, по крайней мѣрѣ,

Библиотека "Руниверс"

объясниться... Изъ-за послѣдняго письма, которое вскрывали на почтѣ, было много непріятностей.

Слезы градомъ полились у меня, когда я это прочелъ. Будь у меня паспортъ, я бы въ этотъ же день уѣхалъ отъ моихъ палачей, которые намѣренно отсылали мои письма обратно и не допускали до меня извѣстій изъ дома.

Въ этотъ день меня подъ разными предлогами не выпускали изъ монастыря, а на слѣдующій за мной опять увязался о. Христофоръ.

Между тѣмъ мнѣ необходимо было отослать отвѣтъ. Письма, которыя я посылалъ черезъ привратника, очевидно по распоряженію о. Пикара не отсылались вовсе, а передавались ему вмѣстѣ съ переводомъ на французскій языкъ. Недавно опущенное мной лично письмо еще, очевидно, не дошло. Письмо у меня было готово. Оставалось налѣпить марку и опустить въ ящикъ. Надо было это сдѣлать такъ, чтобы о. Христофоръ этого не видалъ. И я нашелся. Въ Парижѣ принято, что духовные заходятъ въ кафе или табачную лавку выпить воды или кофе. Увидя на бульварѣ столики, я пожаловался на усталость и жажду, было жарко, и предложилъ своему спутнику выпить по чашкѣ кофе съ коньякомъ. Онъ былъ довольно глухъ. Пока онъ пилъ кофе, я спросилъ гарсона, гдѣ тутъ по близости почтовый ящикъ. Тотъ мнѣ указалъ. Тогда я подошелъ къ прилавку, купилъ марку, наклеилъ и послалъ опустить на моихъ глазахъ письмо въ ящикъ, къ которому о. Христофоръ сидѣлъ спиной. Въ этомъ письмѣ я давалъ адресъ «до востребованія», но установить сношеній мнѣ такъ и не удалось. Или это письмо случайно не дошло, или мнѣ уже болѣе никто не писалъ, или ассумисіонисты, догадываясь, что я далъ адресъ на главную почту, перехватывали мои письма раньше, чѣмъ я туда являлся справляться (у о. Христофора родной братъ служилъ въ почтамтѣ),—утверждать не могу, но только моя хитрость не удалась, и я, сколько ни ходилъ, ни разу въ Poste restante не лежало для меня письма.

Между тѣмъ въ моихъ отношеніяхъ къ ассумисіонистамъ снова наступило улучшеніе. Вернулся изъ Палестины о. Бальи, ближайшій помощникъ о. Пикара и братъ о. Эммануила, прокуратора въ Римѣ. Онъ оказался настоятелемъ общины улицы Франсуа Премье, которая меня пріютила. Онъ сразу занялся мною и далъ мнѣ дѣло. Во-первыхъ, онъ далъ мнѣ возможность выступить публично въ служеніи, возилъ меня въ разныя монастыри своего и другихъ орденовъ, гдѣ я совершалъ службы. Потомъ въ праздникъ Тѣла Господня далъ мнѣ участвовать въ ризахъ въ процессіи Св. Даровъ; возилъ меня на разныя цер-

Библиотека "Руниверс"

ковныя торжества; далъ широкое примѣненіе моимъ знаніямъ въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ, такъ что я на ряду съ другими монахами участвовалъ въ редактированіи ихъ ежедневной газеты. И главное снялъ оскорблявшій меня контроль и опеку.

Скучать и предаваться тяжелымъ мыслямъ было некогда. Даже для прогулокъ у меня оставалось не много времени, и его я употреблялъ, чтобъ навѣстить своихъ друзей въ церкви св. Магдалины или архимандрита Мельхитской церкви св. Іуліана.

Чтобъ я всегда имѣлъ карманныя деньги, о. Бальи распорядился мнѣ ежедневно выдавать два франка на расходы. Вечеромъ я возвращалъ пустой кошелекъ превратнику, и никто не спрашивалъ у меня отчета, куда я ихъ тратилъ. Мало того, для меня выписывали «Новое Время»,покупали спеціально для меня русскій чай, который уже самъ заваривалъ въ своей келліи. Когда наступили Петровки и я пересталъ ѣсть мясо, для меня готовили особый рыбный столъ.

Наконецъ, меня пригласили быть профессоромъ археологіи и восточной литургики въ ихъ семинаріи въ Ливрѣ, гдѣ они готовили для востока миссіонеровъ. Два раза въ недѣлю я туда ѣздилъ читать лекціи и совершать богослуженіе для ознакомленія ихъ съ восточнымъ обрядомъ. Мнѣ поручили двухъ діаконовъ, съ которыми я занимался особо, готовя ихъ къ переходу въ греческій обрядъ. Между прочимъ я училъ желающихъ церковнославянскому (богослужебному) языку.

Я теперь восхищаюсь энергичной дѣятельностью о. Викентія Бальи! Какъ онъ умѣлъ найти каждому подходящее дѣло и вдохновлять на него! И вмѣстѣ съ тѣмъ, какая вѣра въ Промыселъ Божій! Передъ каждымъ обѣдомъ дежурный чтецъ провозглашалъ имя того, кто въ этотъ день жертвовалъ на содержаніе иноковъ. И никогда никто не терпѣлъ недостатка. При мнѣ разъ вечеромъ пришло извѣстіе о гибели спасательной лодки«Св.Петръ», собственности ордена. «Хорошо,—сказалъ о. Пикаръ.—Объявите завтра въ газетѣ о сборѣ пожертвованій на постройку двухъ лодокъ: «Св. Петръ и Св. Павелъ».

Начался такой приливъ денегъ, что черезъ мѣсяцъ обѣ лодки были готовы и спущены на воду.

Среди сотрудниковъ ассумисіонистскихъ изданій были не одни монахи. Былъ одинъ пожилой священникъ, астрономъ, редакторъ «Космоса», одинъ молодой симпатичный аббатъ, нѣсколько статскихъ, одинъ китайскій катекетъ г. Ли, одинъ аббатъ—редакторъ «Ноэля»,дѣтскаго журнала,—который при мнѣ принялъ монашество.

Библиотека "Руниверс"

О. Пикаръ по обычаю исповѣдывалъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ и ему очень хотѣлось, чтобъ и я пришелъ къ нему на исповѣдь. Мнѣ на это постоянно намекали. Но я не могъ имѣть къ нему довѣрія съ самаго начала, такъ какъ онъ не оказывалъ мнѣ никакого.

О. д'Антели познакомилъ меня съ своимъ другомъ, товарищемъ по приходу св. Магдалины и духовникомъ, о. де-Бретань, добрѣйшимъ старикомъ, который сразу меня полюбилъ и которому я раскрылъ всю душу на первой же генеральной исповѣди, длившейся два часа. Каждую субботу я ходилъ къ нему исповѣдываться, и онъ дѣятельно занялся воспитаніемъ мой души. Онъ старался пріохотить меня къ «умному дѣланью»—размышленіямъ, которымъ я долженъ былъ ежедневно посвящать четверть часа. Я сталъ очень внимательно сдѣдить за собой и ежедневно, два раза въ день, дѣлать испытаніе совѣсти.

Какъ-то изъ Рима пріѣхалъ другъ о. Ванутелли о. Дорель. Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько словъ, которыя меня глубоко тронули: «Посвятите всѣ ваши сердечныя страданія Богу, съ тѣмъ, что вы Ему ихъ приносите въ жертву за свою семью, которую вы такъ любите! Господь вернетъ васъ къ вашимъ дѣтямъ и ниспошлетъ имъ ради васъ свое благословеніе, и вы Ему скажете: «се азъ и дѣти, которыхъ Ты мнѣ далъ!» Эти простые слова добраго старика-священника очень облегчили мое горе, и я какъ бы вручилъ его Богу, а самъ весь отдался на служеніе церкви.

Однажды о. Пикаръ передалъ мнѣ письмо отъ моего отца. Онъ былъ въ Гамбургѣ и желалъ меня видѣть. Я сказалъ объ этомъ о. Пикару, и онъ немедленно меня отпустилъ и далъ 70 фр. на дорогу. Я ѣхалъ съ тайной надеждой, что отецъ окажетъ содѣйствіе моему возвращенію въ Россію.

По поводу коронаціи былъ изданъ высочайшій манифестъ, въ которомъ было сказано, что самовольно оставившіе отечество могли въ него вернуться. Но для меня было важно вернуться именно въ Москву, гдѣ находилась моя семья. Я ожидалъ, что отецъ мой дастъ мнѣ утѣшительныя свѣдѣнія относительно семьи, отъ которой не имѣлъ вѣстей. Но я скоро обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Отецъ встрѣтилъ меня торжественно и строго, покосился на мой католическій подрясникъ и потребовалъ, чтобъ я переодѣлся въ статское. Я исполнилъ его желаніе и ходилъ въ сюртукѣ, и только рано по утрамъ надѣвалъ подрясникъ, шелъ въ католическую церковь и ежедневно служилъ обѣдню, славянскую и на кисломъ хлѣбѣ, но въ католическихъ ризахъ, за неимѣніемъ другихъ.

Библиотека "Руниверс"

Я нарочно захватилъ все, что я печаталъ въ газетахъ о Россіи и о русской церкви, чтобъ показать отцу мою лойяльность. Отцу мои статьи пришлись по-душѣ. Онъ похвалилъ мое совершенствованіе во французскомъ языкѣ и сказалъ, что можетъ хлопотать о моемъ возвращеніи, если только я ему дамъ подписку, что не буду дѣлать пропаганды. Относительно семейства вѣсти были неутѣшительныя. Жена подала прошеніе на Высочайшее имя и хлопочетъ о разводѣ. Дѣти у меня будутъ отобраны, такъ какъ она доказала изъ моихъ же писемъ, что я хочу ихъ сдѣлать католиками и отдать въ Sacré Coeur!

И я не повѣрилъ словамъ моего отца, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ же прибавилъ: «Но если ты откажешься отъ католическихъ заблужденій и подчинишься синоду, я выхлопочу тебѣ въѣздъ въ Москву, и ты не потеряешь своихъ родительскихъ правъ».— «Будь, что будетъ,—отвѣтилъ я,—но то воля Божья, но отъ вѣры я не откажусь»!

Въ Гамбургѣ я пробылъ три недѣли, въ теченіе которыхъ отецъ мой увѣщевалъ вернуться въ православіе, говоря, что иначе онъ поневолѣ долженъ стать на сторону жены и не допустить, чтобъ я могъ имѣть какія-нибудь права на дѣтей. Иногда онъ принимался мнѣ диктовать подписку, которую я долженъ дать, чтобъ имѣть право вернуться. Я послушно бралъ перо начиналъ писать, но когда дѣло доходило до «обѣщаній» не дѣлать пропаганды «ни въ Россіи ни за границей», я клалъ перо и заявлялъ, что такихъ обѣщаній дѣлать не могу.

— Почему?—спрашивалъ отецъ.

— Потому,—отвѣчалъ я,—что «за границей» я только этимъ и занимаюсь. Въ Россіи же подъ понятіе «пропаганда» будутъ подводить такіе случаи, когда я буду защищать католичество отъ нелѣпыхъ нападокъ, которыя не преминутъ мнѣ дѣлать нарочно въ разговорахъ или письменно, и молчать я не буду. И, наконецъ, если бъ даже я и далъ подобную подписку, я нисколько не считалъ бы себя обязаннымъ ее исполнить. Никакое насиліе не можетъ заставить меня сдѣлать то, что я считаю дурнымъ, или удержать меня отъ того, что я считаю хорошимъ.

— Тогда намъ разговаривать нечего. Ты въ Россію не можешь вернуться.

Такіе разговоры происходили чуть не ежедневно и страшно меня волновали. Несмотря на это, я замѣчалъ, что отецъ совсѣмъ иначе ко мнѣ относится за границей, чѣмъ въ Россіи. Я даже подмѣтилъ, что онъ какъ будто мною гордился, особенно передъ иностранцами, которымъ говорилъ, указывая на меня, «а вотъ мой сынъ, католическій священникъ!» И самъ разсказывалъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ я каждое утро хожу служить обѣдню въ католическую церковь. При разставаніи онъ попросилъ моего благословенія...

Вернулся я изъ Гамбурга въ растрепанныхъ чувствахъ. Съ одной стороны казалось, что все потеряно, съ другой, что, напротивъ, есть шансы, которыми слѣдуетъ воспользоваться. Тяжело было возвращаться къ монастырскому режиму послѣ привольной жизни въ модномъ курортѣ и прогулокъ по Таунусу. Послѣ роскошнаго табльдота въ гостиницѣ, какимъ скуднымъ и однообразнымъ мнѣ показался монастырскій столъ, съ заунывнымъ чтеніемъ о наполеоновскихъ полководцахъ!

У о. д'Антели жила мать, добрая старушка, которая меня очень любила и болѣе всѣхъ сочувствовала моей тоскѣ по родинѣ и по семьѣ. Она мнѣ какъ-то сказала, что на моемъ мѣстѣ она бы ни на что не посмотрѣла и вернулась бы въ Россію тѣмъ же путемъ, черезъ Финляндію. Я уже объ этомъ думалъ, но когда мадамъ д'Антели мнѣ представила этотъ планъ, онъ мнѣ обрисовался яснѣе. «Только,—сказала она,—не надо, чтобы кто-нибудь объ этомъ узналъ». —«Надо серьезно обдумать,—отвѣтилъ я».

Между тѣмъ я снова принялся за свои занятія у ассумиссіонистовъ, но уже не съ прежнимъ рвеніемъ. Зато я чаще сталъ совершать прогулки и обдумывать свой планъ. Во-первыхъ, я возвѣсилъ всѣ pro и contra.

Что мнѣ грозило? Послѣ всего бывшаго шума не могло быть и рѣчи о сумасшедшемъ домѣ, публичномъ разстриженіи или о чемъ-нибудь подобномъ. Я уже зналъ изъ писемъ Ванутелли о заявленіи Побѣдоносцева, что мнѣ нечего бояться Сахалина, которымъ стращалъ меня приставъ. Что же касется самовольной отлучки, я всецѣло уповалъ на манифестъ.

Итакъ, самое большое, что меня ожидало—статскій костюмъ и запрещеніе жительства въ столицахъ. Но срокъ можетъ быть сокращенъ, и отецъ это выхлопочетъ, разъ увидитъ, что я не буду заниматься пропагандой и носить рясы. Наконецъ, можно будетъ поселиться съ семьей подъ самой Москвой, напримѣръ, въ Сергіевомъ посадѣ, и прожить тамъ эти нѣсколько лѣтъ. Вѣдь сана же моего снять не могутъ, кары же, отцу обѣщано, не будетъ никакой, кромѣ «послѣдствій лишенія сана», будто бы съ меня снятаго. Но не могъ же я оставаться безучастнымъ, медлить или подымать вопросъ о костюмѣ, когда дѣло шло къ полному разрыву съ семьей и разводу! А тутъ представлялся еще такой удобный случай. Въ Парижѣ ждали посѣщенія высокихъ гостей, и вниманіе русскихъ властей было отвлечено этимъ событіемъ. Тѣмъ временемъ я и возвращусь незамѣтно, тѣмъ же путемъ, благо паспорта въ Финляндіи отъ пріѣзжающихъ и не требуютъ,

Библиотека "Руниверс"

доѣду потихоньку до Москвы, а тамъ прямо заявлюсь генералъ-губернатору. Бояться и опасаться мнѣ рѣшительно нечего. Напротивъ, въ замѣшательствѣ окажутся тѣ, которые меня преслѣдовали и гнали изъ Россіи. Они не будутъ знать, что со мной дѣлать. Не даромъ у Жеребцова была пословица: «Ни что такъ не затрудняетъ властей, какъ вопросъ, что дѣлать съ преступникомъ, въ особенности, когда онъ невиненъ».

Мой духовникъ, о. де Бретань, видѣлъ мои томленія и взялъ съ меня слово, что если я вздумаю возвратиться въ Россію, то предупрежу его за недѣлю.

А въ это время ассумисіонисты устроили мнѣ новый сюрпризъ

Получаю записку отъ госпожи К. Она въ Парижѣ, раза два приходила меня повидать въ монастырь и оба раза ее ко мнѣ не допустили, говоря, что меня нельзя видѣть. И хоть бы мнѣ они что сказали! Я не утерпѣлъ и спросилъ привратника, что это значитъ? Онъ отвѣтилъ, что ему вообще не велѣно ко мнѣ никого допускать, особенно моихъ соотечественниковъ!

— Вотъ такъ разъ! Да это форменный плѣнъ!

Я поспѣшилъ къ госпожѣ К. объяснить, въ чемъ дѣло, но она обидѣлась и жаловалась о. N на мою «черную неблагодарность къ ней, которая спасла ему жизнь».

Наведя справки у своихъ знакомыхъ, я узналъ, что ассумисіонисты положительно отстраняли каждаго, кто бы меня не спрашивалъ, говоря, что я не хочу ихъ видѣть и отказываюсь даже принять карточку! Сколькихъ человѣкъ, можетъ быть близкихъ, можетъ быть нужныхъ, они отъ меня отвадили такимъ образомъ!

Я опять сталъ холоднѣе къ нимъ относиться и раза два не вышелъ къ обѣду. Тогда они всполошились: они чувствовали, что мое долготерпѣнье начинаетъ истощаться и что, если я отъ нихъ сбѣгу, то имъ придется оправдываться передъ папой, который продолжалъ оказывать мнѣ расположеніе и требовалъ отъ о. Пикара постоянныхъ отчетовъ о моемъ здоровіи, о моихъ занятіяхъ и о моемъ расположеніи духа.

Трудную задачу взялъ на себя о. Пикаръ, но и справлялся съ нею неумѣло.

Разъ утромъ нахожу, что мое платье унесено и вмѣсто него лежитъ ассумисіонистская ряса. Оказалось, это было сдѣлано по распоряженію о. Пикара, чтобы показать мнѣ особое расположеніе. Но я взглянулъ на дѣло иначе, видя въ этомъ желаніе насильно облечь меня, семейнаго человѣка, въ монашескую одежду. Я поднялъ крикъ, вышырнулъ за дверь иноческіе эмблемы, и мнѣ поспѣшили вернуть мою сутану. Болѣе такихъ попытокъ не возобновляли. Зато придумали такую штуку, ко-

Библиотека "Руниверс"

торая, по ихъ мнѣнію, должна была окончательно привязать меня къ ихъ ордену.

Какъ въ большинствѣ католическихъ монашескихъ институтовъ, параллельно съ мужскими монастырями и подъ тѣмъ же началомъ существуютъ женскія обители и общежитія, преслѣдующія ту же цѣль и доставляющія женскій трудъ туда, гдѣ онъ требуется. Еще въ миссіяхъ я это замѣтилъ, путешествуя. Стирка и починка бѣлья, шитье рясъ для монаховъ—все это производится обыкновенно монахинями того же ордена. Съ своей стороны, духовники и старцы въ женскихъ монастыряхъ бываютъ изъ соотвѣтствующихъ мужскихъ, и игуменьи, какъ и игумены, подчинены тому же генералу. У ассумисіонистовъ были дамы ассумисіонистки, были сестры облатки (посвятившія себя служенію церкви), и еще какія-то сестры для простонародья. Облатки работали наборщицами въ типографіи и имѣли свой монастырь въ Пасси, на берегу Сены, въ живописной мѣстности. Я часто у нихъ служилъ, и разъ когда ихъ постоянный капелланъ куда-то уѣзжалъ, о. Пикаръ назначилъ меня временно исполнять его должность. И вотъ о. Пикаръ внушилъ мысль игуменьѣ удѣлить на территоріи монастыря небольшое пространство для устройства русской уніатской каплицы, съ закрытымъ алтаремъ и иконостасомъ. Игуменья нашла это весьма возможнымъ, позвали арихтектора, сняли планъ, сдѣлали смѣту, и потекли пожертвованія.

Мнѣ кто-то заказалъ обѣдню въ 50 франковъ. Я ихъ отдалъ на это дѣло и положилъ начало. О. Пикаръ и о. Бальи меня представили разнымъ своимъ знакомымъ благотворительницамъ, разсказали мою исторію, заинтересовали моей личностью, у меня тоже нашлось не мало знакомыхъ среди русскихъ, затѣмъ многіе предложили безплатно свои услуги: архитекторъ, одна русская дама художница, написавшая иконы для иконостаса, нѣкоторые мастера. Работа закипѣла, и я, понятно, страшно ею увлекся и все свое свободное время посвящалъ ей, наблюдая, чтобы все строилось въ совершенно православномъ духѣ. Церковь должна была быть посвящена Св. Кириллу, учителю славянъ.

Когда каплица была достроена и престолъ установленъ, русскій квадратный, и жертвенникъ, и царскія врата, и иконы, мнѣ стали жертвовать въ изобиліи утварь церковную и лампады, и ризы въ такомъ изобиліи, что лучшія изъ нихъ были отобраны для болгарскихъ миссій, и все же оставалось въ достаточномъ количествѣ.

Меня навѣстили въ Парижѣ кое-кто изъ родственниковъ, именно Ушаковъ, пріѣхавшій съ своими высокопоставленными

Библиотека "Руниверс"

воспитанниками, и двоюродныя сестры. Но тогда, какъ сестры, особенно старшая, которую я такъ уважалъ и которой я довѣрялъ, мнѣ совѣтовали безотлагательно возвращаться, дядя твердилъ совершенно иное.

— Я видѣлъ твою жену. Она тебѣ не можетъ простить, что ты ее бросилъ. Нѣтъ въ Москвѣ тебѣ дѣлать нечего. И ужъ больше мы никто за тебя не заступимся, если ты вернешься и снова подвергнешься непріятностямъ! Довольно и съ того, что мы сдѣлали!

Въ Реймсѣ праздновался 1000 - лѣтній юбилей крещенія короля Кловиса, и кардиналъ Лантенье пригласилъ меня участвовать въ торжествѣ. Ассумисіонисты предложили устроить восточное богослуженіе и для пущей важности пригласили служить архимандрита Игнатія Хомси изъ церкви Св. Іуліана съ его діакономъ. Митрополитъ разрѣшилъ, и о. Бальи объ этомъ, объявилъ въ газетахъ. Въ назначенный день всѣ прибыли въ Реймсъ. О. Бальи сказалъ рѣчь, въ которой, сдѣлавъ мнѣ дифирамбъ, объявилъ о моемъ служеніи, совершенно умалчивая объ о. Хомси. Тогда я подошелъ къ нему и сказалъ, что служитъ о. Хомси, а я только сослужу ему. О. Бальи поправился: «О. Толстой,—какъ я сказалъ, будетъ совершать службу, при чемъ съ нимъ будетъ сослужить о. архимандритъ Хомси». Мнѣ было ужасно неловко и непріятно. Я видѣлъ, что о. Бальи умышленно утѣшаетъ о. Игнатія передо мной только потому, что онъ его считаетъ не за «своего», а меня чуть ли не за «ассумисіониста», и во всякомъ случаѣ находящагося подъ протекціей ихъ ордена.

Объ этомъ случаѣ я разсказалъ вернувшись Пассардьеру, который къ тому времени снова пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ призналъ, что это было дѣйствительно не совсѣмъ тактично, но съ другой стороны замѣтилъ, что въ католической церкви цѣнятся прежде всего личныя заслуги, а не пустые, ничего не знающіе титулы. Генералы орденовъ простые іеромонахи, а пока длится срокъ ихъ полномочій, т.-е. до новаго избранія, они стоятъ выше архимандритовъ; а потомъ снова становятся въ рядъ іеромонаховъ, если не получатъ новаго назначенія. Важно дѣло, а не кличка. Капелла моя была готова, и я упросилъ о. Пикара пригласить о. Хомси освятить ее, чтобъ загладить Реймское происшествіе. Курсъ въ семинаріи и обученіе клириковъ я закончилъ и втихомолку готовился къ отъѣзду. О. Христофоръ обучалъ облатокъ пѣть восточную службу, а о. Бальи былъ увѣренъ, что рано или поздно онъ сумѣетъ сдѣлать изъ меня ассумисіониста.

Библиотека "Руниверс"

XVI.

Когда я окончательно обработалъ весь планъ и назначилъ себѣ день и часъ отъѣзда, я ровно за недѣлю до срока зашелъ къ Бретаню и, улыбаясь, объявилъ ему, что не могу болѣе выдержать и рѣшилъ ѣхать въ Россію. Онъ засмѣялся и сказалъ: нѣтъ вы этого безумія не совершите, и перевелъ разговоръ на другую тему. Я между тѣмъ уложилъ свой чемоданъ, взялъ въ банкѣ, гдѣ у меня былъ текущій счетъ, денегъ, купилъ себѣ бѣлья, статское платье и все, что для дороги могло понадобиться, и билетъ взялъ до Копенгагена заблаговременно. Одна мадамъ д'Антели была посвящена во всѣ мои приготовленія, а ея сынъ аббатъ ничего не подозрѣвалъ.

О. Пикаръ съ самаго начала хотѣлъ меня помѣстить въ Ливрѣ въ новиціатъ, но я не согласился туда ѣхать, ссылаясь на то, что я и здѣсь скучаю, а тамъ умру отъ скуки, такъ какъ привыкъ жить въ большомъ городѣ. Я даже не хотѣлъ погостить тамъ нѣсколько дней. О. Христофоръ какъ-то на прогулкѣ проговорился, что меня изъ монастыря никогда не выпустятъ и ни въ какомъ случаѣ не позволятъ поселиться въ Парижѣ гдѣ-нибудь на частной квартирѣ, хотя бы около часовни въ Пасси, такъ какъ опасаются, что я выпишу семью. Я все это моталъ на усъ.

За день до пріѣзда государя въ Парижъ, я намѣтилъ свой отъѣздъ и съ утра спросилъ, когда идутъ поѣзда въ Ливръ. Поэтому никто не удивился, когда я вынесъ свой чемоданъ, и никто не задержалъ меня, когда я бралъ извозчика на восточный вокзалъ. Монахи всѣ были кто въ церкви, кто при дѣлѣ, и никто не обратилъ вниманія на мой отъѣздъ. Чемоданъ я сдалъ на храненіе на сѣверномъ вокзалѣ и оттуда по конкѣ отправился прощаться съ друзьями. Началъ съ о. Хомси, затѣмъ зашелъ къ Пассардьеру и объявилъ, что на время торжествъ уѣзжаю изъ Парижа. Онъ сразу догадался, что въ Россію, но не сталъ отговаривать. Тогда я ему сознался въ моемъ намѣреніи и объяснилъ мой планъ. «Я не могу,—сказалъ я,—оставаться внѣ закона. Это безчестіе для меня и для моихъ. Пользуясь манифестомъ, я возвращаюсь, а затѣмъ ужъ, взявъ, какъ слѣдуетъ, заграничный паспортъ, снова вернусь сюда. Только, владыко, не хочу васъ обманывать, а у ассумиссіонистовъ я жить болѣе не буду».

Простившись съ Пассардьеромъ и получивъ его благословеніе, я сразу почувствовалъ облегченіе. Тогда я рѣшился быть умникомъ до конца и поѣхалъ проститься къ о. Пикару, которому сказалъ тоже, что Пассардьеру, благодарилъ за гостепріимство,

Библиотека "Руниверс"

и онъ тоже не сталъ меня удерживать. Какъ сейчасъ вижу удивленное лицо о. Бальи, когда я пришелъ съ нимъ прощаться.

Затѣмъ я отправился на улицу Ville d'Evêque, гдѣ въ церковномъ домѣ св. Магдалины жили о. д'Антели и о. де-Бретань.

О. де-Бретань чуть не вскочилъ, когда я сказалъ, что пришелъ съ нимъ проститься.

— Вы обѣщали меня предупредить за недѣлю!

— И предупредилъ. Развѣ вы не помните?

— Я не думалъ, что вы говорите серьезно!

— Какъ нельзя серьезнѣе. Это вопросъ моей жизни.

Узнавъ, что я ѣду съ благословенія преосвященнаго Пассардьера и что о. Пикаръ меня не задержалъ и что мы разстались дружелюбно, старикъ успокоился.

Надо было сдѣлать прощальный визитъ кардиналу. Его высокопреосвященство весьма сочувственно отнесся къ моему рѣшенію и благословилъ на дорогу.

Послѣдній визитъ былъ доброй госпожѣ д'Антелли и ея сыну, которому о. де-Бретань только что все сказалъ. Я у нихъ обѣдалъ, они меня напутствовали благословеньями и добрыми пожеланіями, а старушкѣ я обѣщалъ написать, какъ пріѣду.

Съ вечернимъ экспрессомъ я выѣхалъ изъ Парижа. Черезъ сутки садился въ Килѣ на пароходъ. На другой день въ полдень былъ въ Копенгагенѣ въ отелѣ Фениксъ и причащался въ католической церкви этого города. Затѣмъ посѣтилъ мою родную тетку, баронессу Траубенбергъ, которая была мнѣ очень рада и позвала своего мужа, чтобъ я его благословилъ. Она еще меня не видала священникомъ.

Въ Копенгагенѣ я переодѣлся въ статское, опять весь выбрился и подъ гребенку выстригся и, узнавъ, что въ Ганге идетъ финскій пароходъ, отправился въ агентство Кука, гдѣ хотѣлъ удержать каюту. Тамъ мнѣ отказали, говоря, что въ Россію безъ паспорта не выдаютъ. Нечего раздумывать. Ѣду на пароходъ и спрашиваю капитана, есть ли свободная каюта 1-го класса. Пассажировъ мало, капитанъ любезно велитъ тотчасъ же приготовить каюту и взять мои вещи, а билетъ, говоритъ, заплатите дорогой. А мнѣ только этого и надо. Не въ море же онъ меня выброситъ, если у меня не окажется паспорта. Какъ весело было возвращаться по тому самому морю, по которому весной плылъ въ такомъ отчаяніи!

Весь слѣдующій день я стоялъ на палубѣ, любовался яснымъ небомъ и спокойнымъ моремъ и пѣлъ благодарственные гимны. На утро пароходъ подошелъ къ пристани. Полицейскіе чиновники взошли на пароходъ и потребовали отъ пассажировъ, чтобъ они

Библиотека "Руниверс"

расписались въ книгѣ. Я написалъ: Николай Алексѣевъ, рантье изъ Копенгагена.

И вотъ я въ Гельсингфорскомъ поѣздѣ, какъ будто изъ Россіи не уѣзжалъ. На какой-то станціи—пересадка, и ѣду въ Петербургъ. Въ Бѣлоостровѣ таможня сходитъ благополучно. Вотъ и Петербургъ, Финляндскій вокзалъ. Беру извозчика на Николаевскій. Оставивъ вещи, ѣду мѣнять деньги у Юнкера, а затѣмъ на могилу о. Леонида, гдѣ служу панихиду, и обратно на Николаевскій. Здѣсь въ ожиданіи поѣзда пишу письмо моему отцу, къ которому не рѣшаюсь заѣхать, боясь, что онъ меня въ Москву не пуститъ: я молъ здѣсь, завтра буду въ Москвѣ, не безпокойся хлопотать о моемъ возвращеніи. Подхожу къ кассѣ. Вдругъ слышу: а! Толстой! Смотрю знакомый офицеръ. Воспитатель корпуса. Только что наскоро разстался съ нимъ, меня узнаетъ другой офицеръ, товарищъ. Тише, не выдавай меня, шепчу ему и беру билетъ. Въ буфетномъ залѣ кошка прыгаетъ мнѣ на колѣни, и меня узнаетъ офиціантъ. Я спѣшу уйти. Но вотъ звонокъ и садимся въ поѣздъ. Противъ меня усаживается знакомый священникъ, но меня не узнаетъ. Я перехожу въ другое отдѣленіе и, когда поѣздъ трогается, выхожу на тормазъ и пою вечерню Пасхѣ, которую пропустилъ при бѣгствѣ.

Въ воскресеніе, 29 сентября, при чудной, чисто лѣтней погодѣ я подъѣзжаю къ Москвѣ и пою подъ громъ колесъ Пасхальную утреню, согласно обѣту. Вотъ и Москва. Я прямо съ вокзала въ церковь св. Людовика, гдѣ прохожу въ ризницу. О. Вивьенъ третъ глаза, думая, что видитъ привидѣніе. Онъ набрасывается съ вопросами. Послѣ,—отвѣчаю я.—Прошу васъ причастить меня Св. Тайнъ. Я читаю молитвы и причащаюсь. Затѣмъ, прочтя благодарственныя, иду къ извозчику, который меня ждетъ. И наконецъ-то я ѣду домой.

Я узналъ въ Парижѣ отъ родныхъ, что семья переѣхала, и кто-то сообщилъ мнѣ ихъ новый адресъ. Ильинскій 2-й переулокъ. Разыскиваю, нахожу, наконецъ, домъ и квартиру. Подымаюсь по лѣстницѣ: прислуга новая, но всѣ догадываются, кто я, и вносятъ мои вещи.

Алина меня узнаетъ и бросается ко мнѣ навстрѣчу. За ней и двое другихъ.

Жена сказала только одно: зачѣмъ пріѣхалъ?

Я заѣхалъ къ губернатору, гдѣ былъ очень любезно принятъ.

Затѣмъ я отправился къ оберъ-полицеймейстеру, который былъ очень удивленъ. Онъ сказалъ мнѣ, что разрѣшаетъ двое сутокъ провести въ Москвѣ, чтобы повидаться съ семьей, съ тѣмъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ я ѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ мнѣ выдадутъ видъ на жительство.

Несмотря на это разрѣшеніе, когда я на слѣдующій вечеръ сидѣлъ, дожидаясь поѣзда, съ братомъ жены на Николаевскомъ вокзалѣ и ужиналъ, ко мнѣ подошелъ нѣкій субъектъ въ гороховомъ пальто и, указавъ на меня жандармамъ, велѣлъ арестовать.

Меня схватили и поволокли въ жандармское управленіе. Тамъ сидѣлъ офицеръ, котораго я спросилъ, по какому праву со мной такъ поступаютъ.

— По приказанію этого полицейскаго чиновника,—отвѣтилъ онъ.

— Вы его знаете,—спросилъ я.

— Да, знаю.

Тогда я пересталъ сопротивляться. Меня повели на платформу, спустили на линію, провели черезъ рельсы обходомъ на сторону прибывающихъ поѣздовъ. Вышли на площадь, агентъ подрядилъ извозчика и велѣлъ гнать на Тверскую въ Гнѣздниковскій переулокъ. Всю дорогу я молчалъ, несмотря на попытки агента завязать разговоръ.

Наконецъ, пріѣхали и меня провели въ прихожую. Вошелъ какой-то околоточный и сѣлъ противъ меня и не спускалъ глазъ. Когда я вынулъ платокъ обтереть носъ, онъ вдругъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ, но тотчасъ же уложилъ его обратно.

Было около полуночи. Я ждалъ болѣе часа. Медленно передвигалась стрѣлка на большомъ циферблатѣ.

Наконецъ, послышались шаги и голоса. Появился агентъ и послалъ за извозчикомъ. Меня усадили и повезли куда-то.

Понемногу я сталъ оріентироваться и понялъ, что меня везутъ на Нижегородскій вокзалъ. Привезли на новый Курскій, откуда поѣзда шли и на Нижній.

Агентъ справился, когда идетъ послѣдній выставочный поѣздъ. Въ этомъ году была въ Нижнемъ всероссійская выставка, но какъ разъ къ 1 октябрю она кончилась и выставочнаго поѣзда не оказалось.

— Составить сію минуту экстренный!—скомандовалъ агентъ.

Пока готовили поѣздъ, растопляли паровозъ, назначали прислугу, я сидѣлъ въ буфетѣ и пилъ чай. Наконецъ, къ 3 часамъ утра поѣздъ составили, мнѣ отвели цѣлый вагонъ перваго класса, подсадили меня и поѣхали. Агентъ сопровождалъ. Растянувшись на диванѣ, я проспалъ до восхода солнца. Агентъ меня караулилъ изъ сосѣдняго купэ. Увидя, что я всталъ и прошелъ въ уборную, агентъ прошелъ на тормазъ. Когда я умылся, онъ вѣжливо спросилъ, не угодно ли чайку. Хорошо,—сказалъ я, и онъ побѣжалъ

Библиотека "Руниверс"

разыскивать кондуктора. Поѣздъ всю ночь шелъ безостановочно, но тутъ его остановили у первой станціи, я вышелъ и напился чаю. Садясь обратно въ вагонъ, я замѣтилъ, что поѣздъ везутъ два локомотива!

Безпокойства я не чувствовалъ, напротивъ зналъ, что все должно кончиться, запасся терпѣньемъ и пѣлъ пасхальную службу вмѣстѣ съ богородичной по-благовѣщенской главѣ. Былъ день Покрова. Мой экспрессъ благополучно доставилъ меня въ Нижній, а мой полицейскій чинъ также благополучно доставилъ меня въ губернское правленье и сдалъ... Въ каторжное отдѣленіе!

Когда меня арестовали братъ поспѣшилъ домой, разбудилъ жену со словами: «его арестовали». Ей сдѣлалось дурно. Но онъ привелъ ее въ себя и повезъ въ охранное отдѣленіе. Тамъ объявили, что меня съ агентомъ *Подлезинскимъ* отправили въ Нижній. Тотчасъ же жена послала отцу пространную телеграмму, а отецъ, который, получивъ мое письмо съ Николаевскаго вокзала, уже былъ подготовленъ и ждалъ каждую минуту извѣстія о моемъ арестѣ, телеграфировалъ нижегородскому губернатору Баранову.

Барановъ тотчасъ же вызвалъ полицейместера и приказалъ меня разыскать и немедленно освободить изъ-подъ ареста. Послѣ оживленныхъ телеграммъ въ Москву, Петербургъ и Нижній выяснилось, что агентъ переусердствовалъ и арестъ произвелъ по собственному почину. За это при мнѣ его полицейместеръ выбранилъ, спросилъ, кто онъ, онъ сказалъ—околоточный надзиратель. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, полицейместеръ спросилъ, гдѣ я остановлюсь. Я сказалъ въ почтовой гостиницѣ. Агентъ это слышалъ, уходя, очевидно: это онъ далъ свѣдѣнія въ газеты о моемъ арестѣ, такъ какъ въ замѣткѣ упомянута почтовая гостиница. Между тѣмъ она уже болѣе не существовала, и я остановился по совѣту полицейместера въ другой, гдѣ было очень хорошо и чисто. Генералъ Барановъ пріѣхалъ туда ко мнѣ съ визитомъ. Черезъ четыре дня мнѣ былъ выданъ временный видъ на жительство и объявлено, что въѣздъ въ столицы мнѣ запрещенъ въ теченіе семи лѣтъ. Я вернулся съ курьерскимъ, но такъ какъ въ Москву мнѣ было нельзя, то я на ходу спрыгнулъ въ Кусковѣ, гдѣ меня ожидали жена и ея братъ.

Временно рѣшилъ я поселиться въ Сергіевскомъ Посадѣ. Жена вернулась въ Москву, а мы съ братомъ пошли пѣшкомъ вокругъ Москвы, такъ какъ боялись, что въ предѣлахъ города меня арестуютъ.

Библиотека "Руниверс"

XVII.

Обойти Москву оказалось труднѣе, чѣмъ мы предполагали. Послѣ цѣлаго дня скитанья по оврагамъ, огородамъ и свалкамъ мы очутились у какого-то полустанка южной дороги. Братъ предложилъ ѣхать въ Подольскъ: тамъ пообѣдать и на другой день продолжать обходъ, но уже съ другой стороны.

Въ Подольскъ поѣздъ прибылъ въ часъ ночи, и буфетъ оказался запертымъ, такъ мы несолоно хлѣбавши и уѣхали обратно, чтобы съ утра начать наше странствіе. Вышли изъ вагона на самой границѣ города и незамѣтно очутились въ чертѣ. Рѣшили взять извозчика до Преображенской заставы и Черкизова и благополучно миновали эти предѣлы. Затѣмъ спѣшились и черезъ Сокольничій лѣсъ добрались до Мытищъ. Здѣсь разстались, онъ вернулся въ Москву, я поѣхалъ въ Сергіевскій посадъ и остановился въ гостиницѣ. На другой день мнѣ былъ присланъ съ попутчикомъ мой чемоданъ, весь разломанный, съ кое чѣмъ изъ бѣлья. Оказывается его вскрывали въ охранномъ отдѣленіи, чего-то ища?!

И сталъ я ждать, чтобъ семейство ко мнѣ переѣхало. Но жена и не думала переѣзжать. Передъ отъѣздомъ въ Нижній и арестомъ я ей выдалъ по ея просьбѣ особый видъ на жительство, и теперь она могла проживать, гдѣ хотѣла. Впрочемъ, она мнѣ раза два привезла дѣтей, но совсѣмъ переѣзжать отказалась....

Въ Москвѣ жить мнѣ было запрещено до 1902 года. Тогда я написалъ письмо моему отцу, въ которомъ умолялъ его выхлопотать мнѣ разрѣшеніе въѣзда въ Москву хотя бы на одни сутки. Мнѣ необходимо было взять мои бумаги и кое-какія вещи, а главное распорядиться на счетъ имущества. Но отецъ отвѣчалъ стереотипной фразой: «подчинись Синоду», чего я сдѣлать не могъ. Противъ меня оказались всѣ. Родные,—православные, требовали отреченія отъ вѣры и отъ священническаго сана. Единовѣрцы мнѣ чужіе, католики, требовали, чтобъ я немедленно ѣхалъ за границу и отрекся бы отъ семьи. Я не могъ сдѣлать ни того, ни другого.

Жеребцовъ меня ругательски ругалъ за мое возвращеніе, посылалъ своего управляющаго наблюдать за мной, что я дѣлаю въ посадѣ.

Вивьенъ, который пріѣзжалъ меня исповѣдывать, былъ того же мнѣнія и настаивалъ на моемъ отъѣздѣ.

Всѣ католическіе патеры возмущались моимъ возвращеніемъ въ Россію и обвиняли меня чуть ли не въ ренегатствѣ. Могли ли они понять что, у меня въ душѣ?

Между тѣмъ, странное дѣло, православное духовенство, за исключеніемъ очень немногихъ, относилось ко мнѣ съ нескрываемымъ сочувствіемъ.

Библиотека "Руниверс"

По пріѣздѣ въ Посадъ я посѣтилъ своихъ лаврскихъ знакомыхъ. Несмотря на мой статскій костюмъ, меня всѣ принимали, какъ своего. Въ Геѳсиманіи предложили благословить трапезу. Тамъ же одинъ іеромонахъ снялъ съ себя только что полученный наперстный крестъ и, надѣвъ на меня, сказалъ. Тебѣ подобаетъ его нести, какъ пострадавшему за православную вѣру! Въ тотъ же день нѣкоторые посадскіе жители мнѣ тоже поднесли крестъ, латинскаго образца, думая, вѣроятно, что я сталъ латинскимъ ксендзомъ. Я принялъ крестъ, но успокоилъ ихъ, что въ латинство не переходилъ, и они тому порадовались. Но оба эти креста я счелъ за знаменье того, что мнѣ впереди предстоитъ еще болѣе тяжелый крестъ, чѣмъ тотъ, который я перенесъ. И этотъ крестъ не замедлилъ своимъ появленіемъ.

Меня вызвали въ жандармское правленіе и объявили, что начато дѣло о разводѣ. Потребовали подписку, что я отказываюсь отъ дѣтей....

Я принялъ рѣшеніе вернутся за границу.

Я уѣхалъ за границу въ чемъ былъ: старомъ пиджакѣ, подаренномъ мнѣ отцомъ, и двумя смѣнами бѣлья, которыя оказались у меня въ чемоданѣ. Въ такомъ видѣ явился въ Парижъ къ преосвященному Пассардьеру, который тотчасъ же одѣлъ меня въ духовное платье и пріютилъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ, на улицѣ Вано, гдѣ гостилъ и самъ.

Въ это самое время, когда я почти голый прибылъ къ бенедиктинцамъ и они меня обласкали и пріодѣли, а Пассардьеръ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 300 франковъ въ мѣсяцъ, отъ парижскаго митрополита 200 и 100 отъ Св. Престола, а ассумисіонисты, не помня стараго, раскрыли мнѣ двери уже освященной каплицы и обезпечили заказными обѣднями, въ это время, говорю, новая клевета была пущена на мой счетъ самыми близкими для меня людьми: будто я все свое состояніе хотѣлъ отнять отъ семьи и отдать «католикамъ».

И отецъ объявилъ, что въ виду моего нераскаянія онъ лишаетъ меня наслѣдства. Также и бабушка Ушакова, которая все твердила, что я ее любимый внукъ и что она мнѣ отказала по завѣщанію, объявила, что то же мнѣ ничего не оставитъ, такъ какъ я не умѣю хранить своихъ денегъ.

Но развѣ тогда мнѣ нужны были деньги? Болѣе чѣмъ когда-либо я плакалъ о своихъ дѣтяхъ. Я плакалъ насквозь всѣ ночи, и глаза у меня распухли и зрѣніе испортилось. Я ничего не могъ дѣлать, ничѣмъ не могъ заняться и только думалъ о дѣтяхъ. И понималъ, что теперь мое положеніе безысходно и что все уже кончено и поправить нельзя...

Н. А. Толстой.

Библиотека "Руниверс"

Мои тюрьмы.

Съ тюрьмой я въ первый разъ познакомился въ 1869 году; и вотъ теперь, уже сѣдымъ старикомъ, сидя въ одной изъ самыхъ «настоящихъ» тюремъ,—какъ ее называетъ Толстой—мнѣ кажется самымъ подходящимъ занятіемъ припомнить прежнія мои сидѣнія. Говоря о нихъ, я разскажу какъ внѣшнія условія, такъ и тѣ внутреннія переживанія, съ которыми я входилъ въ тюрьмы, сидѣлъ и выходилъ изъ нихъ.

Странное существо человѣкъ, а тѣмъ болѣе русскій, и едва ли не страннѣе всего русскій интеллигентъ моего поколѣнія. Еще нашъ большой умникъ Ал. Ив. Герценъ подмѣтилъ совоеобразную черту, очень характерную для нашей психики. Мы и въ мечтахъ рисуемъ себѣ не торжество побѣды, а лишь одни страданія, и эти страданія считаемъ тѣми трофеями, которые должны вѣнчать нашу борьбу за счастье народа.

Мнѣ живо припоминается то настроеніе, то чувство ликованія, съ какимъ я, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, ѣхалъ въ Петербургъ, зная, что тамъ меня ожидаетъ тюрьма. Это было чувство двадцати лѣтняго юноши, ѣдущаго какъ бы за полученіемъ, если не лавроваго вѣнка, то дубовой вѣтви за ту борьбу, въ которой онъ горячо участвовалъ, конечно, не одержавъ побѣды, а претерпѣвъ пораженіе. Но это было пораженіе въ борьбѣ, а каждая борьба приближала часъ побѣды, и потому всякое участіе въ ней было уже, своего рода, доблестнымъ подвигомъ, за который полагались и соотвѣтствующія награды въ видѣ тюремъ и ссылокъ.

Все это, пожалуй, логически правильно, но странно то, что и во снѣ намъ не снилась побѣда.

По этому поводу припоминается мнѣ замѣтка, попавшаяся въ одной изъ книгъ старинной библіотеки Петропавловской крѣпости. На поляхъ кто-то нарисовалъ портретъ Н. Г. Чернышевскаго, украсивъ его короной; но другой заключенный страшно этимъ возмутился, назвалъ рисовавшаго «дуракомъ» и, пославъ по его адресу еще нѣсколько столь же нелестныхъ эпитетовъ,

Библиотека "Руниверс"

въ заключеніе гордо надписалъ: «Лишь шелъ одинъ вѣнецъ терновый къ его суровому челу».

Побѣдоносную корону мы считали чѣмъ-то зазорнымъ, а терновый вѣнецъ высшей нашей наградой. Такова, повторяю, была наша психика, такова она у насъ, стариковъ, сохранилась и по сіе время.

«Ну, съ ней не побѣдишь», справедливо замѣтятъ намъ, и мы отлично это чувствуемъ; но, зная и понимая, что не побѣдитъ тотъ солдатъ, котораго манитъ не побѣда, а плѣнъ, мы тѣмъ не менѣе и до глубокихъ сѣдинъ остаемся все съ тою же, если не жаждой страданій, то резиньяціей къ ихъ неизбѣжности. Утѣшеніемъ намъ можетъ развѣ служить то обстоятельство, что мы представители уже отжившаго поколѣнія, на смѣну котораго является другое, считающее наше умѣніе доблестно страдать за постыдное ношеніе ослинаго ярма страданій.

Пусть молодое поколѣніе право, пусть это будетъ постыдное ношеніе ослинаго ярма, но мы все же старались носить его съ человѣческимъ достоинствомъ и заставляли даже враговъ уважать насъ; а это не малая заслуга такихъ доблестныхъ страдальцевъ, какъ, напримѣръ, наши славные шлиссельбуржцы.

Послѣ этого отступленія — разскажу, за что я въ первый разъ попалъ въ цѣлый рядъ тюремъ. Въ концѣ 1868 г., въ Петербургѣ начались волненія среди учащихся высшихъ учебныхъ заведеній. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ я перешелъ изъ Московскаго университета въ Петербургскій и рождественскіе каникулы проводилъ въ Москвѣ, гдѣ и узналъ объ этихъ волненіяхъ. Вернувшись въ Петербургъ, я въ университетѣ отъ почти незнакомаго студента получилъ приглашеніе прійти на сходку, собравшуюся у одного изъ товарищей. Провокаціи,— этого фрукта позднѣйшаго разложенія интеллигенціи,—тогда не было и въ поминѣ и царило полнѣйшее довѣріе, поэтому я въ тотъ же вечеръ отправился по указанному адресу. Сходка эта была небольшая; насъ собралось человѣкъ двадцать, тридцать, и здѣсь я впервые познакомился съ Сергѣемъ Геннадіевичемъ Нечаевымъ. Всѣ присутствовавшіе, какъ и само дѣло, мнѣ пришлись сильно по душѣ, и я сталъ аккуратно посѣщать сходки этой группы студентовъ, получившей прозвище радикальной, въ отличіе отъ другой «либеральной». Во главѣ либеральной стоялъ студентъ Езерскій [1]), который, кажется, одинъ только и пострадалъ изъ всей этой группы, тогда какъ изъ нашей группы очень многіе,

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ могилевскимъ городскимъ головою, а съ его женой мнѣ пришлось впослѣдствіи сидѣть въ московской Таганской тюрьмѣ. Теперь она сослана въ каторжныя работы.

Библиотека "Руниверс"

если не большинство участвовавшихъ, высланы были на родину, а нѣкоторымъ пришлось посидѣть довольно долго. Радикальная группа, насколько я помню, добивалась права сходокъ, устройства кассъ взаимопомощи, распредѣленія пособій не начальствомъ, а самими товарищами, устройства студенческихъ столовыхъ, а главнымъ образомъ, доступа въ высшія учебныя заведенія всѣмъ желающимъ, въ качествѣ, если не студентовъ и студентокъ, то хотя бы вольнослушателей. Либеральная партія, какъ всегда, стояла за частичныя улучшенія, напримѣръ, за участіе студенческихъ выборныхъ при распредѣленіи пособій нуждающимся товарищамъ и въ устройствѣ столовыхъ. «Радикальная» группа настаивала на необходимости требовать всѣхъ свободъ, чтобъ добиться хоть чего-нибудь. «Либеральная» группа утверждала что, предъявляя несоразмѣрно большія требованія, не добьешся и малыхъ уступокъ, а только поплатишься высылкой многихъ студентовъ, которые лишены будутъ возможности кончить курсъ. «Радикальную» эти высылки нисколько не страшили, такъ какъ она находила ихъ крайне полезными для тѣхъ глухихъ провинцій, куда высланные товарищи внесутъ духъ протеста и неудовлетворенную жажду знанія и свободы.

Я былъ только на одной вечеркѣ «либераловъ», гдѣ, между прочимъ, встрѣтилъ покойнаго критика Скабичевскаго и только что выпущеннаго изъ тюрьмы студента Трощянскаго. Съ послѣднимъ мы потомъ жили въ Холмогорахъ. Умеръ онъ на каторгѣ, куда сосланъ былъ за участіе въ убійствѣ Мезенцева. На этой вечеркѣ велись вѣчные нескончаемые споры, и никакого соглашенія не получилось. Не знаю, были ли у нея еще сходки и вечерки, но у насъ онѣ происходили довольно часто, и наконецъ рѣшено было собрать общую сходку представителей всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, т.-е. университета, медико-хирургической академіи, техническаго института и лѣсного.

Такая сходка собралась въ квартирѣ студента, кажется, Любимова, и прошла оживленно и единодушно, хотя на ней было человѣкъ до пятидесяти. Послѣ ряда рѣчей и постановленій, Нечаевъ повезъ меня куда-то на особое совѣщаніе. Совѣщаніе это, какъ оказалось, происходило въ квартирѣ полковницы Томиловой. Когда мы выходили изъ квартиры Любимова, дворникъ съ какимъ-то господиномъ пересчитывали насъ, но мы не обратили на это никакого вниманія. У Томиловой насъ собралось человѣкъ двѣнадцать — представителей разныхъ учебныхъ заведеній. Мы распредѣлили между собою роли, относительно устройства дальнѣйшихъ сходокъ, какъ на частныхъ квартирахъ, такъ и въ стѣнахъ учебныхъ заведеній; и тутъ же рѣшено было

Библиотека "Руниверс"

образовать ядро, которое вело бы сношенія съ тѣми товарищами, которые будутъ высланы, и объединяло бы ихъ.

На слѣдующій день ко мнѣ забѣжалъ, кажется, Орловъ съ запиской, будто бы выброшенной Нечаевымъ изъ окна кареты въ то время, когда его везли въ Петропавловскую крѣпость. Въ запискѣ Нечаевъ сообщалъ, что его везутъ въ крѣпость, и призывалъ товарищей продолжать начатое движеніе. Въ Петропавловскую крѣпость его, кажется, не везли, и все дѣло, насколько мы впослѣдствіи узнали, обстояло такъ: едва успѣла сходка разойтись, какъ Любимова потребовали къ оберъ-полицеймейстеру. Здѣсь, завѣдывавшій тайной канцеляріей, Колышкинъ, назвалъ ему точную цифру бывшихъ у него студентовъ и спросилъ, для чего и по какому случаю они у него собрались. Любимовъ отвѣтилъ, какъ было условлено, что одинъ товарищъ просилъ уступить ему квартиру для вечерки, желая отпраздновать свои имянины или рожденіе. Онъ согласился, но самъ ушелъ изъ дому, а когда вернулся было всего лишь нѣсколько человѣкъ, такъ что онъ никакъ не допускаетъ, чтобъ была такая масса. Колышкинъ притворился, будто вполнѣ удовлетворенъ такимъ объясненіемъ и отпустилъ его домой; но когда Любимовъ уже былъ въ дверяхъ, онъ спросилъ его: «а кстати скажите пожалуйста фамилію того товарища, который просилъ у васъ квартиру». Любимовъ, неожидавшій дальнѣйшихъ разспросовъ и радовавшійся, что такъ легко отдѣлался, опѣшилъ и назвалъ фамилію Нечаева. Успѣлъ ли онъ затѣмъ предупредить Нечаева, или же Нечаевъ, вызванный къ Колышкину, скрылся, не знаю; но только мы его больше не видѣли.

Получивъ записку Нечаева объ его арестѣ, мы рѣшили собраться въ университетѣ у ректора и потребовать его освобожденія. Во время одного изъ перерывовъ между лекціями, въ аудиторіяхъ и въ коридорахъ появились товарищи, заявлявшіе, что ректоръ приглашетъ студентовъ собраться въ такой-то аудиторіи. Студенты гурьбой потянулись къ названной аудиторіи, и когда инспекторъ и субъ-инспектора пытались ихъ остановить, увѣряя, что никто не думаетъ ихъ звать, они твердили одно: «насъ приглашаетъ ректоръ» и продолжали итти. Такимъ образомъ вся обширная аудиторія оказалась переполненной, и собравшіеся послали сказать ректору, что желаютъ съ нимъ переговорить. Ректоромъ въ то время былъ профессоръ Кесслеръ, естественникъ, и, какъ утверждали, человѣкъ вполнѣ порядочный, но робкій, нерѣшительный и положительно не знавшій, какъ ему поступать въ подобныхъ случаяхъ. Выйти къ студентамъ онъ все же рѣшился. При его появленіи студенты заявили ему, что одинъ

Библиотека "Руниверс"

изъ ихъ товарищей—Нечаевъ—арестованъ, очевидно, за участіе въ сходкахъ, на которыхъ обсуждались и обсуждаются чисто студенческіе вопросы; поэтому собравшіеся просятъ ректора добиться освобожденія Нечаева; въ противномъ же случаѣ они считаютъ нечестнымъ скрывать свою съ нимъ солидарность и предлагаютъ переписать всѣхъ здѣсь собравшихся, которые навѣрное не откажутся подтвердить свои требованія. Кесслеръ началъ объясняться вполнѣ корректно, но тутъ дверь аудиторіи слегка пріотворилась, и показалась физіономія инспектора—фамилія его была Озерецкій — котораго считали агентомъ полиціи. Тонъ ректора мгновенно при этомъ рѣзко измѣнился, и онъ сталъ требовать, чтобы мы разошлись.

Такая трусость со стороны ректора возмутила насъ, и мы начали еще сильнѣе настаивать на переписи всѣхъ присутствующихъ, какъ лицъ, вполнѣ солидарныхъ съ Нечаевымъ и требующихъ его освобожденія. Кесслеръ смутился, и когда голова инспектора исчезла, далъ намъ обѣщаніе разслѣдовать все дѣло и хлопотать объ освобожденіи Нечаева. Студенты разошлись по своимъ аудиторіямъ и въ скоромъ времени получили отвѣтъ ректора, гласившій, что никакого Нечаева въ числѣ слушателей университета не значится и не значилось, а потому ректоръ отказывается хлопотать объ его освобожденіи. Такая лживая увертка страшно насъ возмутила. Знавшіе, гдѣ Нечаевъ вѣшалъ свое пальто, побѣжали къ его вѣшалкѣ, чтобъ узнать номеръ и хотя бы этимъ изобличить ректора въ лжи, но швейцары не допустили ихъ, а когда насъ собралось побольше, то на вѣшалкѣ уже красовался вновь наклеенный ярлычекъ съ новой фамиліей. Оставалось только протестовать противъ такого обмана, но какъ? Рѣшено было собраться въ тотъ же вечеръ. У насъ уже имѣлся списокъ студентовъ, постановившихъ протестовать противъ существовавшихъ въ университетѣ порядковъ, но этотъ списокъ, текстъ въ который еще не былъ вписанъ, не годился, потому что въ немъ первымъ во второмъ столбцѣ значилась подпись Нечаева. Рѣшено было энергичнѣе продолжать агитацію и послать делегатовъ въ другіе университетскіе города. Въ Москву посланы были Зем. Ралли и я; въ то же время оказалась нужда въ деньгахъ, а такъ какъ я надѣялся, что мнѣ будетъ легко ихъ добыть, то, сообщивъ товарищамъ о результатахъ моей поѣздки въ Москву, я рѣшилъ отправиться за деньгами на родину. Достать успѣлъ я лишь нѣсколько сотъ рублей, какъ прочелъ въ газетахъ, что въ Петербургѣ начались открытыя волненія во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, бросивъ начатые переговоры о деньгахъ, мгновенно помчался обратно. Это было, насколько помню, въ концѣ

Библиотека "Руниверс"

марта или въ началѣ апрѣля. Въ Нижнемъ я едва переѣхалъ черезъ Волгу, какъ она тронулась.

Изъ разныхъ источниковъ я узналъ въ Москвѣ, что большинство товарищей уже высланы на родину, и что полиція являлась ко мнѣ на квартиру. Мнѣ предлагали ѣхать за-границу, былъ даже приготовленъ какой-то паспортъ, кажется, даже, для вящшей конспираціи, женскій, но я ничего слышать не хотѣлъ и рвался въ Петербургъ, котораго,—кстати замѣчу я,—терпѣть не могъ. Наканунѣ моего отъѣзда въ Петербургъ, туда поѣхалъ одинъ товарищъ, чтобъ на квартирѣ Лихутиныхъ собрать кое-кого изъ оставшихся товарищей, и я, простившись съ отцомъ и друзьями, знавшими, что меня тотъ часъ же арестуютъ, поѣхалъ на слѣдующій же день. Въ Петербургѣ я прямо съ вокзала отправился къ Лихутинымъ, переговорилъ и условился относительно сношеній съ высланными товарищами, и, заѣхавъ въ магазинъ, выписывавшій для меня запрещенныя сочиненія, захватилъ полученныя и направился къ себѣ на прежнюю квартиру.

Хозяйка моей квартиры была простая прачка, а мужъ ея служилъ гдѣ-то швейцаромъ. Я платилъ ей за полутемную комнатку четыре рубля въ мѣсяцъ, а мой товарищъ Баснинъ снималъ съ пріятелемъ смежную большую комнату, рублей за 15 или 20. Когда у насъ собирались сходки, человѣкъ по сту (а это было раза два), она уступала намъ одну изъ своихъ двухъ комнатъ, водочкой и мздой усыпляла бдительность дворника, а мужа на всю ночь отправляла на мѣсто его службы. Все это она дѣлала безкорыстно, охотно и сама придумывала «какъ бы все получше вышло». При моемъ появленіи она поспѣшила мнѣ сообщить, что была полиція и велѣла дать знать, какъ только я пріѣду. «Ну, когда поуберетесь, и скажите, чтобъ я пошла въ полицію». Она развела намъ плиту, и мы принялись за уборку, предварительно отправивъ книги и все, что нужно было спрятать, къ моему старому пріятелю Владиміру Владиміровичу Святловскому. Онъ былъ тогда студентомъ медико-хирургической академіи, но не принималъ участія въ студенческомъ движеніи, и квартира его была вполнѣ безопасна, но онъ тотчасъ же переплавилъ все присланное въ еще болѣе вѣрное мѣсто и самъ пришелъ со мною проститься.

Когда все было прибрано, хозяйка отправилась въ полицію, которая не замедлила явиться. Послѣ тщательнаго обыска меня въ сопровожденіи полицейскаго чина отправили къ Колышкину, завѣдывавшему, какъ я уже сказалъ, тайной канцеляріей петербургскаго оберъ-полицеймейстера Трепова. Охранныхъ отдѣленій тогда еще не существовало. Колышкинъ не отличался пріятностью

Библиотека "Руниверс"

ни физіономіи, ни манеръ: косой и довольно отвратительный, онъ главнымъ своимъ достоинствомъ считалъ умѣніе смутить и огорошить допрашиваемаго. Меня на первый разъ онъ не могъ ничѣмъ огорошить, такъ какъ я не думалъ скрывать своего участія, если не въ студенческихъ безпорядкахъ, то въ предварительныхъ сходкахъ, Допросъ былъ непродолжителенъ, но во время его Колышина отозвали въ сосѣднюю комнату, и я слышалъ, какъ тамъ кто-то доносилъ ему о вечерахъ, устраиваемыхъ въ пользу высылаемыхъ студентовъ, при чемъ упоминалась фамилія Томиловой. Послѣ допроса меня «впредь до рѣшенія» отправили въ одну изъ частей, кажется въ Рождественскую. Это было, если не ошибаюсь, на шестой недѣлѣ великаго поста.

Такъ началось мое первое сидѣніе.

Камера, въ которую я попалъ, была маленькая и гаденькая, особенно изобиловавшая вшами; когда я заявилъ на это претензію, начальство утѣшило меня тѣмъ, что въ ней до меня сидѣлъ дворянинъ, и что вообще это дворянская камера. Пришлось примириться, тѣмъ болѣе, что недворянскія были, повидимому, если не хуже, то и не лучше. Изъ политическихъ и вообще изъ интеллигентовъ никого, кромѣ меня, въ то время въ части не сидѣло. Начальство, съ которымъ мнѣ приходилось имѣть непосредственныя сношенія, не отличалось особенной злобой и за приличную мзду готово было допускать кое-какія поблажки; такъ, напримѣръ, я могъ повидаться съ нѣсколькими товарищами, приходившими навѣстить меня, въ томъ числѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ Ковалевскимъ (впослѣдствіи товарищемъ министра финансовъ Витте), замѣчательно добрымъ и отзывчивымъ товарищемъ. Ему, если не ошибаюсь, я передалъ о подслушанномъ донесеніи Колышкину, прося предупредить Томилову. Не знаю, не успѣлъ ли онъ это сдѣлать или же Томилова отнеслась невнимательно къ этому сообщенію, но только она была въ скоромъ времени арестована, и у нея найдены были Нечаевскія письма и разные документы, благодаря чему все дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ. Но объ этомъ послѣ, теперь же вернусь къ моему первому сидѣнію.

Первое, что я испыталъ, попавъ въ заключеніе, это чувство полнаго безсилія и какой-то придавленности. Придавили тебя крышкой, засѣлъ или употребляя существующее для этого техническое выраженіе «засыпался», ну и сиди, и что бы ты ни придумывалъ, а безъ разрѣшенія начальства тебѣ нельзя ступить ни шага. Покорное и безпротесное сидѣніе, пока бабушка не приворожитъ или начальство не заблагоразсудитъ выпустить—таковъ удѣлъ, а для этого необходимо запастись значительной

Библиотека "Руниверс"

дозой чувства-резиньяціей. О голодовкахъ, объ этой единственной до послѣдняго времени формѣ протеста, тогда еще помина не было. Сидѣли мы себѣ да сидѣли, нѣкоторые по нѣсколько лѣтъ, сидѣли безропотно, благородно или, вѣрнѣе, прилично, вынося всевозможныя издѣвательства надъ нашимъ человѣческимъ достоинствомъ, такъ какъ всякое такое заключеніе представляетъ одинъ сплошной рядъ такихъ издѣвательствъ.

И это чувство подавленности и безсилія является первымъ и главнымъ чувствомъ, которое приходится испытать во время заключенія. Къ нему примѣшивается еще чувство полнаго одиночества и отрѣшенности отъ остального міра. И это особенно остро испытываемъ мы, политическіе арестанты, не потому что насъ сажаютъ въ одиночки, а въ силу нашей привычки жить міровой жизнью. Событія не только въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ или Царицынѣ, но и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ уголкахъ Китая такъ намъ близки, такъ волнуютъ насъ, радуютъ или огорчаютъ, что, очутившись въ провинціи, не получающей ежедневно газетъ, мы чувствуемъ себя какъ бы въ тюрьмѣ. Уголовные этого лишенія не испытываютъ; такой отрѣшенности не вѣдаютъ и, благодаря, быть можетъ, большей узости интересовъ, имѣютъ возможность больше сосредоточивать свое вниманіе на всемъ, непосредственно относящимся до данной обстановки и до нужныхъ имъ сношеній съ волей. Меня всегда удивляло, какъ уголовный арестантъ (я говорю объ уголовныхъ не изъ привиллигированныхъ сословій. Уголовные изъ привеллигированныхъ сословій въ громадномъ большинствѣ случаевъ не пользуются нашей симпатіей и представляютъ изъ себя самыя жалкія фигуры) до тонкости тотчасъ же узнаетъ всѣ порядки той тюрьмы, въ которую попадаетъ, всѣ лазейки, чтобъ достать нужное и завести требуемыя сношенія и въ тюрьмѣ и за стѣнами тюрьмы, тогда какъ мы, политики, оказываемся совершенно безсильными. Уголовный достанетъ вамъ газету, перешлетъ письмо на волю, поможетъ снестись съ товарищемъ, хотя бы тотъ сидѣлъ въ другомъ корпусѣ, и устроитъ все это ловко и хорошо. Причина этого, какъ мнѣ кажется, кроется въ томъ, что, въ то время, какъ мы томимся по вѣстямъ изъ Шанхая или Тегерана, уголовный чутко прислушивается ко всѣмъ тюремнымъ вѣстямъ и, сосредоточивая на нихъ свое вниманіе, чувствуетъ себя въ скоромъ времени въ тюрьмѣ, какъ бы у себя дома, тогда какъ политикъ постоянно остается какимъ-то иностранцемъ, ничего не понимающимъ въ этой чужой странѣ, гдѣ онъ безъ путеводителя въ лицѣ уголовнаго попадалъ бы сплошь и рядомъ впросакъ. Но ничего не подѣлаешь, мы и въ тюрьмѣ продолжаемъ разбираться въ общеевропейскихъ

Библиотека "Руниверс"

и міровыхъ событіяхъ, и наши личные интересы блекнутъ или отступаютъ на задній планъ передъ ловкими подходами итальянцевъ къ Дарданелламъ, а уголовный тѣмъ временемъ для себя и для васъ дѣлаетъ ловкіе походы къ разному начальству и кое чего дѣйствительно добивается, тогда какъ мы съ Дарданеллами остаемся при пиковомъ интересѣ. И вотъ мы, космополиты, общечеловѣки, попавъ въ тюрьму, оказываемся безсильными помочь не только этому узкому эгоисту-уголовному, но и самимъ себѣ, а этотъ уголовный, которому нѣтъ рѣшительно никакого дѣла не только до міровыхъ вопросовъ, но и до нашихъ партійныхъ распрей, успѣлъ уже прйспособиться къ невозможнымъ условіямъ нашихъ тюремъ и принимается оказывать намъ кое-какія подчасъ неоцѣнимыя услуги и дѣлаетъ это, если не всегда, то часто безкорыстно.

Вотъ это чувство полной безпомощности и отрѣзанности отъ міра главнымъ образомъ угнетало меня въ первое время, не только этого, перваго, но и всѣхъ послѣдующихъ моихъ сидѣній. Я чувствовалъ себя, какъ рыба, попавшая на сушу.

Очутившись на мели, т.-е. въ моей камерѣ, я, какъ это обыкновенно принято дѣлать, сталъ безсмысленно лежать или столь же безцѣльно шагать изъ угла въ уголъ, словно пойманный звѣрь въ тѣсной клѣткѣ.

На допросъ водилъ меня городовой, и Колышкинъ вызывалъ меня всего два раза. Въ первый разъ онъ только освѣдомился: мнѣ ли принадлежатъ письма и бумаги, арестованныя у меня. Предоставивъ мнѣ пересмотрѣть ихъ, онъ вышелъ въ другую комнату, а я поспѣшилъ воспользоваться его уходомъ, чтобъ стащить одну непріятную мнѣ бумажку, и сдѣлалъ это, какъ всегда, очень неловко и неуклюжо, но почему-то на этотъ разъ мнѣ это удалось. Признавъ всѣ бумаги за мои, я былъ тотъ-часъ же отпущенъ, при чемъ Колышкинъ обѣщалъ до пасхальныхъ праздниковъ такъ или иначе рѣшить мое дѣло. Въ довольно веселомъ настроеніи возвращался я въ мою часть; на Аничковымъ мосту я въ мелкіе клочки изорвалъ записку, выкраденную мною изъ моихъ бумагъ, и бросилъ въ воду, мечтая о томъ, какъ черезъ нѣсколько дней я буду или ѣхать на родину, или гулять по Питеру. Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!!

Черезъ два или три дня меня ночью разбудили и заявили, что снова вызываютъ къ Колышкину. Для того, очевидно, думалъ я, чтобъ объявить мнѣ освобожденіе или высылку. Къ послѣдней я относился довольно равнодушно, и рѣшительно ничего не имѣлъ противъ нея. Поэтому я бодро шагалъ по Невскому по направленію къ Морской, гдѣ, если не ошибаюсь, помѣшалась канцелярія Трепова.

Библиотека "Руниверс"

Колышкинъ встрѣтилъ меня привѣтливо, улыбаясь, попросилъ сѣсть и любезно заявилъ, что онъ, какъ я вижу, исполнилъ свое обѣщаніе покончить мое дѣло до Пасхи. «Остается только задать вамъ два или три вопроса, чтобъ оформить все дѣло. Вы, конечно, ни къ какой партіи или организаціи не принадлежали?»—«Конечно».—«Никакихъ воззваній или протестовъ не составляли и не подписывали?»—«Не составлялъ».—«Отлично, а не потрудитесь ли вы объяснить, что это за воззваніе, и не знакомы ли вамъ нѣкоторыя подписи?» И онъ при этихъ словахъ вытащилъ изъ-подъ сукна наше обращеніе къ учащейся молодежи, о которомъ я уже упоминалъ. Подписи шли въ два столбца и первой была моя подпись, а рядомъ, во второмъ столбцѣ, подпись Сергѣя Нечаева. Текстъ, написанный четкой, красивой рукой, не имѣвшей ничего общаго ни съ моей, ни съ Нечаевской, содержалъ горячій протестъ противъ порядковъ, царившихъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и призывъ добиваться свободъ. Я объяснилъ, что текстъ, очевидно, вписанъ былъ впослѣдствіи, а подписи собирались для того, чтобъ въ случаѣ ареста кого-либо изъ товарищей, не скрывать нашу полную съ нимъ солидарность. Но Колышкина интересовалъ главнымъ образомъ вопросъ объ участіи въ этомъ движеніи постороннихъ лицъ и о томъ, кто изъ постороннихъ руководилъ нами. Такъ какъ я безусловно отрицалъ не только руководство, но и участіе постороннихъ лицъ, то онъ, отобравъ отъ меня показанія, велѣлъ вести меня обратно въ часть и теперь уже не любезно, а злобно заявилъ, что дѣло мое будетъ передано въ другое учрежденіе, а самъ онъ ничего уже рѣшить не можетъ.

Пришлось, повѣсивши носъ, вернуться въ мою вшивую камеру и отдаться на съѣденіе этимъ гнуснымъ тварямъ, которыя жадно разговѣлись мною на Пасхѣ. Впрочемъ, разговѣться пришлось и мнѣ. Моя милѣйшая хозяйка не забыла меня и принесла мнѣ куличъ, пасху, яицъ и сыру. Это вниманіе, эта заботливость, безкорыстная и нѣжная, со стороны такой простой и бѣдной женщины глубоко тронула меня и еще разъ подтвердила, что истинная деликатность, истинное безкорыстіе и нѣжная заботливость встрѣчается гораздо чаще среди простого народа, чѣмъ среди людей изъ богатыхъ и интеллигентныхъ классовъ. Самую трогательную деликатность и самую безкорыстную самоотверженность я преимущественно встрѣчалъ у народа и у интеллигентовъ, вышедшихъ изъ народа.

На послѣднихъ дняхъ святой или вѣрнѣе на Ѳоминой недѣлѣ меня опять повели, но на этотъ разъ не по Невскому, а по какимъ-то незнакомымъ улицамъ, повели къ знаменитому Цѣпному мосту

Библиотека "Руниверс"

въ не менѣе славное Третье Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Нѣсколько времени мнѣ пришлось ждать въ пріемной, а когда дверь въ слѣдующую комнату наконецъ отворилась, вышелъ мой отецъ. Свиданіе это было такъ же неожиданно, какъ и мимолетно. Не успѣлъ отецъ шепнуть мнѣ нѣсколькихъ словъ, какъ на порогѣ появился высокій, бѣлокурый, довольно молодой и вполнѣ презентабельный господинъ и, извинившись, что не можетъ пока дать намъ продолжительнаго свиданія, пригласилъ меня въ слѣдующую комнату, а отцу сказалъ, что все будетъ зависѣть отъ чистосердечности моихъ показаній, а о времени свиданія ему будетъ сообщено.

Этотъ господинъ, какъ я узналъ, былъ г. Филиппеусъ, занимавшій впослѣдствіи должность редактора «Гражданина», издаваемаго княземъ Мещерскимъ, а въ то время онъ состоялъ экзекуторомъ, кажется, 3-ьей экспедиціи 3-го отдѣленія. Наружность и манеры у него были вполнѣ приличныя, и онъ представлялъ пріятную противоположность Колышкину. Но когда онъ сталъ читать мои показанія, лицо его вдругъ приняло такое звѣрски-злобное выраженіе, что я, словно птенчикъ, увидавшій удава, не могъ отвести отъ него глазъ и чувствовалъ, что онъ готовъ меня проголотить. Однако онъ, вѣроятно, замѣтивъ произведенное впечатлѣніе, постарался любезно улыбнуться и спросилъ: «а больше вы ничего не желаете показать». Тутъ меня взорвало и я съ негодованіемъ отвѣтилъ, что, конечно, «послѣ того, что я сейчасъ видѣлъ, ничего показывать не буду». Онъ, молча, отошелъ къ столу и просилъ меня успокоиться.

Изъ этого перваго допроса въ 3-ьемъ отдѣленіи у меня сохранилось въ памяти то любопытство, съ какимъ я осматривалъ всѣ подробности комнаты и загадочный металлическій дискъ, висѣвшій на стѣнѣ, значеніе котораго такъ и осталось для меня тайной; но главнымъ образомъ меня интересовалъ полъ и въ немъ то мѣсто, гдѣ, по сохранившемуся преданію, сѣкли арестованныхъ. Но сколько я ни всматривался, нигдѣ не замѣтилъ никакихъ намековъ на такое устройство, а потому рѣшилъ, что здѣсь не все можетъ моментально провалиться по желанію того мага и волшебника, который кроткій и любезный сидѣлъ теперь передо мной, хотя лицо его могло принимать необычайно хищнически-кровожадное выраженіе.

Въ числѣ забранныхъ у меня карточекъ находились моя и Святловскаго. У насъ у обоихъ были густые, курчавые волосы, длинные до плечъ; такъ что у каждаго было какъ бы по копнѣ волосъ, но только у него были бѣлокурые, шелковистые, а у меня темные и щетинистые. Г-нъ Филиппеусъ, сравнивъ обѣ карточки,

Библиотека "Руниверс"

пришелъ къ заключенію, что Святловскій такой же нигилистъ, какъ и я. «Это вашъ товарищъ?» спросилъ онъ. «Да, товарищъ». —«И!, вѣроятно, единомышленникъ?»—«Вы, повидимому, судите потому, что у насъ обоихъ длинные волосы, но это мой товарищъ по гимназіи, а теперь у меня съ нимъ мало общаго».—«Однако, вѣдь онъ тоже изъ красныхъ?»—«Вотъ уже нѣтъ», и чтобы показать, что меня нисколько не страшитъ обвиненіе въ краснотѣ, я съ бахвальствомъ прибавилъ: «вообще, насъ, красныхъ, было очень мало; въ противномъ случаѣ все не такъ бы кончилось». Пропустивъ это какъ бы мимо ушей, Филиппеусъ поинтересовался узнать фамилію товарища, но тотчасъ же ее не записалъ, а поспѣшно спросилъ: не нужно ли мнѣ чего нибудь. Я отвѣтилъ, что мнѣ главнымъ образомъ нужны мои книги. «Позвольте записать, чтобы не забыть», любезно сказалъ онъ и вмѣсто книгъ, какъ оказалось, записалъ фамилію Святловскаго и распоряженіе объ его арестѣ.

Святловскаго арестовали, но продержали очень недолго. Приблизительно черезъ недѣлю, къ нему, какъ онъ мнѣ впослѣдствіи разсказывалъ, въ камеру явился какой-то господинъ, и когда Владиміръ Владиміровичъ пожелалъ узнать, за что онъ арестованъ, тотъ въ свою очередь спросилъ его: «А за что высланы вы были въ Выборгъ?» Святловскій никуда не былъ высланъ, но зналъ, что туда выслали какого-то студента Святлова, а потому отвѣтилъ, что тутъ, вѣроятно, произошла какая нибудь ошибка. «Хорошо, справимся. Ну, а Никифорова вы знаете?»—«Знаю, это мой товарищъ по 2-ой Московской гимназіи».—«И вы съ нимъ вмѣстѣ участвовали въ студенческихъ волненіяхъ?»— —«Насколько Никифоровъ въ нихъ участвовалъ, не знаю, хотя знаю, что онъ арестованъ; я же рѣшительно никакого участія въ нихъ не принималъ. Можете справиться».—«Хорошо, вы будете освобождены». И дѣйствительно его въ тотъ же или на слѣдующій день освободили, а меня изъ части перевели въ Литовскій замокъ.

О Литовскомъ замкѣ я не имѣлъ никакого представленія. При словѣ «замокъ» мнѣ рисовался какой-нибудь средне-вѣковой рыцарскій замокъ, и я совершенно упустилъ изъ вида, что у насъ въ Россіи есть не мало своихъ замковъ, но тюремныхъ. Загромыхали засовы, завизжали ворота, я переступилъ за нихъ и... очутился въ этой безмолвной могилѣ для живыхъ. Отъ конвоировавшихъ городовыхъ меня, по обыкновенію, приняли въ конторѣ и повели черезъ обширный дворъ въ другой меньшій, въ свою очередь огороженный частоколомъ и воротами, и ввели въ секретное отдѣленіе. По правой и по лѣвой сторонѣ коридора расположены

Библиотека "Руниверс"

были камеры. Меня помѣстили въ одну изъ камеръ съ правой стороны, маленькую и полутемную, или вѣрнѣе, почти совсѣмъ темную. Гдѣ-то тамъ очень высоко пробито было одно изъ тѣхъ полукруглыхъ оконъ, какія встрѣчаются въ старинныхъ конюшняхъ и скотныхъ дворахъ. Въ довершеніе этой прелести снизу подбитъ былъ желѣзный щитъ, такъ что при всевозможныхъ ухищреніяхъ можно было видѣть только небольшой клокъ сѣраго, грязнаго петербургскаго неба, и слабые, косо падавшіе лучи свѣта даже въ самые ясные дни, освѣщали лишь небольшое пространство посреди камеры, гдѣ только и можно было читать. Да и читать нечего не было, такъ какъ имѣвшіяся при мнѣ книги были отобраны вмѣстѣ со всѣми вещами. Оставалось только одно изъ двухъ: или лежать, или метаться, кружась на пространствѣ въ нѣсколько шаговъ. Въ видѣ развлеченія по ночамъ иногда раздавалось громыханіе тяжелыхъ отпираемыхъ или запираемыхъ засововъ, при звукѣ которыхъ приходилось съ ужасомъ пробуждаться и вскакивать. Это или приводили новыхъ арестованныхъ или сидящихъ водили на допросъ.

На этой темной половинѣ, окна которой выходили на каналъ, я пробылъ всего недѣли двѣ, три, а затѣмъ переведенъ былъ на свѣтлую половину, гдѣ имѣлось настоящее окно, конечно, съ рѣшеткой; окно это выходило на тюремный дворъ, и не только выглядывать изъ него, но даже стоять у окна или подходить вплотную къ нему строго воспрещалось, и виновнаго немедленно переводили на темную половину. Аргусы такъ строго за этимъ слѣдили, что когда я однажды остановился у окна и сталъ смотрѣть въ него, произошелъ сильный переплохъ и ко мнѣ явились тащить меня въ темную камеру, отъ которой я отдѣлался благодаря тому, что не былъ никѣмъ предупрежденъ относительно такого запрета.

Представьте себѣ такую жизнь. Весь внѣшній міръ отдѣленъ отъ васъ стѣнами вашей камеры; изъ него долетаютъ до васъ только лязгъ отпираемыхъ и запираемыхъ дверей, звонъ колокола къ обѣду и отбиваемая на барабанѣ вечерняя заря. Вотъ и все. Сосѣднія камеры такъ же молчаливы, какъ и ваша; никакое перестукиваніе не допускается. Вы въ тѣсномъ склепѣ, и все кругомъ васъ мертво; кѣмъ заняты остальныя камеры, близкими ли вамъ людьми или незнакомыми, политиками или уголовными? вы не знаете и узнать не можете. Въ камерѣ ничто, кромѣ желтыхъ стѣнъ, не развлекаетъ вашего вниманія. И въ этой безмолвной, гробовой тишинѣ вы замуравлены не на день и не на два, а на цѣлые безконечно долгіе мѣсяцы. Вамъ остается только ходить изъ угла въ уголъ и спать, спать безъ конца. Но увы! спать всѣ

Библиотека "Руниверс"

двадцать четыре часа въ сутки немыслимо. Сколько я ни старался, но, при всѣхъ моихъ блестящихъ успѣхахъ, я не могъ научиться спать больше 16 часовъ; оставалось все еще мучительныхъ восемь часовъ, которые необходимо было использовать. Но на что? Рѣшительно нельзя было ничего придумать, а потому оставалось предаваться самому отвратительному изъ всѣхъ занятій: ничего недѣланію; набиваешь бывало папироску,—да и набивать ее стараешься, какъ можно дольше,—и ходишь или вѣрнѣе, не то бродишь, какъ оголтѣлая муха, не то мечешься, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

Начальникъ тюрьмы при рѣдкихъ своихъ посѣщеніяхъ всегда неизмѣнно любезно спрашивалъ: «не нужно ли чего?» И я всегда отвѣчалъ ему: «пожалуйста, пришлите книгъ!»—«Ахъ, книгъ! какъ бы припоминая, восклицалъ онъ, и съ язвительной улыбкой прибавлялъ: «хорошо, непремѣнно». И я также неизмѣнно никакой книги не получалъ. За все время моего шестимѣсячнаго сидѣнія, онъ только одинъ разъ раздобрился и прислалъ мнѣ какую-то старую петербургскую газету, переплетенную за полгода. При всей моей жадности къ книгамъ я ни на одну такъ не накидывался и никогда и до и съ тѣхъ поръ не испытывалъ такого удовольствія, какъ при чтеніи или вѣрнѣе смакованіи этой Петербургской газеты. Новости въ ней были очень старыя, фельетоны пошлые; но что за бѣда, все же у меня послѣ продолжительной голодовки было, наконецъ, чтеніе и новыя переживанія.

Свиданія съ отцомъ давались не часто, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ и происходили въ конторѣ, въ присутствіи жандармскаго офицера А., старавшагося казаться строгимъ и исполнительнымъ. Впослѣдствіи я узналъ его фамилію, узналъ, что послѣ свиданій онъ самъ приглашалъ отца заѣхать позавтракать на счетъ отца и вообще за приличную мзду готовъ былъ оказать мелкія услуги. Въ концѣ-концовъ, уже послѣ моего освобожденія, оказалось, что онъ у многихъ родственниковъ, пріѣзжавшихъ на свиданіе, бралъ для передачи заключеннымъ деньги и клалъ ихъ въ себѣ карманъ. Изъ 3-го отдѣленія его удалили и онъ поступилъ въ охрану государя.

На допросъ онъ меня возилъ всего одинъ разъ въ закрытой каретѣ. Какъ былъ я радъ, когда онъ однажды явился и сказалъ, что увозитъ меня совсѣмъ. Но куда? Это, конечно, сильно интересовало меня. Неужели въ еще худшую тюрьму? Послѣднее было совершенно немыслимо. Однако, когда онъ, сидя въ каретѣ, таинственно сообщилъ мнѣ, что везетъ меня въ Петропавловскую крѣпость, сердце мое ёкнуло не особенно радостно. Одинъ склепъ приходилось мѣнять на другой: я просилъ его заѣхать купить книгъ,

Библиотека "Руниверс"

но онъ отвѣтилъ, что это немыслимо, а предложилъ слѣдующую комбинацію. Деньги мои при немъ. Онъ возьметъ изъ нихъ рублей 10, запишетъ какія книги я хочу имѣть, завтра же купитъ и привезетъ мнѣ ихъ. Я былъ ему очень благодаренъ; деньги онъ взялъ, заглавія книгъ записалъ, но я ихъ такъ и не получилъ. Однако онъ не забылъ моей просьбы, и когда пріѣхалъ отецъ на свиданіе, передалъ ему о моемъ желаніи, взялъ деньги, подписался въ какой-то библіотекѣ и раза два привозилъ мнѣ изъ нея нѣсколько книгъ.

Итакъ, изъ гнуснаго Литовскаго замка я переводился въ грозную Петропавловскую крѣпость. Здѣсь меня прежде всего представили какому-то очень дряхлому старику, который оказался самимъ комендантомъ крѣпости. Старикъ грозно осмотрѣлъ меня, преподалъ нѣсколько наставленій и угрозъ и затѣмъ велѣлъ куда-то вести. На этотъ разъ меня ввели дѣйствительно въ склепъ; совсѣмъ темный громадный коридоръ даже днемъ тускло освѣщался горѣвшими лампами; по бокамъ сводчатыя ниши служили камерами для заключенныхъ, а въ амбразурахъ стояли часовые съ ружьями. Дверь въ одну изъ этихъ нишъ отперли и меня ввели въ просторную свободную камеру въ два окна. Если бы не эти своды, я не могъ бы пожаловаться на мою новую обитель: она была даже слишкомъ просторна и довольно свѣтла. Меня не обыскали, а велѣли снять все платье и бѣлье и взамѣнъ того облечься въ казенное бѣлье, туфли и халатъ. Меблировка камеры была самая обыкновенная: койка съ довольно сноснымъ, т.-е. грубымъ тюфякомъ и такой же подушкой; простой деревянный столикъ, на немъ оловянная кружка для воды, а передъ столикомъ табуретъ. Въ казематѣ была печка, топившаяся изъ камеры, и ящикъ, въ случаѣ надобности вдвигавшійся по рельсамъ. а затѣмъ выдвигавшійся въ коридоръ. Ящикъ этотъ плотно закрывался, и вони отъ него не было.

Я взобрался на подоконникъ и поверхъ матовыхъ стеколъ оглядѣлъ картину, раскрывавшуюся передъ моими окнами: передъ самыми окнами шагалъ часовой съ ружьемъ, а за нимъ разстилался Монетный дворъ. Знаменитый Алексѣевскій равелинъ за отдѣльнымъ заборомъ находился влѣво, а нашъ склепъ назывался Екатериненской куртиной. Видъ изъ окна былъ не живописенъ и не утѣшителенъ, но зато камера была просторна и можно было расхаживать по ней.

Однако я по привычкѣ легъ и сталъ прислушиваться. Къ великой моей радости слышались какіе-то голоса. Я былъ не одинъ и не въ могилѣ. Кто-то даже запѣлъ. Голосъ былъ, вѣроятно, самый обыкновенный, быть можетъ даже плохой, но мнѣ, при-

Библиотека "Руниверс"

выкшему къ гробовому молчанію, онъ показался необыкновенно сильнымъ и пріятнымъ.—За что,—подумалъ я,—сидитъ этотъ пѣвецъ. Кто онъ? Давно ли сидитъ? Можетъ быть посаженъ молодымъ юношей, а теперь сѣдина уже посеребрила его волосы? И мнѣ рисовались картины жизни и образы этихъ великихъ страдальцевъ, принадлежать къ сонму которыхъ было такой честью, поплатиться за которую стоило и не такимъ заключеніемъ.

Однако вернемтесь въ крѣпость. Услыхавъ звуки человѣческихъ голосовъ, я значительно пріободрился. Тутъ я, очевидно, былъ не одинъ и не одинокъ, а извѣстно, что на міру не только тюрьма, но и смерть не страшна. Къ тому же эта тюрьма послѣ Литовскаго замка могла показаться, если не раемъ, то во всякомъ случаѣ чистилищемъ, несмотря на громадный штатъ начальствующихъ лицъ.

Во-первыхъ, были младшіе, солдаты крѣпостной роты: они прислуживали намъ и имъ не позволялось ни разговаривать съ нами, ни входить безъ старшихъ, что, конечно, не всегда соблюдалось; за ними шли старшіе изъ той же крѣпостной роты; входить къ намъ безъ старшаго часового,—а часовые были смѣнные изъ разныхъ полковъ,—они тоже не могли, хотя имъ позволялось или, можетъ быть, они сами позволяли себѣ, отвѣчать на наши, преимущественно дѣловые вопросы. За старшими слѣдовали плацъ-адъютанты—ихъ было человѣкъ пять—нѣкоторые въ синихъ жандармскихъ мундирахъ, но всегда въ полной парадной формѣ. Плацъ-адъютанты дежурили по очереди и охотно разговаривали съ нами, но ни одинъ изъ нихъ не оставилъ во мнѣ ни дурного, ни хорошаго воспоминанія; слѣдующій и главный нашъ начальникъ былъ плацъ-майоръ, такъ какъ коменданта мы почти никогда не видѣли. Комендантомъ былъ въ то время, какъ я уже упомянулъ, дряхлый, высохшій старичокъ, съ трудомъ передвигавшій ноги и совсѣмъ не имѣвшій грознаго начальническаго вида, при всемъ стараніи съ его стороны придать своей наружности важность, подобающую коменданту крѣпости и притомъ еще такой, какъ Петропавловская. Я помню сцену, разыгравшуюся у моихъ дверей. Часовой, рапортовавшій при появленіи каждаго начальствующаго лица, рѣшительно не зналъ, какъ именовать его и началъ было съ «высокоблагородія», но получилъ за это «дурака» и долженъ былъ начать сначала. На этотъ разъ онъ на авось пустилъ «ваше превосходительство», но замѣтивъ, что старикъ все еще горячится, спохватился и назвалъ его «высокородіемъ»; тутъ нашъ старикашка затопалъ, застучалъ своей палкой, служившей ему не то костылемъ, не то клюкой, и, обругавъ его осломъ, велѣлъ неоднократно повторить: «Ваше

Библиотека "Руниверс"

высокопревосходительство». Часовой окончательно опѣшилъ, такъ какъ ему никогда еще не приходилось рапортовать «высокопревосходительствамъ», и онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы «высокопревосходительства» имѣли такой невзрачный, плюгавый видъ.

«Его высокопревосходительство» въ эти свои рѣдкія посѣщенія пушилъ всѣхъ направо и налѣво, но это не имѣло особеннаго значенія для насъ, такъ какъ разрѣшить мнѣ даже прогулку зависѣло отъ Третьяго Отдѣленія, въ рукахъ котораго находилось наше дѣло, принявшее тѣмъ временемъ совсѣмъ другой оборотъ, о чемъ я не имѣлъ никакого понятія. Пока мы посиживали въ Литовскомъ замкѣ, Нечаевъ уже успѣлъ вернуться изъ заграницы, убить студента Иванова, и такимъ образомъ возникло, такъ-называемое «нечаевское дѣло», къ которому пришпилили и наше, благодаря чему мы и были перевезены въ крѣпость.

Порядки въ крѣпости были строгіе, но эта строгость была чисто формальная, не задѣвавшая нашего самолюбія, нашей внутренней жизни, которая текла своимъ порядкомъ и особенно радовала меня вначалѣ.

Начну съ внѣшнихъ условій: пища была хорошая, а послѣ той, которой насъ пичкали въ Литовскомъ замкѣ, даже могла показаться барской. Тамъ насъ все время держали на отвратительной общеарестантской, хотя, говорятъ, выдавали на пищу каждому изъ насъ по 45 копѣекъ, здѣсь же въ крѣпости полагалось 35 коп. и пища была гораздо лучше; къ чаю давали булку, нерѣдко приносили подаянія, носившія какое-то спеціальное названіе и иногда особенно настойчиво просили принять. Вообще на пищу я жаловаться не могъ. Однако считаю нужнымъ сдѣлать оговорку.

У насъ нерѣдко раздавались и теперь слышатся презрительные отзывы о ригоризмѣ и Рахметовищинѣ, а съ легкой руки извращенно понимаемой теоріи объ «увеличеніи потребностей соотвѣтственно росту культуры» нѣкоторые господа, падкіе до комфорта, оправдываютъ ею свое пристрастіе къ изнѣживающей обстановкѣ и къ буржуазнымъ наклонностямъ. Попавъ въ тюремную обстановку, такіе господа естественно испытываютъ адскую пытку отъ чисто матеріальныхъ лишеній, которыхъ люди, привычные къ болѣе суровой обстановкѣ, совсѣмъ не испытываютъ. Соломенникъ чѣмъ не ложе?! Прекрасное ложе, на которомъ можно крѣпко спать и отлично выспаться. А изнѣженнымъ господамъ, въ особенности при достаточномъ обиліи клоповъ,—это показалось бы чистѣйшимъ адомъ, и сколько безконечныхъ ночей пострадаютъ они благодаря такой непривычкѣ, а эти

Библиотека "Руниверс"

безсонныя ночи особенно мучительны въ тюрьмѣ и потому въ значительной степени отравляетъ имъ жизнь.

Увы, завоевать не только свободу, но даже ничтожные клоки ея нельзя, не испытавъ всевозможныхъ лишеній тѣлесныхъ и духовныхъ, а такъ какъ послѣднихъ всегда болѣе чѣмъ достаточно, то необходимо, и въ высшей степени необходимо—пріучать себя къ тому, чтобы физическія лишенія были по возможности менѣе ощутимы. Хотя я въ этомъ отношеніи очень далекъ отъ простоты уголовныхъ арестантовъ, но все же не настолько прихотливъ, чтобы не считать внѣшнюю обстановку крѣпости—тогдашняго времени—вполнѣ сносной.

Физическихъ лишеній, несмотря на отсутствіе прогулки, я не испытывалъ, хотя, конечно, просидѣть больше полгода безъ прогулки есть своего рода пытка, даже въ настоящее время допускаемая лишь въ видѣ строгаго дисциплинарнаго наказанія. Но тогда мнѣ это казалось съ полъ-бѣды, благо имѣлись книги. Книги эти были изъ старинной крѣпостной библіотеки; по большей части номера старыхъ журналовъ, подчасъ съ вырванными листами и замѣтками сидѣвшихъ узниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ свидѣтельствовали о неистощимомъ запасѣ полемическаго задора, а иногда и юмора у заключенныхъ, но нѣкоторыя наводили ужасъ, леденящій кровь. Такъ въ одной замѣткѣ говорилось: «на дняхъ здѣсь пытали каракозовцевъ: Каракозова, Ишутина и, кажется, Страндена. Братья передайте это потомству». Крѣпостная эта библіотека, кажется, уничтожена и въ силу чего разскажу дальше, а теперь замѣчу, что уничтоженіе ея является существенной потерей для нашей исторіи вообще, а для исторіи петропавловскихъ узниковъ въ особенности.

Книги этой библіотеки вмѣстѣ съ доставляемыми мнѣ отцомъ я въ началѣ проглатывалъ съ необычайной жадностью, но затѣмъ сталъ относиться нѣсколько хладнокровнѣе, тѣмъ болѣе, что нашлось нѣчто болѣе отрадное для души въ видѣ возможности прислушиваться къ разговорамъ товарищей по заключенію и даже переговариваться съ ними посредствомъ перестукиванія. Объ этой наукѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и всю жизнь питаю глубокое чувство благодарности къ моему сосѣду, благодаря неистощимому долготерпѣнію котораго я научился перестукиваться. Вначалѣ я принималъ стукъ просто за указаніе, что рядомъ кто-то сидитъ и подаетъ о себѣ вѣсточку; и въ отвѣтъ на это привѣтствіе я тоже стучалъ: «дескать сижу тутъ и подаю о себѣ вѣсть». Сколько онъ ни старался добиться отъ меня осмысленнаго стука—все было тщетно: я продолжалъ стучать безъ смысла и безъ толка. Сколько дней повторялось это—не помню, но терпѣніе моего доб-

Библиотека "Руниверс"

раго сосѣда было безгранично. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ онъ, повидимому, твердо рѣшилъ побѣдить мою тупость. Онъ постучалъ нѣсколько разъ—я отвѣтилъ ему. Тогда онъ особенно выразительно стукнулъ одинъ разъ—я стукнулъ тоже одинъ разъ. Онъ—два разъ, и я тоже; тогда посыпалась мелкая дробь, на которую я поспѣшилъ отвѣтить тѣмъ же, но, очевидно, онъ желалъ не того, такъ какъ застучалъ крайне неистово. Я замолчалъ. Тогда онъ отчетливо стукнулъ три раза подъ рядъ и остановился, затѣмъ простучалъ девять разъ и остановился. Меня это сильно озадачило; я взялъ обуглившуюся спичку и записалъ число ударовъ, а когда онъ замолчалъ, принялся вдумываться въ значеніе этого опредѣленнаго и различнаго числа ударовъ. Тутъ меня осѣнила мысль написать подъ рядъ азбуку, и надъ каждой буквой поставить соотвѣтствующую цифру. Третья буква была *в*, а девятая *и*: выходило *ви*; изъ слѣдующихъ трехъ стуковъ получалось *кто*. Меня охватилъ восторгъ—можно, значитъ, разговаривать. Я тотчасъ же составилъ отвѣтъ и поспѣшилъ простучать ему. Такъ началась наша бесѣда, которая въ началѣ налаживалась очень туго и медленно; но съ каждымъ днемъ премудрость эта давалась мнѣ все легче и, наконецъ, заучивъ условную азбуку, я сталъ объясняться довольно легко. Отъ него я узналъ, что онъ полякъ, сидящій уже четыре года вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами; что обвиняются они въ участіи въ польскомъ возстаніи; что участіе это было поздно раскрыто, и что на-дняхъ ихъ будутъ судить, а потому имъ теперь даютъ общую прогулку. Дѣйствительно, въ очень скоромъ времени былъ судъ, приговорившій одного или двухъ къ каторжнымъ работамъ, а моего сосѣда къ поселенію. Послѣ суда ихъ куда-то увели, и я осиротѣлъ.

Такъ какъ по вечерамъ я слышалъ пѣніе того или другого товарища по заключенію, то и я принялся горланить. Пѣть я не умѣлъ, голосъ у меня былъ дикій, маленькій и гаденькій, а послѣ того, какъ я просидѣлъ столько времени въ гробовомъ молчаніи, я могъ теперь не пѣть, а ревѣть. Кругомъ было снова пусто, и это одиночество навѣвало теперь особенную тоску. Тяжелому настроенію содѣйствовала и полученная мною записка. Я какъ-то попросилъ дать мнѣ изъ моихъ вещей носовые платки, такъ какъ казенные не полагались. И вотъ однажды ко мнѣ вошелъ старшóй, и какъ-то особенно сунувъ мнѣ подъ подушку платокъ, поспѣшилъ уйти. Это меня нѣсколько удивило, но еще больше изумился я, когда, взявъ платокъ, нашелъ въ немъ записку. Записка эта была отъ извѣстнаго въ то время критика «Русскаго Слова» Петра Ткачева, судившагося потомъ по Нечаевскому процессу, высланнаго и бѣжавшаго за-границу. Онъ въ этой

Библиотека "Руниверс"

запискѣ сообщалъ, что надъ нами, вѣроятно, назначенъ будетъ Верховный Судъ и просилъ выгородить его отъ участія въ студенческихъ безпорядкахъ. Я ничего еще не зналъ о Нечаевскомъ дѣлѣ и рѣшительно недоумѣвалъ при чемъ тутъ какой-го Верховный Судъ? Мое одиночество никакъ не могло мнѣ это выяснить и я сталъ просить, чтобъ меня перевели въ какой-нибудь другой казематъ; но на мою просьбу плацъ-майоръ отвѣтилъ, что свободенъ только застѣнокъ, куда меня, если хочу, переведутъ. Каковъ этотъ застѣнокъ я рѣшительно не зналъ, но такъ какъ у меня это названіе сочеталось съ представленіемъ о пыткахъ, то я, конечно, отказался. Оставалось сидѣть въ одиночествѣ, а я такъ уже свыкся съ милымъ сосѣдомъ!

Однажды вечеромъ принесли неожиданно мнѣ мое платье и велѣли одѣваться. Я недоумѣвалъ, куда еще намѣрены меня везти. Но меня не повезли, а повели въ какое-то незнакомое и таинственное зданіе.

Комната, куда меня ввели, была совершенно пустая; изъ мебели имѣлся только столъ и стулъ, а у дверей стояло по жандарму съ саблями наголо. Ждать мнѣ пришлось не особенно долго, хотя каждая минута показалась за добрыхъ четверть часа. Наконецъ, вошелъ знакомый жандарскій офицеръ А. и, приказавъ жандармамъ выйти и стать у дверей снаружи, сталъ шептать, что меня хотятъ притянуть къ Нечаевскому дѣлу и сейчасъ дадутъ очную ставку съ Ор. и Ралли, такъ какъ найдено мое письмо къ послѣднему, въ которомъ говорится объ Ор. Чтобъ я имѣлъ это въ виду и стоялъ на содержаніи письма. Нашептывая мнѣ это, онъ черезъ какіе-то темные переходы ввелъ меня въ ярко освѣщенную комнату.

По серединѣ комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый сукномъ; на предсѣдательскомъ мѣстѣ, занимая одну изъ узкихъ сторонъ стола, возсѣдалъ г. Филиппеусъ, а сбоку находилось еще какихъ-то два штатскихъ господина. Меня попросили сѣсть на одинъ изъ многочисленныхъ стульевъ.

Я сѣлъ и начался допросъ. Вначалѣ моихъ инквизиторовъ изумляло и возмущало мое полнѣйшее незнакомство съ Петербургомъ, и они принимали за наглое притворство, когда я напримѣръ спросилъ, что это за Аничковъ мостъ, а между тѣмъ я дѣйствительно не зналъ, что мостъ съ четырьмя конями называется Аничковымъ, и точно также не зналъ, въ какихъ частяхъ города я бывалъ на сходкахъ. Возмущенный Филиппеусъ, наконецъ, спросилъ: «такъ вы рѣшительно не знаете, гдѣ и у кого вы бывали на сходкахъ?»—«Рѣшительно не знаю,н о знаю, что двѣ сходки были у меня».—«И этого вы не отрицаете?»—«Не отрицаю».—«И мо-

Библиотека "Руниверс"

жете сказать когда, хотя бы приблизительно?»—«Могу даже въ точности: пятаго и двадцатаго февраля; въ мое рожденіе и въ именины». Этотъ отвѣтъ примирилъ со мной Филиппеуса, и онъ перешелъ къ вопросу о моемъ знакомствѣ съ Ралли, Ор., Ткачевымъ и Нечаевымъ. Я отвѣтилъ, что Ралли и Нечаева знаю, Ткачева никогда не видѣлъ, а фамилію Ор. слышалъ, но не знаю, приходилось ли съ нимъ встрѣчаться. «Однако у васъ на сходкахъ все же бывали постороннія лица, не изъ учащихся?» спросилъ Филлиппеусъ; и этотъ вопросъ имѣлъ непосредственное отношеніе къ найденному моему письму. Въ немъ я, между прочимъ, писалъ Ралли, что въ Москвѣ узналъ, будто, кромѣ меня и его, туда для переговоровъ со студентами пріѣзжалъ какой-то господинъ, называвшій себя Ор., но такъ какъ я знаю, что Ор., знакомый Нечаева, не студентъ, а мы всегда избѣгали вмѣшательства въ студенческія дѣла постороннихъ лицъ, то просилъ Ралли узнать, не являлся ли кто-нибудь въ Москву подъ фамиліей Ор., такъ какъ никакъ не допускалъ, чтобъ это былъ самъ Ор. Письмо это какъ нельзя лучше подтверждало невмѣшательство постороннихъ лицъ. Поэтому, когда ввели Ралли и Ор., и Ор., сильно смущенный и павшій духомъ, вздумалъ показать, что Ткачевъ былъ на сходкѣ и распространялъ воззванія, я смѣло задалъ ему вопросъ: «не можетъ ли онъ точно указать, на какой сходкѣ былъ Ткачевъ и какія воззванія онъ распространялъ, такъ какъ я утверждаю, что бывалъ на всѣхъ сходкахъ и ни на одной не встрѣчалъ Ткачева и никакихъ воззваній не распространялось». Тутъ Ор., очевидно спохватившись (онъ уже тогда былъ нервно разстроенъ), взялъ свои показанія обратно. Филиппеусъ, недовольный такимъ результатомъ очной ставки, попросилъ меня не придавать словамъ Ор. особеннаго значенія и, сказавъ, что я больше не нуженъ, велѣлъ вести меня обратно.

Я былъ вполнѣ доволенъ, такъ какъ думалъ, что мнѣ удалось выгородить Ткачева и доказать полную самостоятельность студенчества въ этомъ движеніи. Но, конечно, мнѣ это только казалось!

Черезъ нѣсколько дней мнѣ опять принесли платье и опять повели; на этотъ разъ меня ожидалъ не менѣе неожиданный сюрпризъ въ видѣ свиданія съ отцомъ, который очень не задолго передъ тѣмъ былъ у меня. Оказалось, что его вызвалъ все тотъ же жандармскій офицеръ А, объяснявшій это тѣмъ, что мнѣ грозила крупная непріятность, что будто бы Ор. не вѣсть что нагородилъ на меня, и потому онъ вызвалъ отца, но затѣмъ на очной ставкѣ съ Ралли Ор. отказался отъ своихъ показаній. Не знаю, насколько это вѣрно. Съ Ралли мнѣ не приходилось больше

Библиотека "Руниверс"

встрѣчаться, а съ Ор. я оставался въ пріятельскихъ отношеніяхъ до самой его смерти, и мы никогда не касались этихъ непріятныхъ для него воспоминаній. Оказалось, что Ор. былъ какимъ-то образомъ раскрытъ и арестованъ на югѣ, чуть ли не въ монастырѣ. Когда его привезли въ 3-ье отдѣленіе и показали всѣ найденные письма и документы, онъ рѣшилъ что все уже извѣстно, особенно послѣ убійства Иванова, и потому излишне что-либо скрывать, къ тому же онъ былъ близокъ къ психическому разстройству: не спалъ по ночамъ, постоянно молился Богу и страдалъ галлюцинаціями. Онъ судился по Нечаевскому дѣлу, былъ оправданъ, панической страхъ передъ жандармами и тюрьмой остался у него на всю жизнь и губилъ всю прелесть оригинальности этого далеко недюжиннаго человѣка. Повторяю, что не знаю, насколько заслуживало довѣрія объясненіе офицера А., и не правдоподобнѣе ли, что, предупредивъ меня и убѣдившись, что я не буду привлеченъ къ Нечаевскому дѣлу, онъ пожелалъ немедленно получить приличную мзду за оказанную мнѣ услугу, разсчитывая, можетъ быть, что меня могутъ скоро освободить. Какъ бы то ни было, но на свиданіи онъ утверждалъ, что послѣ этихъ очныхъ ставокъ и отецъ, и я можемъ окончательно успокоиться. Я охотно ему повѣрилъ, а отецъ не менѣе охотно отблагодарилъ его.

Успокоившись относительно дальнѣйшей участи моего дѣла, я все же томился моимъ одиночествомъ и не видѣлъ изъ него выхода. Но бѣдѣ помогла печка: она съ чего-то начала все больше дымить. Я снова обратился къ плацъ-майору съ просьбой перевести меня въ другое отдѣленіе. Причина на этотъ разъ была вполнѣ уважительная, и плацъ-майоръ счелъ, наконецъ, возможнымъ открыть мнѣ тайную причину моего одиночества. «Вы все поете,—вотъ почему я васъ не перевожу», заявилъ онъ. Тутъ только я узналъ, что пѣніе вещь запрещенная и, выразивъ полную готовность пожертвовать имъ, былъ переведенъ въ другое отдѣленіе той же куртины.

Новая моя камера была не хуже предыдущей, но сосѣдомъ моимъ оказался очень милый и очень молодой студентъ: Георгій Енишерловъ. Мы съ нимъ часто встрѣчались на сходкахъ и потому обрадовались сосѣдству и принялись перестукиваться. Оказалось, что онъ попалъ въ довольно неловкое положеніе и при томъ по собственной охотѣ. Въ Москвѣ онъ познакомился съ Феликсомъ Вадимовичемъ Волховскимъ и съ женой его Маріей Осиповной Антоновой. Какъ горячій и восторженный юноша, онъ плѣнился ими, что неудивительно, такъ какъ въ то время ихъ кружокъ былъ однимъ изъ наиболѣе радикально настроенныхъ въ Москвѣ. Каково же было его огорченіе, когда онъ узналъ, что они арес-

Библиотека "Руниверс"

тованы. Прежде всего у него промелькнула мысль высвободить ихъ, взявъ вину на себя. Но за что были они арестованы? Узнавъ, что у нихъ найдены были прокламаціи, онъ смѣло отправился къ московскому оберъ-полицеймейстеру и заявилъ ему, что найденныя у Антоновой и Волховскаго прокламаціи принадлежатъ ему, Енишерлову, а они только любезно оставили у себя его вещи, не зная, что въ числѣ ихъ находятся прокламаціи. Оберъ-полицеймейстеръ спросилъ его, какія были прокламаціи: писаныя или печатныя. Енишерловъ, никакъ не ожидавшій такого вопроса, слегка запнулся, но затѣмъ рѣшилъ, что нисколько не повредитъ дѣлу, если на всякій случай скажетъ «и писанныя, и печатныя». Оберъ-полицеймейстеръ улыбнулся и сказалъ, что онъ понимаетъ тѣ чувства, которыя имъ руководятъ, но, очевидно, не зная даже, что у нихъ найдено, онъ только запутаетъ себя, а имъ не поможетъ, отпустивъ его, предупредилъ, что если онъ опять явится, то будетъ арестованъ. Енишерловъ черезъ нѣсколько дней опять явился, былъ арестованъ и пересланъ въ Петербургъ.

Здѣсь положеніе его оказалось очень незавидное. Волховскій и Антонова отрицали свое знакомство съ нимъ, а онъ настаивалъ, что найденныя у нихъ прокламаціи принадлежатъ ему. Тогда его на допросѣ поставили въ еще болѣе неловкое положеніе. Прежде всего его опять спросили: были ли эти прокламаціи писаныя или печатныя? Онъ попрежнему утверждалъ, что и писаныя, и печатныя. «Значитъ вы вѣрно знаете, что у нихъ были прокламаціи не только писаныя, но и печатныя?» Такого вопроса онъ никакъ не ожидалъ; выходило, какъ будто онъ ихъ не выпутываетъ, а запутываетъ. Оставалось всячески выворачиваться, то-есть плести всякую небылицу, и въ результатѣ сидѣть и имъ, и ему.

Такое, по крайней мѣрѣ, сохранилось у меня впечатлѣніе отъ его разсказа. Свое сидѣніе онъ выносилъ молодцомъ; нисколько не унывалъ, надѣялся, что его предадутъ суду, и тѣмъ временемъ старался, чѣмъ могъ, быть полезнымъ своимъ товарищамъ по заключенію. Узнавъ, что Ор. запутываетъ Томилову, онъ рѣшилъ разыскать и пристыдить его. И вотъ однажды, когда я сидѣлъ уже при 3-ьемъ отдѣленіи, послышались неистовые, бѣшеные крики. Ужасъ напалъ на насъ: мы рѣшили, что или мучаютъ кого-нибудь изъ товарищей по заключенію, или же кто-нибудь сошелъ съ ума. Но оказалось, что сюда перевели Енишерлова, и онъ, рѣшивъ, что здѣсь же сидитъ Ор. изливалъ на него свое негодованіе, хотя Ор. прежде сидѣвшаго здѣсь, за нѣсколько времени передъ этимъ уже перевели въ больницу. Мнѣ хочется сказать

Библиотека "Руниверс"

еще нѣсколько словъ объ этомъ миломъ товарищѣ, бесѣда съ которымъ доставляла мнѣ не мало отрады.

Его изъ 3-го отдѣленія снова перевели въ крѣпость и, наконецъ, рѣшили освободить вмѣстѣ съ другими лицами, въ числѣ которыхъ была и Вѣра Ив. Засуличъ. Когда пришли объявить ему объ его освобожденіи, онъ страшно возмутился и ни за что не хотѣлъ выходить на волю, требуя, чтобъ его оставили здѣсь до суда, однако ему сказали, что желаніе его не можетъ быть исполнено, такъ какъ получена бумага объ его освобожденіи. Тогда онъ началъ бить стекла въ надеждѣ, что его за такое буйство задержутъ, но власти остались непреклонны, и его съ окровавленными руками привели къ коменданту, гдѣ находились и остальные освобожденные. Старикъ перепугался и воскликнулъ: «Что съ вами? У васъ изранены руки?» Но Енишерловъ поспѣшилъ успокоить его самымъ хладнокровнымъ образомъ замѣтивъ: «Пустяки! Всего какихъ-нибудь два, три стекла!» и снова потребовалъ, чтобъ его вернули обратно. Въ этомъ ему положительно отказали, и онъ уныло поплелся на волю. Однако онъ не переставалъ тайкомъ посѣщать крѣпость и, какъ это ни невѣроятно, какимъ-то образомъ доставлялъ или пересылалъ записки заключеннымъ и получалъ отъ нихъ отвѣты. Какъ это удавалось ему,—остается для меня тайной.

Вотъ такой-то милый товарищъ оказался моимъ сосѣдомъ. Конечно, мы съ нимъ перестукивались во-всю, хотя я предварительно счелъ нужнымъ убѣдиться, дѣйствительно ли это онъ, а не какой-нибудь шпіонъ; и для этого прибѣгъ къ тому остроумному способу, который мнѣ еще на волѣ рекомендовалъ Фел. Волховскій. Дѣло въ томъ, что и тогда, какъ и теперь, иногда подсаживали какого-нибудь агента или шпика, который, выдавая себя, близкаго товарища или пріятеля, начиналъ перестукиваться, чтобъ вывѣдать нужныя улики. Феликсъ Волховскій былъ передъ тѣмъ уже разъ арестованъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ знаменитымъ шлиссельбуржцемъ Германомъ Александровичемъ Лопатиномъ. Подъ видомъ Лопатина къ нему подсадили шпика, но Волховской первымъ дѣломъ спросилъ его объ одномъ заграничномъ мѣстечкѣ, хорошо извѣстномъ Лопатину, но относительно котораго мнимый Лопатинъ рѣшительно не зналъ, что это такое: кличка ли собаки, фамилія ли пріятеля или что-нибудь условно конспиративное, и своимъ замѣшательствомъ далъ ясно понять, что онъ за птица.

Такой мелочью изъ прошлыхъ воспоминаній всегда можно провѣрить, дѣйствительно ли вашъ сосѣдъ то лицо, за которое онъ себя выдаетъ, но нужно имѣть въ виду, что прибѣгали и при-

Библиотека "Руниверс"

бѣгаютъ еще къ такому пріему; уведутъ или переведутъ вашего сосѣда, въ которомъ вы убѣдились, а къ вамъ тѣмъ временемъ подсадятъ шпика, и потому нужно всегда провѣрять и придерживаться основного првила; говорить только то, что уже извѣстно властямъ, такъ какъ подслушать стукъ можно и изъ коридора; но при умѣломъ разговорѣ можно, ничего не выдавая, сговориться относительно всего до самыхъ мелкихъ подробностей.

И такъ я былъ теперь не одинокъ: рядомъ сидѣлъ милый юноша, напротивъ его или нѣсколько поодаль Томилова, противъ меня Боборыкова, недалеко мой хорошій товарищъ Земпфирій Ралли. Другимъ моимъ сосѣдомъ оказался какой-то незнакомый господинъ, съ которымъ мы не перестукивались. Ралли обладалъ необыкновеннымъ даромъ; онъ пересвистывался такъ, что выходила арія изъ той или другой оперы, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова по крѣпостной или вѣрнѣе тюремной азбукѣ. Однимъ словомъ мы разговаривали во-всю, порой даже отъ души смѣялись, и я, по крайней мѣрѣ, не могъ пожаловаться на особенную скуку.

Иногда съ вечера или ночью раздавался сигнальный стукъ, означавшій, что ночью можно будетъ переписываться. Вдвигался ящикъ, служившій парашкой, на крышку клалась записка съ обозначеніемъ того номера, для котораго она предназначалась, и ящикъ выдвигался въ коридоръ; а тамъ ее бралъ часовой и относилъ по назначенію. Отвѣтъ онъ клалъ туда же и вдвигалъ къ вамъ ящикъ. Это, конечно, происходило только, когда на часахъ былъ вѣрный солдатикъ; сговаривалась съ часовыми полковница Томилова.

Случилось, что выполнять эту рискованную передачу записокъ брались глупенькіе и неловкіе солдатики; такъ одинъ изъ нихъ, собравъ записки, разронялъ ихъ. Я подозвалъ его и совѣтовалъ, лучше не браться за это дѣло, такъ какъ если онъ попадется, то будетъ сильно отвѣчать, а увидать могутъ, какъ онъ подбираетъ записки даже съ противоположнаго конца коридора. «Знаю, отвѣчалъ онъ, и, кажись, ни за какія деньги бы не взялся, да больно просила полковница. Давай ужъ понесу». Нѣкоторые часовые брались даже доставлять записки на волю и одинъ изъ нихъ попался и серьезно за это поплатился.

Старшая изъ трехъ сестеръ Засуличъ—Екатерина Ивановна—послѣ одного изъ допросовъ сообщила интересныя свѣдѣнія сосѣду своему Лихутину, а тотъ сообщилъ ихъ на волю, пославъ черезъ солдатика записку сестрѣ своей—впослѣдствіи сестра эта вышла замужъ за Владиміра Ивановича Ковалевскаго, бывшаго товарищемъ министра финансовъ при Витте, и тогда тоже сидѣвшаго. Но оказалось, что Лихутина была арестована, а на квар-

Библиотека "Руниверс"

тирѣ ея водворена была шпіонка. Этой-то шпіонкѣ солдатикъ и вручилъ записку; она очень любезно его поблагодарила и еще любезнѣе запримѣтила его; записку снесла въ 3-ье отдѣленіе, а солдатика признала и уличила. Его судили и приговорили къ нѣсколькимъ годамъ или арестантскихъ ротъ, или дисциплинарнаго батальона, а Засуличъ перевели во вновь строившееся зданіе при 3-емъ отдѣленіи, гдѣ она совершенно одна просидѣла нѣсколько мѣсяцевъ.

Кстати скажу здѣсь нѣсколько словъ о нашихъ служителяхъ; всѣ они были или любезны, или, во всякомъ случаѣ, не проявляли никакихъ дурныхъ или злобныхъ чувствъ, но одинъ изъ нихъ особенно умилялъ меня своей необычайной лаской и добротой. Когда я оставался одинъ въ отдѣленіи куртины, онъ, когда могъ, приходилъ развлекать и утѣшать меня, а однажды, когда я лежалъ, присѣлъ на койку и началъ цѣловать мои ноги. Эта неожиданная ласка такъ меня смутила, что я невольно воскликнулъ: «Что вы дѣлаете?»—«Очень ужъ мнѣ васъ жалко», проговорилъ онъ такимъ грустнымъ голосомъ полнымъ участія, что я дружески пожалъ ему руку. Въ ночь подъ Рождество или подъ Новый годъ къ намъ привезли много арестантовъ, о чемъ сообщилъ мой ласковый шведъ (я его почему-то звалъ шведомъ, хотя онъ, вѣроятно, былъ литвинъ или латышъ), и я просилъ его узнать фамиліи. Ему очень хотѣлось доставить мнѣ это удовольствіе, но вернулся съ грустнымъ и печальнымъ лицомъ. Оказалось, что какая-то заключенная, у которой онъ спросилъ ея фамилію, такъ раскричалась на него, что онъ не зналъ, какъ ее успокоить, и не рѣшился больше спрашивать у другихъ, хотя ему очень было грустно, что онъ не могъ исполнить моей просьбы. Вообще изъ всѣхъ старшихъ только одинъ казался мнѣ несимпатичнымъ, и его видъ и тонъ часто выводили меня изъ себя, что, впрочемъ, было не трудно, такъ какъ у всѣхъ у насъ нервы были взвинчены.

Боборыкова, сидѣвшая напротивъ меня, особенно отличалась нервностью, и у нея иногда были ужасные припадки истеріи. Во время одного изъ нихъ, когда я, какъ взбѣшенный, метался изъ угла въ уголъ, ко мнѣ съ письмомъ вошелъ плацъ-маіоръ. Передавая письмо, онъ, чтобъ сказать что-нибудь любезное, спросилъ: «Ну какъ вы себя чувствуете? Ничего?» Но мнѣ было не до любезностей, и я накинулся на него, съ словами: «А какъ можно чувствовать себя, когда слышишь такіе вопли? И какъ вамъ не стыдно такъ мучить?»—«Успокойтесь, успокойтесь, это ужасно!» прошепталъ онъ и, поникнувъ головой, удалился. Съ нимъ у меня вышла еще одна непріятная сцена. Не знаю, послѣ чего, кажется послѣ посѣщенія крѣпости Великимъ Княземъ, у всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

произведенъ былъ обыскъ, въ томъ числѣ и у меня. Войдя съ значительной свитой старшихъ, онъ прежде всего обратился ко мнѣ и спросилъ: «Скажите, есть у васъ что-нибудь недозволенное, напримѣръ, карандаши?» Карандаша у меня не было, и я откровенно ему отвѣтилъ: «У меня нѣтъ». «Все же мнѣ придется произвести у васъ обыскъ», замѣтилъ онъ; съ этими словами подошелъ къ окну и на верхнемъ переплетѣ рамы увидѣлъ карандашъ. Взявъ его, онъ укоризненно обратился ко мнѣ съ упрекомъ: «Какъ же вы говорили, что у васъ нѣтъ, а вотъ карандашъ? Обыщите!» Меня это взорвало: я малъ ростомъ, онъ былъ гораздо выше меня, и мнѣ, чтобъ увидать этотъ карандашъ, нужно было влѣзать или на подоконникъ, или на табуретку, чего я не дѣлалъ, и потому не подозрѣвалъ даже о существованіи этого карандаша. «Вы спросили, есть ли у меня карандашъ, я вамъ отвѣтилъ, что у меня нѣтъ, а что имѣется въ этомъ казематѣ, мнѣ неизвѣстно, за это я не отвѣчаю» и, не желая, чтобъ меня раздѣвали, началъ все сбрасывать съ себя и одну туфлю такъ швырнулъ, что едва не попалъ ею въ плацъ-маіора. Взглянувъ на меня, онъ замѣтилъ, какъ сильно я былъ взволнованъ, и, велѣвъ прекратить обыскъ, поспѣшилъ удалиться. Черезъ нѣсколько дней онъ зашелъ ко мнѣ и сталъ говорить, что не нужно такъ горячиться. «Какъ же не возмущаться, замѣтилъ я ему, когда вы обвиняете чуть ли не во лжи или обманѣ?»—«Вѣрю, охотно вѣрю вамъ, но поставьте и вы себя въ мое положеніе».—«Я не могу поставить себя въ такое положеніе, при которомъ мнѣ приходилось бы обыскивать, оскорблять и мучить людей».—«Какъ вы легко все рѣшаете: ну, а если нельзя выйти изъ него, нельзя бросить службу»?—«Этого я не понимаю».—«Амежду тѣмъ это такъ; но во всякомъ случаѣ забудемъ и постараемся не помнить того, что у насъ прошлый разъ произошло», сказалъ онъ смущенно, и голосъ его звучалъ такимъ миролюбіемъ, что я не могъ не примириться съ нимъ.

Если у меня, обладавшаго очень крѣпкими нервами, они все же были расшатаны, то нѣтъ ничего удивительнаго, что у такихъ нервныхъ особъ, какъ Боборыкова, дѣло доходило до ужасныхъ истерикъ. Родственники ея рѣшили воспользоваться этой истеричностью, чтобъ поскорѣй освободить ее, и начали хлопотать о переводѣ ея въ нервную или психіатрическую больницу, о чемъ не успѣли ее предупредить. И вотъ съ такими нервами она вдругъ очутилась въ сумасшедшемъ домѣ. Ничего не подозрѣвая и не понимая, она едва дѣйствительно не сошла съ ума; къ счастью, ей скоро дали свиданіе, и все выяснилось.

Однажды, когда мы мирно себѣ посиживали или вѣрнѣе полеживали, неожиданно послышалось хлопаніе дверей и какой-то

Библиотека "Руниверс"

необычайный переполохъ. Вбѣжали и ко мнѣ въ казематъ, отобрали книги и второпяхъ шепнули: «Великій Князь». Черезъ нѣсколько времени наши могильные своды огласились бряцаніемъ сабель и звономъ многочисленныхъ шпоръ. Съ грохотомъ отворилась и моя дверь, и казематъ мой наполнился десяткомъ блестящихъ мундировъ. Въ самомъ простомъ и неблестящемъ оказался Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, надумавшій почему-то осмотрѣть крѣпость и навѣстить узниковъ. Мнѣ разрѣшалось имѣть грифельную доску съ грифелемъ, и я, отъ нечего дѣлать, занимался иногда рѣшеніемъ геометрическихъ задачъ; одна такая задача и была начерчена на доскѣ. Взглянувъ на доску, великій князь спросилъ: «Вы математикъ?»—«Да, я былъ студентомъ естественнаго отдѣленія математическаго факультета».—«И теперь тоже занимаетесь...», но какой-то невысокій, бѣлокурый господинъ съ напыщеннымъ, самодовольнымъ видомъ властелина прервалъ эту рѣчь и, повернувшись, сказалъ: «Идемте». «Идемте, графъ» проговорилъ Великій Князь и тоже направился къ выходу. При словѣ «графъ» мнѣ пришло въ голову, что это, вѣроятно графъ Шуваловъ и, желая воспользоваться его присутствіемъ, спросилъ: «Вы, графъ Шуваловъ?»—«Да, я графъ Шуваловъ», круто повернувшись ко мнѣ отвѣтилъ онъ съ такимъ вызывающимъ, нахальнымъ выраженіемъ, какого я еще не встрѣчалъ. Я объяснилъ ему, что сижу здѣсь больше полгода и не пользуюсь прогулкой; что я подавалъ ему объ этомъ прошеніе, но отвѣта не получалъ. «Хорошо, разсмотрю!» Но разсмотрѣлъ ли онъ, или нѣтъ, а я попрежнему остался безъ прогулокъ.

Если это лишеніе прогулокъ не было мнѣ особенно чувствительно зимой, то съ наступленіемъ весны оно становилось настоящей пыткой. Больше всего на свѣтѣ хотѣлось видѣть зеленѣющую травку, поваляться на ней, полюбоваться синимъ небомъ порхающими бабочками, насладиться чиликаніемъ птицъ, словомъ, очутиться гдѣ-нибудь въ глухомъ лѣсу, наединѣ съ распускающеюся природой. Эта жажда природы становилась такъ мучительна, что преслѣдовала днемъ и ночью. Однако приходилось довольствоваться райскими сновидѣніями, а наяву безвыходно сидѣть въ своемъ склепѣ.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ вернули мои книги, а книгъ изъ крѣпостной библіотеки мы больше не видѣли. Оказалось, что Шуваловъ, въ качествѣ шефа жандармовъ обладавшій тогда такой полнотой власти, какая едва ли снилась не только Курловымъ, но даже Столыпинымъ или Коковцовымъ, войдя въ одинъ изъ казематовъ и заглянувъ въ раскрытую книгу, увидѣлъ на поляхъ разныя замѣтки, сдѣланныя карандашомъ, обгорѣлыми спичками

Библиотека "Руниверс"

и остріями различныхъ предметовъ, имѣвшихся у узниковъ подъ рукой. Началось разслѣдованіе, книга оказалась изъ крѣпостной библіотеки, а замѣтки сдѣланы не тѣмъ арестантомъ, у котораго она въ ту минуту находилась. Велѣно было отобрать всѣ книги крѣпостной библіотеки и впредь ихъ не давать. Лишеніе это было для насъ очень существенно; интересны были не книги, все старыя и подчасъ съ вырванными листами, а именно попадавшіяся въ нихъ замѣтки, сообщавшія факты изъ жизни прежде сидѣвшихъ здѣсь узниковъ и незамѣнимыя характеристики этихъ страдальцевъ.

Прошло еще нѣсколько времени, и въ видѣ развлеченія, но при гораздо менѣе таинственной обстановкѣ, меня снова повели въ то зданіе, гдѣ давали очную ставку съ Ралли и Орловымъ.

На этотъ разъ меня здѣсь встрѣтилъ уже другой штатскій господинъ, поспѣшившій заявить, что онъ представитель министерства юстиціи, а не 3-го отдѣленія. «Теперь вы будете имѣть дѣло уже не съ 3-ьемъ отдѣленіемъ, а съ вновь реформированнымъ министерствомъ юстиціи. Дѣло ваше передано сенатору Чемодурову, а я товарищъ прокурора такой-то. (Не помню какую онъ назвалъ фамилію, но что-то въ родѣ Кобылина). Надѣюсь, что вы къ намъ иначе отнесетесь», проговорилъ онъ такимъ ликующимъ тономъ, какъ будто своей особой несъ мнѣ оливковую вѣтвь освобожденія отъ потопленія, грозившаго мнѣ въ 3-мъ отдѣленіи. Онъ попросилъ меня сѣсть рядомъ съ собой и разсказать все, что мнѣ извѣстно. Я повторилъ ему показанія, данныя мною Филиппеусу. Выслушавъ ихъ, онъ, съ полнымъ сознаніемъ своего прокурорскаго достоинства, замѣтилъ, что все, о чемъ онъ меня до сихъ поръ спрашивалъ, собственно не относится къ тому дѣлу, которое ведетъ сенаторъ Чемодуровъ. «Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы меня спрашивали?»—«Я хотѣлъ узнать, насколько могу разсчитывать на вашу искренность и правдивость, а теперь будьте любезны сказать, къ кому вы обращались въ Москвѣ». Но тутъ меня взорвало, и я прервалъ его: «Вы изволили меня поздравлять, что отнынѣ я буду имѣть дѣло съ вновь реформированной юстиціей, а вашъ пріемъ вывѣдывать степень искренности и правдивости уже не практикуется даже 3-ьимъ отдѣленіемъ, по крайней мѣрѣ ко мнѣ онъ примѣнялся не 3-емъ отдѣленіемъ, а знаете ли кѣмъ? Колышкинымъ,—и я больше ничего сказать вамъ не желаю».

Господинъ товарищъ-прокурора былъ не столько смущенъ, сколько возмущенъ моимъ неумѣніемъ цѣнить доблести реформированной юстиціи — и удивленно спросилъ: «Какъ? Не желаете?» —«Да, не желаю». Тутъ онъ сморщилъ губы, сложилъ развернu-

Библиотека "Руниверс"

тое дѣло и положилъ его въ свой реформированный портфель въ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «вотъ я несъ вамъ освобожденіе, но вы по глупости отъ него отказываетесь, и я спѣшу захлопнуть отъ васъ, какъ отъ недостойнаго, мой портфель». Грустно покачалъ онъ затѣмъ головой и въ заключеніе объявилъ: «Какъ хотите, какъ хотите! Тѣмъ хуже для васъ. Можете итти». Я спросилъ: зависитъ ли теперь отъ сенатора Чемодурова разрѣшить мнѣ прогулки? Онъ на это ничего не могъ мнѣ сказать, но предложилъ тутъ же написать прошеніе, на которое я отвѣта тоже не получилъ; но въ скоромъ времени я былъ переведенъ въ 3-ье отдѣленіе, а Ралли и нѣкоторые другіе товарищи освобождены.

Перевели насъ или потому что мы подлежали освобожденію и только въ видѣ дисциплинарнаго наказанія хотѣли продержать еще нѣсколько времени за нѣкоторыя содѣланныя погрѣшности, или же потому, что наши казематы рѣшили перереформировать. (Со времени знакомства съ этимъ представителемъ реформированной юстиціи я всегда при словѣ реформа ощущаю чувство гадливости).

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ нашего перевода положеніе въ крѣпости значительно измѣнилось къ худшему, претерпѣвъ цѣлый рядъ реформъ. Во-первыхъ, раскассирована была крѣпостная рота, признанная неблагонамѣренною и распропагандированною, вѣроятно, въ силу того, что служители, старшіе и младшіе, относились къ намъ хорошо и ничѣмъ не проявляли тѣхъ злобныхъ чувствъ, которыя теперь, какъ и тогда, считались признакомъ благонамѣренности. Во-вторыхъ, предложено было полковымъ командирамъ назначать въ караулъ крѣпости только тѣхъ солдатъ,за которыхъ они могли лично ручаться. Въ-третьихъ, чтобъ воспрепятствовать перестукиванію, обили стѣны войлокомъ, превратившимся въ такой разсадникъ блохъ, что Енишерловъ, переведенный обратно въ крѣпость, набралъ ихъ сотни двѣ и торжественно преподнесъ въ презентъ плацъ-майору. О четвертой реформѣ, состоявшей въ отобраніи библіотечныхъ книгъ, я уже упоминалъ.

Передъ тѣмъ какъ увезти изъ крѣпости, меня за полученіемъ вещей, преимущественно книгъ, повели къ плацъ-маіору. Войдя въ просторную комнату, я увидѣлъ громадный столъ, заставленный книгами. «Вотъ ваши книги», сказалъ мнѣ плацъ-майоръ указавъ на большую кипу. Я, къ моему удивленію, увидѣлъ въ числѣ ихъ много такихъ, которыхъ даже не подозрѣвалъ: напримѣръ давно ожидаемыя монографіи Костомарова. Я спросилъ, почему мнѣ никогда не давали этихъ книгъ? «У васъ и безъ нихъ

Библиотека "Руниверс"

было много, а у нѣкоторыхъ заключенныхъ совсѣмъ книгъ нѣтъ, и я думалъ, что вы согласитесь пожертвовать ихъ въ общее пользованіе». Я, конечно, охотно согласился, захватилъ съ собой немного, и, поговоривъ съ нимъ по-душамъ, мы разстались въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что ему въ скоромъ времени пришлось все-таки уйти и не безъ крупныхъ непріятностей.

Итакъ, я въ числѣ немногихъ переведенъ былъ въ помѣщеніе для арестованныхъ при 3-емъ отдѣленіи. Теперь департаментъ полиціи помѣщается тамъ, гдѣ прежде находилось 3-е отдѣленіе, отъ котораго онъ въ сущности ничѣмъ не отличается, хотя само зданіе будто бы перереформировано до неузнаваемости.

Въ мое время, то-есть слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, идя по лѣвой сторонѣ Пантелеймонской улицы, къ Цѣпному мосту, на углу въ углубленіи улицы виднѣлось небольшое крылечко невысокаго узкаго зданія, за которымъ шли ворота, ведущіе во дворъ, застроенный четырехъ или пятиэтажными зданіями. Васъ вводили въ скромное крыльцо, если вели на допросъ, и ввозили въ ворота, если обрекали на сидѣніе. Въ высокомъ зданіи слѣва, на самомъ верху, находились тѣ нѣсколько комнатъ, кажется не больше 9 или 10, одну изъ которыхъ мнѣ суждено было временно занять. Комната была небольшая, но свѣтлая, чистая и послѣ сводчатыхъ казематовъ крѣпости, а тѣмъ болѣе послѣ могильныхъ камеръ Литовскаго замка, производила веселое, отрадное впечатлѣніе. Стѣны были оклеены обоями, вмѣсто коекъ стояли кровати, обѣдъ приносили изъ кухмистерской, чай и папиросы казенные и хорошіе. Въ двери, вмѣсто глазка—шторы; но у каждой двери по жандарму или солдату съ саблей наголо. Прислуживали намъ два жандарма—старшóй изъ нихъ былъ строгій и плутоватый олончанинъ, а младшій—добродушнѣйшій здоровякъ-хохолъ. Съ хохломъ я скоро подружился, но онъ боялся долго оставаться въ моей комнатѣ, такъ какъ старшóй могъ это замѣтить, а онъ боялся старшóго, какъ огня. Но старшóй иногда переодѣвался въ штатское платье и отправлялся шпіонить въ Лѣтній садъ. Тогда мой добродушный хохолъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ приходилъ ко мнѣ, разсказывалъ, кто въ какомъ номерѣ сидитъ, и, хотя фамилій не зналъ, но обладалъ, свойственнымъ малороссамъ, умѣніемъ подмѣчать смѣшныя стороны каждаго и такъ ярко ихъ изображать, что можно было угадать, о комъ изъ знакомыхъ шла рѣчь. Иногда я просилъ его потихоньку спѣть какую-нибудь малороссійскую пѣсенку или, какъ моська со слономъ, принимался съ нимъ бороться. Но все это можно было продѣлывать лишь во время

Библиотека "Руниверс"

отсутствія старшóго, который зорко слѣдилъ за нимъ. Наконецъ, я рѣшилъ задобрить старшóго и чтобъ снискать его расположеніе, предложилъ ему взять у меня двѣ цѣнныхъ книги, продать ихъ, а деньги взять себѣ. Онъ охотно согласился и послѣ того оказывалъ мнѣ разныя услуги: напримѣръ, передавалъ записки отъ меня и приносилъ отвѣты. Въ то время какъ хохолъ былъ неуклюжъ и неповоротливъ, этотъ олончанинъ отличался изворотливостью и ловкостью. Тому нужно было постоянно оглядываться на дверь, чтобъ убѣдиться, что за нимъ не слѣдитъ ни старшóй, ни часовой; а этотъ на глазахъ часового незамѣтно передавалъ мнѣ записки и тотчасъ же подставлялъ спину, на которой я, какъ на столѣ, писалъ на бумажкѣ, подложенной имъ, отвѣтъ,который онъ не менѣе ловко подхватывалъ. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность обмѣниваться книгами и записками съ товарищами и между прочимъ съ Езерскимъ, который, къ великому моему удивленію, оказался моимъ товарищемъ по заключенію.

Что касается часовыхъ, то они играли роль пѣшекъ, благодаря тому, что товарищемъ шефа жандармовъ, то-есть нашимъ непосредственнымъ главнымъ начальникомъ, былъ въ то время генералъ Мезенцевъ. Всѣ трепетали передъ нимъ и не рѣшались доносить ему. Я могъ въ этомъ два раза убѣдиться. Узнавъ, что въ баню возятъ въ каретѣ и берутъ отдѣльный хорошій номеръ, я рѣшилъ этимъ воспользоваться и заявилъ, что мнѣ нужно видѣть дежурнаго офицера по караулу. Ко мнѣ явился молодой офицерикъ и, выслушавъ мою просьбу, въ свою очередь попросилъ отложить это до слѣдующаго дня. «А почему не сегодня?» —«Видите ли, нужно объ этомъ доложить генералу Мезенцеву, а онъ этого не любитъ... такъ ругается, что лучше я передамъ это при общемъ докладѣ». Конечно, я былъ не мало удивленъ такому обращенію генерала, но я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что это не выдумка. Какъ-то вечеромъ дежурный караульный офицеръ повелъ меня на свиданіе. Когда мы шли по коридору, перестукиваніе по камерамъ шло во-всю. Одинъ изъ часовыхъ счелъ нужнымъ отрапортовать: «Все стучатъ-съ, ваше высокоблагородіе», но его высокоблагородіе только махнулъ рукой, а когда мы спускались по лѣстницѣ, проговорилъ какъ бы про себя: «Попробуй-ка доложить генералу; онъ такой тебѣ стукъ задастъ, что не будешь знать, куда дѣваться», и, дѣйствительно ничего ему не докладывали, и мы могли жить припѣваючи, а я предаваться тому счастью, которое выпало мнѣ здѣсь на долю.

Но предварительно позволю себѣ маленькое отступленіе и разскажу о сдѣланномъ мною здѣсь открытіи. Подойдя какъ-то къ окну и дохнувъ на него, я вдругъ, къ моему немалому изумле-

Библиотека "Руниверс"

нію, прочелъ имя и фамилію, вѣроятно моего предшественника. Это меня заинтересовало: я дохнулъ въ другомъ мѣстѣ—тамъ ничего не оказалось, тогда я ногтемъ начертилъ нѣсколько словъ; и черезъ недѣлю и больше могъ, дохнувъ, довольно ясно прочесть ихъ, тогда какъ на стеклѣ рѣшительно ничего не было замѣтно. Заниматься такими открытіями приходилось потому, что у меня ни справа, ни слѣва не было товарищей.

Комната справа была пуста послѣ того, какъ Ор., сидѣвшій въ ней, былъ переведенъ въ больницу. Его мой хохолъ такъ характеризовалъ: «Чудной тутъ какой-то сидѣлъ. Повели его какъ-то на допросъ; вернулся съ допроса словно не въ полномъ разсудкѣ: убивается, бѣднякъ, и все твердитъ: «всего лишатъ, и состоянія», а «состоянія-то всего пиджачишко да дырявое пальтецо; а вѣдь ночи не спитъ; заглянешь, а онъ все стукается лбомъ о полъ, жалѣетъ свое состояніе. Ну, вскорѣ и увезли куда-то на излѣченіе».

Бѣднаго Ор., дѣйствительно увезли въ больницу, такъ какъ онъ окончательно изнервничился, и камера осталась пустой. Туда на полчаса переводили Александру Ив. Успенскую (среднюю изъ сестеръ Засуличъ) съ грудным ребенкомъ, пока провѣтривали ея камеру. Но разговаривать съ ней удавалось очень мало, ее постоянно отрывалъ ребенокъ, такъ что по части сосѣдей мнѣ вначалѣ не везло, но это не особенно угнетало меня: съ сидѣніемъ я уже свыкся, пользовался прогулкой и имѣлъ нѣсколько интересныхъ книгъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, только что вышедшую тогда книгу Флеровскаго-Берви: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», которою я сильно увлекался и восхищался. А судьба тѣмъ временемъ подготовляла мнѣ новое, неожиданное, большое счастье.

Въ одинъ прекраснѣйшій день сосѣдняя комната, гдѣ прежде сидѣлъ Ор., вдругъ ожила. Скоро кто-то постучалъ въ стѣнку. Я, конечно, поспѣшилъ откликнуться. Оказалось, что туда перевели старшую изъ сестеръ Засуличъ, Екатерину Ивановну. Всѣхъ трехъ сестеръ мнѣ приходилось лишь мелькомъ видѣть, когда онѣ какъ-то лѣтомъ жили на дачѣ въ Филяхъ, куда я иногда ходилъ къ моимъ знакомымъ Ивановымъ. Ни съ одной изъ нихъ я не былъ знакомъ, такъ какъ онѣ по зимамъ жили въ Петербургѣ, но слыхалъ о нихъ, какъ объ очень энергичныхъ дѣвушкахъ, имѣвшихъ большое знакомство среди учащейся молодежи и составилъ себѣ понятіе о нихъ, а въ особенности о старшей, какъ о самостоятельной и крайней радикалкѣ. Теперь она оказалась моей сосѣдкой, и такимъ образомъ приходилось поближе познакомиться. Она, узнавъ, кто ея сосѣдъ, и я, узнавъ, кто моя

Библиотека "Руниверс"

сосѣдка, въ началѣ пожалѣли, что не сидитъ болѣе близкій и знакомый человѣкъ. Но такъ какъ она до этого долго сидѣла совершенно одна (послѣ того, какъ попалась записка Лихутина, о чемъ я выше уже говорилъ), то довольно охотно разговорилась, и мы вскорѣ перестукивались уже по цѣлымъ днямъ. Навыкли мы такъ скоро стучать и такъ быстро понимать нѣкоторыя слова съ первыхъ двухъ,-трехъ буквъ, что стукомъ могли почти такъ же быстро разговаривать, какъ языкомъ. Узнали мы не только все интересное, что приходилось пережить за время сидѣнія и на волѣ, но узнали убѣжденія и душу другъ-друга, узнали, что у насъ были общія стремленія и симпатіи и такъ полюбили другъ-друга, что рѣшили по выходѣ на волю пожениться. Кто не испытывалъ блаженства, въ особенности же послѣ полуторагодового сидѣнія въ одиночной тюрьмѣ, знать и чувствовать ежечасно, ежеминутно, и ложась, и вставая, что тутъ рядомъ за стѣнкой есть любимый, дорогой человѣкъ, съ которымъ живешь душа въ душу, которому раскрываешь свою святую-святыхъ и съ которымъ уже соединилъ свою судьбу,—тотъ никогда не пойметъ, какимъ раемъ является такое сидѣніе въ тюрьмѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло, повторяю, больше сорока лѣтъ, и, хотя много мрачныхъ, тяжелыхъ тучъ и облаковъ набѣгало на нашу любовь, хотя не мало горя извѣдала она, благодаря нѣкоторымъ слабымъ и негоднымъ сторонамъ моего характера, но мы никогда не переставали и не перестаемъ любить, а главное, уважать другъ-друга, какъ никогда не переставалъ я считать немногіе мѣсяцы, проведенные мною въ тюрьмѣ 3-го Отдѣленія, за одни изъ самыхъ отрадныхъ и счастливыхъ и въ моей молодости, и во всей моей жизни.

Но ничто не вѣчно подъ луной. Не вѣчно было и наше счастливое сидѣніе; насталъ часъ разлуки. Засуличъ освободили раньше меня. Какъ пустынна и мрачна показалась мнѣ эта тюрьма послѣ того, какъ не стало освѣщавшаго ее солнышка; но къ этой грусти примѣшивалось теперь новое чувство, невѣдомое до тѣхъ поръ, чувство влюбленности, которымъ я оставался какъ бы опьяненъ.

Е. И. Засуличъ, по выходѣ на волю, тотчасъ же написала моему отцу, чтобъ онъ пріѣхалъ хлопотать о моемъ освобожденіи. Отецъ пріѣхалъ, и ему отдали меня на поруки, обязавъ его доставить меня на мѣсто его родины въ Тверь, гдѣ мнѣ предстояло быть подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

Такъ кончилось мое первое сидѣніе, мое первое знакомство съ тюрьмами и началась моя многолѣтняя ссылка.

Тульская тюрьма, 9-го августа 1912 г.

Левъ Никифоровъ.

Библиотека "Руниверс"

Бакунинъ и его вилла „Бароната".

Лѣтомъ 1873 года изъ Берна друзья Бакунина предупреждали его, что въ федеральномъ правительствѣ подъ давленіемъ иностранныхъ державъ обсуждается вопросъ о переселеніи его во внутренніе кантоны или даже прямо объ изгнаніи его изъ Швейцаріи. Вполнѣ естественно, что это извѣстіе сильно встревожило Бакунина и всѣхъ насъ, связанныхъ съ нимъ общей революціонной дѣятельностью, а въ особенности итальянцевъ, у которыхъ тогда подъ его непосредственнымъ вліяніи шла кипучая работа въ Интернаціоналѣ. Вотъ въ это-то время, между прочимъ, и подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, зародилась мысль объ извѣстномъ письмѣ Бакунина въ Iournal de Genève о пріобрѣтеніи какой-либо земельной собственности или о переселеніи его на островъ Мальту.

Первая мысль о переселеніи на Мальту явилась у самого Бакунина, который надѣялся, что тамъ ему возможно будетъ вполнѣ спокойно заниматься революціонной дѣятельностью, конечно, не среди жителей Мальты. Очень скоро отъ Мальты пришлось отказаться послѣ того, какъ собраны были различныя свѣдѣнія о мѣстныхъ властяхъ, мѣстномъ обществѣ и т. д., которыя всѣ оказались чрезвычайно неблагопріятными для появленія тамъ Бакунина. Итальянцы (въ особенности Кафіеро) энергично защищали мысль о пріобрѣтеніи имѣнія, небольшой виллы, на имя Бакунина. Если онъ сдѣлается собственникомъ клочка земли, тогда со стороны властей онъ будетъ неуязвимъ и его оставятъ въ покоѣ въ Локарно. Между прочимъ изъ Берна тоже указывали на пріобрѣтеніе какой-либо, хотя бы незначительной собственности, какъ на возможность избавиться въ будущемъ отъ такого рода непріятностей. Кромѣ этого, итальянцы давно лелѣяли мысль устроить на швейцарской территоріи по близости итальянской границы складъ оружія, типографію, убѣжище для лицъ, преслѣдуемыхъ полиціей. Теперь имъ представлялся прекрасный случай осуществить этотъ проектъ. Они почти не считались съ тѣмъ, что сожительство Бакунина съ типографіей, складомъ

Библиотека "Руниверс"

и т. д. представляло нѣкоторую опасность для перваго. Долженъ при этомъ сказать, что мнѣ съ самаго начала не нравился планъ сдѣлать собственника изъ дѣйствующаго анархиста-революціонера Бакунина. На всѣ мои возраженія отъ меня требовали указать выходъ изъ создавшагося положенія, тогда какъ иного выхода я не находилъ. Помнится, я указывалъ на то, что если крайняя необходимость заставляетъ прибѣгнуть къ такому средству, то, по крайней мѣрѣ, пусть онъ будетъ только номинальнымъ собственникомъ, не будетъ ей пользоваться, не будетъ тамъ жить.

Касались вопроса и о принятіи Бакунинымъ швейцарскаго гражданства, но, конечно, это тотчасъ же пришлось признать невозможнымъ. Оно потребовало бы много времени, много хлопотъ и много средствъ, а въ концѣ-концовъ очень легко могъ получиться отрицательный результатъ.

Итакъ все говорило за пріобрѣтеніе собственности, но конечно, окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежало Бакунину и Кафіеро. Они оба рѣшили его въ положительномъ смыслѣ, и съ этого времени Кафіеро началъ усиленно хлопотать объ ускореніи полученія своего наслѣдства. Въ концѣ сентября я пріѣзжалъ къ Бакунину въ Локарно, и тогда уже ими подыскивалась небольшая вилла. Бакунинъ говорилъ мнѣ, что онъ старается принять всѣ мѣры къ тому, чтобы его внѣшняя жизнь ничѣмъ не отличались отъ жизни обыкновеннаго швейцарскаго обывателя. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ изъ Локарно и послѣ этого я не видѣлся съ Бакунинымъ почти десять мѣсяцевъ, тогда какъ въ теченіе 1872 и 1873 года видѣлся съ нимъ очень часто: часто ѣздилъ къ нему, если же онъ пріѣзжалъ въ Бернъ или Нейшатель, то всегда вызывалъ меня къ себѣ.

Съ іюня 1870 года до сентября 1873 года моимъ мѣстопребываніемъ постоянно былъ Цюрихъ. Въ концѣ ноября я вмѣстѣ съ типографіей переѣхалъ въ Лондонъ. Въ промежутокъ времени между возвращеніемъ изъ Локарно и отъѣздомъ въ Лондонъ мнѣ пришлось прожить съ мѣсяцъ на русской границѣ, устраивая тамъ переправу изданныхъ нами двухъ томовъ (Госуд. и Анарх. и Истор. разв. Интернац.). Дѣло это было совершенно новое и поэтому требовало много времени и труда. Вернувшись съ границы, нужно было привести въ порядокъ, а затѣмъ сбыть на храненіе извѣстную студенческую, большую такъ называемую Цюрихскую, библіотеку, которая осталась у меня на рукахъ послѣ разъѣзда учащейся молодежи изъ Цюриха. Покончивши всѣ эти дѣла, я отправился въ Лондонъ, гдѣ меня уже ожидали письма отъ Бакунина и Кафіеро, изъ которыхъ я узналъ о пріобрѣтеніи виллы «Бароната». Живя въ Цюрихѣ, я переписывался съ Бакунинымъ

Библиотека "Руниверс"

очень часто, съ переѣздомъ же въ Лондонъ мы обмѣнивались письмами рѣдко, не больше одного письма въ мѣсяцъ, а отъ Кафіеро за все время моего тамъ пребыванія получилось едва ли больше двухъ писемъ.

Пріѣхавши въ Лондонъ и устроивши тамъ типографію (собственно говоря наборную, потому что печатный станокъ былъ проданъ въ Цюрихѣ), я занялся печатаніемъ 3-го тома (Анархія Прудона) и подготовленіемъ 4-го, а Бакунинъ и Кафіеро, кромѣ обычныхъ дѣлъ Интернаціонала, оба были поглощены устройствомъ «Баронаты» и ликвидаціей Кафіеровскаго наслѣдства. Въ маѣ мѣсяцѣ я кончилъ печатаніемъ 3-й томъ и тотчасъ же переправилъ его черезъ границу въ Россію, а самъ, временно закрывъ типографію, собрался ѣхать въ Швейцарію. Бакунинъ въ своихъ послѣднихъ письмахъ ко мнѣ поторапливалъ меня пріѣздомъ къ нему въ Локарно.

Сколько помнится, я явился въ Баронату около половины іюня 1874 г. и нашелъ тамъ только одного Бакунина, а Кафіеро съ своей молодой женой былъ въ Россіи у ея родственниковъ. Бакунина я нашелъ совершенно такимъ же, какимъ видѣлъ его въ наше послѣднее свиданіе въ предыдущемъ году. Жилъ онъ точно также, какъ и прежде: занималъ одну комнату, въ которой въ углу стояла большая кровать съ мочальнымъ матрасомъ, посрединѣ комнаты большой простой бѣлый столъ, заваленный газетами, книгами, бумагами и табакомъ, 4—5 стульевъ, простыя бѣлыя полки съ книгами, комодъ для бѣлья, да на стѣнѣ висѣли пара платья, пальто и шляпа. Было также бѣдно и грязновато, какъ и прежде. Въ домѣ жила одна прислуга, простая крестьянская женщина, стряпуха, довольно уже пожилая; она убирала комнаты и стряпала обѣдъ. Весь режимъ его жизни остался прежній; вставалъ онъ около 10 ч., ложился въ 3—4 ч. утра и по вечерамъ спалъ 1—$1^1/_2$ часа передъ чаемъ; утромъ пилъ кофе и ѣлъ яичницу или просто яйца, за обѣдомъ всегда было два блюда (мясо и овощи), а вечеромъ чай съ хлѣбомъ. Никакого вина онъ не пилъ, а ѣлъ много. Это и понятно, потому что для такого колосса много нужно было матеріалу. Вѣдь онъ былъ буквально головою выше всякаго человѣка средняго возраста; для него ничего нельзя было достать готоваго, все нужно было дѣлать на заказъ: бѣлье, платье, обувь, шляпу, кровать.

Первые дня два по моемъ пріѣздѣ мы посвящали другъ друга во всѣ наши дѣла: я разсказывалъ ему о русскихъ дѣлахъ со всѣми подробностями и мелочами (вѣдь это былъ 1874 г.), а онъ объ итальянскихъ, испанскихъ, горскихъ. Бакунинъ при личныхъ свиданіяхъ всегда интересовался всѣмъ мельчайшими подробно-

Библиотека "Руниверс"

стями о дѣлахъ и лицахъ. Ему всегда приходилось разсказывать о себѣ, о своей жизни все, что произошло въ промежуткѣ между двумя свиданіями, онъ не удовлетворялся одними письмами. Моя жизнь въ Лондонѣ, знакомство, встрѣчи съ разными лицами его очень интересовали; у меня были знакомые и пріятели среди эмигрантовъ-комммунаровъ, поляковъ, лицъ, бывавшихъ у Маркса. Словомъ матеріала для разсказовъ было достаточно. Съ своей стороны, и онъ вводилъ меня въ интересныя подробности и мелочи жизни. Кажется, только на третій день мы дошли до знакомства съ дѣлами «Баронаты».

Прежде, чѣмъ продолжать дальше, нужно сказать нѣсколько словъ, что такое представляла собою «вилла Бароната». Весь участокъ земли составлялъ не больше одной трети десятины и былъ расположенъ по склону горы, у подошвы которой вдоль озера Лаго-Маджіоре шло шоссе, соединявшее Белинсону съ Локарно и служившее границею Баронаты. На этомъ участкѣ былъ виноградникъ въ 20—25 квадратныхъ саженъ, нѣсколько грядокъ съ овощами, цистерна для воды и старый 2-хъ-этажный домъ, оштукатуренный снаружи и внутри. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась кухня, столовая и двѣ комнаты для насъ пріѣзжающихъ, а въ верхнемъ двѣ комнаты и соединяющая ихъ крытая веранда. Въ одной изъ верхнихъ комнатъ жилъ Бакунинъ, въ другой Кафіеро съ женою. Всѣ комнаты были небольшія, закоптѣлыя и довольно грязныя—итальянцы живутъ вообще грязновато.Меблировка была прямо убогая: въ столовой простыя бѣлыя табуретки, скамейки и колченогіе стулья; въ нашей комнатѣ стоялъ диванъ съ продавленнымъ сидѣньемъ, на которомъ спали пріѣзжающіе, и столъ съ двумя очень древними стульями. Передній фасадъ дома обращенъ былъ на озеро и передъ нимъ по склону внизъ посажено было много самыхъ обыкновенныхъ цвѣтовъ; сзади дома была площадка, на которую былъ выходъ изъ дома. Съ этой площадки зигзагомъ внизъ къ озеру тянулась дорога шириною аршина 3—4. Остальная мѣстность представляла собою голый камень и только кое-гдѣ виднѣлся кустикъ или какое-либо дерево. На зато видъ на озеро и противоположный горы былъ великолѣпный.

Изъ Писемъ Бакунина и Кафіеро, получавшихся много въ Лондонѣ, я зналъ, что въ Баронатѣ приступили къ постройкѣ небольшого дома, такъ какъ старый былъ тѣсенъ и неудобенъ. Вотъ на эту постройку мы и отправились; нужно было подниматься вверхъ, такъ какъ новый домъ строился выше стараго дома и въ сторонѣ отъ него. Бакунинъ, не дойдя до дома, вернулся съ дороги нахмуренный и недовольный, оставивъ меня одного осматривать работы. Прежде всего я увидѣлъ новую широкую ($3^1/_2$—$4^1/_2$

Библиотека "Руниверс"

арш.) дорогу, мѣстами вырубаемую въ скалѣ, затѣмъ 2-хъ-этажный домъ вдвое больше стараго, далеко еще неоконченный вчернѣ, и новую большую цистерну, тоже вырубаемую въ скалѣ. Все это дѣлалось въ большихъ размѣрахъ, и кое-гдѣ я замѣтилъ не соблюдались элементарныя правила строительнаго искусства—черезъ нѣкоторое время послѣ моего осмотра часть постройки обрушилась, но, къ счастью, въ то время, когда на работахъ никого не было.

Спустившись внизъ, я тотчасъ же передалъ Бакунину свои впечатлѣнія и изъ нашего дальнѣйшаго разговора по поводу нихъ высянилось, что онъ на постройкѣ бывалъ чрезвычайно рѣдко, полагаясь во всемъ на архитектора, который въ одно и то же время былъ строителемъ и подрядчикомъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, пользовался такимъ положеніемъ, преслѣдуя главнымъ образомъ свои интересы. Отъ стараго дома къ старой цистернѣ на верху шла обыкновенная горная пѣшеходная дорожка, на пути которой строился новый домъ. Первоначально рѣшили ограничиться этой дорожкой для сообщенія съ новымъ домомъ, расчистивъ и исправивъ ее, на что потребовалъ двѣ-три сотни франковъ; но архитекторъ увѣрилъ Бакунина въ необходимости расширить дорогу и сдѣлать ее такою же, какая шла отъ стараго дома къ шоссе, и что на это придется прибавить еще нѣсколько сотъ франковъ. Въ дѣйствительности же эти дороги обошлись въ 7—8 тысячъ франковъ. Архитекторъ точно также поступалъ и съ другими постройками, какъ выяснилось впослѣдствіи. По первоначальному проекту новый домъ по размѣрамъ своимъ не превышалъ стараго; но, начавши строить его, архитекторъ постепенно и послѣдовательно убѣждалъ Бакунина и Кафіеро въ необходимости увеличить его, расширить его, при чемъ всегда ссылался на якобы незначительное увеличеніе расходовъ. Цистерну, поглотившую тоже нѣсколько тысячъ франковъ, вначалѣ совсѣмъ не предполагали строить, такъ какъ при небольшомъ новомъ домѣ вполнѣ возможно было ограничиться одной уже существующей цистерной; но большой домъ потребовалъ новую дополнительную цистерну. Архитекторъ проектировалъ также разбить садъ около новаго дома, впрочемъ этого не удалось ему исполнить.

Вскорѣ возвратился Кафіеро съ женою изъ Россіи. Изъ разговоровъ съ ними я вполнѣ убѣдился, что ни онъ, ни Бакунинъ совсѣмъ не слѣдили за работами, не подсчитывали расходовъ, а когда я подвелъ приблизительные итоги всего, что израсходовано, то оба они были не мало удивлены большими расходами, главной причиной которыхъ были ихъ неряшливость, непрактич-

Библиотека "Руниверс"

ность, безтолковость. Тогда же было рѣшено сократить немедленно работы, ограничившись самымъ необходимымъ, а расчеты съ архитекторомъ затянулись и были, по просьбѣ Кафіеро, окончены значительно позже.

Во время нашихъ общихъ разговоровъ я впервые узналъ, что скоро пріѣдетъ изъ Россіи семья Бакунина, поселится въ Баронатѣ и что новый домъ строится для нея, такъ что первоначальная цѣль покупки Баронаты измѣнилась. Тогда же я узналъ, что наслѣдство Кафіеро не такое большое, какъ предполагалось раньше, и едва ли превыситъ сто тысячъ франковъ, а на наши деньги тридцать тысячъ руб. Бакунинъ и Кафіеро въ этихъ разговорахъ иногда винили и упрекали другъ друга въ разныхъ промахахъ и ошибкахъ и подчасъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ я возился съ архитекторомъ и ликвидаціей работъ по постройкамъ, шли усиленнымъ темпомъ приготовленія къ Болонскому дѣлу. Къ намъ часто наѣзжали Коста, Малатеста и другіе итальянцы. Бакунинъ, конечно, принималъ самое горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Въ первый же день моего пріѣзда въ Баронату, говоря о немъ, онъ сказалъ мнѣ о своемъ рѣшеніи ѣхать въ Болонью и принять тамъ самое активное участіе. Это нисколько меня не удивило, потому что Бакунинъ во всякомъ серьезномъ дѣлѣ всегда шелъ въ переднемъ ряду, да еще первымъ; было бы удивительно, если бы онъ уклонился отъ этой поѣздки. Я самъ началъ постепенно втягиваться въ это дѣло, исполняя отдѣльныя порученія. Такъ, однажды, получивъ отъ Кафіеро процентныхъ бумагъ на двадцать тысячъ франковъ, нужно было ихъ продать и полученныя деньги передать Костѣ. Операція эта оказалась довольно затруднительная, потому что въ банкахъ требовали отъ меня удостовѣренія моей личности и откуда я получилъ эти бумаги. Тогда впервые въ каменныхъ работахъ вмѣсто пороха стали употреблять динамитъ для взрывовъ породы. Насъ это очень заинтересовало, и я взялся достать нѣсколько патроновъ динамита, произвести съ нимъ кое-какіе опыты, чтобы познакомиться съ его дѣйствіемъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, жена Кафіеро доставаемый динамитъ перевозила въ Италію.

Приблизительно во второй половинѣ іюля Бакунинъ получилъ телеграмму отъ своей жены съ дороги съ извѣщеніемъ о днѣ ея пріѣзда въ Локарно. Онъ попросилъ меня выѣхать къ ней навстрѣчу; на другой же день я отправился и встрѣтилъ ее съ дѣтьми и старикомъ отцомъ гдѣ-то недалеко отъ Милана.

Жена Бакунина никакого участія въ революціонныхъ дѣйлахъ не принимала, и онъ не посвящалъ ее въ эти дѣла. Нельзя

Библиотека "Руниверс"

сказать, чтобы она къ нимъ была совершенно индеферентна, нѣтъ она была скорѣе враждебна къ нимъ, и только подъ вліяніемъ его постоянно себя сдерживала. Всѣ мы хорошо это знали, знали также и то, что дѣтей у Бакунина не было, что настоящимъ отцомъ дѣтей былъ Гамбуцци, неаполитанскій адвокатъ, съ которымъ она послѣ смерти Бакунина повѣнчалась, если я не ошибаюсь. Для насъ она была совершенно чужимъ человѣкомъ. И вотъ этотъ-то чужой человѣкъ внезапно врывается въ нашу среду и заявляетъ намъ, что Баронати со всѣмъ, что въ ней есть, принадлежитъ ей, что она хозяйка, а всѣ остальные пришлые посторонніе люди и что она терпитъ ихъ присутствіе здѣсь только изъ уваженія и снисхожденія къ своему старому мужу Бакунину. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ она сдѣлала такое заявленіе Кафіеро, потребовавъ отъ него очистить комнату, которую онъ занималъ съ своей женою, такъ какъ она ей нужна.

Послѣ такого инциндента передъ нами тотчасъ же всталъ вопросъ, что же дальше будетъ съ Баронатою, ужъ не говоря о предполагаемомъ устройствѣ въ ней типографіи, склада и пр., необходимость которыхъ особенно остро чувствовались въ данный моментъ. При обсужденіи создавшагося положенія и въ виду скораго отъѣзда Бакунина въ Болонью всѣ мы трое, т.-е. Бакунинъ, Кафіеро и я рѣшили: во-1хъ, Бакунинъ, по возможности безъ всякой огласки, подпишетъ нотаріальный актъ, что Бароната въ дѣйствительности принадлежитъ Кафіеро, во-2-хъ, Бакунинъ будетъ въ ней жить также, какъ и раньше, и въ-3-хъ, итальянцы для своихъ нуждъ будутъ въ ней устраивать все необходимое для ихъ дѣлъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Бакунинъ уѣхалъ въ Италію; я сопровождалъ его черезъ границу до Вероны. Женѣ своей онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Цюрихъ по личнымъ дѣламъ, и насъ просилъ не сообщать ей о настоящемъ положеніи дѣлъ до моего возвращенія изъ Италіи. По пріѣздѣ въ Верону я тотчасъ же разыскалъ лицо, которое должно было провожать Бакунина до Болоньи, а самъ, согласно нашему общему рѣшенію, вернулся черезъ Миланъ въ Локарно, гдѣ общій нашъ пріятель швейцарецъ Беллеріо, бывшій въ курсѣ всего дѣла съ Баронатою, устроилъ мнѣ свиданіе съ женою Бакунина. Это свиданіе, по ея желанію, состоялось гдѣ-то въ частномъ саду и въ присутствіи Беллеріо. Такъ какъ послѣдній не понималъ по-русски, то разговоръ сначала шелъ по-французски, и я кратко разсказалъ ей о цѣли поѣздки Бакунина въ Болонью, затѣмъ перешелъ къ вопросу о Баронатѣ, что она куплена на средства

Библиотека "Руниверс"

Кафіеро съ извѣстною цѣлью, что Бакунинъ только номинальный собственникъ и т. д. Все это она выслушала довольно спокойно, какъ бы все знала или не придавала никакого значенія; но какъ только я упомянулъ о существованіи нотаріальнаго акта, утверждающаго Кафіеро собственникомъ Баронаты, картина моментально перемѣнилась: она быстро перешла на русскій языкъ и обрушилась на меня съ градомъ упрековъ, что я нигилистъ, не вѣрю ни въ Бога, ни въ чорта, отрицаю семью, собственность и т.д.,и т.д. что у меня одинъ идолъ—революція, что ради ея я лишаю ее Баронаты, что все это я устраиваю, что она не желаетъ жить съ такими людьми подъ одной крышей и немедленно выѣдетъ изъ Баронаты. Никакихъ моихъ объясненій и возраженій она не допускала и не желала слушать. На мое замѣчаніе, что Бакунинъ, вернувшись изъ Италіи, снова поселится въ Баронатѣ, отвѣтила, что она ни подъ какимъ видомъ жить тамъ не будетъ. И дѣйствительно спустя 2—3 дня она съ дѣтьми выѣхала изъ Баронаты, направляясь въ Неаполь.

Всѣ событія послѣдняго времени сильно подѣйствовали на Кафіеро: онъ былъ удрученъ и подавленъ. Матеріальное положеніе его было незавидное, денегъ осталось очень мало, а постройки не окончены. При такихъ условіяхъ жизнь въ Баронатѣ не представляла ничего привлекательнаго—имѣлась только плохая даровая квартира. При свиданіи съ женою Бакунина я упоминалъ ей объ этомъ, и она, конечно, приняла это во вниманіе.

Болонское предпріятіе не удалось, Бакунинъ вернулся въ Швейцарію и остановился въ Шплюгенѣ, откуда телеграммой вызвалъ меня къ себѣ. При свиданіи съ нимъ я разсказалъ ему все въ подробностяхъ, что произошло въ его отсутствіи, включая и мой разговоръ въ саду съ его женою, съ которою онъ еще не видѣлся послѣ поѣздки въ Италію; а переписка между ними, повидимому, только что началась, потому что Бакунинъ тогда выражалъ намѣреніе вернуться въ Баронату. О своихъ отношеніяхъ къ женѣ и дѣтямъ Бакунинъ прежде упоминалъ чрезвычайно рѣдко, да и то мимоходомъ, вскользь, такъ что я, зная, что дѣти не его, всегда представлялъ его себѣ безсемейнымъ и поэтому въ Шплюгенѣ мнѣ удивительно было слышать отъ него, что для него теперь чуть не самый важный вопросъ удержать «Антосю» (т.-е. жену) отъ поѣздки въ Неаполь, гдѣ она предполагала остаться жить.

Здѣсь же впервые Бакунинъ сказалъ мнѣ, что отнынѣ онъ рѣшительно отстраняется отъ всякихъ революціонныхъ дѣлъ, что онъ старъ, усталъ, боленъ, что теперь онъ вполнѣ искренне рѣшилъ уйти въ частную жизнь, что, конечно, онъ никогда

Библиотека "Руниверс"

не откажется быть нашимъ совѣтникомъ, дѣлиться съ нами своею опытностью, своими знаніями, но что для активной дѣятельности у него нѣтъ больше ни силъ, ни энергіи. Съ этого момента я увѣровалъ, что Бакунинъ дѣйствительно вполнѣ уходитъ въ частную жизнь и мы остаемся одни безъ него. Никакихъ разговоровъ о разрывѣ съ нимъ, конечно, не было, да и не могло быть, потому что какъ онъ, такъ и мы оставались тѣмъ же, чѣмъ были и раньше, и все дѣло состояло въ томъ, что одинъ изъ насъ по причинамъ, вполнѣ уважительнымъ, отстаетъ отъ дѣла.

Вернувшись изъ Шплюгена въ Баронату, я разсказалъ Кафіеро все до мельчайшихъ подробностей, затѣмъ, по его просьбѣ, произвелъ всѣ расчеты по постройкамъ и послѣ этого я считалъ оконченнымъ весь этотъ эпизодъ съ Баронатою. Съ Бакунинымъ переписка прервалась, и все, что съ нимъ происходило съ этого времени, для меня было совершенно неизвѣстнымъ. Обо всѣхъ его переживаніяхъ, планахъ, надеждахъ я узналъ много лѣтъ спустя послѣ его смерти.

Кафіеро и я признали безусловно необходимымъ лично разсказать Гильому о всемъ происшедшемъ въ Баронатѣ и поэтому мы оба отправились къ нему въ Нейшатель. Здѣсь Кафіеро въ моемъ присутствіи изложилъ ему обо всемъ весьма подробно и детально, и я только кое-гдѣ дополнялъ или указывалъ на пропуски въ его разсказѣ. Хорошо помню, что онъ не щадилъ себя и признавалъ свои ошибки. Гильомъ, съ своей стороны, сообщилъ юрцамъ о нашемъ посѣщеніи его и нашемъ разсказѣ.

Черезъ нѣсколько времени Бакунинъ далъ намъ знать, что онъ хочетъ видѣться со всѣми нами. Встрѣча произошла въ Нейшателѣ въ присутствіи Гильома, Кафіеро, меня, Швицгебеля и Шпихагера; она была тяжела и для Бакунина, и для всѣхъ насъ. Кривить душою, лицемѣрить, лгать никто изъ насъ не рѣшился бы. Самъ Бакунинъ всегда требовалъ отъ насъ полнѣйшей откровенности, правдивости во взаимныхъ отношеніяхъ, какъ бы ни была горька правда, но ее всегда слѣдуетъ высказывать откровенно и прямо,—говаривалъ онъ. Такъ онъ велъ себя съ нами и того же требовалъ отъ насъ. Представляю себѣ на одинъ моментъ, что мы сфальшивили бы передъ нимъ, скрыли бы наше мнѣніе о его поведеніи въ случаѣ съ Баронтой. Онъ первый бы обнаружилъ эту фальшь, первый возмутился бы нашимъ недостойнымъ поведеніемъ. Я бывалъ свидѣтелемъ, когда онъ давалъ въ подобныхъ случаяхъ жестокія головомойки. Онъ никогда не уклонялся отъ высказыванія всей правды прямо въ глаза, того же требовалъ всегда и отъ насъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ-концовъ, Бакунинъ и самъ призналъ свои ошибки и какъ разъ именно тѣ ошибки, на которыя мы ему указывали.

Это наше послѣднее общее свиданіе съ нимъ не измѣнило моего отношенія къ Бакунину, и я продолжалъ относиться къ нему такъ же, какъ послѣ встрѣчи въ Шплюгенѣ. Благодаря этому я безъ особаго труда возобновилъ съ нимъ сношенія послѣ перерыва въ 4—5 мѣсяцевъ.

Въ самомъ началѣ 1875 года меня сильно потянуло съѣздить въ Лугано повидаться съ Бакунинымъ, о которомъ я за послѣднее время не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того только, что онъ съ семьей живетъ въ Лугано. Кромѣ этого я зналъ, что онъ началъ писать вторую часть его «Государственности и Анархіи». Въ бытность мою въ Баронатѣ онъ показывалъ мнѣ порядочную пачку исписанныхъ листовъ, при чемъ говорилъ: нужно кое-что еще передѣлать, дополнить; но что онъ во что бы то ни стало окончитъ эту работу, такъ какъ несомнѣнно это его послѣдній трудъ. Это тоже побудило меня съѣздить къ нему, узнать, въ какомъ положеніи находится рукопись, и, смотря по обстоятельствамъ, взять ее для печати.

Пріѣхавши въ Лугано, я, не желая встрѣчаться съ его женою, послалъ ему записку съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ и о желаніи видѣться съ нимъ. Онъ тотчасъ же мнѣ отвѣтилъ, назначивъ мѣстомъ свиданія café, гдѣ онъ обычно ежедневно читалъ газеты и куда пришелъ вслѣдъ за запискою. Тогда я прожилъ съ недѣлю въ Лугано, видѣлся съ нимъ ежедневно, проводя вмѣстѣ по нѣсколько часовъ и постоянно въ одномъ и томъ же café. Онъ такъ же, какъ и прежде, всѣмъ живо интересовался, обо всемъ разспрашивалъ, при чемъ прибавлялъ, что о себѣ ему нечего разсказывать, потому что онъ внѣ всякихъ дѣлъ; а личныя его дѣла таковы, что они мало представляютъ интереса, очень онѣ мелочны и однообразны. Первыя встрѣчи были довольно сухи, но потомъ эта сухость мало-по-малу исчезла и послѣ второго или третьяго свиданія я чувствовалъ себя съ нимъ также, какъ и въ былыя времена. Впослѣдствіи я видался съ нимъ много разъ и съ его стороны встрѣчалъ много доказательствъ искренняго и сердечнаго отношенія ко мнѣ. Любопытно одно, за все время вплоть до моего отъѣзда въ Россію въ 1876 г., только одинъ разъ, да и то какъ-то случайно, онъ вспомнилъ о Баронатѣ и при этомъ сказалъ, что весь этотъ эпизодъ очень печаленъ для него, что онъ тогда сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ ошибокъ, которыя вовлекли и насъ въ ошибки... но «не будемъ вспоминать старое»... прервалъ онъ самъ себя.

Вторая часть «Государственности и Анархіи» была забро-

Библиотека "Руниверс"

шена, написанные листы или пропали или онъ ихъ уничтожилъ; на мой вопросъ о нихъ онъ отвѣтилъ: нѣтъ настроенія писать, а написанное для печати не годится. Въ одномъ изъ послѣдующихъ свиданій я пытался еще разъ заговорить о рукописи, но получилъ рѣшительный отвѣтъ, что онъ не въ состояніи писать, что у него нѣтъ никакого желанія писать.

Отправляясь въ Герцеговину съ намѣреніемъ принять участіе волонтеромъ въ возстаніи, я по дорогѣ заѣхалъ къ нему. Вначалѣ онъ былъ противъ поѣздки, но потомъ призналъ ее полезность, хотя и сопряженною съ опасностью, узнавши, что, благодаря моимъ письмамъ, нѣсколько человѣкъ пріѣдутъ изъ Россіи тоже «понюхать пороху». На возвратномъ пути изъ Герцеговины я былъ у него вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, котораго познакомилъ съ нимъ.

Такимъ образомъ мои посѣщенія его время отъ времени, и иногда по его вызову, продолжались вплоть до моего отъѣзда въ Россію въ мартѣ 1876 года. Поѣздка моя въ Россію его очень интересовала и онъ, между прочимъ, оказалъ мнѣ серьезную помощь въ устройствѣ денежной стороны ея. Послѣдній разъ я былъ у него недѣли за двѣ до отъѣзда; при прощаніи онъ выразилъ надежду увидѣться со мною, но судьба разсудила иначе: черезъ три мѣсяца онъ умеръ, а я попалъ въ тюрьму.

Что касается письма Бакунина, приведеннаго въ концѣ статьи г. Стеклова и датированнаго 21 октября 1874 г., то считаю нужнымъ сказать слѣдующее: во-1-хъ, такого письма отъ Бакунина я никогда не получалъ, а о его существованіи узналъ много лѣтъ спустя послѣ его смерти изъ собранія писемъ его къ Герцену и Огареву, изданныхъ Драгомановымъ; во-2-хъ, все, что предпринималось въ «Баронатѣ» для ликвидированія «печальныхъ исторій», предпринималось съ вѣдома и согласія Бакунина, рѣшительно ничего не дѣлалось помимо его или вопреки ему; 3) О поѣздкѣ въ Россію въ 1874 г. я и не думалъ и ни съ кѣмъ объ этомъ не говорилъ, да по моимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ не могъ ѣхать; 4) въ Драгомановскомъ собраніи «Писемъ» къ этому письму сдѣлано примѣчаніе, что Бакунинъ это письмо распространялъ между знакомыми. Знакомые Бакунина и мои были однѣ и тѣ же лица и, конечно, появленіе такого письма вызвало бы большіе разговоры, вся бы тогдашняя эмиграція объ этомъ знала, многіе злорадствовали бы и были бы рады появленію такого документа, тогда какъ ничего подобнаго не было вплоть до самой смерти Бакунина.

А. Россъ.

Библиотека "Руниверс"

М. Е. Салтыковъ и Г. И. Успенскій.

Отношенія между Салтыковымъ, какъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», и Успенскимъ завязались съ конца шестидесятыхъ или начала семидесятыхъ годовъ. Въ журналѣ этого времени печаталась серія крупныхъ произведеній Успенскаго, «Раззореніе», «Тише воды, ниже травы» и др. Отношенія ихъ были далеки отъ интимной близости, и самое сотрудничество Успенскаго въ «О. З.» перемежалось въ 70-е годы перерывами на цѣлые мѣсяцы.

Эти перерывы вызывались, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что Успенскій уѣзжалъ то за границу (два раза), гдѣ и жилъ сравнительно подолгу, то въ Калугу, то въ Самарскую губернію, занятый временами не писательствомъ, а службою (на желѣзной дорогѣ, въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ). Между Успенскимъ и Салтыковымъ, сурово неуклоннымъ и требовательнымъ, возникали время отъ времени и принципіальныя тренія. Весь отдающійся впечатлѣніямъ и настроеніямъ минуты, Г. Успенскій не могъ не выходить временами изъ рамокъ, привычныхъ для Салтыкова.

Въ нашихъ статьяхъ объ Успенскомъ, напечатанныхъ въ «Русской Мысли» 1913 г. №№ 8 и 9, мы упоминали о слухахъ, что Успенскому приходилось время отъ времени подвергаться внутренней цензурѣ, давленію друзей и редакціи. Мы приведемъ въ настоящей замѣткѣ, составленной на основаніи сохранившихся немногихъ писемъ Салтыкова къ Успенскому, прежде всего письмо М. Е. Салтыкова, вполнѣ опредѣленно указывающее на одинъ изъ подобныхъ конфликтовъ между редакторомъ и писателемъ. Въ письмѣ не обозначено года, мы относимъ его къ 1880 г. (болѣе раннихъ писемъ Салтыкова въ архивѣ Успенскаго не оказалось).

Библиотека "Руниверс"

11 ноября.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

Посылаю Вамъ корректуры Вашей статьи, которую только что сейчасъ прочиталъ. Убѣдительнѣйше прошу допустить тѣ выпуски, которые я сдѣлалъ. Статья Ваша произвела на меня тяжелое впечатлѣніе, и я серьезно начинаю думать, что Вы увлекаетесь идеалами Достоевскаго и Аксакова. Къ сожалѣнію статьи Ваши доходятъ до меня уже въ корректурахъ и тогда, когда надобно ужъ выпускать книжку. Я до крайности уважаю Вашу литературную дѣятельность, и мнѣ крайне прискорбно, что могутъ существовать недоумѣнья. Главное: Вы сѣтуете на то, что, по Вашимъ же словамъ, неизбѣжно. Слѣдовательно, эти сѣтованія, по малой мѣрѣ, безплодныя. Можетъ быть, Вы и сами удивитесь, что статья Ваша такъ понята мною, но, право, *иначе и нельзя* понять (подчерк. Салт.). Мнѣ кажется, что если бъ Вы повидались со мной, то я могъ бы полнѣе выяснить Вамъ мою мысль. Не обратите ли Вы также вниманіе на замѣтку мою карандашемъ въ 3-ей формѣ. Повидимому, тутъ есть неясность. Во всякомъ случаѣ, убѣдительнѣйше прошу допустить тѣ выпуски, которые мною намѣчены (во 2-й формѣ). Съ ними смягчится тонъ статьи. Еще просьба: не задерживайте статьи и возвратите съ тѣмъ же посланнымъ. Ее необходимо печатать, такъ какъ на нее разсчитывалось при составленіи содержанія книжки, а теперь 11-е ноября. Повторяю: въ томъ видѣ, т.-е. съ сдѣланными выпусками, статья получитъ этнографическій смыслъ, и перестанетъ быть тенденціозною.

Искренно Вамъ преданный

М. Салтыковъ».

Мы думаемъ, что это письмо относится къ серіи «На родной нивѣ», печатавшейся въ 1880 г. во второй половинѣ года. Подъ этимъ названіемъ въ №№ 10—12 даны очерки, вошедшіе въ собраніе сочиненій Успенскаго подъ названіемъ «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ». Въ 11-й книжкѣ даны главы «Не суйся!» и двѣ слѣдующія, въ которыхъ Салтыковъ и могъ потребовать сокращеній, дабы онѣ получили чисто этнографическій, а не публицистическій смыслъ. Какъ извѣстно, здѣсь Успенскій категорически высказалъ, что въ законченныхъ и гармоничныхъ формахъ крестьянской жизни и труда не находится мѣстъ для интеллигентской мысли. Позднѣе онъ дѣлалъ многочисленныя оговорки, вводившія эту мысль въ законныя рамки (позднѣйшія его указанія

Библиотека "Руниверс"

на неустойчивость и стихійность «власти земли»). Но понятно, что Салтыковъ былъ встревоженъ и огорченъ неожиданнымъ поворотомъ мысли Г. И., глубина которой выяснилась лишь позднѣе.

Кромѣ этого письма, въ архивѣ Г. И. Успенскаго сохранилось еще 17 писемъ Салтыкова. Большая часть ихъ касается сроковъ, въ которые должны быть представлена очередная статья или разсказъ Г. И., и приводить ихъ цѣликомъ не представило бы интереса. Поэтому ограничиваемся немногими выдержками. Общій ихъ тонъ, обычное «многоуважаемый» показываютъ, что Успенскій собственно никогда не сходился съ Салтыковымъ, какъ человѣкъ. Но, несмотря на возможность такихъ треній, какъ только что отмѣченное, оба они, конечно, очень цѣнили другъ друга. Какъ дорожилъ Салтыковъ Успенскимъ, какъ сотрудникомъ, видно даже изъ чисто дѣловыхъ записокъ, которыя касаются денежныхъ счетовъ редакціи съ Успенскимъ.

Онъ обычно былъ въ долгу, и изъ его гонорара за статьи производились постоянные вычеты. Салтыковъ въ этомъ отношеніи предоставлялъ Г. И. всяческія льготы, но обоюдныя соглашенія обычно скоро нарушались самимъ Г. И. Къ 1881 году относится напр., такое письмо:

«Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ! Посылаю вамъ записку въ контору на 100 р. и, разумѣется,—желанія Ваши относительно вычета будутъ выполнены. Въ «Отеч. Запискахъ» Вы всегда найдете для себя столько мѣста, сколько пожелаете, но очень жаль, что Вы покончили съ очерками «На родной нивѣ». Я думаю, что тѣ работы, которыя Вы предположили вновь, лучше печатать въ 1-мъ отдѣлѣ. А впрочемъ объ этомъ ещё успѣется поговорить, и если нездоровье Ваше дозволитъ, то Вы весьма бы меня обязали, заѣхавъ ко мнѣ. Во всякомъ случаѣ повторяю: сколько бы для Васъ ни потребовалось мѣста — будетъ!

Вашъ *М. Салтыковъ.*

Такимъ образомъ, даже инцидентъ съ «Не суйся» не отразился на ихъ отношеніяхъ, въ письмахъ тамъ и самъ проскальзываютъ, въ очень оригинальной формѣ, дѣланные комплименты Успенскому.

Въ письмѣ, помѣченномъ 25 мая (очевидно, 1881 года),читаемъ объ одной, видимо, еще только обѣщанной статьѣ: — заглавіе «Деревня послѣ 1-го марта» я *рѣшительно* (курсивъ Салтыкова) нахожу неудобнымъ, и предлагаю замѣнить слѣдующимъ «Деревня послѣдней минуты». Пожалуйста, согласитесь или другое выдумайте, но только безъ 1-го марта». — Успенскій внялъ этому указанію редактора, встревоженнаго скользкою темой. Въ ближай-

Библиотека "Руниверс"

шей іюньской книжкѣ журнала очередный очеркъ серіи «Безъ опредѣленныхъ занятій» появился подъ заглавіемъ «На травкѣ» и изображалъ подозрительное отношеніе со стороны людей деревни ко всякому интеллигентному человѣку, въ которомъ усматривали прежде всего крамольника. Очеркъ очень понравился Салтыкову, и свое удовольствіе онъ выражалъ въ слѣдующемъ письмѣ:

«Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ. Я зналъ одну барыню, которая придетъ и скажетъ: я пойду дѣтямъ бѣлья купить. А черезъ часъ возвратится: купила зонтикъ! Такъ точно и Вы: обѣщали намъ для іюньской книжки бѣлья, а купили зонтикъ. Но зонтикъ вышелъ такой отличный, что я рѣшаюсь Васъ просить: нельзя ли такой же прислать и для іюльской книжки. Это много бы скрасило послѣднюю. Окончательный срокъ — 5 іюля. Но я уѣзжаю заграницу 3-го числа; слѣдовательно, если бы могли прислать къ 1-му, то весьма бы обязали. Позднѣе слѣдуетъ уже обращаться къ А. М. Скабичевскому, а буде возвратится Н. К. Михайловскій, то къ нему. Присылайте прямо въ типографію.

Вашъ *М. Салтыковъ*

Довольно ревниво Салтыковъ относится къ выходившей съ 1881 года «Русской Мысли», въ которой стали появляться разсказы Успенскаго (№ 11 за 1881 г. и слѣд.).

17 октября (1881 г.) Салтыковъ пишетъ, входя въ денежные интересы Г. И., изливая. въ связи съ цензурными мытарствами Успенскаго и свои авторскія и редакторскія огорченія:

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

«Что вы отдали два разсказа въ «Русскую Мысль»—это еще не бѣда! Журналъ этотъ хорошій и не мѣшаетъ его поддержать. Но все-таки жалко, что «Отеч. Зап.» не могутъ овладѣть обстоятельствами, которыя владѣютъ Вами. Мнѣ кажется, что Вы изъ своихъ книгъ не извлекаете, что слѣдуетъ. Что можетъ быть проще: напечатать извѣстное число въ типографіи въ долгъ и потомъ продавать экземпляры съ уступкою, хотя и большою. Все же лучше, нежели продавать *право* на изданіе. Впрочемъ, я опасаюсь, что мои совѣты неумѣстны, и что Вы впредь будете обращаться къ Гартье и тому подобнымъ бездѣльникамъ. Я получилъ начало Вашего разсказа, но изъ письма Вашего не вижу, скоро ли можно ожидать продолженія и въ какомъ размѣрѣ. Вашъ послѣдній разсказъ произвелъ въ цензурѣ цѣлую бурю. Пропустить-то его пропустили, да потомъ и хватились. Судя потому, какъ этотъ

Библиотека "Руниверс"

разсказъ кончился, не чаю, чтобы и тотъ, который Вы посылаете теперь, былъ цензуренъ. Времена нынѣ тяжкія. Я вотъ второй мѣсяцъ не «украшаю страницъ», да врядъ ли и совсѣмъ отъ «украшенія» не придется отказаться. Очень будетъ обидно, ежели Вашъ новый разсказъ придется отложить.

Весь Вашъ *М. Салтыковъ*».

«Абрамовъ [1]) присылаетъ много, но что-то неслыханное. (Вырвано слово) нельзя печатать».

Окончаніемъ одного разсказа Г. И. замедлилъ. «Вы обѣщали дослать окончаніе Вашего разсказа въ понедѣльникъ,—пишетъ Салтыковъ:—но вотъ понедѣльникъ прошелъ, а ничего нѣтъ. Извините, что я, быть можетъ, надоѣдаю Вамъ, но дѣло въ томъ, что отсутствіе Ваше въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала можетъ быть многими принято за перенесеніе Вашей дѣятельности въ «Русскую Мысль»... То, что до сихъ поръ было у меня въ рукахъ, я нахожу вполнѣ цензурнымъ за очень малыми исключеніями. Я объ одномъ изъ нихъ писалъ вамъ *(Сенаторская ревизія)*»...

Въ письмѣ отъ 23 ноября того же года читаемъ: «...Признаюсь, мнѣ настолько тяжело играть относительно Васъ роль *вычитателя*, что я никогда впредь вычитать не буду, и предоставляю дѣлать это Вамъ самимъ, когда и сколько Вы сами найдете возможнымъ. Я хорошо понимаю Ваши денежныя затрудненія и желалъ бы одного: чтобы расчеты эти не вредили Вашимъ добрымъ отношеніямъ къ журналу». Послѣ ряда соображеній о томъ, какъ сдѣлать съ разсказомъ Успенскаго, пускать ли его въ декабрьской книжкѣ или январьской, Салтыковъ добавляетъ: «Здѣсь былъ Юрьевъ и говорилъ, что ждетъ отъ Васъ цѣлаго ряда разсказовъ. Очень жаль будетъ, если это помѣшаетъ Вашей работѣ въ «Отеч. Запискахъ». Златовратскій тоже что-то далъ въ «Русскую Мысль». Пожалуй, придется и совсѣмъ лавочку закрыть за недостаткомъ сражающихся. Можетъ быть, и пора!»...

«Лавочку закрыть»,какъ извѣстно, позаботилось правительство, прекратившее изданіе «Отечественныхъ Записокъ» на четвертой книжкѣ журнала 1884 года.

Сотрудничество въ «Отеч. Запискахъ», однако, не обезпечивало Г. И., и въ 1881 г. ему пришлось начать писать въ «Русской Мысли», гдѣ первые годы отношенія съ редакціей у него налаживались очень туго со многими недоразумѣніями (см. объ этомъ въ «Архивѣ Гольцева», т. I). Для характеристики его отношеній къ

[1]) Я. В. Абрамовъ (Феодосѣевецъ) авторъ статей о сектантствѣ, печатавшихся—сперва, повидимому, по протекціи Г. Успенскаго—въ О. Зап.

Библиотека "Руниверс"

Салтыкову, на котораго Г. И. въ своихъ письмахъ иногда изрядно сѣтуетъ (напр., за отказъ Салтыкова продолжить печатаніе писемъ Г. И. о пушкинскихъ празднествахъ, за то, что его, Г. И., обошли при ликвидаціи «Отеч. Зап.», см. объ этомъ наши статьи въ «Рус. Мысли»), значителенъ слѣдующій эпизодъ. 31 августа 1881 года въ Москвѣ кружокъ профессоровъ, журналистовъ и артистовъ отпраздновалъ 25-лѣтіе появленія «Губернскихъ Очерковъ» Салтыкова. Празднество это, судя по описаніямъ газетъ, прошло не безъ подъема, но Успенскому оно почему-то показалось недостаточно торжественно, и онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ писалъ объ этомъ Е. С. Некрасовой (неизданное письмо), относя неудачу праздника на счетъ разсердившей его редакціи «Русской Мысли» (письмо все написано въ крайне раздраженномъ тонѣ):

«Ну, чортъ съ ними! Хорошо тоже д..... эти почтили Салтыкова! Нечего сказать—похоже на юбилей. Островскому былъ юбилей въ Петербургѣ—не такой. Хотя бы взяли примѣръ съ юбилея Крашевскаго. И что же смотрѣла ваша вяленая Гамбетта, Гольцевъ, сей ибеяй и ядикай» [1])...

Во всякомъ случаѣ, въ общемъ Успенскій не могъ не вспоминать о своемъ сотрудничествѣ въ «Отеч. Запискахъ» и о редакторѣ ихъ, съ нимъ иногда воевавшемъ, съ хорошимъ чувствомъ. Въ концѣ 1884 года онъ подноситъ Салтыкову одну изъ своихъ книгъ. Салтыковъ въ это время выпустилъ сборникъ «Недоконченныя бесѣды» и началъ сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы» (съ ноябрьской книжки 1884 года «Пестрыя письма»). Онъ отвѣтилъ Г. И—чу слѣдующимъ письмомъ:

31 октября.

«Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

«Съ своей стороны и я давно хотѣлъ послать Вамъ свою книжку, но не зналъ куда адресовать. Теперь исполняю свое намѣреніе. Благодарю Васъ за память и за подарокъ, и весьма сѣтую, что Вы никогда не посѣтите болящаго человѣка.

«Ожидаю завтра появленія «Вѣстника Европы», чтобы удостовѣриться, прошла ли тамъ маленькая-маленькая моя статейка. Это будетъ мой первый дебютъ на чужихъ людяхъ. До сихъ поръ мнѣ какъ-то всегда удавалось работать въ своемъ мѣстѣ.

Искренно вамъ преданный *М. Салтыковъ*.

---

[1]) Т.-е. «либералъ» и «радикалъ»—подражаніе дѣтскому лепету. Относительно этой, надо сказать случайной, рѣзкости по адресу спеціально Гольцева, представляющей, м. б., отголосокъ мнѣній о немъ болѣе радикальнаго круга «Отеч. Записокъ», должно оговориться: Уже въ слѣдующемъ письмѣ къ Некрасовой, Г. И. сожалѣетъ, что «напрасно сердился на Гольцева», котораго выдѣляетъ изъ редакціи «Р. Мысль», и позднѣе ихъ отношенія всегда были неизмѣнно дружескія и сердечныя.

Библиотека "Руниверс"

«Черезъ двѣ недѣли выйдетъ еще мой книжка».

Послѣднее письмо Салтыкова къ Успенскому помѣчено 8 февраля (1889 года). Въ это время вышли два тома дешеваго Павленковскаго собранія сочиненій Успенскаго, также имъ поднесенныхъ больному Салтыкову:

«Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

«Искренно Вамъ благодаренъ за присылку сочиненій. Это послужило для меня доказательствомъ, что Вы не забыли обо мнѣ. Глубоко скорблю о Вашихъ домашнихъ горестяхъ; но напрасно Вы думаете, что посѣщеніе Ваше можетъ разстроить меня. Напротивъ того, оно въ высшей мѣрѣ утѣшитъ меня, и если Вы когданибудь найдете свободную минуту, то зайдите *на короткое время* (подч. Салт.).

Искренно Вамъ преданный *М. Салтыковъ*».

Успенскій, можетъ быть, исполнилъ эту просьбу зайти къ умирающему «на короткое время». Но что могли они сказать другъ другу: Салтыковъ, изможденный и измученный тягчайшими физическими страданіями, и Успенскій—до послѣдней степени истерзанный душевно и носившій въ себѣ зачатки неизлѣчимой болѣзни?

Ч. Вѣтринскій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ писемъ Д. А. Милютина.

(Къ Г. А. Джаншіеву).

Милостивый Государь,

Григорій Аветовичъ.

Примите искреннюю мою благодарность за присылку номера Русскихъ Вѣдомостей, въ которомъ была помѣщена чрезвычайно лестная для меня статья г-на Якушкина, а также и за то любезное вниманіе, съ которымъ Вы относитесь къ моей прежней дѣятельности по достопамятнымъ реформамъ прошлаго Царствованія. Съ удовольствіемъ доставилъ бы Вамъ желаемые Вами матеріалы для исторіи этихъ реформъ, если бъ имѣлъ ихъ подъ рукой; но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ привычки сохранять у себя проходившія черезъ мои руки офиціальныя бумаги.

Что касается до упоминаемой въ Вашемъ письмѣ брошюры, то, конечно, мнѣ было бы очень интересно прочесть ее; но пересылать эту брошюру по почтѣ считаю неудобнымъ. Если бъ для пересылки ее представился бы какой-либо особый вѣрный случай, то я былъ бы очень признателенъ за доставленіе любопытнаго чтенія.

Прошу Васъ, многоуважаемый Григорій Аветовичъ, вѣрить искренности моимъ чувствамъ уваженія и преданности.

Гр. Д. Милютинъ.

Симеизъ.
5 декабря 1893 г.

Симеизъ. 12-го апрѣля 1894 г.

Милостивый Государь,

Григорій Аветовичъ.

Получивъ только вчера Ваше письмо отъ 6-го сего апрѣля, спѣшу отвѣтить на Вашъ вопросъ, хотя и опасаюсь, что этотъ отвѣтъ уже не застанетъ Васъ въ Москвѣ. Впрочемъ едва ли онъ

Библиотека "Руниверс"

и принесетъ Вамъ пользу въ Петербургѣ. Думаю, что и тамъ Вы не найдете прямого рѣшенія поставленнаго Вами вопроса—о «числѣ грамотныхъ, обязанныхъ военной службѣ своею грамотностію». Только весьма приблизительнаго отвѣта можно достигнуть группировкою нѣкоторыхъ офиціальныхъ цифръ, заключающихся въ ежегодныхъ Отчетахъ Военнаго Министерства (печатныхъ), за извѣстный періодъ времени, н. пр. лѣтъ за 20. Такъ можно прибѣгнуть къ слѣдующему расчету:

Предполагая, что всѣ прошедшіе черезъ военную службу нижніе чины болѣе или менѣе грамотны, можно взять за всѣ означенные годы сумму всѣхъ уволенныхъ изъ войскъ въ запасъ (или прямо въ ополченіе) со скидкою извѣстнаго процента, соотвѣтствующаго процентному отношенію поступившихъ за то же время въ войска грамотныхъ къ общему числу новобранцевъ.

Или можно подойти и другимъ путемъ къ желаемому рѣшенію: взять дѣйствительное число числящихся въ настоящее время нижнихъ чиновъ какъ въ запасѣ, такъ и въ ополченіи (тѣхъ и другихъ состояло въ 1891 г.: 2.240.000+278.000), и изъ этой цифры такъ же скинуть, какъ и въ первомъ расчетѣ, процентъ, равный процентному отношенію грамотныхъ новобранцевъ при поступленіи въ войска.

Но, повторяю, и тотъ и другой расчетъ весьма неточны. Въ нихъ не берется въ соображеніе число умершихъ нижнихъ чиновъ, какъ во время состоянія на дѣйствительной службѣ, такъ и по перечисленію въ запасъ и въ ополченіе.

Чтобы выказать какое вліяніе имѣлъ законъ о всесословной воинской повинности на распространеніе грамотности въ народѣ, прибѣгали не разъ къ сравненію за разные годы процентнаго отношенія поступившихъ въ войска грамотныхъ къ общему числу новобранцевъ.

Такъ въ Отчетахъ Военнаго Министерства за прежнее время, по рекрутскимъ наборамъ, значилось грамотныхъ:

а) въ Имперіи:

въ 1868 г.	7.588	изъ 84.000	(т.-е. 9%)
» 1869 г.	8.533	изъ 87.344	(т.-е. 9,7%)
» 1870 г.	10.232	изъ 86.446	(т.-е. 11,8%)

б) въ Царствѣ Польскомъ:

въ 1868 г.	1.474	изъ 10.927	(т.-е. 13,5%)
» 1870 г.	1.410	изъ 12.506	(т.-е. 11,28%)

Библиотека "Руниверс"

По послѣднему же имѣющемуся Отчету Военнаго Министерства за 1891 г., значится: изъ общаго числа 260 т. принятыхъ на службу новобранцевъ оказалось:

получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ
1-го 2-го и 3-го разрядовъ 18.658
просто грамотныхъ 67.408

всего . . . . . 86.066.

Послѣдняя цифра составляетъ 33% (т.-е. почти треть всего числа поступившихъ на службу).

Такое сопоставленіе цифръ имѣетъ за собою преимущество бо́льшей точности; но съ другой стороны, этотъ пріемъ не даетъ вовсе указанія на то, какую долю въ замѣчаемомъ явленіи быстраго возрастанія соразмѣренности грамотныхъ къ общему числу новобранцевъ, можно приписать вліянію новаго закона о воинской повинности, и какую—общему ходу культурнаго развитія народа.

Въ Петербургѣ можетъ быть Вамъ удастся достать печатные Отчеты Военнаго Министерства, которые ежегодно разсылаются не только во всѣ Главныя Управленія Военнаго Министерства, но и въ другія Министерства и Учрежденія. Въ особенности же могутъ сообщить Вамъ полезныя справки и указанія въ Главномъ Штабѣ. Если жъ, паче чаянія, Вы встрѣтите затрудненіе въ полученіи нужныхъ Вамъ офиціальныхъ данныхъ, и если указанные выше два способа или расчета сколько-нибудь могутъ удовлетворительно рѣшить поставленную Вами задачу,—то напишите мнѣ, чтобы я помогъ Вамъ выборкою цифръ изъ имѣющагося у меня экземпляра всѣхъ Отчетовъ Военнаго Министерства съ 1860 г.

Желаю Вамъ полнаго успѣха въ предпринятой Вами работѣ, прошу принять выраженіе истиннаго моего къ Вамъ почтенія и преданности.

Гр. Д. Милютинъ.

P. S. Если бъ не удалось Вамъ получить нужныя данныя въ Главномъ Штабѣ или въ Канцеляріи Военнаго Министерства, то я посовѣтовалъ бы обратиться къ Главному Редактору Военнаго Сборника и Р. Инвалида ген.-м. Лачинову, отъ моего имени. Онъ весьма любезный и услужливый человѣкъ; если самъ не найдетъ возможности удовлетворить Ваше желаніе, то охотно укажетъ Вамъ пути къ тому. Быть можетъ въ самой Редакціи имѣется полный экземпляръ Отчетовъ Военнаго Министерства.

Редакція помѣщается въ Надеждинской улицѣ, № 48.

Библиотека "Руниверс"

Симеизъ. 12-го мая 1894 г.

Милостивый Государь,

Григорій Аветовичъ.

Выраженное Вами въ письмѣ отъ 1-го сего мая желаніе получить статистическія данныя за послѣдніе годы (по 1894-й годъ), къ крайнему моему сожалѣнію, не могу я исполнить. Данныя, сообщенныя въ моемъ письмѣ отъ 12-го прошлаго апрѣля, были извлечены изъ печатныхъ Отчетовъ Военнаго Министерства. Это единственный источникъ, которымъ могу пользоваться. Послѣдній такой Отчетъ существуетъ пока только за 1891-й годъ; за послѣдніе же два года (1892-й и 1893-й) отчеты еще не изданы.

Сожалѣю также о томъ, что Вамъ не удалось достать и въ Петербургѣ желаемыя Вами свѣдѣнія. Впрочемъ, запоздалость данныхъ есть общій недостатокъ всѣхъ нашихъ Русскихъ статистическихъ работъ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ истиннаго моего къ Вамъ уваженія и преданности.

Гр. Д. Милютинъ.

Милостивый Государь,

Григорій Аветовичъ.

Племянникъ мой Юрій Николаевичъ Милютинъ, по Вашему порученію, передалъ мнѣ четыре книжки и брошюру Вашихъ трудовъ. Примите искреннюю мою признательность за эту присылку, какъ за знакъ Вашего ко мнѣ любовнаго вниманія. Одна изъ присланныхъ книжекъ, посвященная памяти С. И. Заруднаго, была уже мнѣ знакома и имѣется въ моей библіотекѣ; прочія—прочту съ любопытствомъ и удовольствіемъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить Вамъ, Милостивый Государь, чувства истиннаго моего къ Вамъ уваженія и преданности.

Гр. Д. Милютинъ.

Библиотека "Руниверс"

Провинціальная администрація въ 1812 году.

(*Новгородскій губернаторъ Сумароковъ*).

Мы довольно хорошо знаемъ лицевую, такъ сказать, внѣшнюю сторону войны 1812 года; мы знаемъ—часто до мелочей, передвиженія русской и французской армій, мы знаемъ, что и когда сдѣлалъ и даже сказалъ тотъ или другой военачальникъ, мы знаемъ официальные документы, касающіеся хода военныхъ дѣйствій; однимъ словомъ, мы можемъ день за днемъ описать *внѣшнюю* исторію войны 1812-го года. Но вѣдь кромѣ этой внѣшней, лицевой ея стороны была еще сторона внутренняя, и она-то извѣстна намъ значительно менѣе. Мы еще знаемъ, что переживали и что чувствовали тогда люди привилегированныхъ классовъ—отъ нихъ дошли до насъ дневники, записки, письма и т. п.; но уже почти только съ ихъ словъ мы знаемъ о настроеніяхъ и переживаніяхъ всей остальной непривилегированной массы народа. Однако и въ этихъ документахъ по большей части характеризуется не вся жизнь того или другого лица, того или другого общественнаго слоя—не жизнь во всемъ ея объемѣ, а лишь съ одной стороны—со стороны ея отношенія къ войнѣ. Вслѣдствіе этого получается своего рода аберрація зрѣнія: создавалось, а иногда создается и теперь впечатлѣніе, будто вся жизнь населенія Россіи въ 1812 году сконцентрировалась исключительно на борьбѣ съ непріятелемъ; всѣхъ охватилъ одинъ порывъ, одно чувство патріотическаго подъема, всѣ помыслы были направлены на одно и то же: на войну съ французами и спасеніе отечества. Но такое представленіе—просто отвлеченная схема, и какъ таковая, вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: жизнь сложнѣе и многостороннѣе всякой схемы; таковой она, конечно, была и въ 1812 году, и только предвзятой точкой зрѣнія съ одной стороны и недостаткомъ соотвѣтствующихъ документовъ съ другой—можно объяснить указанную выше историческую аберрацію: и въ 1812 году, какъ и въ другія подобныя же годины тяжелыхъ народныхъ испытаній, жизнь все же шла своимъ чередомъ,

Библиотека "Руниверс"

а люди оставались людьми, становясь образцами добродѣтели и героизма больше въ воображеніи писателей и историковъ, *хотѣвшихъ* видѣть ихъ таковыми, чѣмъ будучи ими въ дѣйствительности.

Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ цѣлая серія документовъ, напечатанная подъ общимъ заголовкомъ: «Безпорядки при рекрутскихъ наборахъ въ Новгородской губерніи» въ «Документахъ, относящихся къ исторіи 1812 г.» (Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 2-я часть 14 выпуска. Подъ ред. пр.-доц. В. Строева. Спб. 1913 г.). Однако, эти печатные документы не даютъ полной исторіи дѣла о безпорядкахъ при рекрутскихъ наборахъ въ Новгородской губ.: и нѣкоторыя существенныя детали и конецъ дѣла въ нихъ отсутствуютъ. Но въ распоряженіи редакціи «Голоса Минувшаго» имѣется еще «Дѣло Д-та Полиціи Исп. Мин. Вн. Дѣлъ. 1812 г. № 317. Объ ослушаніи Новгородскихъ мѣщанъ», которое вмѣстѣ съ документами г. Строева даетъ возможность нарисовать болѣе или менѣе полную картину указанныхъ безпорядковъ. Съ другой стороны, всѣ эти вмѣстѣ взятые документы ярко вскрываютъ нравы и пріемы управленія провинціальной администраціи въ одной изъ близкихъ къ театру военныхъ дѣйствій губерній—Новгородской. Недалеко отъ нея разыгрывались грозныя событія, гибли тысячи людей, рѣшалась судьба государствъ, а въ ней шла своя маленькая чиновничья война маленькихъ провинціальныхъ самолюбій, чиновники «ходили въ должность» и попрежнему исправно брали взятки, полиція истязала арестованныхъ и наживалась при рекрутскихъ наборахъ, губернаторъ и прокуроръ писали другъ на друга доносы; патріотическій подъемъ былъ весьма относителенъ. Но... предоставимъ документамъ говорить самимъ за себя.

Серія документовъ открывается донесеніемъ новгородскаго гражданскаго губернатора П. И. Сумарокова (племянника извѣстнаго поэта) отъ 20 октября 1812 г. принцу Георгію Гольштейнъ-Ольденбургскому, бывшему тогда новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ ген.-губернаторомъ. Сумароковъ сообщаетъ въ этомъ донесеніи о «безпремѣнномъ буйствѣ и ослушаніи къ Верховной Власти отъ здѣшнихъ Новгородскихъ мѣщанъ». По его словамъ, дѣло было такъ. Получивъ отъ командующаго 2-мъ округомъ ополченія (въ который входила Новгородская губернія) бар. Меллеръ-Закомельскаго положеніе Комитета ополченія, согласно которому поставка ратниковъ съ мѣщанъ опредѣлялась по тому же расчету, какой примѣнялся въ данной мѣст-

Библиотека "Руниверс"

ности къ помѣшичьимъ крестьянамъ (1 ратникъ съ 18 душъ), онъ далъ предписаніе полицейместеру и городскому головѣ объявить это положеніе мѣщанскому обществу и потребовалъ, чтобы оно въ теченіе шести дней выставило 40 ратниковъ, такъ какъ прежде выставленныхъ имъ 50 ратниковъ было мало — 1612 мѣщанъ по расчету 1 ратникъ съ 18 душъ должны были поставить 90 ратниковъ. Въ отвѣтъ на это предписаніе мѣщанское общество составило «дерзкій и непозволительный приговоръ» съ отказомъ выставить еще 40 ратниковъ. Мотивы этого отказа губернаторъ въ своемъ донесеніи изложилъ очень кратко и односторонне. Затѣмъ онъ говоритъ, что лично явился къ мѣщанамъ и увѣщевалъ ихъ, но ничего не помогало. Тогда онъ распорядился тотчасъ же отдать подъ судъ 56 человѣкъ, подписавшихся подъ приговоромъ. Однако, когда на слѣдующій день мѣщанское общество было собрано вновь для постановленія приговора согласно требованію губернатора, мѣщане остались при прежнемъ рѣшеніи. Сообщая объ этомъ, губернаторъ прибавлялъ, что «таковой примѣръ ослушанія можетъ имѣть вліяніе и въ прочіе города и подать поводъ къ подражанію». «Притомъ сія губернія,—продолжалъ онъ,—столь распущена, столь избалована, что править ею есть совершенное мученіе. Никакое распоряженіе начальства ли, или полиціи не проходитъ безъ сопротивленія; квартальныхъ бранятъ, выгоняютъ изъ домовъ и едва строгостію и повтореніями можно принудить ихъ къ исполненію законныхъ требованій». Дальнѣйшій ходъ этого дѣла, однако, вовсе не оправдываетъ этой характеристики новгородской губерніи: наоборотъ, онъ показываетъ, что ея населеніе покорно сносило всѣ административные эксперименты, надъ нимъ производившіеся. Очевидно, это былъ только ловкій губернаторскій пріемъ, имѣющій цѣлью запугать начальство и заранѣе оправдать свои ошибки. Чтобы еще болѣе усилить впечатлѣніе, Сумароковъ предлагалъ въ концѣ своего донесенія такую мѣру: «наборъ ратниковъ претворить въ рекрутъ, взять въ оные изъ числа первыхъ бунтующихъ или ихъ семействъ, а законному сужденію итти притомъ своимъ порядкомъ». Къ своему донесенію Сумароковъ приложилъ копію приговора новгородскаго мѣщанскаго общества отъ 18 окт., который рисуетъ дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Приговоръ составленъ въ очень спокойномъ тонѣ и приводитъ мотивы мѣщанъ къ ихъ отказу выставить еще 40 ратниковъ. Они указываютъ, что, кромѣ выставленныхъ уже 50 ратниковъ, они поставили еще не мало телѣгъ, несли не мало «внутреннихъ городскихъ и другихъ повинностей»; приравниваніе ихъ при наборѣ ратниковъ ополченія къ помѣщичьимъ крестьянамъ они считаютъ несправедливымъ,

Библиотека "Руниверс"

ибо «тѣ имѣнія (помѣщичьи) всегда есть и остаются въ собственность владѣльцевъ», мѣщане же живутъ лишь своимъ постояннымъ заработкомъ и никакого обезпеченія не имѣютъ; въ правильности своей точки зрѣнія ихъ убѣждаетъ и то, что въ отношеніи рекрутской повинности они приравнены къ казеннымъ крестьянамъ. которые выставляютъ 1 рекрута съ 50 душъ, а не къ помѣщичьимъ, Затѣмъ мѣщане указываютъ, что согласно манифесту 18 іюля 1812 года вступленіе въ ополченіе было объявлено дѣломъ добровольнымъ, а постановленіемъ комитета министровъ (6 сентября) рѣшено, что тамъ, гдѣ съ мѣщанъ поступитъ въ ополченіе не менѣе 2-хъ человѣкъ съ 100 душъ, рекрутовъ съ нихъ при нынѣшнемъ наборѣ не брать. Новгородскіе мѣщане добровольно выставили по 3 человѣка съ лишнимъ со 100 душъ, а потому отказываются выставить еще 40 человѣкъ, тѣмъ болѣе, что предписаніе объ этомъ губернатора не ссылается на какое-либо новое именное Высочайшее повелѣніе [1]).

Такъ началось дѣло о «безпримѣрномъ буйствѣ» новгородскихъ мѣщанъ. Дѣло простое, несложное, получившее однако вскорѣ же характеръ междувѣдомственной распри; про мѣщанъ даже какъ-будто забыли.

Постановивъ свой приговоръ, мѣщане обратились къ губернскому прокурору Бѣлявскому съ жалобой на губернатора. Тотъ сначала отказывался принять ее, говоря, что она должна быть подана высшему начальству, а не ему, что онъ не былъ очевидцемъ всего происшествія и узналъ о немъ изъ частныхъ источниковъ; вслѣдствіе этого онъ отказывался принять жалобу и лишь послѣ настойчивыхъ и неоднократныхъ просьбъ принялъ ее. Это вмѣшательство прокурора сразу осложнило дѣло: прокуроръ сталъ писать рапорты министру юстиціи, губернаторъ — генералъ-губернатору и... «пошла писать губернія». Рапорты прокурора чрезвычайно ярко рисуютъ, какъ обстановку всего этого происшествія, такъ и порядки управленія въ Новгородской губерніи.

Въ первомъ рапортѣ отъ 21 окт. Бѣлявскій такъ рисовалъ картину «буйства» мѣщанъ. Когда мѣщане стали подписывать составленный приговоръ, то прибылъ полицейм. Болдыревъ, «сдѣлалъ шумъ и сталъ кричать: что если кто изъ мѣщанъ осмѣлится противъ повелѣнія губернаторскаго спорить, то первыхъ онъ повѣситъ, другихъ публично пересѣчетъ кнутомъ, а послѣ кого захватитъ отдастъ безъ всякаго приговора въ солдаты, и съ сими угрозами началъ отнимать бѣлый и черный приговоры и бить тѣхъ

[1]) Такого повелѣнія и не было, было только постановленіе Комитета Ополченія, противорѣчившее какъ манифестамъ, изданнымъ по этому поводу, такъ и рѣшенію Комитета Министровъ отъ 6 сентября.

Библиотека "Руниверс"

мѣщанъ, у коихъ они были, одного же изъ нихъ ударилъ саблей». Послѣ этого Болдыревъ уѣхалъ, но черезъ нѣсколько времени вернулся вмѣстѣ съ губернаторомъ; послѣдній, «отдавъ обратно или бросивъ на столъ бѣлый приговоръ съ обыкновенною своею горячностью, или, какъ мѣщанское общество въ прошеніи изъясняетъ, съ азартнымъ видомъ кричалъ мѣщанскому собранію, что всѣ кто отважится подписать его—будутъ наказаны публично плетьми». Раздраженные мѣщане стали на глазахъ губернатора подписывать приговоръ; тогда онъ выхватилъ приговоръ у нихъ изъ рукъ и «произнося новыя угрозы», уѣхалъ. На второмъ собраніи мѣщанъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ присутствовалъ Бѣлявскій, сразу ставшій на ихъ сторону — у него уже раньше были столкновенія съ губернаторомъ, между прочимъ по поводу рекрутскихъ наборовъ (см. дальше).

Сумароковъ рѣшилъ принять свои мѣры и экстренно отправилъ въ Петербургъ полицеймейстера, но что дѣлалъ тамъ послѣдній, изъ дѣла не видно. Вслѣдствіе этого Бѣлявскій счелъ необходимымъ подкрѣпить свой рапортъ указаніемъ на то, что Сумароковъ давно уже возбудилъ противъ себя населеніе губерніи, такъ что «все городовое общество располагается принести всеподданѣйшую жалобу Е. И. В.». «Да и невозможно исчислить,—говоритъ Бѣлявскій, — всѣхъ странныхъ дѣяній господина губернатора...: онъ обыкновенно и большею частью самъ пишетъ бумаги безъ всякаго соображенія и основанія лишь бы только показать свою скорость, безъ соображенія, потому что никогда не читаетъ внимательно и не входитъ ни въ какое дѣло, и безъ основанія, потому что незнаетъ и не согласуется съ законнымъ порядкомъ. Не принимаетъ ни отъ кого письменныхъ и не выслушиваетъ словесныхъ просьбъ, и если кто взойдетъ съ оными, то обидитъ ругательствомъ и выгонитъ. Отъ сего многіе теряютъ все свое право, чтобъ только не имѣть до него дѣла. Весьма нерѣдко дерется своими руками съ мужиками и чаще при рекрутскомъ наборѣ въ самомъ присутствіи; если только станутъ представлять ему что, и отъ того мужики бѣгаютъ отъ него и крайне огорчаются». По словамъ Бѣлявскаго, самъ Сумароковъ «*причиною всѣхъ необыкновенныхъ своихъ дѣяній поставляетъ обстоятельства настоящаго времени и говоритъ будто онъ имѣетъ секретныя высочайшія повелѣнія дѣйствовать такимъ образомъ* [1]): не соблюдать никакихъ правилъ закономъ предписанныхъ, а поступать по своему произволу». «Но,—прибавляетъ прокуроръ,—благоразуміе не допускаетъ вѣрить тому, ибо, кажется, въ настоящее время

[1]) Курсивъ нашъ.

Библиотека "Руниверс"

и потребно болѣе пещись о сохраненіи тишины и спокойствія въ народѣ».

Свой рапортъ прокуроръ сопровождалъ прошеніемъ къ нему мѣщанъ — оно имѣется въ документахъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ бумагахъ Строева его нѣтъ. Это прошеніе подтверждаетъ фактическую часть рапорта Бѣлявскаго и въ заключеніе говоритъ: «... не поставка наша 40 человѣкъ во ополченіе не есть отъ упрямства и грубостей или неповиновенія нашего, но единственно такъ какъ сей предметъ очищаетъ новымъ наборомъ, для котораго и желаемъ слышать Высочайшую Монаршую волю, тогда же въ едино мгновеніе выполнить обязуемся».

Такого же, въобщемъ, содержанія было и всеподданѣйшее прошеніе новгородскихъ мѣщанъ отъ 22 октября; но въ немъ есть одна новая черточка для характеристики Сумарокова: онъ обнаружилъ необыкновенную склонность, несмотря на военное время, къ «украшеніямъ внутренности города» и заставлялъ обывателей Новгорода перестраивать свои дома по изданнымъ имъ планамъ и фасадамъ, штукатурить ихъ и обивать тесомъ; кто не могъ исполнить этого предписанія по недостатку средствъ, лишался дома совсѣмъ, такъ какъ губернаторъ отдавалъ его на сломъ, а кто медлилъ исполнить предписаніе, къ тому назначался постой «не по соразмѣрности квартиръ» [1]). Въ отвѣтъ на эти бумаги и обвиненія прокурора Сумароковъ рѣшилъ перейти въ наступленіе и отправилъ 25 октября длинный рапортъ принцу Ольденбургскому (см. выше). Оправдываясь въ немъ отъ обвиненій въ злоупотребленіяхъ при рекрутскомъ наборѣ онъ стремится подорвать довѣріе къ прокурору, выставляя его колебателемъ «основъ»; онъ говоритъ, что поступки прокурора даютъ «поводъ къ возмущенію въ народѣ»; протесты его онъ называетъ «недѣльными» и «ябедническими». Прося «воздержать прокурора отъ его дерзостей и предписать ему предѣлъ», онъ говоритъ, что «безъ сего родится своеволіе, неуваженіе къ начальству и потрясеніе порядка».

Черезъ 3 дня послѣ этого, прокуроръ Бѣлявскій отправилъ министру юстиціи новый рапортъ, въ которомъ выдвинулъ цѣлый арсеналъ обвиненій противъ губернатора по поводу его дѣйствій при рекрутскомъ наборѣ въ сентябрѣ 1812 года; тутъ онъ, между прочимъ, говорилъ, что губернаторъ рѣшалъ дѣла въ рекрутскомъ присутствіи единолично, не слушая никого и ничего, «крестьянъ и подающихъ просьбы и приходящихъ со словесными жалобами, гонитъ съ ругательствомъ, часто бьетъ своими руками, деретъ

[1]) Можетъ быть, это были приготовленія губернатора къ проѣзду черезъ Новгородъ имп. Александра.

Библиотека "Руниверс"

бороды и нѣкоторымъ обрѣзываетъ, что бываетъ и въ самомъ рекрутскомъ присутствіи». Затѣмъ онъ сообщаетъ, что «послѣ случившагося обиднаго поступка» съ нимъ г. губернатора,—по его словамъ въ другомъ донесеніи, тотъ, «призвавъ его къ себѣ въ домъ въ необыкновенное время и не стыдясь показаться ему въ самомъ нетрезвомъ положеніи, вспыльчиво и неблагопристойно кричалъ на него и, упрекая, что онъ его сдѣлалъ прокуроромъ, угрожалъ отрѣшеніемъ его», — послѣ всего этого онъ, прокуроръ, «принялъ себѣ за правило всячески удаляться отъ личныхъ съ нимъ объясненій» и потому рѣшилъ сноситься съ нимъ письменно, но губернаторъ не принимаетъ его бумагъ.

Такимъ образомъ война была объявлена по всей линіи.

Эти обвиненія Бѣлявскій подтверждалъ еще рапортомъ принцу Ольденбургскому отъ 1 ноября, сообщая въ немъ о недоборѣ 650 человѣкъ при рекрутскомъ наборѣ въ Новгородской губ. На слѣдующій день онъ отправилъ ему новый рапортъ, въ которомъ говорилъ, «что еще со времени существованія Новгородской губерніи никогда не было до такой степени испорчено правленіе оною, до какого довелъ въ короткое время нынѣшній г. гражданскій губернаторъ... присвоившій все одному себѣ... и по одному пылкому своему воображенію никогда ничего не дѣлающій съ равнодушіемъ».

Но такъ какъ рапорты Бѣлявскаго не производили ожидаемаго дѣйствія, принимались въ Петербургѣ и Твери, повидимому, довольно спокойно, слѣдствіе по этому дѣлу было наряжено лишь въ концѣ ноября, онъ рѣшилъ выдвинуть противъ губернатора цѣлый рядъ новыхъ обвиненій. Такъ въ рапортѣ отъ 21 ноября [1]) принцу Ольденбургскому онъ обвиняетъ Сумарокова въ злоупотребленіяхъ при пріемѣ и содержаніи въ Новгородѣ плѣнныхъ французовъ. Данныя, сообщаемыя въ этомъ рапортѣ Бѣлявскимъ, настолько любопытны для характеристики отношенія въ 1812 г. мѣстныхъ властей къ плѣннымъ французамъ, что мы приведемъ ихъ въ выдержкахъ.

«Коль скоро начали слѣдовать чрезъ Новогородъ партіи военноплѣнныхъ французскихъ войскъ, то вслѣдствіе Высокомонаршаго Е. И. В. соизволенія, милосердствующаго къ человѣчеству, предписано симъ плѣннымъ оказывать призрѣніе, давать имъ кормовыя деньги, нагихъ изъ нихъ одѣвать и для лѣченія больныхъ устроить больницы...

«На одѣяніе ихъ требовалось готовое платье и знатная сумма, но перваго по малой торговлѣ здѣшняго города не могло вдругъ

---

[1]) Дѣло Д-та Полиціи Исполн. Мин. Вн. Дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

и ровнаго отыскаться, слѣдовательно, надлежало бы сдѣлать установленнымъ порядкомъ вызовъ желающихъ на поставку одѣянія и произвесть съ нимъ торги, ... но г. губернаторъ возложилъ на одного здѣшняго полицейместера и деньги получать изъ казенной палаты и одѣвать всѣхъ плѣнныхъ. Отъ сего происходило, что полицейместеръ, принимая изъ казенной палаты и употребляя большую сумму денегъ на одѣяніе военноплѣнныхъ, одѣвалъ ли ихъ, какъ показывалъ въ своихъ отчетахъ, въ которыхъ могъ онъ ставить такое одѣяніе и обувь, какія хотѣлъ, но каковы тогда едва ли и были здѣсь, повѣрить неудобно. Но говорили тогда и слухъ носится теперь, будто вмѣсто сапоговъ одѣвалъ полицейместеръ плѣнныхъ опорками, а изъ голенищъ опять дѣлалъ такіе же для другихъ; шинели, рубашки и прочее, также было покупаемо носимое на рынкахъ самое ветхое, да и въ такое рубище будто не всѣ нагіе были одѣваемы, между тѣмъ какъ выставлялась цѣна за полные сапоги и за новые шинели, рубашки и проч... Кормовыхъ денегъ равномѣрно они своевременно не получали, призрѣнія имъ въ пути итого еще менѣе было оказываемо, распоряженія въ надлежащемъ пріемѣ на мѣстѣ, куда они назначались, тоже нельзя ожидать порядочнаго; слѣдовательно одни умирали въ пути, другихъ тащили больныхъ для заразы, какъ теперь оказалось, тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя они проходили, а послѣднія достигали въ изнуреніи тѣхъ мѣстъ, въ которыя были назначаемы для таковой же участи, какъ то видно изъ рапорта Устюжскаго уѣздн. стряпчаго...

«Въ назначенныхъ здѣсь для сихъ военноплѣнныхъ больницахъ, не только слабый присмотръ и лѣченіе, но едва ли употребляются на больныхъ и кормовыя деньги, отъ чего не проходитъ дня, въ который бы не умерло въ каждой больницѣ отъ 5 до 10 и болѣе человѣкъ. Сіи мертвыя тѣла не вдругъ погребаются, но лежатъ тамъ по нѣсколько сутокъ иногда до того, что станутъ портиться и заражаютъ собою другихъ, какъ больныхъ такъ и здоровыхъ; день отъ дня больше умножается мертвыхъ тѣлъ, и напослѣдокъ они вывозятся большею частью ночью на нѣсколькихъ возахъ, ставя на каждый возъ столько, сколько помѣститься можетъ гробовъ и въ силахъ свезти лошадь; они отвозятся недалеко отъ города, сваливаются въ яму, неглубоко вырытую, и, говорятъ, нагишомъ, безъ гробовъ, сколько ихъ помѣститься можетъ, такъ что сверху только немного засыпаются землею и снѣгомъ, а гробы обращаются назадъ, хотя на каждаго умершаго показывается гробъ по назначенной цѣнѣ. Справедливость сего ужаснаго безчеловѣчья подтверждается тѣмъ, что уже собаки таскаютъ части сихъ мертвыхъ тѣлъ, и возлѣ города умножаются

Библиотека "Руниверс"

волки, но главное, что отъ сего предстоитъ крайняя опасность въ заразѣ и здѣсь, особливо же по открытіи весны; да и теперь уже здѣсь въ самомъ городѣ множество больныхъ, а на фабрикѣ и того еще больше, и много умираютъ, что относятъ къ означеннымъ причинамъ. Всѣ жители здѣшніе въ несказанномъ страхѣ отъ сей видимой опасности».

Характерно, что изъ всѣхъ дальнѣйшихъ документовъ по этому дѣлу не видно, чтобы на это донесеніе Бѣлявскаго было обращено должное вниманіе и чтобы по этому поводу было произведено слѣдствіе...

Затѣмъ въ рапортахъ отъ 20 дек. 1812 г. и отъ 5 янв. и 18 янв. 1813 года [1]) онъ выступилъ съ обличеніемъ злоупотребленій новгор. земскаго исправика Осокина, которому, по его словамъ, губернаторъ во всемъ потакаетъ. Про него онъ сообщалъ, напримѣръ, что тотъ «въ уѣздѣ, въ селеніяхъ подѣлалъ тюрьмы, мучитъ людей жестокими истязаніями, употребляетъ даже пытки и безъ суда содержитъ въ цѣпяхъ и колодкахъ по немалому времени. Въ городѣ въ своей квартирѣ также учредилъ тюрьму и ужасные производитъ жестокости, *разглашая между простолюдинами, что онъ имѣетъ секретныя повелѣнія разстрѣливать* [2]) и тѣмъ ихъ довелъ до такого страха, что не смѣютъ на него жаловаться». (Припомнимъ, что такое же объясненіе своихъ произвольныхъ дѣйствій, по словамъ того же Бѣлявскаго, давалъ губ. Сумароковъ).

Затѣмъ Бѣлявскій сообщалъ, что ему извѣстно, какъ Осокинъ «по порученію г. губернатора закупалъ на большую сумму, отъ дворянъ пожертвованную, лошади и телѣги, назначалъ за оные по своему произволу цѣны въ третью часть того, что показывалъ будто платилъ; ... а несоглашавшихся на положенныя имъ цѣны тиранилъ»...

Затѣмъ, въ двухъ другихъ рапортахъ Бѣлявскій подробно доносилъ о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ Осокинымъ казеннаго крестьянина Еремѣева, котораго онъ для сокрытія истины до самой смерти продержалъ въ своей домашней тюрьмѣ; съ той же цѣлью онъ склонилъ къ ложному показанію лекаря и за 500 рублей подкупилъ священника, который исповѣдалъ Еремѣева.

Наконецъ, въ рапортѣ отъ 18 января Бѣлявскій прямо выступилъ съ обвиненіемъ Сумарокова во взяточничествѣ: «... всѣ таковыя отчаянныя дѣянія исправника Осокина, равно какъ и полицеймейстера Болдырева явно допускаются имъ, и потомъ употребляются всякія средства къ затменію ихъ г. гражд. губернаторомъ потому, что самъ г. губернаторъ дѣйствительно участвуетъ

[1]) Дѣло Д-та Полиціи. Исполн. М. В. Д.
[2]) Курсивъ нашъ.

Библиотека "Руниверс"

въ лихоимственныхъ отъ того ихъ прибыткахъ. Отъ полицей-мейстера самъ беретъ деньги подъ видомъ займа, а исправникъ-доставляетъ ему посредствомъ предосудительныхъ связей, весьма противныхъ тому безпристрастію и безкорыстію, которыми напрасно тщеславится Его Превосходительство [1]). По таковымъ-то обстоятельствамъ испр. и полицм. безстрашно пускаются на всѣ законопреступленія и не только устращиваютъ простой народъ, но по возвращеніи изъ С-П-га г. губернатора, торжественно возвѣстившаго имъ всѣмъ о смѣнѣ меня, грозятся уже и на меня».

Дѣйствительно, дни прокурорства Бѣлявскаго были сочтены. Уже 27 ноября и 2 декабря Сумароковъ, донося принцу Ольденбургскому объ отказѣ мѣщанъ Старой Русы, Бѣлоозера, Тихвина и Устюжны дать дополнительно людей въ ополченіе по примѣру новогородскихъ мѣщанъ, давалъ понять, что все это результатъ вмѣшательства въ это дѣло прокурора Бѣлявскаго, который «совокупясь съ ними (т.-е. недовольными) ежедневно пишетъ протесты». Поѣздка Сумарокова въ Петербургъ рѣшила дѣло въ его пользу — въ бумагѣ главнокомандующаго въ Петербургѣ Вязмитинова въ Комитетъ Министровъ отъ 12 февраля 1813 г. Бѣлявскій названъ уже *бывшимъ* новгородскимъ прокуроромъ, но по какимъ именно мотивамъ состоялось его увольненіе, изъ дѣла не видно.

Но недолго удержался и Сумароковъ. Какъ справедливо говоритъ г. Строевъ (стр. 77), онъ «вызвалъ противъ себя столь сильное неудовольствіе въ управляемомъ имъ населеніи, что увольненіе его сдѣлось необходимымъ»: съ 1815 года онъ состоялъ уже при герольдіи. О судьбѣ Осокина и Болдырева изъ дѣла ничего неизвѣстно.

Слѣдствіе по этому дѣлу производилось два раза: сначала командированнымъ изъ Твери ст. совѣтн. Быховцомъ, а затѣмъ сенаторомъ Миклашевскимъ. Первый изъ нихъ въ рапортѣ отъ 4 февраля 1813 г [2]) Вязмитинову осторожно доносилъ, что въ сущности все, что писалъ въ своихъ рапортахъ Бѣлявскій о «буйствѣ» мѣщанъ Новгорода и дѣяніяхъ Сумарокова, находитъ свое подтвержденіе, но, говорилъ онъ дальше, «что-бы можно было на таковыхъ разсказахъ утверждаться и считать ихъ за истину, я на свою отвѣтственность взять никакъ не могу, а болѣе полагаю, что какъ прокурорскіе протесты, такъ и недовольствіе жителей произошли отъ личной какой-либо ненависти, а если и есть

---

[1]) Эти слова Бѣлявскаго опровергаютъ утвержденіе г. Строева, редактора вышеназванной книги, что Бѣлявскій «не могъ заподозрить личной честности Сумарокова».

[2]) Дѣло Д-та Полиціи. Исполн. М. В. Д.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительно злоупотребленіе, то открыть оное безъ формальнаго изслѣдованія невозможно». Быть можетъ, эти послѣднія слова рапорта Быховца и рѣшили судьбу Бѣлявскаго.

Сен. Миклашевскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 26 Авг. 1814 г. доносилъ, что новгородскіе мѣщане никакого преступленія не учинили, кромѣ того-что ослушались предложенія губернатора, «на которое безъ высочайшей В. И. В. воли онъ власти не имѣлъ». Поэтому Миклашевскій предложилъ Палатѣ Уголовнаго Суда остановить производство дѣла о мѣщанахъ до воспослѣдованія резолюціи на ихъ всеподданнѣйшую жалобу, допустить ихъ къ выборамъ и разрѣшить выдачу паспортовъ для отлучекъ по торгамъ и промысламъ.

Въ такомъ видѣ рисуютъ нашу провинціальную администрація въ 1812 году названные выше документы.

К. Сивковъ.

Библиотека "Руниверс"

Выдача Бакунина австрійцами.

М. А. Бакунинъ былъ въ Прагѣ дважды: въ первое свое посѣщеніе онъ принялъ участіе въ Славянскомъ съѣздѣ въ маѣ и іюнѣ 1848 г., вторично онъ изъ Дрездена прибылъ въ Прагу тайно съ англійскимъ паспортомъ на имя Андерсона, во второй половинѣ марта 1849 г., съ цѣлью подготовить здѣсь чешскую «революцію». Въ третій разъ ему пришлось быть въ Прагѣ уже не по доброй волѣ. Арестованный 10 мая 1849 г., въ Хемницѣ, послѣ неудачнаго возстанія въ Дрезденѣ, онъ заключенъ былъ въ саксонскую крѣпость Кенигштейнъ, а въ маѣ 1850 г. переданъ былъ австрійскимъ властямъ и препровожденъ въ Прагу. Къ этому времени относятся уже и переговоры о выдачѣ его властямъ русскимъ. Офиціальные документы повѣствуютъ объ этомъ слѣдующее.

По всеподданнѣйшему докладу рапорта и. д. коменданта г. Кракова маіора Ридигера о томъ, что пойманный въ Дрезденѣ (sic) политическій преступникъ Бакунинъ уже на дорогѣ къ Кракову и имѣетъ быть выданъ въ руки нашего правительства, Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: немедленно послать надежнаго жандармскаго офицера съ нужнымъ числомъ жандармовъ для привезенія Бакунина въ Варшаву закованнымъ и по прибытіи сюда передать въ Александровскую цитадель для содержанія въ казематѣ подъ бдительнымъ и строгимъ присмотромъ.

Выдача однако состоялась не скоро. Дипломатическая канцелярія въ Варшавѣ 23 іюня—5 іюля 1850 г. извѣщала директора канцеляріи Намѣстника Царства Польскмго П. Ѳ. Еліашевича, что «депешею отъ 7—19 іюня с. г. посланникъ нашъ при Вѣнскомъ дворѣ донесъ управляющему Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что извѣстный мятежникъ Бакунинъ переданъ Саксонскимъ правительствомъ богемскимъ пограничнымъ властямъ и отправленъ подъ карауломъ въ Прагу для очной ставки съ его соучастниками [1]) въ бывшемъ тамъ возмущеніи».

[1]) Это были: Эм. Арнольдъ, Вильг. Гаучъ, Янъ Кнедльгансъ, Ч. Вавра, Карлъ Прейсъ, Карлъ Сабина, всѣ впослѣдствіи осужденные военнымъ судомъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Чехіи Бакунинъ долженъ былъ быть препровожденъ въ Краковъ, избранный по повелѣнію имп. Николая мѣстомъ передачи его русскимъ властямъ. Для принятія Бакунина приказано было послать въ Краковъ надежнаго жандармскаго офицера съ нужнымъ числомъ жандармовъ, которые должны были доставить его, «по закованіи въ ручные и ножные кандалы», въ Варшаву. Но вслѣдъ затѣмъ приказаніе это было отмѣнено, Бакунина предписывалось «везти безостановочно въ С.-Петербургъ и представить тамъ шефу жандармовъ генералъ-адъютанту графу Орлову».

Въ Краковъ для этой цѣли командированъ былъ полковникъ Распоповъ.

Австрійскія власти между тѣмъ откладывали выдачу Бакунина. Въ секретной депешѣ отъ 9—21 марта 1851 г. изъ Вѣны нашъ представитель баронъ Мейендорфъ доносилъ:

«Pour déjouer avec plus de certitude les tentatives qui pourraient être faites pour délivrer Bakounine, pendant sa translation à Cracovie, le Gouvt. Autrichien a ordonné de le faire transporter à Ollmütz, où il est soumis à une surveillance encore plus stricte qu'il ne l'était à Prague, et où il se trouve plus rapproché du point d'extradition. J'ai déjà été informé de Varsovie de la prochaine arrivée à Cracovie de l'officier qui est chargé de notre part de le recevoir et de le transporter ultérieurement, de sorte que je crois qu'il n'y a rien à ajouter aux mesures prises par les deux Gouvst pour assurer le juste châtiment de ce grand coupable» [1]).

Офицеръ Распоповъ болѣе трехъ недѣль ожидалъ въ пограничныхъ Михаловицахъ (продолжительное пребываніе его въ Краковѣ признано было неудобнымъ) выдачи, согласно обѣщанію австрійцевъ, Бакунина. Отсюда онъ сообщалъ въ Варшаву, что въ Краковѣ «носятся слухи, что саксонское правительство настоятельно требуетъ эту особу обратно», что медленность въ передачѣ Бакунина нашему правительству происходитъ отъ того, что австрійское правительство не намѣрено вовсе выдать его—«и потому подъ предлогомъ дальнѣйшаго производства слѣдствія о прагскихъ дѣлахъ та особа изъ Ольмюца отпра-

[1]) «Чтобы вѣрнѣе предотвратить попытки къ освобожденію Бакунина, которыя могли быть сдѣланы во время его перевозки въ Краковъ, австрійское правительство приказало перевезти его въ Ольмюцъ, гдѣ надъ нимъ установленъ еще болѣе строгій надзоръ, чѣмъ былъ въ Прагѣ, и гдѣ онъ ближе къ мѣсту выдачи. Меня уже увѣдомили изъ Варшавы о скоромъ пріѣздѣ въ Краковъ офицера, который уполномоченъ съ нашей стороны принять и кромѣ того перевезти его, такъ что я считаю, что ничего нельзя еще сдѣлать сверхъ тѣхъ мѣръ, которыя предприняты обоими правительствами къ тому, чтобы этотъ великій преступникъ понесъ справедливое наказаніе».

Библиотека "Руниверс"

влена будетъ въ Прагу»; «что многіе принимаютъ участіе въ освобожденіи той особы», а если бы это не удалось, то, говорятъ, она будетъ отравлена: «ибо боятся, ежели она будетъ передана и допрошена въ Россіи, то несомнѣнно откроетъ всѣхъ соучастниковъ и тѣмъ многихъ скомпрометируетъ не только заграничныхъ, но даже и своихъ соотечественниковъ».

Только 2—14 мая 1851 г. полковникъ Распоповъ могъ донести намѣстнику гр. Паскевичу, что въ этотъ день генералъ-лейтенантъ австрійскихъ войскъ Фидлеръ потребовалъ его къ себѣ въ Краковъ и объявилъ ему, что 5—17 мая преступникъ Бакунинъ доставленъ будетъ въ Краковъ изъ Ольмюца и того же числа переданъ будетъ ему.

Расписка коменданта С.-Петербургской крѣпости генералъ-адъютанта Набокова удостовѣряетъ, что онъ принялъ Бакунина отъ полковника Распопова 11-го мая 1851 г. въ шесть съ половиною часовъ вечера. Такимъ образомъ, съ момента арестованія его саксонцами и до выдачи его русскимъ властямъ прошло ровно два года.

Сообщ. *В. А. Францевъ.*

Библиотека "Руниверс"

Приглашеніе русскихъ на славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г.

Славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ маѣ и іюнѣ 1848 г. долженъ былъ имѣть, по мысли его устроителей, по преимуществу характеръ собранія славянъ австрійскихъ; ему старались придать вполнѣ лойяльный оттѣнокъ и рѣшили не приглашать на него публично представителей славянъ неавстрійскихъ,—они могли быть только гостями, и имъ разосланы были частныя письма. Сообщаемъ здѣсь два такихъ письма знаменитаго библіотекаря чешскаго музея въ Прагѣ Вячеслава Ганки къ его русскимъ друзьямъ, генералу А. Стороженку въ Варшавѣ и доктору Цыцурину, профессору Кіевскаго университета, а затѣмъ президенту Медико-Хирургической Академіи въ Варшавѣ. Какъ видно изъ офиціальной переписки, подобныя пригласительныя письма получены были въ Кіевѣ разными лицами; вѣроятно, получили ихъ и многочисленные знакомые и друзья Ганки въ Петербургѣ и Москвѣ; но изъ русскихъ принялъ участіе въ пражскомъ съѣздѣ только одинъ М. А. Бакунинъ [1]), жившій за границей. Въ спискѣ членовъ съѣзда онъ значится: M. Bakunin, Rossyanin. Офиціальное положеніе большинства русскихъ знакомыхъ Ганки не позволило имъ быть въ майскіе дни 1848 г. въ Прагѣ. Наши власти, внимательно наблюдавшія за движеніемъ начала 1848 г. среди славянъ Австріи, чрезвычайно неодобрительно относились къ національнымъ стремленіямъ славянскихъ народностей сосѣдней монархіи, и самое сочувствіе нашего общества и печати этимъ стремленіямъ считалось поэтому преступнымъ, ибо подъ нимъ скрывалась яко бы мысль соединенія съ этими племенами. Изъ дневника А. О. Смирновой мы узнаемъ, между прочимъ, о взглядахъ кн. Паскевича на славянское движеніе въ Чехіи. «Вы вѣрите этимъ словенскимъ движеніямъ?» спросилъ фельдмаршалъ:

[1]) См. объ его участіи въ съѣздѣ въ біограф. очеркѣ Бакунина, составл. М. П. Драгомановымъ, который приложенъ къ заграничн. изд. переписки Бакунина съ Герценомъ и Огаревымъ, а также перепечатанъ въ изд. *И. Балашова* «М. А. Бакунинъ». 1906. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

«Это все возмутители, бунтовщики; я этимъ всѣмъ воли не даю; у меня въ Варшавѣ не смѣютъ объ этомъ говорить; всѣхъ ихъ подальше».—«Какъ и богемцы у васъ не въ милости?»—«Бунтуютъ противъ Австріи, все это непокорность» (жизнь и труды М. П. Погодина, VIII, 452). Этотъ разговоръ записанъ А. О. Смирновой подъ 12 марта 1845 г.—Неудивительно, что въ 1848 г. чиновные друзья Ганки поспѣшили представить полученныя изъ Праги приглашенія своему начальству, а насколько серьезно отнеслось оно къ этимъ письмамъ, видно изъ того факта, что переписка о нихъ восходила до самого Государя.

1. Переписка по поводу письма В. Ганки къ А. Стороженку.

«Вчерашній день я получилъ по обыкновенной почтѣ изъ Праги отъ стараго знакомаго моего, извѣстнаго ученостію и показывающаго всегда рѣшительную преданность къ Россіи, Вячеслава Ганки, письмо, съ приложеніемъ четырехъ печатныхъ экземпляровъ на разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, коими приглашаются на 31 Маія сего года въ Прагу депутаты изъ всѣхъ словянскихъ провинцій Австрійской Имперіи, для совѣщаній о народномъ своемъ соединеніи, по примѣру нѣмцевъ, съѣхавшихся уже во Франкфуртѣ въ числѣ 50 уполномоченныхъ, для пріуготовительныхъ работъ въ общемъ германскомъ собраніи.

Приглашенія эти напечатаны во многихъ публичныхъ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Въ числѣ подписавшихся на оныхъ есть много извѣстныхъ лицъ, какъ-то: графы: Тунъ, Коловратъ, Деймъ; ученые: Шафарикъ, Палацкій, Ганка и другіе.

Въ означенномъ письмѣ Г. Ганка пишетъ по-русски: «Мы дожили временъ, какихъ никогда не ожидали. У насъ было бы все хорошо, но проклятые нѣмцы! Жаль, что у васъ нѣтъ газетъ нашихъ, а то бы узнали, какими хитростями они хотятъ увлечь насъ въ свои безбожныя мрежи. Читайте наставленія пятидесяти франкфуртскихъ самозванцевъ, относительно нашей протестаціи.—Мы не хотимъ соединенія съ этою великою Германіею.—Мы словяне—и останемся такими до послѣдней капли крови. Весьма пріятно было бы видѣть на нашемъ съѣздѣ и россіянъ, братій нашихъ».

P. S. «На русскомъ языкѣ мы не знали, печатать ли приглашенія, или нѣтъ,—и потому не печатали».

Прописанное письмо Г. Ганка, съ приложеніями, имѣю честь почтеннѣйше представить при семъ вашей свѣтлости въ оригиналѣ.

Тайный совѣтникъ сенаторъ *А. Стороженко.*

$^{5}/_{17}$ Маія 1848 г.
г. Варшава.

Библиотека "Руниверс"

Кн. Паскевичъ во всеподданнѣйшей запискѣ, какъ видно изъ его карандашныхъ замѣтокъ на приведенномъ представленіи Стороженка, докладывалъ, что Стороженко познакомился съ Ганкою въ Карлсбадѣ. «Я велѣлъ ему на сіе письмо ничего не отвѣчать. Буду дожидаться повелѣній Вашихъ», писалъ онъ государю.

Канцелярія военнаго министерства 9 мая 1848 г. увѣдомила Паскевича, что Государь Императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки его, «Высочайше повелѣть соизволилъ: оставить безъ отвѣта письмо Вячеслава Ганка къ сенатору Стороженкѣ».

2. Письмо В. Ганки къ о. Цыцурину.

Милостивому Государю, Доктору Федору Цыцурину.

Милостивый Государь!

Посылаю вамъ приглашеніе, чтобъ вы по крайней мѣрѣ знали, что и славяне чувствуютъ, что имъ нужно соединеніе.

Мы здѣсь на распутіи къ нѣмцамъ не хотимъ соединиться съ давними врагами всего славянскаго, хотяжь намъ обѣщаютъ ненарушимость народности, но знаемъ мы, какъ они съ нами обходились, имѣвшими легально права народности и языка обезпечены.

Прощайте и не забывайте своего преданнѣйшаго

Вячеслава Ганку.

Прага, 8 Мая н. с. 1848.

Письмо написано на оборотной сторонѣ воззванія: «Slawenbrüder!..» Prag, den 1. Mai 1848.

Генералъ-адъютантъ Бибиковъ, кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, 8 іюня 1848 г. изъ Кіева препроводилъ настоящее письмо намѣстнику Царства Польскаго для ознакомленія. Воззваніе, по сообщенію Бибикова, было прислано въ Кіевъ разнымъ лицамъ. Очевидно, заботами того же Ганки.

Сообщ. *В. А. Францевъ.*

Библиотека "Руниверс"

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Освободительное движеніе въ освѣщеніи „Историческаго Вѣстника“.

«Историческій Вѣстникъ» удѣляетъ въ послѣднее время много вниманія событіямъ 1905—1906 гг. Очевидно, руководители журнала стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что уже сейчасъ о бурныхъ годахъ русской общественной жизни можно говорить исторически, т.-е. съ достаточной степенью полноты и объективности. Настоящая замѣтка ставитъ цѣлью выяснить то освѣщеніе, въ какомъ представлено освободительное движеніе въ статьяхъ «Историческаго Вѣстника». Въ своемъ разсмотрѣніи мы ограничиваемся статьями за два послѣдніе года, этого совершенно достаточно, чтобы выяснить тонъ журнала.

Въ тѣхъ матеріалахъ, которые помѣщены на страницахъ названнаго журнала, затронуты различныя стороны движенія 1905—1906 гг. Дѣятельность Совѣта Рабочихъ Депутатовъ; роль Гапона и Хрусталева; аграрныя волненія въ различныхъ губерніяхъ; революція въ Прибалтійскомъ краѣ; дни свободъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ городскихъ центрахъ; московское возстаніе; дѣятельность казачества въ эпоху общественнаго броженія; журналистика бурныхъ дней—вотъ темы, которыхъ касается журналъ. Относительно цѣлаго ряда воспоминаній и замѣтокъ приходится сказать, что по своему мелочному характеру они не могутъ представлять никакого интереса. Но есть достаточно и такихъ статей, которыя ярко освѣщаютъ позицію, занятую «Историческимъ Вѣстникомъ». Очень характерны, напр., по точкѣ зрѣнія на освободительное движеніе воспоминанія цензора А. Е. Егорова «Страницы изъ моей жизни» (1912, №№ 4, 5, 6). Эти воспоминанія заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ подольше.

А. Е. Егоровъ въ 1905—1906 гг. служилъ по цензурному вѣдомству въ Одессѣ—онъ былъ предсѣдателемъ въ комитетѣ иностранной цензуры. Извѣстно, какъ сильно и ярко сказалось революціонное броженіе въ Одессѣ. Нельзя сказать, чтобы

Библиотека "Руниверс"

«Страницы изъ моей жизни» сообщали много интересныхъ фактовъ,—не таково было общественное положеніе автора, чтобы онъ могъ быть очевидцемъ наиболѣе интересныхъ явленій тогдашней одесской жизни. Взамѣнъ авторъ отводитъ очень много мѣста выраженію своихъ взволнованныхъ чувствъ и разсужденіямъ на общественныя темы. Вся эпоха подъема русскаго освободительнаго движенія для автора—«блудная эпоха» (№ 4, стр. 46); все, что тогда совершалось, это—«освободительная вакханалія». Каковы же были, по мнѣнію автора, причины этой «вакханаліи»? Онъ опредѣленно отмѣчаетъ двѣ причины: еврейскую злонамѣренность и попустительство начальства. О роли евреевъ г. Егоровъ говоритъ очень много и очень красочно. Когда въ Одессу прибылъ бунтующій «Потемкинъ», то вотъ какую картину можно было наблюдать. «Мимо меня бѣжали туда, запыхавшись, сильно боясь опоздать на званый пиръ, всякаго рода оборванцы, босяки и обезумѣвшая молодежь разныхъ учебныхъ заведеній, между которой особенной прытью и ярымъ видомъ своимъ выдѣлялись дѣвицы, принадлежащія къ категоріи «неучащихся учащихся» преимущественно іудейскаго происхожденія» (№ 4, стр. 52). Съ «Потемкина» было дано два выстрѣла по городу. «Дальнѣйшая же стрѣльба,—какъ говорятъ,—была прекращена по настоянію прибывшихъ изъ города революціонеровъ, понявшихъ всю ея безцѣльность и опасавшихся, очевидно, за жизнь своихъ единовѣрцевъ и сородичей» (стр. 55). Въ развитіи дальнѣйшихъ событій въ Одессѣ приняли участіе «доморощенные и пришлые революціонеры, главный контингентъ которыхъ составляли евреи и еврейки» (№ 5, стр. 388). Одновременно съ забастовками начались многолюдные митинги—главнымъ образомъ, въ университетѣ. «Двери храма науки—университета—широко раскрылись для митинговъ всякаго рода, и туда повалили учащіеся и неучащіеся и разный уличный сбродъ». Когда войска стали стрѣлять и оказались убитые и раненые, на улицахъ появились сестры милосердія и санитары. «Вглядываясь въ этихъ дѣятелей «Краснаго Креста», съ озабоченнымъ видомъ быстро несущихся на извозчикахъ по всѣмъ направленіямъ города, не трудно было угадать въ нихъ самозванцевъ, прикрывшихся маскарадным для нихъ костюмомъ. Обликъ ихъ изобличалъ ихъ происхожденіе: всѣ они и онѣ принадлежали къ еврейскому племени, и цѣль ихъ костюмированія была далеко не санитарная, а революціонная—тайный развозъ прокламацій, оружія, патроновъ и т. д.» (тамъ же). Вотъ какой «фактъ» сообщаетъ, между прочимъ, одесскій цензоръ о революціонерахъ-евреяхъ. Когда «на улицахъ появились разъяренныя и взвинченныя гла-

Библиотека "Руниверс"

варями революціи толпы всякихъ уличныхъ отбросовъ... одна такая толпа направилась къ зданію городской думы и, ворвавшись въ залъ, гдѣ находятся портреты государей, изрѣзала ихъ. Но тутъ произошелъ такой эпизодъ. Когда одинъ изъ этихъ «освободителей» еврейскаго происхожденія размахнулся было, чтобы совершить такую же операцію надъ портретомъ императрицы Екатерины II, работы извѣстнаго художника Лампи..., то находившійся подлѣ «товарищъ» схватилъ замахнувшагося было на этотъ портретъ за руку, и воскликнулъ: «И что же ты это дѣлаешь? Ты не знаешь, какой это портретъ,—это дорогой портретъ, онъ намъ потомъ пригодится, мы его продадимъ и сдѣлаемъ хорошій гешефтъ». И рѣдкой работы портретъ основательницы Одессы такимъ образомъ былъ, по счастію, «спасенъ» (№ 5, стр. 391). И этотъ пошлый анекдотъ авторъ развязно вноситъ въ свои воспоминанія, помѣщенныя на страницахъ историческаго журнала! Жаль, что г. Егоровъ не объясняетъ, откуда ему извѣстенъ сообщаемый имъ случай. Конечно, невозможно допустить, чтобы онъ самъ находился въ революціонно настроенной толпѣ. Не могъ онъ и отъ очевидцевъ слышать: вѣдь онъ самъ говоритъ, что въ городскую думу явилась толпа уличныхъ отбросовъ, руководимая евреями-революціонерами,—врядъ ли авторъ имѣлъ знакомыхъ въ такихъ кругахъ... Извѣстно, что въ Одессѣ разыгрался звѣрски-жестокій еврейскій погромъ; г. Егоровъ ничего не разсказываетъ о немъ, онъ только указываетъ его причину; причина эта—«огульный и провокаторскій вызовъ со стороны еврейскаго населенія» (№ 5, стр. 399). Любопытно бы знать, что собственно подразумѣваетъ авторъ подъ провокаціей?

Зловредная дѣятельность евреевъ—это одна изъ причинъ русской революціи въ изображеніи Егорова: другая причина—слабость, проявленная правительствомъ. Такъ, авторъ говоритъ: «Вся страна была терроризована послѣдователями Бебеля и ему подобныхъ государствовѣдовъ, проповѣдниковъ разрушительныхъ теорій, благодаря бездѣйствію и попустительству правительственной власти» (№ 4, стр. 49). Однажды автору пришлось самому наблюдать конкретное проявленіе безсилія власти: онъ видѣлъ, какъ забастовавшіе рабочіе задержали на пути поѣзда подъ Одессой, а стоявшіе вокругъ казаки и полицейскіе бездѣйствовали. «Казалось, достаточно было грознаго посвиста, обдачи паромъ и небольшого движенія гигантскихъ локомотивовъ, чтобы обратить въ бѣгство и сокрушить все, что только преграждало ихъ могучій бѣгъ впередъ; достаточно было бы и нѣсколькихъ ударовъ казацкихъ нагаекъ, чтобы вся эта сволочь разбѣжалась и попряталась въ подворотни» (№ 5, стр. 51). Особенно

Библиотека "Руниверс"

выразительны выходятъ эти сѣтованія автора, если помнить, что, по его описанію, «всегдашніе застрѣльщики всякихъ уличныхъ безпорядковъ—мальчишки облѣпили, какъ мухи, еще пышащіе паромъ локомотивы» (тамъ же). Счастіе для этихъ ребятъ, что мѣсто машиниста на локомотивѣ не занималъ въ эту минуту г. Егоровъ,—онъ-то не задумался бы «сокрушить эту сволочь»... Вотъ еще одинъ перлъ изъ воспоминаній престарѣлаго автора: «Несомнѣнное попустительство высшей петербургской власти все время, начиная съ «потемкинскихъ дней», сдѣлало то, что большая часть одесскаго населенія, находясь подъ вліяніемъ неудачной войны, сдачи въ октябрѣ 1904 г. Портъ-Артура и Портсмутскаго договора, заключеннаго въ сентябрѣ 1905 г. съ японцами, была враждебно настроена противъ правительства и образовала мятежную противъ него лигу» (№ 5, стр. 392). Итакъ, враждебное настроеніе населенія противъ правительства объясняется... попустительствомъ правительства. Логика совершенно непостижимая.

Было бы все-таки несправедливо сказать, что г. Егоровъ все движеніе въ Одессѣ сводитъ къ дѣятельности однихъ евреевъ,—нѣтъ, онъ говоритъ и о другихъ группахъ населенія. Напримѣръ, отмѣчаетъ, что въ октябрѣ 1905 г. устраивались стачки рабочихъ, «предъявлявшихъ требованія одно безтолковѣе и несуразнѣе другого» (№ 5, стр. 388). Видное участіе въ движеніи принимали учащіеся—авторъ знаетъ это. О дѣятельности профессоровъ, адвокатовъ, членовъ городской думы мы находимъ такой общій отзывъ: «Гидра революціи далеко не унималась и, постепенно разрастаясь, нашла себѣ весьма сильную опору и поддержку въ такихъ очагахъ, какъ университетъ съ профессорами революціонерами, своеобразно понявшими дарованную имъ академическую автономію, городская дума, члены которой образовали самозванный комитетъ, и союзъ адвокатовъ, главный контингентъ которыхъ составляютъ въ Одессѣ евреи, намѣтившіе провозгласить въ удобный моментъ печальной памяти Пергамента въ будущіе президенты черноморско-дунайской республики» (№ 5, стр. 392). О забастовавшихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, которые, послѣ ряда экономическихъ требованій, выставили требованіе учредительнаго собранія, г. Егоровъ говоритъ: «Митинги свои одесскіе почтовые революціонеры производили какъ въ самомъ зданіи почты, такъ и въ университетѣ, двери котораго, какъ я уже сказалъ, были настежь раскрыты для всѣхъ жаждущихъ крови» (стр. 402). Специфическая логика автора опять сказывается: выставлять требованіе учредительнаго собранія это значитъ жаждать крови... На всякій случай,

Библиотека "Руниверс"

г. Егоровъ поименно назвалъ четырехъ главныхъ руководителей почтово-телеграфныхъ митинговъ...

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ выше выписокъ вполнѣ ясно, что г. Егоровъ долженъ былъ радостно привѣтствовать спадъ революціонной волны. Конецъ создавшемуся въ Одессѣ положенію былъ положенъ «суровыми мѣрами и энергичной распорядительностью одного человѣка. Человѣкъ этотъ былъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, которому вся Россія обязана спасеніемъ своимъ въ самый критическій моментъ всеобщей внутренней неурядицы. Не найдись тогда такого человѣка, и стоящее на краю гибели государство наше неизбѣжно рухнуло бы» (№ 5, стр. 402—403). Большую помощь Дурново въ дѣлѣ спасенія Россіи оказалъ народившійся послѣ октябрьскихъ дней союзъ русскаго народа. Въ Одессѣ «союзники, какъ противоядіе анархическому омуту, оказались на высотѣ своего назначенія и заслуга ихъ несомнѣнна» (стр. 404).

Казалось бы, все предыдущее совершенно ясно опредѣляетъ политическую физіономію г. Егорова. Однако, въ какую ошибку впалъ бы тотъ читатель, который легкомысленно причислилъ бы его къ черносотенцамъ чистой воды. На самомъ дѣлѣ авторъ ни болѣе ни менѣе, какъ... шестидесятникъ. Невѣроятно, но это такъ! Вотъ что можно, напримѣръ, найти въ 5 № на 48-й страницѣ. Когда вступилъ въ управленіе Святополкъ-Мирскій, то «всѣ тѣ, которые видѣли спасеніе въ народномъ представительствѣ, всѣ въ хорошемъ значеніи прогрессивные элементы, словомъ, всѣ *шестидесятники* (курсивъ автора. М. К.) воспрянули духомъ». Авторъ не прочь и либеральныя мысли выразить: Побѣдоносцевъ для него дѣятель «недоброй памяти» (№ 5, стр. 394); онъ говоритъ, что послѣ японской войны «всѣмъ ясно видящимъ людямъ стало понятно, что вести далѣе государственную машину, опираясь исключительно на приказныхъ съ ихъ своеволіемъ, замѣнявшимъ у насъ законы, вырабатываемые народнымъ сознаніемъ и представительствомъ, грозитъ конечною гибелью и разваломъ всего государства». Противники манифеста 17 Октября, по мнѣнію автора, «узколобые» люди (№ 5, стр. 396). Вообще то, что говоритъ Егоровъ по поводу опубликованія манифеста такъ любопытно и характерно, что мы должны сдѣлать довольно пространную выписку. 19 октября въ Одессѣ служили въ соборѣ торжественное молебствіе по случаю обнародованія манифеста. Авторъ, по должности, тоже присутствовалъ въ соборѣ. Съ проповѣдью вышелъ ректоръ семинаріи архимандритъ Анатолій «и началъ рѣчь свою такими необычайными для русскаго слуха словами: «Государь далъ Россіи кон-

Библиотека "Руниверс"

ституцію»... Праведное небо. Что слышу я? Это «преступное» слово, которое произносилось до сего шепотомъ, было, наконецъ, всенародно сказано, и гдѣ же—съ церковной каѳедры... Значитъ—совершилось великое событіе на Руси, и я дожилъ до него... Хвала и благодареніе Всевышнему... Когда я въ настоящее время припоминаю охватившее тогда меня чувство, я могу сказать, что для меня оно было подавляющимъ. Чтобы понять это, надо знать, что я всегда былъ и остался по взглядамъ и направленію моимъ глубокимъ сторонникомъ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ Александра II, по роду же служебныхъ занятій моихъ въ вѣдомствѣ, прозванномъ «гасительнымъ», мнѣ приходилось постоянно бороться съ моими личными убѣжденіями и поступать зачастую вразрѣзъ съ ними. Такое двойственное состояніе моего духа отразилось и на ощущеніяхъ моихъ въ соборѣ 19-го октября. Какъ любящій свое отечество, я внутренно ликовалъ, чувствуя себя съ этой минуты уже гражданиномъ, а не рабомъ, и радовался осуществленію при моей жизни завѣтной мечты моей, лелѣемой мною для моей обездоленной родины съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя сознавать; зато, какъ цензоръ, принужденный, по роду моихъ офиціальныхъ занятій къ запрету всего того, что мало-мальски наводило на мысль о законодательномъ народномъ собраніи, я былъ огорошенъ, словно ударомъ обуха по головѣ, возвѣщеннымъ переворотомъ въ механизмѣ государственной машины нашей по волѣ той же власти, которая такъ сурово только что передъ тѣмъ карала малѣйшую попытку къ признанію назрѣвшей необходимости этого строя. Но фактъ совершился—«страшное слово» было произнесено, и мысль невольно перенесла меня къ тѣмъ жертвамъ этого слова, безплодные идеалистическіе порывы которыхъ приложить это слово къ дѣлу были искуплены ими 80 лѣтъ тому назадъ смертью и ссылкой. И какъ въ туманной дали, пронеслись въ моемъ воображеніи тѣни всѣхъ этихъ несчастныхъ декабристовъ и многихъ другихъ «фанатиковъ» безумной идеи, положившихъ жизнь свою за нее, имена коихъ Ты одинъ, Господи, вѣси» (№ 5, стр. 394—395). Вотъ какъ взволновался г. Егоровъ при объявленіи конституціи. Да,—совершенно своеобразная разновидность русскихъ людей «шестидесятники» изъ «Историческаго Вѣстника».

Мы подробно остановились на воспоминаніяхъ Егорова—другія статьи, написанныя въ томъ же тонѣ, менѣе содержательны. Упомянемъ только названія нѣкоторыхъ изъ этихъ сомнительныхъ «матеріаловъ для исторіи освободительнаго движенія». Н. Томскій въ статьѣ «Красноярская республика» разсказы-

Библиотека "Руниверс"

ваетъ о «дняхъ остраго общественнаго психоза» въ Сибири, о «нелѣпомъ кошмарѣ» тѣхъ дней (1913, № 11, стр. 617). Съ крайнимъ озлобленіемъ повѣствуетъ авторъ о «наѣзжихъ агитаторахъ преимущественно еврейскаго типа» (стр. 618), съ умиленіемъ—о дѣятельности войскъ, пришедшихъ возстанавливать порядокъ въ Красноярскѣ. Г. Мальмгренъ рисуетъ картины общественнаго движенія въ Прибалтійскомъ краѣ («Туккумская революція», 1913, № 3). И съ его точки зрѣнія главная причина революціи—растерянность правительства; въ концѣ-концовъ, власти все-таки пришли въ себя и «сдержали наглыхъ, зарвавшихся латышей-мятежниковъ». Туккумскіе революціонеры-латыши представлены звѣрями и трусами, главари движенія—негодяями и ворами.

Въ рядѣ воспоминаній сообщаются мало интересные мелочные факты, причемъ авторы воздерживаются отъ общихъ заключеній. Наоборотъ, главный интересъ очерка Н. Л. Парчевскаго «Роль казачества въ эпоху революціи 1905 г.»—въ авторскомъ вступленіи, гдѣ г. Парчевскій съ паѳосомъ излагаетъ свои соображенія о революціи, авторъ рѣшаетъ вопросъ,—кто именно изъ сановниковъ спасъ Россію въ 1905 г.? Мы видѣли, что, по мнѣнію г. Егорова, такимъ спасителемъ является Дурново: г. Парчевскій опредѣленно именуетъ спасителемъ Трепова. Предоставимъ будущимъ историкамъ разбирать, кто изъ двухъ авторовъ правъ—и посмотримъ, что именно говоритъ г. Парчевскій. «Въ тѣ ужасные дни измѣна царила почти вездѣ; большинство людей буквально теряло голову, не зная, что дѣлать, что предпринять для спасенія родины отъ позора и распаденія. Вдругъ, среди такого хаоса прозвучалъ голосъ генерала Трепова: «Мобилизовать всѣхъ казаковъ! Они справятся съ крамолой»! Этотъ человѣкъ не испугался, что лѣвые закидаютъ грязью его имя, и, къ счастью, его послушали: призвали казаковъ всѣхъ очередей, а въ станицахъ остались лишь старики, женщины да дѣти» (1913, № 9, стр. 937). Дѣятельность казаковъ, въ эпоху революціи, по мнѣнію автора, представляетъ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ боевой исторіи казачества. «Въ ту эпоху казачій героизмъ вспыхнулъ такъ ярко... Да, сотни героевъ поплатились головой, защищая родину и мирныхъ, но часто неблагодарныхъ гражданъ отъ рукъ убійцъ и грабителей» (стр. 938). «Сыны Дона», вопреки мнѣніямъ лѣвой печати, доказали, что они не пережили своей славы—и такъ далѣе въ томъ же патетическомъ тонѣ. Самый очеркъ г. Парчевскаго написанъ въ полубеллетристической формѣ и представляетъ разсказъ о подвигахъ командира казачьей полусотни Сафонова (фамилія

Библиотека "Руниверс"

вымышлена) въ борьбѣ съ крамолой. Повѣствованіе это написано совершенно въ стилѣ произведеній для солдатскаго чтенія. Отношенія между казаками и ихъ командиромъ представлены въ тонѣ сладкой лубочной идилліи, крамольники изображены... впрочемъ, лучше предоставить слово г. Парчевскому, пересказомъ только испортишь его произведеніе. «Грозно и сумрачно смотрѣли побѣдители на плѣнниковъ, которые своимъ видомъ, правда, далеко не внушали сожалѣнья, и на умъ приходила пословица: по дѣломъ вору и мука». Пойманный казаками революціонеръ пытается уговорить побѣдителей отпустить его, говоритъ, что онъ борется за свободу всего народа, но лихой казакъ даетъ ему такую отповѣдь: «Какъ это пользоваться свободой? Отродясь казаки не были ничьими крѣпостными и уже давно, давно, можетъ ты и не знаешь, еще при батькѣ Хмѣльницкомъ казаки вѣдали только свою казачью волюшку, да своего атамана; потомъ матушка Екатерина дала намъ грамоту и подтвердила наши льготы и волю» (стр. 944). Нужно признаться, чрезвычайно колоритной вышла у г. Парчевскаго фигура *донского* казака, съ умиленіемъ вспоминающаго про «батьку Хмѣльницкаго». Послушаемъ еще, какія пѣсни поютъ у г. Парчевскаго «сыны тихаго Дона», возвращаясь съ удачнаго набѣга на крамольниковъ. Пѣли про «лихого Сагайдачнаго, что жинку промѣнялъ на трубку табаку, храбраго Дорошенко, и проникали эти звуки могучей волной въ душу каждаго человѣка; слушая ихъ, вѣрилось, что въ такихъ людяхъ сильны традиціи, безшабашная удаль запорожцевъ; они точно прямо были выхвачены изъ XVII вѣка и перенесены въ наше дряблое время» (стр. 944). Очевидно, у автора сложилось твердое историческое убѣжденіе, что донскіе и запорожскіе казаки—это одно и то же...

Кромѣ воспоминаній и другихъ сырыхъ матерьяловъ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» можно найти и статьи, носящія характеръ изслѣдованій. Такова статья М. А. Л—скаго о сатирической журналистикѣ 1905—1906 гг. (1912, №№ 4, 5). Работа г. Л—скаго носитъ названіе «Во власти глупости»—это сразу опредѣляетъ его основную точку зрѣнія. Авторъ изучилъ 69 сатирическихъ изданій революціонной эпохи, не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ глупости, и исключительно глупостью публики объяснилъ ихъ успѣхъ. Исключительно въ тѣхъ журналахъ, которые встрѣчали у публики холодный пріемъ, можно, какъ утверждаетъ г. Л—скій, найти отдѣльныя удобочитаемыя и даже интересныя, художественно-литературныя мѣста. Къ такимъ журналамъ авторъ относитъ слѣдующіе: «Зарево», «Вампиръ», «Зарницы», «Спрутъ», «Гудокъ». Къ безотрад-

Библиотека "Руниверс"

ному для русской интеллигенціи выводу приходитъ въ концѣ-концовъ авторъ. «Чѣмъ большей популярностью пользовался сатирическій журналъ, тѣмъ онъ былъ по существу глупѣе и безсодержательнѣе (№ 4, стр. 110). «Это весьма характерно для тогдашнихъ кадровъ русской интеллигенціи, пропускавшей въ погонѣ за сатирической литературой мимо себя тѣ изданія, въ которыхъ содержалось хоть что-нибудь остроумное и художественное, и нарасхватъ раскупавшей листки, сплошь безграмотные, сплошь пошлые и непролазно-глупые» (№ 5, стр. 477). Какое же объясненіе можно дать этому странному явленію? Объясненіе это сформулировано авторомъ очень кратко и выразительно: «Безумное время—безумныя пѣсни» (№ 5, стр. 479).

Самъ редакторъ «Историческаго Вѣстника», г. Б. Б. Глинскій, помѣстилъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Развѣнчанные герои революціи 1905 г.». Въ журналѣ за 1913 годъ находится первый очеркъ, посвященный Хрусталеву-Носарю (№№ 6—12). Чрезвычайно затруднительно сказать что-нибудь о мнѣніяхъ автора,—вся статья представляетъ почти одну сплошную выписку изъ различныхъ источниковъ. Даже тогда, когда г. Глинскому нужно было изобразить общее политическое положеніе Россіи въ 1905 г. онъ сдѣлалъ это очень просто: дословно воспроизвелъ одну обширную ненапечатанную офиціозную записку (№ 7, стр. 233—234). Вѣроятно, г. Глинскій рѣшилъ, что какъ ни мудри, а про политическое положеніе Россіи не скажешь лучше, чѣмъ офиціозный документъ... Несомнѣнно, такіе документы имѣютъ историческій интересъ,—но гдѣ же собственныя мнѣнія изслѣдователя? Далѣе, совершенно ужъ нельзя понять, какое значеніе придаетъ г. Глинскій въ своей статьѣ обширнымъ выпискамъ изъ такихъ общедоступныхъ сочиненій, какъ, напр., книга Радина о Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ и др. Изъ того, что авторъ говоритъ самъ отъ себя, можно отмѣтить развѣ только его утвержденіе, что «еврейство, обильно заполонивъ собою ряды русской революціи, внесло въ нее много страстности, интенсивности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и начало ея явнаго разложенія (№ 6, стр. 998). Это достаточно доказывается, по мнѣнію г. Глинскаго, тѣмъ, что въ 70-е годы оказался предателемъ Гольденбергъ, въ началѣ XX-го вѣка—Азефъ... Когда революція эволюціонировала отъ народовольческаго террора къ террору соціалъ-демократическому, то опять-таки мы встрѣчаемся здѣсь съ именемъ «почтеннаго» Азефа, умомъ, душой и тѣломъ принадлежащаго всецѣло къ еврейству» (стр. 999). Г. Глинскій уже нѣсколько лѣтъ выступаетъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ качествѣ историка русскаго освободительнаго движенія,—

Библиотека "Руниверс"

и вотъ этотъ «историкъ» въ связи съ дѣятельностью Азефа говоритъ о *соціалъ-демократическомъ* террорѣ. Что это—грубое невѣжество или намѣренное искаженіе фактовъ?

Гораздо лучше было бы, если бы «Историческій Вѣстникъ» вовсе не касался исторіи 1905—1906 годовъ, чѣмъ давать ее въ такомъ пристрастномъ и одностороннемъ видѣ.

М. Клевенскій.

Библиотека "Руниверс"

1794 годъ.

Владиславъ Реймонтъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

Глава VIII [1].

Между тѣмъ наступилъ памятный день семнадцатаго августа. Утро было солнечное и росистое, но вскорѣ поднялся сухой вѣтеръ и такъ яростно понесся по улицамъ, что весь городъ утонулъ въ облакахъ пыли. Это не мѣшало, впрочемъ, дѣятельности партій. Съ самаго ранняго утра началось лихорадочное движеніе, засуетились исполнители воли Сиверса, объѣзжая посольскія квартиры. Ѣздилъ маршалъ Бѣлинскій, ѣздилъ Міончинскій, ѣздилъ Лобажевскій, ѣздилъ епископъ Массальскій, ѣздили разные сановники, главнымъ образомъ литовскіе. Бѣгали посыльные съ письмами, скакали конные вѣстовые, мелькали разноцвѣтныя ливреи, проѣзжали королевскіе экипажи, развозя письма съ печатями сеймовой канцеляріи. У Анквича, какъ въ квартирѣ главнокомандующаго передъ сраженіемъ, происходили безпрерывныя совѣщанія и пробные подсчеты голосовъ. Составлялись списки надежныхъ, раздавались инструкціи, распредѣлялись роли, вырабатывался планъ дѣйствій, взвѣшивались всевозможныя неожиданности въ борьбѣ съ оппозиціей.

Засѣданіе было назначено въ четыре часа дня, но уже во второмъ часу, въ виду неувѣренности въ побѣдѣ, посланы были Боскампъ и Новаковскій для убѣжденія тѣхъ, кто еще колебался, или вдругъ почувствовалъ угрызенія совѣсти, или хотѣлъ подороже продать себя. Убѣждать приходилось кого звономъ золота, кого обѣщаніями королевскихъ милостей и угрозами Сиверсова гнѣва, кого политическими соображеніями. Къ наиболѣе вліятельнымъ членамъ оппозиціи былъ посланъ кастеланъ, который, смотря по необходимости, въ одномъ мѣстѣ прикидывался величественнымъ сенаторомъ, въ другомъ—былъ душа нараспашку,

[1]) См. № 4.

Библиотека "Руниверс"

а то въ качествѣ государственнаго мужа провозглашалъ глубокіе принципы. Многіе патріоты, не видя возможности сопротивляться дольше, заявляли о своей готовности перейти на сторону большинства. Ободренный такимъ успѣхомъ кастеланъ заѣхалъ и къ Скажинскому-Ломжинскому. Тотъ принялъ его холодно, терпѣливо выслушалъ его выспренную рѣчь о благахъ, какія принесетъ странѣ ратификація договора съ Россіей, но въ концѣ-концовъ утомленный его пустозвонными фразами, произнесъ съ достоинствомъ:

— Я знаю, въ чемъ мой долгъ передъ родиной, и буду голосовать, какъ велитъ мнѣ совѣсть.

Тогда кастеланъ, восхваляя его умъ и патріотическія чувства, сталъ намекать на какое-то освободившееся кастеланство, которое король охотно отдастъ такому заслуженному гражданину.

— Любой табуретъ имѣетъ для меня такое же значеніе, какъ и сенаторское кресло,—прервалъ разговоръ депутатъ.

Они разстались почти враждебно; кастеланъ рѣшилъ попытать еще счастье у Краснодембскаго. Но и тотъ оказался неуступчивымъ. Выслушавъ соблазнительные доводы, онъ подвелъ кастелана къ окну и, указавъ на гренадера, стоявшаго на караулѣ передъ домомъ, заявилъ напрямикъ:

— Вамъ хочется быть его батракомъ, а я съ этимъ не спѣшу.

Кастеланъ вышелъ, сопя отъ раздраженія, но, встрѣтивъ въ сѣняхъ Зарембу, выходившаго отъ Жуковскаго, оживился.

— Я навѣщалъ больного товарища,—коротко пояснилъ Заремба.—А вы, дядя, прямо на сеймъ?

— Нѣтъ, мнѣ еще надо заѣхать домой, садись со мной,—проворчалъ кастеланъ и, сѣвъ въ экипажъ, сталъ жаловаться на оппозицію, сваливая на нее отвѣтственность чуть ли ни за всѣ государственныя бѣдствія.—Къ счастію,—закончилъ онъ, вылѣзая изъ экипажа,—большинство на сторонѣ людей вѣрныхъ родинѣ и разсудительныхъ, которые не дадутъ себя запугать демагогамъ и сеймовымъ крикунамъ.

— Тѣмъ лучше для родины,—проговорилъ Заремба, поддакивая ему.

— Загляни пока къ дамамъ, я только дамъ распоряженія Клотце, и сейчасъ же поѣдемъ.

Немногочисленное, но избранное общество дамъ, съ камергершей во главѣ, сидѣло въ залѣ вокругъ какого-то французика, который демонстрировалъ куколъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ и привезенныхъ прямо изъ Парижа, онъ тараторилъ безъ передышки, вынимая въ то же время изъ коробокъ все новые наряды, ленты, побрякушки, тонкія, какъ паутина, шали, шляпы, и бросая все это

Библиотека "Руниверс"

въ жадно протянутыя руки дамъ. А когда онѣ уже нѣсколько насытились, онъ неожиданно сталъ ихъ закидывать неисчерпаемымъ множествомъ шелковыхъ этернелей, дамисовъ, баракановъ, саржи, пике, камлота, дымки и атласа, воздвигая передъ ихъ ослѣпленными глазами цѣлыя горы, сіявшія всѣми цвѣтами радуги.

Дамы онѣмѣли отъ восторга, сладострастно погружая руки въ шелкъ и наслаждаясь шуршаніемъ, расцвѣткой, мягкостью. А французъ, настоящій виртоузъ своего дѣла, не далъ имъ опомниться и, уловивъ моментъ, сверкнулъ имъ въ глаза шкатулкой, переполненной алмазами. Поднялся восторженный шепотъ.—Charmant!—воскликнула одна изъ дамъ со слезами умиленія на глазахъ.—Magnifique!—томилась другая душа, казалось, вступавшая въ рай,—Délicieux!—вздыхала третья дама въ экстазѣ.—Innoui!—пѣли, млѣющіе, восхищенные голоса,

— Madame la prinncesse, s'il vous plait,—щебеталъ продавецъ и съ обезьяньей ловкостью накинулъ на одну изъ дамъ жумчужное ожереліе.

— Madame la comtesse, s'il vous plait,—и другой дамѣ онъ воткнулъ въ волоса алмазы.

— Madame la baronne, s'il vous plait,—и третью онъ украсилъ изумрудами.

— Madame la marquise, s'il vous plait, — и онъ надѣлъ кольца на прекрасные пальчики.

Онъ прыгалъ приэтомъ, какъ клоунъ, кланялся, улыбался, восхищался каждой по очереди, подавая зеркало и показывая все новыя драгоцѣнности.

— Истинный шабашъ легкомыслія!—ядовито замѣялся сидѣвшій у окна камергеръ, когда къ нему подошелъ Заремба.

— Всякій поклоняется своему богу,—отвѣтилъ Заремба, направляясь къ кастеланшѣ, которая сидѣла въ сторонѣ съ грустной улыбкой на губахъ, блѣдная, какъ луна, окутанная траурнымъ крепомъ.

— Я просила Капостаса, чтобы онъ составилъ твой гороскопъ, шепнула она, придерживая его руку.

— Вышло, навѣрно, что я погибну на войнѣ, или доживу до глубокой старости,—пошутилъ онъ.

— Нѣтъ,—нерѣшительно сказала она:—тебя ждутъ далекія странствія...

— Можетъ-быть, это значитъ — Сибирь, — поморщился Заремба.—Посмотримъ, правильны ли его предсказанія,—добавилъ онъ, и удалился, такъ какъ кастеланъ прислалъ за нимъ.

Они поѣхали прямо на сеймъ.

Библиотека "Руниверс"

Площадь передъ замкомъ была переполнена войсками. Гренадеры Циціанова заняли всѣ перекрески улицъ, канавы, мостъ, берега Нѣмана и даже дворъ замка. Мѣдныя жерла пушекъ были наведены на сеймъ и городъ.

Генералъ Раутенфельфъ, тотъ самый, который мѣсяцъ тому назадъ сидѣлъ въ полномъ вооруженіи на сеймѣ рядомъ съ тономъ короля и штыками принудилъ сеймъ принять договоръ съ Россіей, сегодня опять командовалъ караульными ротами и, стоя въ вестибюлѣ, окруженный офицерами, встрѣчалъ въ качествѣ хозяина подъѣзжавшихъ депутатовъ.

Въ громадномъ залѣ было большое движеніе и гудѣлъ сдержанный говоръ. Депутаты были почти въ полномъ составѣ, ждали только маршала и великаго канцлера. Листы съ порядкомъ дня ходили по рукамъ. Несмотря ихъ численный перевѣсъ, члены большинства двигались какъ-то безпокойно, передавали другъ другу какія-то записки, шептались о чемъ-то, многозначительно переглядывались, пожимали другъ другу руки. Лобажевскій сидѣлъ у буфета съ холодными закусками и пилъ пиво, такъ какъ день былъ знойный и воздухъ сухой. Играя роль явнаго вождя партіи, онъ то и дѣло раздавалъ распоряженія, провѣрялъ списокъ присутствующихъ и посылалъ гайдуковъ за опоздавшими.

Двери въ залъ засѣданій и въ канцелярію хлопали безпрерывно, разныя лица входили и выходили. То ливрейные лакеи короля искали кого-нибудь, то появлялся Фризе или ксендзъ Гиджіотти и, пошептавшись съ кѣмъ-нибудь, исчезалъ за дверью, ведшей въ королевскіе аппартаменты. По временамъ взрывы голосовъ и топотъ доносились съ галлереи, которая была биткомъ набита, несмотря на караулы, старавшіеся не допускать публики. Казалось, что ураганъ потрясалъ стѣны и проносился по коридорамъ, такъ что даже депутаты переставали шептаться и пугливо переглядывались. Напрасно бѣгалъ на галлерею старшій надзиратель Рохъ, напрасно маршалова стража старалась водворить тишину. Публика все чаще напоминала о себѣ нетерпѣливыми криками. Впрочемъ, и всѣ уже начинали терять терпѣніе. Даже мировцы, стоявшіе на караулѣ внутри зданія съ ружьями безъ штыковъ и безъ боевыхъ патроновъ, начинали тяготиться ожиданіемъ и не могли устоять спокойно,—все чаще слышалось постукиваніе объ полъ ихъ ружій.

Одни только оппозиціонеры казались спокойными, но это спокойствіе было маской, такъ какъ въ дѣйствительности ихъ мучила мысль о предстоящемъ сраженіи и сознаніе, что сраженіе это они должны проиграть, наполняло ихъ отчаяніемъ. Но каковъ бы ни былъ исходъ, они мужественно и рѣшительно шли

Библиотека "Руниверс"

въ бой. Кимбаръ гордо и вызывающе обводилъ всѣхъ орлинымъ взглядомъ. Скажинскій стоялъ, погруженный въ размышленія. Микорскій что-то записывалъ, Краснодембскій не вынималъ изо рта трубки и утопалъ въ облакахъ дыма. Шидловскій, Темневскій, Корскій, Зелинскій, Гославскій, Плихта и остальные гордо и равнодушно стояли съ непроницаемыми лицами.

Были и заговорщики: Дялынскій, высокій, худой, съ блѣднымъ аскетическимъ лицомъ, въ черномъ, словно траурномъ контушѣ, смотрѣлъ во дворъ на блестѣвшіе тамъ штыки гренадеровъ. Ясинскій ровными, мѣрными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ. Кочановскій пилъ пиво съ Лобажевскимъ, бесѣдуя съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ. Заремба сидѣлъ въ углу съ Жуковскимъ, который былъ похожъ на Петровина и обращалъ на себя вниманіе блѣдностью лица и горящими глазами.

Было также много вліятельныхъ лицъ, приходившихъ на сеймъ, какъ на веселое театральное представленіе, искавшихъ отъ праздности новыхъ развлеченій. Очутился здѣсь и Война, что особенно удивило Зарембу.

Но вотъ загремѣли барабаны, солдаты взяли на караулъ, и въ залу вошли столь нетерпѣливо ожидаемые сановники.

Заремба пробрался на галлерею и сѣлъ рядомъ съ женой подкоморія.

— Предчувствую, что сегодня будетъ буря,—шепнула она.— Господи, я совсѣмъ растаю отъ жары!—простонала она, пудря лицо, по которому струился потъ. Негритенокъ помахивалъ надъ ней вѣеромъ, но это не дѣйствовало, жара была нестерпимая. Солнце, несмотря на то, что уже былъ пятый часъ, вливало въ окна цѣлое море свѣта и зноя. Залъ превратился въ огненную печь, буквально нечѣмъ было дышать, и въ этой жарѣ и страшной давкѣ ежеминутно раздавались крики придавленныхъ и споры изъ-за мѣстъ. Нѣсколько дамъ упало въ обморокъ, и ихъ вынесли подъ хохотъ и издѣвательства раздраженной жарой и долгимъ ожиданіемъ черни; она пользовалась всякимъ предлогомъ, чтобы пошумѣть, хлопала при входѣ болѣе вліятельныхъ оппозиціонеровъ и встрѣчала грознымъ ревомъ и ругательствами ненавистныхъ сторонниковъ Сиверса.

— Кто-то сегодня нарочно возбуждаетъ этотъ сбродъ. Слишкомъ ужъ онъ развязно ведетъ себя,—замѣтила сосѣдка Зарембы.

Въ то время какъ сенаторы занимали свои мѣста передъ тономъ, вдругъ послышались звуки, похожіе на охотничій рожокъ, сзывающій собакъ, затѣмъ раздалось короткое, глухое лаяніе гончихъ, визгъ яростной погони, наконецъ, заревѣлъ затравленный звѣрь. Подражаніе было такъ удачно, что вся галлерея отвѣтила остряку взрывомъ хохота.

Библиотека "Руниверс"

Но сразу наступила тишина, когда депутаты поднялись со скамей при входѣ короля, сопровождаемаго по обыкновенію кадетами. Король сѣлъ на тронъ. Онъ былъ сегодня какой-то сонный и жалкій, глаза провалились, на губахъ играла кислая улыбка и онъ часто подносилъ къ носу золотой флаконъ съ благовоніями.

Маршалъ трижды ударилъ тростью, что обозначало начало засѣданія, и прежде всего попросилъ публику удалиться. Никто не двинулся съ мѣста, тогда вошли гренадеры со штыками на перевѣсъ и очистили галлерею отъ публики, отчаянно кричавшей и ругавшейся. Осталось лишь нѣсколько переодѣтыхъ въ штатское союзныхъ офицеровъ, да служителя.

Засѣданіе сразу приняло очень бурный характеръ благодаря маршалу, который такъ закончилъ свою вступительную рѣчь: «Законы, несогласные съ европейскими государственными системами, привели къ гибели Рѣчь Посполитую, и только величіе и великодушіе Екатерины можетъ ее возродить».

Эти слова вызвали страстные протесты, но онъ, какъ бы не слыша ихъ, заключилъ рѣчь призывомъ къ ратификаціи договора и велѣлъ секретарю читать договоръ.

— Просимъ слова!—закричали сейчасъ же Скажинскій, Микорскій, Краснодембскій и Шидловскій.

— Сначала слѣдуетъ прочесть договоръ,—рѣшилъ маршалъ, подавая рукопись секретарю.

Езерковскій всталъ, но не успѣлъ онъ поднести къ глазамъ бумаги, какъ на него бросились патріоты, стараясь вырвать договоръ. Подгорскій съ товарищами бросились на помощь секретарю, началась борьба, всѣ вскочили съ мѣстъ.

— Читайте! Читайте!—гудѣло большинство, стуча кулаками по пюпитрамъ.

— Не смѣть! Не позволимъ!—кричала оппозиція.

Езерковскій, толкаемый изъ стороны въ сторону, что-то бормоталъ, но крики заглушили чтеніе.

Разъ Подгорскій, вырвавъ секретаря изъ рукъ оппозиціи, уже потащилъ его въ сторону своихъ сторонниковъ, но Карскій и Краснодембскій снова отбили его и никого къ нему не подпускали.

Поднялась неописуемая буря, разгорѣлись страсти, всѣ кричали, какъ безумные, маршалъ тщетно стучалъ тростью, призывая къ порядку и прося сѣсть на мѣста. Большинство требовало чтенія, оппозиція же его не допускала и настойчиво требовала слова. Маршалъ не соглашался его дать, тогда Гослав-

Библиотека "Руниверс"

скій въ ярости крикнулъ ему такъ громко, что зазвенѣли стеклянныя люстры:

— Кому вы присягали, родинѣ или Сиверсу? Почему вы не даете намъ слова?

Тышкевичъ грозно повелъ глазами на окошко надъ трономъ и обратился къ секретарю:

— Читайте же, мы ждемъ!

Езерковскій, вырвавшись, наконецъ, вышелъ на середину зала, и, охраняемый своими сторонниками, сталъ читать договоръ, не обращая вниманія на яростный крикъ патріотовъ, не прекращавшійся ни на одно мгновеніе. А они кричали изо всѣхъ силъ, стучали чѣмъ попало по скамьямъ и пытались вырвать изъ рукъ секретаря рукопись. Краснодембскій ревѣлъ, какъ разъяренный звѣрь, и если бы его не сдерживали товарищи, схватился бы за саблю.

Король, перепуганный и еле живой, сталъ просить, чтобы прекратили обструкцію.

— Пусть закроетъ засѣданіе, тогда мы прекратимъ до слѣдующаго!—дерзко крикнулъ кто-то. Они хотѣли по крайней мѣрѣ оттянуть ратификацію трактата, утверждавшаго раздѣлъ Польши, надѣясь, что какія-нибудь неожиданныя обстоятельства помогутъ сорвать кандалы. Буря разразилась съ удвоенной силой отчаянія, въ окошкѣ надъ трономъ стремительно поднялась занавѣска, и изъ-за нея мелькнуло посинѣвшее отъ гнѣва лицо русскаго посла. Въ то же время въ дверяхъ появился Рауценфельдъ, а за нимъ грозно сверкнули штыки гренадеровъ.

Это не испугало защищавшихъ свободу гражданъ, они не сдавались, но, несмотря на ихъ нечеловѣческія усилія, и хотя никто не слышалъ ни одного слова, секретарь успѣлъ прочесть проектъ до конца и сѣлъ на свое мѣсто. Тогда Зелинскій крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Такой проектъ можетъ быть составленъ только предателемъ, и тотъ, кто предложилъ его сейму—предатель!

Въ отвѣтъ на это вскочилъ внесшій на сеймъ проектъ Анквичъ, и, подбѣжавъ къ маршалу, крикнулъ возмущеннымъ тономъ.

— Прошу суда надъ собой, прошу сеймъ разсмотрѣть мое дѣло!

— И мы требуемъ суда надъ собой, и мы просимъ сеймъ!— раздались крики, и вся оппозиція двинулась къ столу предсѣдателя. Тышкевичъ съ трудомъ уладилъ этотъ инцидентъ, затѣмъ произнесъ трогательную рѣчь, умоляя сохранять спокойствіе и подчиниться необходимости. Король также доказывалъ, что сопротивленіе безцѣльно, и слезливо признавался, что присое-

Библиотека "Руниверс"

динился къ Тарговицкой конфедераціи единственно, потому что она гарантировала неприкосновенность Рѣчи Посполитой, «основываясь на увѣреніи императрицы, что раздѣла не будетъ, но я былъ введенъ въ заблужденіе». Поэтому не остается ничего иного, какъ только примириться съ судьбою. А епископъ Коссаковскій многорѣчиво и хитро доказывалъ, что этотъ союзъ принесетъ счастіе измученной родинѣ и благоденствіе ея гражданамъ. Медовыя рѣки текли изъ устъ ораторовъ, заботившихся, казалось, исключительно о всеобщемъ благѣ и провозглашавшихъ благородные принципы гражданской добродѣтели. Скамьи большинства гремѣли аплодисментами, но оппозиція оставалась непреклонна, и Микорскій кричалъ:

— Я предпочитаю погибнуть на трупѣ родины, чѣмъ жить извергомъ! Пусть тѣ,—поглядѣлъ онъ на продажныхъ пословъ,— которые привыкли размѣнивать честь и славу на личныя выгоды, пользуются барышами своей отвратительной торговли, я предпочитаю честно умереть и протестую противъ проекта договора.

А Кимбаръ ядовито добавилъ:

— Зачѣмъ вамъ ратификація, договоры? Вѣдь это совсѣмъ лишнее. Достаточно спросить Сиверса, что онъ вамъ прикажетъ дѣлать. Насиліемъ началось, насиліемъ и кончится...

Во время этихъ рѣчей большинство составило и предложило предсѣдателю вопросъ, который тотъ немедленно прочелъ сейму:

«Подлежитъ ли проектъ ратификаціи договора съ Россіей обсужденію и голосованію, или нѣтъ».

Новый ураганъ потрясъ сеймъ, патріоты противились предложенію, сколько хватало силъ, произнося рѣчи одинъ за другимъ.

Каждый изъ нихъ всей силой сердца и разума заклиналъ и умолялъ ослѣпленныхъ пощадить родину. Каждый рисовалъ передъ безжалостными взорами горе общей матери, каждый вскрывалъ ея раны и умолялъ сжалиться надъ ней умиравшей въ позорѣ и поруганіи. Каждый изъ нихъ плакалъ кровавыми слезами надъ судьбой несчастной, отданной на растерзаніе дикому завоевателю.

Но не проснулись сердца, не шевельнулась совѣсть, застывшая въ предательствѣ и страхѣ. Предложеніе было принято подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Немедленно послѣ этого былъ объявленъ перерывъ, такъ какъ всѣ были утомлены и измучены.

Заремба вышелъ въ коридоръ еле живой, блѣдный и разбитый.

— Все примутъ,—шепнулъ онъ Жуковскому, сидѣвшему на прежнемъ мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Пока мы живы, еще не погибла надежда, —отвѣтилъ тотъ такъ громко, что нѣкоторые изъ поглощавшихъ у буфета закуски съ любопытствомъ оглянулись.

Послѣ перерыва Заремба уже не спѣшилъ на галлерею и остался въ переднемъ залѣ, гдѣ много разныхъ лицъ такъ же, какъ и онъ, съ трепетомъ ожидало исхода преній. Всѣ были угнетены и въ угрюмомъ молчаніи прислушивались къ отголоскамъ дебатовъ. Тамъ снова свирѣпствовала буря, оппозиція прибѣгала ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы затянуть засѣданіе, надѣясь, что король будетъ принужденъ отложить его до слѣдующаго дня. Они говорили все яростнѣе, слова ихъ, какъ удары топора, какъ пощечины, градомъ сыпались на продажное большинство, возбуждая протесты и отвѣты.

Иногда открывалась дверь въ залъ засѣданій, тогда среди ожидавшихъ воцарялось полное молчаніе, и слышались во дворѣ размѣренные шаги карауловъ, и доносился вой вѣтра, подобный стону продаваемыхъ въ рабство милліоновъ, плакавшихъ и призывавшихъ на помощь.

— Чортова свадьба, что ли?—выругался Кочановскій, отставивъ полный стаканъ. Вѣтеръ снова завылъ, потрясая стѣны и туша огни. Онъ выглянулъ на крыльцо. Ночь была темная и душная, по усѣянному звѣздами небу летѣли бѣлые клочья тучъ, въ крѣпостныхъ канавахъ сонно стонали лягушки, въ воздухѣ пахло липами, у гренадеровъ пылали костры.

Лѣниво и тяжело тянулись безконечные часы ожиданій. Каждый звукъ часовъ заставлялъ тревожно вздрагивать. Когда пробило полночь, и отозвались караульные рожки въ замкѣ, почудилось, что въ залъ ворвалась цѣлая вереница адскихъ привидѣній, что пробилъ послѣдній часъ. Нѣкоторыхъ охватилъ суевѣрный страхъ, одни крестились, другіе стали молиться за умиравшую родину, иные вскочили съ мѣстъ...

А засѣданіе все еще продолжалось, и продолжалась безнадежная борьба этой горсточки людей, которые, какъ экипажъ утопающаго корабля, все еще сопротивлялись штурму яростныхъ волнъ, разгулу стихій и мрака. Они шли ко дну, надъ ними уже рѣяла побѣдоносно смерть, голоса ихъ заглушались ревомъ стихій, мужество было безплодно, спасеніе невозможно, но они боролись до послѣдней минуты.

Въ залѣ засѣданія царилъ хаосъ, неслись крики бѣшенства, вызываемаго упрямымъ сопротивленіемъ меньшинства. То и дѣло вспыхивали личныя ссоры, подымался цѣлый ураганъ взаимныхъ оскорбленій, большинство съ безумной страстью стремилось къ гибели, они начинали чувствовать угрызенія совѣсти, стыдъ

Библиотека "Руниверс"

обжигалъ ихъ, когда громко высчитывались ихъ измѣны, и они старались ускорить голосованіе, чтобы быстрѣе скатиться на дно позора и преступленія, чтобы, наконецъ, не потерялъ терпѣнія русскій посолъ. Его недовольные взгляды и презрительныя улыбки стегали ихъ, какъ кнутомъ. Онъ притаился въ своемъ окошкѣ надъ тропомъ, какъ паукъ по срединѣ мудро сплетенной сѣти, терпѣливо ожидая обрѣченной добычи.

Изъ королевской кухни ему носили бульоны и окрошки для поддержанія слабыхъ силъ, а сестры короля приходили развлекать его и услаждать тягостные часы ожиданія. Но онъ, ведя съ ними галантный разговоръ, не упускалъ ни одного слова изъ рѣчей оппозиціи, посылалъ писанныя карандашомъ записки, подавая королю совѣты, наставляя маршала, какъ слѣдуетъ строго придерживаться порядка дня, поддерживая усердіе Коссаковскаго; своимъ сторонникамъ онъ посылалъ конспекты отвѣтовъ, приказывалъ выводить публику, проникавшую на галлерею, и неутомимо слѣдилъ за всѣмъ.

Раутенфельдъ часто заглядывалъ къ нему, спрашивая, не пора ли уже пустить въ ходъ штыки. Но онъ приказывалъ быть терпѣливымъ и снисходительнымъ, выражая передъ дамами сожалѣніе, что эти безумцы-оппозиціонеры такъ ослѣплены страстью. Вѣдь все, что онъ дѣлалъ, было направлено исключительно къ благополучію этихъ легкомысленныхъ поляковъ, которыхъ онъ долженъ былъ осчастливить, хотя бы даже вопреки ихъ желанію.

Когда Анквичъ въ одной изъ своихъ рѣчей сказалъ: «Насилія, совершавшіяся раньше надъ отдѣльными лицами, превратились въ насилія надъ всей страной»,—Сиверсъ послалъ ему выговоръ за демагогическія выраженія и насмѣшливо замѣтилъ:

— Графъ на всякій случай желаетъ заручиться симпатіей оппозиціи.

Сестры короля не находили словъ отъ восторга передъ его гуманностью и благородствомъ, а онъ зато восхвалялъ ихъ брата, благороднаго короля, помнящаго только о счастіи своихъ подданныхъ и исполняющаго свой тяжкій долгъ. Со слезами на глазахъ говорилъ онъ о томъ, какъ утомленъ король этимъ засѣданіемъ, но не соглашался перенести засѣданіе на понедѣльникъ и заявилъ, что не выпуститъ никого изъ сейма, пока не будетъ принята ратификація. Когда ему доложили, что всѣ уже падаютъ отъ усталости, и многіе депутаты засыпаютъ, онъ отвѣтилъ:

— Если будутъ еще тянуть, велю ихъ отрезвить!—И велѣлъ держать пушки наготовѣ, а сеймъ окружить двойной цѣпью войскъ.

Библиотека "Руниверс"

Было уже два часа ночи, а засѣданіе все еще продолжалось. Оппозиція нечеловѣческими усиліями еще старалась затянуть пренія.

Перемѣнили свѣчи въ канделябрахъ, многіе послы дремали, даже служителя, стоявшіе у дверей, засыпали отъ усталости. Король подносилъ къ носу какія-то соли, а во время короткихъ перерывовъ падалъ, какъ мертвый, въ своемъ кабинетѣ и лежалъ безъ силъ и безъ сознанія. Но звукъ маршалова звонка пробуждалъ его, онъ вскакивалъ и, принявъ торжественное выраженіе лица, спѣшилъ въ залъ, такъ какъ за нимъ слѣдилъ властный взглядъ, въ коридорахъ сверкали штыки гренадеровъ, и Раутенфельдъ ходилъ вокругъ все нетерпѣливѣе.

Станиславъ Августъ занималъ свое мѣсто на тронѣ и вновь присутствовалъ при безконечныхъ преніяхъ. Онъ сидѣлъ, какъ у позорнаго столба, вынося тысячи уколовъ оппозиціи, осыпаемый градомъ ихъ презрительныхъ взглядовъ и полныхъ ненависти улыбокъ, сидѣлъ, понимая все значеніе сегодняшняго засѣданія, страдая за родину и въ то же время первый сгибая шею подъ ярмо изъ жалкой трусости, изъ неспособности ни бороться, ни сопротивляться, ни жить, ни умереть.

Надъ развалинами Рѣчи Посполитой возвышался его тронъ,— надъ позоромъ, измѣнами, горемъ и слезами продаваемыхъ,— а онъ искренно заботился лишь объ одномъ: наградятъ ли его за покорность государства, раздирающія Польшу, уплатятъ ли за него долги, обезпечатъ ли ему достатокъ и спокойствіе до конца жизни?

Съ мучительнымъ любопытствомъ присматривался къ его лицу Заремба, но не умѣя отличить въ немъ человѣка отъ короля, шелъ опять блуждать по коридорамъ, заглядывалъ на галлерею и снова возвращался въ передній залъ, къ дверямъ, изъза которыхъ доносился безпрерывный крикъ. Но нигдѣ не находилъ онъ себѣ мѣста, полъ горѣлъ у него подъ ногами, его терзали отчаяніе и страхъ. Онъ придвинулся было къ Дялынскому, но, замѣтивъ на себѣ проницательный взглядъ проходившаго мимо Боскампа, отошелъ къ Жуковскому. Капитанъ былъ тоже очень возбужденъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы. Ясинскій что-то шепталъ женѣ подкоморія, Кочановскій пилъ, а нѣсколько заговорщиковъ заперлось въ караульной комнаткѣ, бесѣдуя съ Мартиномъ Закшевскимъ, который дежурилъ съ двѣнадцати часовъ ночи. Заремба бродилъ одиноко, какъ вдругъ къ нему подошелъ Война и прошепталъ:

— Ивановъ отправляется во вторникъ вечеромъ, ведетъ партію навербованныхъ гемейновъ, сколько у него конвойныхъ— не знаю, провожаютъ его друзья до самаго Мереча.

Библиотека "Руниверс"

— Важныя новости!—отвѣтилъ Заремба. У него сразу исчезло раздраженіе, онъ выпрямился, какъ бы готовясь броситься на врага, онъ уже зналъ, что слѣдуетъ дѣлать. Войнѣ онъ шепнулъ:— Не ѣзди съ ними!

— Я ему столько проигралъ, что пусть ужъ мои глаза его больше никогда не видятъ.

Заремба немедленно пошелъ съ этимъ извѣстіемъ къ Качановскому, который, весело улыбаясь, поглядѣлъ черезъ рюмку на свѣтъ и проговорилъ:

— Великолѣпно! Да я развѣ могу разстаться съ другомъ? Ни за что! Ѣду вмѣстѣ съ ними!

Вдругъ поднялся шумъ, всѣ бросились въ сеймовый залъ, началась баллотировка.

Всѣ встали съ мѣстъ, воцарилось глухое молчаніе, всѣ по очереди подходили къ урнѣ, стоявшей передъ маршаломъ, и затѣмъ возвращались на мѣста, — шли какъ-то испуганно, съ лицами убійцъ, шаги ихъ гудѣли, какъ удары молота, забивающаго гвозди въ крышку гроба, могильная яма уже была готова, а подаваемые голоса падали, какъ комья земли. Король стоялъ въ страдальческой позѣ среди сенаторовъ и епископовъ. Похороны были торжественныя, хотя и безъ музыки и пѣнія.

Въ окошкѣ надъ пустымъ тропомъ бѣлѣла голова намѣстника.

— Господи! сжалься!—простоналъ чей-то голосъ и замолкъ въ зловѣщей тишинѣ.

Микорскій, закрывъ лицо руками, плакалъ; по строгому, утомленному лицу Скажинскаго текли слезы; остальные патріоты смотрѣли на эту вереницу могильщиковъ съ пылавшимъ во взглядѣ бѣшенствомъ. Слышно было біеніе ихъ сердецъ, сдерживаемый крикъ разрывалъ груди, лихорадочно дрожавшія губы молили Бога ниспослать чудо или, по крайней мѣрѣ, нихъ съ снять страданіе, поразивъ ихъ неожиданной смертью.

Начался подсчетъ голосовъ.

Свѣчи уже догорали и гасли одна за другой. Въ окна брезжилъ разсвѣтъ, слышалось утреннее чириканье птицъ. Пробило три часа, минуты стали пыткой и медленнымъ умираніемъ, глаза утомленно слѣдили за писцами, подсчитывавшими голоса. Наконецъ, маршалъ всталъ и прочелъ:

— Affirmative 66. Negative 21. Ратификація договора съ Россіей принята.

— Все кончено!—зарыдалъ кто-то.

— Господи! Господи!—кричалъ другой, какъ безумный.

Кастеланъ, взявъ Зарембу подъ руку, шепнулъ:

Библиотека "Руниверс"

— Ты готовъ? Черезъ часъ долженъ ѣхать въ Петербургъ.

— Не поѣду!—отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, что тотъ отошелъ, не говоря ни слова.

Въ коридорахъ слышался плачъ, и раздавались проклятія, бросаемыя членамъ большинства, которые пробирались теперь къ выходу пугливо и тайкомъ, такъ какъ Сиверсъ уже уѣхалъ домой, спѣша отправить въ Петербургъ пословъ съ радостной вѣстью.

Послѣ его отъѣзда, когда сняли караулы и войско удалилось, заговорщики сошлись гдѣ-то въ углу и рѣшили встрѣтиться черезъ нѣсколько часовъ у обѣдни въ бернардинскомъ монастырѣ. Когда расходились, Дялынскій громко сказалъ:

— Nil desperandum!

Пер. *Е. Загорскаго.*

Библиотека "Руниверс"

Критика и библіографія.

М. Островская. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго Сѣвера въ XVI—XVIII вв. Петербургъ. 1913 г. IX+370+96 стр. Цѣна 3 р.

Въ предисловіи авторъ такъ объясняетъ выборъ темы для своего изслѣдованія. Въ исторіи сѣвернаго крестьянства, благодаря обилію и живости сохранившихся первоисточниковъ, мы имѣемъ возможность изслѣдовать то, на что «въ другихъ великорусскихъ мѣстностяхъ, частью вслѣдствіе хода ихъ исторіи, частью вслѣдствіе недостатка матеріала мы нерѣдко встрѣчаемъ лишь намеки. Работы по сѣверу могутъ помочь въ будущемъ и работамъ по другимъ областямъ Россіи, намѣчая вѣхи для изученія ихъ матеріала».

Въ общемъ противъ такой темы и такой постановки вопроса, конечно, возразить ничего нельзя, но относительно хронологическихъ и географическихъ границъ изслѣдованія, поставленныхъ М. А. Островской, можно сдѣлать нѣсколько возраженій. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Я считала своимъ дѣломъ прослѣдить то, что было на сѣверѣ до начала ходатайствъ и циркуляровъ о земельныхъ реформахъ, а извѣстный мнѣ матеріалъ не заводилъ меня дальше первой четверти XVIII в. Для половниковъ я поставила себѣ предѣломъ петровскій указъ, какъ важную грань въ ихъ исторіи». Такое ограниченіе поля изслѣдованія для частнаго вопроса о половникахъ, быть можетъ, основательно, но для исторіи сѣвернаго землевладѣнія вообще первая четверть XVIII в. совершенно не представляетъ никакой грани, и сохранившіеся документы всего XVIII-го вѣка могли бы «завести» автора дальше. Вѣковая борьба правовыхъ воззрѣній и привычекъ сѣвернаго черносошнаго крестьянства съ принципами и порядками фискальной и земельной политики правительства зашла далеко за предѣлы, поставленные себѣ М. А. Островскою, и самые интересные моменты этой борьбы произошли послѣ Генеральнаго межеванія 1766 г.—въ послѣдней трети XVIII вѣка и въ первой четверти XIX-го.

Главная цѣль М. А. Островской состояла въ томъ, чтобы «намѣтить вѣхи» для изученія исторіи великорусскаго крестьянства вообще, то-есть дать матеріалъ для сравненій и для выясненія вопросовъ путемъ аналогій. Если такъ, то ей слѣдовало бы обратить особое вниманіе на тѣ мѣстности, гдѣ сѣверное черносошное крестьянство соприкасалось и перемежалось съ частновладѣльческимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ, гдѣ крестьяне, такъ сказать на глазахъ у изслѣдователя, переходили съ положенія черно-

Библиотека "Руниверс"

сошныхъ на положеніе частновладѣльческихъ. Таковы, напр. нѣкоторыя части Новгородскаго уѣзда и уѣзды (по административному дѣленію XVII в.): Бѣлозерскій, Олонецкій, Галицкій, Костромской, Ярославскій и Вологодскій. М. А. Островская цитируетъ документы, между прочимъ, и относительно этихъ мѣстностей, но не ставитъ себѣ ясно и опредѣленно задачи изслѣдовать эти, для ея темы наиболѣе интересные, районы. Этимъ, какъ намъ кажется, объясняется то, что автору не удалось «намѣтить вѣхи» для изслѣдованія крѣпостного великорусскаго крестьянства.

Переходя къ характеристикѣ и оцѣнкѣ работъ М. А. Островской, нужно прежде всего замѣтить, что это дѣло весьма нелегкое. Планъ работы М. А. Островской часто неясенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Отдѣльныя главы, на которыя распадается работа, представляютъ какъ бы самостоятельные очерки. Болѣе того, — каждая глава состоитъ изъ отдѣльныхъ вопросовъ, связь которыхъ другъ съ другомъ и выводы далеко не всегда ясны. Весьма неточный, а порой небрежный языкъ автора еще болѣе затрудняетъ чтеніе и усвоенія изслѣдованія.

Въ главѣ о «Деревенскихъ жильцахъ» (II глава) авторъ такъ характеризуетъ тяглое землевладѣніе крестьянъ: «Крестьяне въ глазахъ власти «жильцы» на государственной землѣ, «жилецкіе люди», обложенные тягломъ за снятую ими землю; поэтому ихъ иногда и называютъ «данными крестьянами». Земля считалась какъ бы данной въ надѣлъ крестьянамъ: размѣры надѣла и тягла съ него исчислять посредствомъ «вытей»... и. т. д. (73 стр.). Не говоря о такихъ житейскихъ, а не юридическихъ, терминахъ, какъ «глаза власти» (какой власти?), въ этой фразѣ нѣсколько неловкихъ выраженій. Жилецкими людьми называлось все осѣдлое населеніе, какъ тяглое, такъ и не тяглое, въ противоположность вольнымъ бродящимъ людямъ. «Жильцами» были не только тяглые крестьяне, но и бобыли, половники и посадскіе люди. Неточно и неудобно говорить о «снятой» землѣ, когда съ точки зрѣнія правительства тяглецъ былъ прикрѣпленъ къ своему жребью и былъ обязанъ владѣть землей и сидѣть на ней. То, что крестьяне иногда назывались «данными», ровно ничего не объясняетъ. Данными они назывались потому, что должны были платить «дань», какъ общее названіе всякихъ податей, и потому данные крестьяне есть то же, что тяглые. Далѣе М. А. Островская пишетъ: «Житье на жиломъ, тягломъ участкѣ называлось житьемъ «на верху», а сами «жильцы» могли называться «верховыми», «верхними». . . . . «Происхожденіе указанныхъ терминовъ, вѣроятно, связано съ какимъ-либо старымъ областнымъ дѣленіемъ сѣвера по верховьямъ рѣкъ—намеки на это можно найти въ источникахъ, но какимъ образомъ географическіе термины получили со временемъ другое значеніе, сказать трудно» (74—75 стр.). Намъ представляется, что верховые тяглецы это—лица оффиціально числящіеся тяглецами, владѣльцы участковъ, отвѣтственные въ тяглѣ передъ казной. Верховымъ тяглецамъ противополагаются несамостоятельные дѣти и родственники тяглецовъ, сосѣди ихъ, дольщики въ животахъ и въ тяглѣ, живущіе «подъ» тяглецомъ, за его хребтомъ. Можетъ быть, въ это наше

Библиотека "Руниверс"

опредѣленіе слѣдуетъ внести поправки, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что терминъ «верховые тяглецы» не имѣетъ никакого отношенія къ верховьямъ рѣкъ.

Слѣдующая фраза намъ совершенно непонятна, и мы не стыдимся въ этомъ сознаться: «основной пахотный участокъ, обложенный податями, носитъ названіе «горной полевой земли», потому что пашни обыкновенно находились на возвышенныхъ мѣстахъ... Вслѣдствіе того, что жилой участокъ горной земли былъ основнымъ окладнымъ имуществомъ, мы не только часто видимъ въ сдѣлкахъ упоминанія, что земельный участокъ продается «съ тягломъ», а и самый участокъ опредѣляется временами окладными единицами». Продажа участковъ безъ тягла была запрещена указами и упорно преслѣдовалась правительствомъ,— государств. земли не должны были выходить изъ тягла. Отступая отъ принципа неотчуждаемости тяглыхъ участковъ, приказы иногда разрѣшали и часто терпѣли отчужденія, но съ условіемъ, чтобы покупатель тянулъ тягло, лежавшее на продавцѣ. Этимъ объясняется то, что въ купчихъ часто опредѣленно указывается о продажѣ участка съ тягломъ, но то обстоятельство, что иногда, или быть можетъ часто, весь отчуждаемый участокъ или часть его была горнимъ мѣстомъ, никакого юридическаго значенія не имѣетъ. Послѣ характеристики тяглыхъ земель М. А. Островская переходитъ къ оброчнымъ и начинаетъ такъ: «кромѣ тяглыхъ жилыхъ земель, тягло которыхъ раскладывалось волостью на доли сошнаго письма, мы часто встрѣчаемъ на сѣверѣ оброчныя земли» (75 стр.). Это—непонятно. Волости уѣзда были связаны въ отбываніи тягла круговой порукой. Лишь небольшую часть податей тяглецы платили прямо по вытямъ и обжамъ. Главная же масса тягла распредѣлялась такъ. Каждая волость должна была платить долю тягла, падающаго на уѣздъ, пропорціональную тому окладу сошнаго, а мѣстами вытнаго, гдѣ не было сохъ, письма, который былъ положенъ на волость. Въ предѣлахъ волости волостной міръ раскладывалъ всѣ подати и повинности по своимъ окладнымъ единицамъ, которыя въ однихъ мѣстахъ назывались бѣлками, въ другихъ—деньгами, въ третьихъ—вытями или обжами. Такимъ образомъ, слѣдуетъ сказать, что не тягло отдѣльныхъ участковъ раскладывалось волостью на доли сошнаго письма, а наоборотъ—волость платила пропорціонально своему окладу сошнаго письма, а волостной міръ раскладывалъ подати на отдѣльные участки по мѣстнымъ обычаямъ. При этомъ мірской окладъ основывался не только на горнихъ и негорнихъ пахотныхъ участкахъ, но и на угодьяхъ—сѣнныхъ покосахъ, рыбныхъ ловляхъ и т. п.—и на животахъ, промыслахъ и семьяхъ тяглецовъ.

Послѣ характеристики тяглаго и оброчнаго землевладѣнія авторъ пишетъ: «Кромѣ участковъ тяглой, или оброчной земли, на которыхъ живутъ сами владѣльцы, мы часто встрѣчаемъ на сѣверѣ «наѣзжія пашни», на которыхъ крестьяне не жили, а пахали ихъ «наѣздомъ»—сами, или чужими руками. Основанія владѣнія наѣзжими пашнями тѣ же, что и у горныхъ земель»... «Наѣзжая пашня могла служить мѣриломъ тягла и участія крестьянъ въ деревенскихъ угодьяхъ, но нерѣдко бывало, что ея

Библиотека "Руниверс"

владѣльцы не платили съ нея ничего» (77 стр.). Непонятно, зачѣмъ автору понадобилось вопреки логикѣ сопоставлять такія разнородныя понятія. Тяглое и оброчное владѣніе суть правовыя формы землевладѣнія, а эксплоатація земель наѣздомъ есть хозяйственное явленіе. Наѣздомъ можно было владѣть не только пахотными землями, но и рыбными ловлями, бортными ухожьями, сѣнными покосами и т. п. Можно было пользоваться наѣздомъ вполнѣ легально своей землей, арендовать землю у сосѣда, а можно было «самовольствомъ», т.-е. нелегально, пользоваться наѣздомъ государственными землями и угодьями. Словомъ, наѣздъ есть хозяйственное явленіе, не имѣющее никакого отношенія къ различнымъ титуламъ землевладѣнія. Совершенно вѣрно, что наѣзжая пашня на сѣверѣ подлежала сошному и вытному тяглу, наравнѣ съ пашней пахотной, но замѣчаніе автора, что она была «мѣриломъ» участія крестьянъ въ деревенскихъ угодьяхъ, намъ непонятно, а сопоставленіе тяглаго и оброчнаго землевладѣнія съ наѣздомъ намъ представляется противнымъ логикѣ, какъ сопоставленіе совершенно разнородныхъ понятій.

Вообще опредѣленія, а юридическія въ особенности, представляютъ едва ли не самую слабую сторону изслѣдованія г. Островской. Неточность, неясность, а иногда неправильность опредѣленій, конечно, не могла не отразиться на выводахъ автора. Иногда съ ними нельзя согласиться, но почти всегда ихъ очень трудно уяснить себѣ сразу. Пониманіе выводовъ автора затрудняется постояннымъ смѣшеніемъ изслѣдованія юридическихъ, хозяйственныхъ и бытовыхъ явленій, вродѣ того, которое мы указали выше относительно наѣзда. Казалось бы, что въ главѣ о Деревенскихъ жильцахъ (II гл.) мы должны были найти перечисленіе и характеристику различныхъ категорій жильцовъ. Въ дѣйствительности мы находимъ въ ней замѣчанія о нѣкоторыхъ формахъ землевладѣнія, бѣглыя замѣчанія о бобыляхъ и другихъ обитателяхъ уѣздовъ, а изслѣдованію и описанію другихъ категорій (кромѣ тяглыхъ жильцовъ) посвящены IV—VII главы[1]). Въ этихъ главахъ мы опять встрѣчаемъ то же, характерное для автора, смѣшеніе или не раздѣленіе изслѣдованія хозяйственныхъ, бытовыхъ и юридическихъ явленій.

Изслѣдовательскіе пріемы М. А. Островской нельзя признать разнообразными и сильными. Ея излюбленный пріемъ состоитъ въ расчлененіи документовъ и въ соединеніи и сопоставленіи разрозненныхъ частей документовъ. Такъ какъ расчлененія источника не есть анализъ его, а соединеніе кусочковъ не есть научный синтезъ, то такой пріемъ, большею частью, нисколько не убѣждаетъ читателя, а иногда вызываетъ сильную досаду, такъ какъ многіе документы, собранные М. А. Островской, очень интересны,—конечно въ цѣломъ видѣ.

---

[1]) Вотъ, по оглавленію автора, содержаніе II главы: «Черная земля и ея жильцы: 1) разряды черной земли; 2) разряды нетяглыхъ деревенскихъ жильцовъ; 3) пашенные солдаты. Причины запустѣнія черныхъ земель и борьба съ нимъ правительства. Отношеніе къ родовому выкупу населенія и правительства. Послѣдствія указа 1652 г. Не исполненіе указовъ, запрещающихъ отчужденіе черной земли бѣломѣстцамъ, и роль церковныхъ учрежденій въ земельной мобилизаціи»... и т. д.

Библиотека "Руниверс"

М. А. Островская просмотрѣла и извлекла изъ столичныхъ и провинціальныхъ архивовъ (между прочимъ и изъ Архангельскаго древлехранилища) огромное количество документовъ, но, къ сожалѣнію, не овладѣла ими. Отъ чтенія ея книги получается такое впечатлѣніе, что авторъ подавленъ собственными матеріалами и подавляетъ, вслѣдствіе этого, читателя. Читателю еще труднѣе, чѣмъ автору, разобраться въ этомъ матеріалѣ и сдѣлать выводы, такъ какъ черезъ руки автора до него дошли кусочки матеріаловъ, а у автора они были подъ руками въ лучшемъ видѣ. Казалось бы, что при такомъ обильномъ и интересномъ матеріалѣ авторъ могъ стать выше «литературы вопроса», то-есть поставить и, можетъ быть, разрѣшить такіе вопросы, существованія которыхъ предшествующіе изслѣдователи не подозрѣвали. Въ книгѣ М. А. Островской этого нѣтъ. Въ своемъ изложеніи она постоянно отправляется отъ критики, сопоставленія, одобренія или отрицанія чужихъ взглядовъ, а не отъ существа вопросовъ и не отъ того огромнаго количества фактовъ, которое она собрала. Изложеніе М. А. Островской пестритъ такими выраженіями: «Но по справедливому замѣчанію А. Ефименко»... (121 стр.), П. Ивановъ подобралъ свѣдѣнія объ артельной организаціи, а Богословскій ихъ пополнилъ, «но Рожковъ справедливо замѣтилъ»... Хуторское разселеніе «призналъ и сторонникъ военно-артельной колонизаціи—Павловъ—Силованскій»... «Голубинскій говоритъ»... «Шахматовъ думаетъ» (все это—на 122 стр.)... Павловъ-Сильванскій «объясняетъ это противорѣчіе увлеченіемъ Ефименко въ полемикѣ съ Соколовскимъ» (стр. 123)...«этому какъ будто противорѣчитъ выраженіе, которое приводитъ Спицынъ» (124 стр.)... «Ефименко доказала» (125 стр.)... «П. Ивановъ нашелъ случай» (129 стр.)... «Ключевскій замѣтилъ» (130 стр.)... «Ефименко указала» (141 стр.). «Ивановъ несомнѣнно увлекся»... «Ивановъ утверждаетъ» (143 стр.) «Ефименко указывала, полемизируя съ теоріей Соколовскаго» (152 стр.) и т. д. безъ конца. Это вовсе не литература и критика литературы вопроса, а особый литературный пріемъ изложенія г. Островской. Она берется за имена, взгляды и отдѣльныя замѣчанія предшествующихъ изслѣдователей и, исходя отъ нихъ, начинаетъ разсуждать. Но вскорѣ ея самостоятельное разсужденіе изсякаетъ, и она вновь чувствуетъ потребность взяться за чужое мнѣніе и отправиться отъ него въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ общемъ, несмотря на всѣ указанные недостатки, добросовѣстный трудъ М. А. Островской, собравшей и приведшей въ извѣстность огромный матеріалъ, несомнѣнно будетъ полезенъ послѣдующимъ изслѣдователямъ для справокъ и поисковъ архивнаго матеріала.

Ст. Веселовскій.

Козловскій И. П. Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ т. I и II (изслѣдованіе и приложеніе къ изслѣдованію). Варшава. 1914 г. Цѣна за оба тома 6 руб.

Авторъ настоящей работы, конечно, правъ, указывая на малую разработку даннаго вопроса въ русской исторіографіи. Этимъ

Библиотека "Руниверс"

и объясняется появленіе въ свѣтъ этого труда, долженствующаго заполнить существующій пробѣлъ въ исторіографіи. Къ сожалѣнію, и послѣ этой работы пустота оказывается незаполненной, такъ какъ трудъ г. Козловскаго, даже при снисходительной оцѣнкѣ, слѣдуетъ признать малоудовлетворительнымъ. Несомнѣнно, авторъ потратилъ не мало труда въ поискахъ печатнаго и архивнаго матеріала. Всего имъ собраннаго было бы вполнѣ достаточно для хорошей исторической работы, если бы матеріалъ находился въ опытныхъ изслѣдовательскихъ рукахъ. Но, къ несчастью, авторъ имѣетъ слабое представленіе объ изслѣдовательской работѣ, хотя самъ занимаетъ каѳедру русской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ. Впрочемъ, и предыдущія его работы были плохи, такъ что авторъ своей работой только лишній разъ обнаружилъ отсутствіе качествъ, необходимыя для занятія каѳедры въ университетѣ: вѣдь авторъ долженъ учить научно работать своихъ учениковъ. Хороши же будутъ научные пріемы учениковъ, если самъ учитель напоминаетъ собой плохого ученика! Новая работа открывается введеніемъ: не знаемъ, зачѣмъ оно! Авторъ ломится въ открытую дверь и по иностраннымъ источникамъ силится доказать культурное значеніе почты вообще, при чемъ дается удивительно поверхностная исторія міровой почты. Совершенно не понимаемъ, для чего понадобилось автору обо всемъ этомъ говоритъ. Затѣмъ дается исторія почтъ въ Россіи. Авторъ могъ бы воспользоваться для этого работой Гурлянда «Ямская гоньба въ Московскомъ Государствѣ въ XVII в.». Работа эта дѣльная: выводами и наблюденіями автора можно пользоваться безъ всякаго опасенія. Но автору не удалось разобраться въ ней и дать картину организаціи почты въ XVII в. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ біографіи отдѣльныхъ почтмейстеровъ и характеристики организаціи при нихъ почтоваго дѣла. Методъ автора довольно простой: за пересказомъ біографическихъ свѣдѣній о томъ или другомъ почтмейстерѣ идетъ пересказъ матеріала, относящагося къ почтѣ. Авторъ въ его разработкѣ не умѣетъ отличить второстепеннаго отъ существеннаго: напримѣръ, какое значеніе имѣютъ для работы голые списки русскихъ торговыхъ людей, иностранцевъ, пользовавшихся услугами той или другой почты? А между тѣмъ такими выписками заполнена вся работа г. Козловскаго.

Въ началѣ своей работы авторъ правильно опредѣлилъ ту точку зрѣнія, которой слѣдовало бы держаться при изслѣдованіи интересовавшаго автора вопроса. Развитіе почтоваго дѣла при Петрѣ объясняется экономической политикой Петра, развитіемъ торговыхъ сношеній и измѣнившимся внѣшнимъ положеніемъ Россіи. Но въ самой работѣ объ этомъ не говорится ни слова. Благодаря этому, вся исторія почтоваго дѣла оказывается совсѣмъ несвязанной съ эпохой. Тѣмъ самымъ авторъ обезцѣнилъ свою работу и свелъ ея значеніе на нѣтъ. Конечно, если бы авторъ твердо держался сдѣланнаго выше методологическаго заявленія, то характеръ книги былъ бы совершенно иной. Автору пришлось бы дать отвѣты на многіе вопросы, вытекающіе изъ предполагаемаго авторомъ методологическаго пріема. Такъ авторъ даже не пытался подвести итоги своей работѣ и выяс-

Библиотека "Руниверс"

нить конечные результаты устройства почтъ; удовлетворяла ли она назрѣвшимъ потребностямъ государства и въ какомъ отношеніи она содѣйствовала культурному развитію страны и населенія. Еще два слова. Для организаціи почты—существенно исправленіе почтоваго тракта. Между тѣмъ, Козловскій говоритъ о трактахъ, но не выясняетъ, почему правительство остановилось на томъ или другомъ направленіи. Это очень важно. Наконецъ, было бы интересно знать, что стоила государству организація почтоваго дѣла, какъ она отразилась на платежныхъ силахъ населенія. Но г. Козловскій проходитъ мимо этихъ вопросовъ. Нельзя же считать отвѣтомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ совершенно случайныхъ замѣчаній, по существу ничего не выясняющихъ. *В. Пичета.*

Alexander Kraushar. Miscellanea historyczne. LIV. Senator Nowosilcow i canzura v Królestwa Kongresowego (1819—1829). Ze zródel archiwalnych. Kraków. 1913.

Ал. Краусхаръ, которому польская исторія обязана множествомъ изданій архивныхъ матеріаловъ, опубликовалъ въ настоящемъ выпускѣ своей «Исторической смѣси» чрезвычайно любопытные матеріалы объ учрежденіи въ Царствѣ Польскомъ, вопреки конституціи, цензуры и о дѣятельности цензоровъ почти до возстанія 1830 года. Какъ оказывается по даннымъ, впервые обнародованнымъ Краусхаромъ, и этимъ своимъ ограниченіемъ конституціонная жизнь Царства Польскаго обязана сенатору Новосильцову, который не могъ примириться съ обновленнымъ строемъ Польши. Самый фактъ учрежденія цензуры связанъ съ довольно забавнымъ эпизодомъ. 8 мая 1819 г. французская актриса Женни Фалисъ появилась на сценѣ «съ карамелькой во рту». Это вызвало въ публикѣ негодованіе, свистки и вмѣшательство полиціи. На другой день на улицахъ было расклеено распоряженіе президента города Варшавы, запрещающее оскорблять артистовъ подъ угрозой полицейскихъ каръ. Въ публикѣ эта дикая мѣра вызвала ропотъ, но печать молчала, и только одна Gazeta Codzienna, Narodova i Obca, недавно возникшая, рѣшилась протестовать. Вел. кн. Константинъ пришелъ въ ярость, велѣлъ привести къ себѣ редакторовъ газетъ, накричалъ на нихъ. Типографія была опечатана, и 22 мая 1819 г. была введена цензура для всѣхъ періодическихъ изданій.

Новосильцовъ сдѣлалъ видъ, что былъ недоволенъ введеніемъ цензуры, но подъ рукой доносилъ имп. Александру I «о злоупотребленіяхъ» польской печати и броженіи умовъ, которое она вызываетъ. Александръ въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Административнаго Совѣта, Соболевскаго, выразилъ свое неудовольствіе, и вскорѣ послѣ того, 16 іюля 1819 г., была введена цензура для всякаго рода печатныхъ произведеній.

Однако, и польская печать не сдавала своихъ позицій. Издатели «Газеты» предприняли новое, уже подцензурное изданіе «Бѣлый Орелъ». И здѣсь однако оказалось возможнымъ печатать вещи, достаточно обидныя для правительства. Такъ, однажды было разсказано о воинахъ, которые не терпятъ порохового дыма

Библиотека "Руниверс"

и во время битвы укрываются на мельницахъ и въ корчмахъ. Это былъ явный намекъ на самого вел. кн. Константина или на непопулярнаго ген. Рожнецкаго, какъ постарались представить дѣло. Гнѣву вел. князя не было мѣры. И здѣсь опять появляется Новосильцевъ съ новымъ проектомъ репрессій противъ польской печати.

Въ продолженіе десяти лѣтъ польская печать подвергалась мелочнымъ и лютымъ преслѣдованіямъ. Внушало подозрѣніе все, что отзывалось національнымъ чувствомъ. Особенно боялись «восклицаній» и двусмысленныхъ словъ. «Вольный» духъ преслѣдовался въ конституціонномъ польскомъ королевствѣ не менѣе ревностно, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Казани. Событія 1830 г. показали, однако, что въ погонѣ за «восклицаніями» Новосильцевы проглядѣли нѣчто болѣе важное.

А. Погодинъ.

S. *Clason.* Gustaf IV Adolf och den Europeiska Krisen under Napoleon (Stockholm. 1913).

Подъ этимъ заглавіемъ лундскій профессоръ Класонъ только что выпустилъ свой новый трудъ; уже не въ первый разъ неутомимый ученый разрабатываетъ исторію темныхъ годовъ начала XIX столѣтія, той эпохи, когда могло современникамъ-шведамъ казаться, что настаетъ конецъ ихъ государственной жизни.

Книга Класона тѣмъ интереснѣе для русскихъ читателей, что авторъ ея, будучи немного знакомъ съ русскимъ языкомъ, работалъ въ Петербургскихъ архивахъ, а въ своемъ изложеніи касается періода, когда Швеція близко соприкасалась въ своихъ политическихъ интересахъ съ Россіей.

Названный авторъ напечаталъ уже цѣлый рядъ статей по этимъ вопросамъ. Основной мыслью его работъ, какъ и настоящей книги, является желаніе доказать зависимость шведской политики той эпохи отъ экономическихъ факторовъ, а не отъ доброй воли короля. Густавъ IV, по мнѣнію автора, далеко не былъ причиной всѣхъ золъ и несчастій, обрушившихся на его бѣдную страну; прежніе историки Швеціи (впрочемъ, не мало и иностранцевъ, русскихъ въ томъ числѣ) всегда старались подчеркивать полусумасшедшій характеръ Густава и его печальную роль въ эпоху даннаго историческаго кризиса; по мнѣнію Класона, такая переспектива и подобная постановка вопроса совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности; вовсе не желая вполнѣ обѣлить названнаго короля, въ общемъ очень мало симпатичнаго, нашъ авторъ все-же старается, въ цѣляхъ возстановленія исторической истины, объяснить господствовавшіе тогда экономическіе и соціальные факторы, влекшіе Швецію съ неумолимой силой къ столкновенію съ Россіей. Въ этомъ заключается несомнѣнно большая заслуга Класона; съ его работами, и упомянутой выше книгой въ частности, придется впредь серьезно считаться всякому историку той эпохи.

Первая часть книги посвящена рекапитуляціи тѣхъ экономическихъ вопросовъ, надъ коими Класонъ работаетъ уже давно; главной мыслью автора является здѣсь указаніе тѣхъ вѣскихъ

Библиотека "Руниверс"

причинъ, которыя заставляли Швецію избѣгать разрыва сношеній съ Англіей: почти вся торговля Швеціи шла тогда моремъ, Англія же безусловно господствовала на морѣ, благодаря силѣ своего военнаго флота, и могла, потому, въ любой моментъ уничтожить весь шведскій экспортъ.

Въ этой части своего труда авторъ доказываетъ также, что уже въ 1803 г. слѣдуетъ искать корни континентальной блокады; уже тогда большинство портовъ Европы (отъ юга Италіи до устья Эльбы) было закрыто Наполеономъ для англійской торговли [1]). Между тѣмъ экономическіе интересы Швеціи не давали ей свободы выбора; ей надо было держаться Англіи, а послѣднее обстоятельство уже тогда, т.-е. въ 1803 г., вызывало крупное недовольство во Франціи; Наполеонъ не разъ нападалъ въ своихъ депешахъ и въ своей прессѣ на шведское правительство.

Подобная политика шведскаго короля, хотя и обусловливаемая столь существенными факторами, вызывала однако крупное недовольство въ нѣкоторыхъ кругахъ въ самой Швеціи, среди тѣхъ, которые боялись Наполеона и слѣпо вѣрили въ его непобѣдимость; близко время, говорили они, когда Бонапартъ укротитъ и Англію, и тогда Швеція будетъ жестоко имъ наказана; во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій они предлагали во́-время преклониться предъ всемогуществомъ Франціи, порвавъ съ Англіей. Отсюда проистекала личная злоба на короля, чувство, благодаря которому вся вина послѣдующихъ событій стала возлагаться именно на него; отсюда же происходило начало послѣдующей басни о сумасшествіи и упрямствѣ Густава.

Послѣднее обстоятельство очень характерно освѣщается во второй части разбираемой книги, гдѣ Класонъ анализируетъ знаменитые мемуары Стединга. Этими мемуарами часто пользовались различные историки, заграницей и у насъ (напр., Сорель, Вандаль, Шильдеръ и др. не разъ на нихъ ссылаются). Мемуары Стединга печатались въ Парижѣ въ 40-хъ годахъ нѣкіемъ Левенгельмомъ; когда сталъ выходить третій томъ, шведское правительство запротестовало и добилось пріостановки печатанія и перенесенія бумагъ Стединга въ Стокгольмскій архивъ; одною изъ главныхъ причинъ тому было разоблаченіе, теперь хорошо извѣстнаго, факта, что Бернадотъ велъ въ 1812 г. двойную политику; состоя въ союзѣ съ Россіей, онъ не брезгалъ переговорами съ Франціей. Изучая подлинники рукописей, хранящихся теперь въ Королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ, Класонъ убѣдился, что Левенгельмъ зачеркивалъ и пропускалъ при печатаніи цѣлыя страницы мемуаровъ Стединга; благодаря этому, въ особенности третій, неполный томъ получилъ совершенно пристрастную окраску, при чемъ старанія редактора были направлены главнымъ образомъ на очерненіе личности и дѣйствій короля Густава. Изъ 32 подлинныхъ писемъ Стединга въ

[1]) Необходимо по этому поводу замѣтить, что проф. Е. Тарле, въ своемъ капитальномъ трудѣ «Континентальная блокада» недостаточно внимательно отнесся къ данному вопросу, а кромѣ того совершенно обошелъ молчаніемъ отношенія Франціи къ Швеціи въ области вопросовъ Контин. блокады; это очень досадный пропускъ въ трудѣ русскаго ученаго, оправдываемый, можетъ быть, только незнаніемъ скандинавскихъ языковъ.

Библиотека "Руниверс"

третій томъ попало всего 6 полностью и 16 въ сокращенномъ видѣ; выпускались Левенгельмомъ тѣ мѣста, въ коихъ Стединтъ доносилъ королю о своихъ разговорахъ съ Александромъ I и торговыхъ сношеніяхъ Швеціи съ Англіей; редактору очевидно хотѣлось представить событія тѣхъ годовъ, какъ результатъ личной, близорукой политики Густава, вслѣдствіе чего сознательно исключались факты, влекшіе Швецію къ противленію волѣ Александра и политикѣ русскаго правительства. Стединтъ, какъ оказывается, не разъ указывалъ Александру на экономическую зависимость Швеціи отъ Англіи; ему ясно было, что морская торговля его отечества находилась бы подъ постояннымъ ударомъ, если бы Швеція вздумала противиться англичанамъ; а между тѣмъ, начиная съ Тильзитскаго мира, дружба Швеціи съ Англіей была чрезвычайно непріятна Александру, наускиваемому старательно Наполеономъ. Въ подобной точкѣ зрѣнія шведскаго посланника Класонъ правильно видитъ блестящее подтвержденіе своей вышеизложенной теоріи объ экономическихъ факторахъ, вызывавшихъ борьбу Швеціи не только съ Франціей, но съ 1807 г. и съ Россіей. Пропуски же Левенгельма очень характерны для оцѣнки отношеній, какъ современниковъ, такъ и слѣдующаго поколѣнія, къ королю Густаву; аристократамъ и дипломатамъ Швеціи хотѣлось, во что бы то ни стало, взвалить всю вину на несчастнаго монарха. Столь же характерна другая череда проступковъ въ воспоминаніяхъ, относящихся къ мѣсяцамъ, предшествовавшимъ объявленію войны съ Россіей; въ данномъ случаѣ Стединтъ старался успокаивать Густава, донося, что Александръ врядъ-ли готовится къ войнѣ или даже желаетъ ея избѣгнуть, а когда отношенія становились особенно натянутыми, онъ все-же въ своихъ депешахъ всегда добавлялъ, что у него оставались надежды на возможность избѣгнуть вооруженнаго конфликта; Александръ очевидно умѣлъ скрывать отъ шведскаго посланника свои истинныя намѣренія; вслѣдствіе этого у Густава должны были возникать сомнѣнія, способствовавшія его медлительности въ военныхъ приготовленіяхъ; и этотъ фактъ былъ непріятенъ Левенгельму, такъ какъ нѣсколько оправдывалъ дѣйствія короля. Читатель долженъ здѣсь помнитъ, что по мнѣнію Класона (по нашему, совершенно вѣрному), редакторская дѣятельность Левенгельма является лишь характернымъ эпизодомъ; она намъ рисуетъ отношенія къ Густаву цѣлаго соціальнаго класса, отношенія, благодаря коимъ и создалась легенда XIX столѣтія о сумасшествіи короля и исключительности его вины.

Третья часть книги посвящена дѣятельности русскаго министра при Стокгольмскомъ дворѣ, нѣкоего финляндскаго уроженца Алопеуса; здѣсь еще яснѣе выступаетъ наружу указанная выше оппозиція политикѣ Густава нѣкоторыхъ соціальныхъ классовъ, среди которыхъ господствовала безразсудная любовь ко всѣму французскому; не стѣсняясь абсолютно никакими средствами, эти люди въ тайнѣ интриговали притивъ Густава и всѣми силами мѣшали ему въ его иностранной политикѣ. О роли ихъ можно судить по ихъ сношеніямъ съ Алопеусомъ: въ то время, когда отношенія Швеціи и Россіи были уже очень на-

Библиотека "Руниверс"

тянутыми, когда уже ходили слухи о возможной войнѣ, господа эти сообщали представителю враждебнаго правительства самыя секретныя данныя о состояніи шведскаго войска, о господствовавшей въ странѣ враждѣ нѣкоторыхъ сословій къ королю, о вооруженіяхъ Швеціи и его недостаткахъ (такъ, оказывается, у адмиралтейства не было готово ни пороху, ни пушекъ!), объ интригахъ среди начальствующихъ генераловъ, о характеристикѣ отдѣльныхъ личностей, и т. д., и т. д. Обо всемъ этомъ Алопеусъ старательно доносилъ въ Петербургъ, гдѣ слѣдовательно до начала войны очень хорошо были освѣдомлены о слабости Швеціи. Получается дѣйствительно ужасная картина деморализіци выродившейся шведской аристократіи, ведшей страну на гибель.

Соціальная и экономическая сторона событій 1807—1810 гг. совершенно мѣняетъ оцѣнку всей картины, прежде рисовавшейся исключительно съ точки зрѣнія роли отдѣльныхъ мѣстностей и на первомъ планѣ бѣднаго Густава.

Рано или поздно дѣятельность Алопеуса должна была быть разоблаченной; и правда, до короля скоро стали доходить слухи, что не все благополучно въ этомъ отношеніи, благодаря чему Густавъ рѣшился на героическое и недопустимое средство—наложенія на иностраннаго посланника домашняго ареста. Класонъ старается и здѣсь оправдать короля, но разсужденія его чрезвычайно слабы (стр. 133 и слѣд.), а примѣры и вовсе непріемлемы (такъ онъ ссылается, напримѣръ, на 1700 г., когда Петръ I арестовалъ въ Москвѣ шведскаго посланника; можно было бы надѣяться, что правительства нѣсколько улучшили свои методы за сто лѣтъ!).

3 марта 1808 г. Алопеусъ былъ арестованъ,—говоритъ Класонъ,—и, казалось бы, этимъ должна была закончиться доносительская дѣятельность этого господина. Но нѣтъ! какъ указывалось уже въ русской литературѣ [1]), Алопеусъ нашелъ, и даже весьма скоро, возможность продолжать посылать домой самые подробные рапорты касательно шведскаго войска, вооруженія, подготовительныхъ мѣръ и т. п., а главное, относительно все растущей внутренней вражды и придворныхъ интригъ. Между тѣмъ бумаги его были опечатаны! шкапы заперты и т. д.! Когда насталъ день его освобожденія, адъютанты короля старательно опечатывали и перевозили тюки... простой и газетной бумаги, полагая, что перевозится дипломатическій архивъ Алопеуса! Все остальное было тайно сожжено ловкимъ посланникомъ! Швеція тогда стояла на краю гибели, измѣна свила себѣ гнѣздо въ самомъ центрѣ тогдашняго шведскаго правительства. Благодаря деморализаціи высшихъ классовъ, утеряны были всякія понятія о дисциплинѣ, порядкѣ, нравственности, порядочности.

Четвертая и послѣдняя часть разбираемаго труда посвящена подробной исторіи Фридрихсгамскаго мира; здѣсь русскій читатель найдетъ мало новаго, тѣмъ болѣе, что главной задачей Класона, повидимому, является ознакомленіе шведовъ съ выводами русскихъ изслѣдователей вопроса. Его основныя мысли

[1]) Класонъ ссылается на статью Злобина въ «Журналѣ М-ва Нар. Просв.».

Библиотека "Руниверс"

сводятся и въ данномъ случаѣ къ утвержденію, что не столько король, сколько вся тогдашняя обстановка, въ которой жило и дѣйствовало правительство Швеціи, виновата въ позорѣ 1809 года.

Подводя итогъ работы проф. Класона, мы можемъ ее горячо привѣтствовать, какъ интересный и хорошо продуманный научный трудъ, составляющій существенный шагъ впередъ въ области исторіи Швеціи. Во многихъ отношеніяхъ книга эта цѣнна и для русской науки.

Проф. С. А. Корфъ.

В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по Положенію 19 февр. 1861 г. Историческій очеркъ. Т. I, 1—326; т. II, 1+406 и т. III, 1+200. Спб., 1913 г. Цѣна не обозначена.

Г. Евреиновъ, взявъ эпиграфомъ къ своему труду слова императора Александра II о желаніи его, чтобы дѣло объ освобожденіи крестьянъ «предстало потомству, какъ происходило, безъ прикрасъ», заявилъ, что для полнаго безпристрастія «принялъ за правило держаться документовъ, а при разногласіяхъ,—приводить безъ сокращеній оба мнѣнія, избѣгая критической оцѣнки событій». Послѣ такого заявленія можно было ожидать, что онъ дастъ документальную исторію подготовки освобожденія крестьянъ и прослѣдитъ ходъ дѣла въ правительственныхъ инстанціяхъ по выработкѣ законоположеній объ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ. Но исполненіе поставленной имъ себѣ задачи выразилось въ своеобразномъ пріемѣ: или перепечатывать извѣстные уже документы по исторіи освобожденія крестьянъ или же, печатая впервые относящіеся къ этому дѣлу матеріалы, не указывать источниковъ своихъ заимствованій. Такъ, въ первомъ томѣ, за краткимъ и шаблоннымъ очеркомъ постепеннаго закрѣпощенія крестьянъ и правительственныхъ мѣръ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ при импер. Александрѣ I и Николаѣ I (гл. 1 и 2), идутъ перепечатанные цѣликомъ нѣкоторые журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по кр. дѣлу, доклады м. в. дѣлъ Ланскаго, г.-ад. Ростовцева, записка М. Безобразова, адресы депутатовъ и другіе оффиціальные документы, такъ что текстъ самого г. Евреинова служитъ лишь нитью, связывающею ихъ чисто внѣшнимъ образомъ. Хотя составитель и замѣтилъ, что для своей работы пользовался архивами М. в. дѣлъ и Государственнаго Совѣта, но эта доступность ему первоисточниковъ не застраховала его отъ повторенія множества невѣрныхъ данныхъ, почерпнутыхъ имъ изъ «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи», изданныхъ въ 1860—1862 г. въ Берлинѣ, пользоваться которыми можно лишь по провѣркѣ ихъ архивными дѣлами. Вотъ нѣкоторыя изъ ошибочныхъ утвержденій, содержащихся въ I томѣ: 1) легенда о разсылкѣ копій съ рескрипта 20 ноября 1857 г. и дополнительнаго къ нему отношенія м. в. дѣлъ къ свѣдѣнію губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, якобы *помимо* Секретнаго Комитета (т. I, 141), должна быть отброшена въ виду документовъ, находящихся въ дѣлахъ этого комитета (т. VIII, въ архивѣ Госуд. Сов.), изъ которыхъ видно, что сперва м. вн. дѣлъ 21 ноября 1857, а вслѣдъ

Библиотека "Руниверс"

за нимъ и князь Орловъ, 23 ноября., *по порученію* комитета, испрашивали на тайную разсылку разрѣшеніе государя, которое тогда же и было имъ дано; 2) Секретный Комит. учрежденъ не въ 1856 г. и «получилъ гласность» не 8 марта 1858 г. (т. I, 149), а 3 янв. 1857 г. и переименованъ въ Главный Комитетъ по кр. дѣлу 16 февр. 1858 г., о чемъ и объявлено указомъ Сената 18 февр. (т. VIII д. арх. Госуд. Сов.); 3) не вѣрно также приписанное кн. Меншикову мнѣніе о несогласіи его на освобожденіе крестьянъ иначе, какъ съ разсрочкою такового на 7 лѣтъ (т. I, 131), потому что онъ не былъ членомъ Секретн. Комит. и не осталось слѣдовъ его сужденій въ этомъ смыслѣ; 4) Гр. Панинъ, будучи назначенъ членомъ Секретн. Комит. только въ января 1858 г., не могъ участвовать въ обсужденіи въ Секретн. Комит. въ маѣ 1857 г. проекта петергофскаго дворянства о вотчиномъ управленіи помѣщичьими крестьянами (т. I, 122). Приведя рѣчь Александра II-го, сказанную имъ 30 марта 1856 г., г. Евреиновъ оговорилъ, что она взята «со списка въ тотъ же день составленнаго предводителями (московскаго дворянства) и ими же подписаннаго (т. I, 72), но это не вѣрно: по записи предводителей рѣчь эта напечатана А. Левшинымъ (Русск. Арх., 1885, № 8), а представленная государю запись получила иную редакцію; въ этомъ правленномъ рукою государя и распространенномъ видѣ списокъ рѣчи былъ «совершенно секретно» сообщенъ шефомъ жанд. кн. Долгоруковымъ Московскому г.-губер. Закревскому «для его личнаго свѣдѣнія». Быстро разойдясь въ публикѣ, рѣчь въ этой послѣдней редакціи была впервые напечатана въ I т. «Матеріаловъ», изданныхъ Хрущовымъ въ 1860 г. въ Берлинѣ, а впослѣдствіи появилась въ «запискахъ» сенат. Я. Соловьева (Рус. Стар. 1881, № 2), и по этому источнику перепечатывается во всѣхъ работахъ по исторіи царствов. Александра II, и текстъ ея воспроизведенъ у г. Евреинова.

Если 1-й томъ на три четверти наполненъ перепечатками сырыхъ матеріаловъ, относящихся къ движенію крестьянскаго дѣла съ 1856 по день закрытія Редакціонныхъ Комиссій (10 Окт. 1860 г.), то весь второй занятъ обширнымъ журналомъ (429 in folio въ печатномъ видѣ) Главнаго Комит. о 45 его засѣданіяхъ по разсмотрѣнію проектовъ, изготовленныхъ Редакц. Ком., и меморіями Общаго Собранія Государ. Совѣта по проектамъ положеній окр., поступившимъ изъ Главн. Ком. по кр. дѣлу, при чемъ въ журналѣ сдѣланы кое-какія сокращенія и пропущено отдѣльное мнѣніе кн. Гагарина по вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Не будь этого и при обозначеніи вносными знаками перепечатаннаго изъ журн. Главн. Ком., второй томъ и въ настоящемъ его соста вѣмогъ бы служить общедоступнымъ источникомъ для ознакомленія съ сужденіями большинства и меньшинства членовъ Глав. Ком. по вопросамъ крестьянскаго устройства, а также и съ мотивами, на которыхъ основаны проекты Ред. Ком., которые подробно изложены въ упомянутомъ журналѣ.

Тотъ же пріемъ механической выборки примѣненъ г. Евреиновымъ и при напечатаніи изъ меморій Общ. Собран. Госуд. Совѣта разныхъ мнѣній его членовъ по вопросамъ поземельнаго и админи-

Библиотека "Руниверс"

стративнаго устройства крестьянъ, съ приведеніемъ санкціи Александра II только по вызвавшимъ разногласіе предметамъ большинства и меньшинства его членовъ. По этой причинѣ совершенно умолчано объ исправленіи цифръ высшихъ размѣровъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что принято было въ засѣд. Госуд. Сов. 13 и 17 февр. 1861 г., не изложена исторія установленія дарового надѣла, хотя и упомянуто, что «наконецъ (?) Госуд. Сов. включилъ въ Положеніе нижеслѣдующее правило» и т. д. (т. II, 386), безъ указанія на инициатора кн. Гагарина, предложившаго подарить крестьянамъ $^1/_6$ часть высшаго или указаннаго надѣла. Самый счетъ числа засѣданій Госуд. Сов., посвященныхъ обсужденію проектовъ о крестьянахъ, опредѣленъ не вѣрно въ 11, вмѣсто 13, съ пропускомъ засѣданій 30 янв. 1 и 13 февр. 1861 г.

Такимъ образомъ разсмотрѣнная часть труда г. Евреинова не можетъ восполнить идеально составленнаго г. Скребицкимъ систематическаго свода трудовъ Редакц. Ком., не имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи матеріаловъ о движеніи крестьянскаго дѣла въ послѣднихъ двухъ инстанціяхъ, и всѣмъ работающимъ по исторіи освобожденія крестьянъ придется еще нѣсколько пообождать, когда въ рукахъ ихъ будутъ подлинные журналы Секретн. и Главн. Комитетовъ и журналы съ меморіями Госуд. Сов. по кр. дѣлу, уже печатаемые архивомъ Государственнаго Совѣта.

Первая половина 3-го тома удѣлена «*проведенію въ жизнь основныхъ началъ положенія 19 февр. 1861 г.*» (стр. 3—95); здѣсь г. Евреиновъ, широко заимствуя изъ печатныхъ отчетовъ м. в. дѣлъ за 1861—1863 г. и Главнаго Комит. объ устройствѣ сельскаго состоянія за 10-лѣтіе 1861—1870 г., изложилъ внѣшнюю исторію движенія крестьянскаго дѣла до закрытія Главн. Ком. въ 1882 г., при чемъ говоритъ подлинными словами указанныхъ источниковъ, безъ точныхъ ссылокъ на нихъ, кромѣ общаго указанія на журналъ (какой ?), Главн. Комит. и упомянутый выше отчетъ его за десятилѣтіе (стр. 83), чѣмъ вводитъ въ недоумѣніе, что же собственно въ текстѣ принадлежитъ г. Евреинову.

Остальные 50 стр. этого тома, сверхъ занятыхъ 99—150 стр. разными приложеніями (перепечатанными изъ изданія м. в. дѣлъ, «Русской Старины», «Дума Русскаго» Валуева), — посвящены крестьянскому дѣлу въ царствованіе Александра III и нынѣшнее, но собственно перечню узаконеній «направленныхъ къ удовлетворенію неотлагательныхъ потребностей крестьянскаго быта», отведено всего три страницы для царств. Александра III, всѣ же остальныя (156 — 166) заняты характеристикой руководящихъ идей этого царствованія. Въ такомъ же масштабѣ представлены и «заботы» въ нынѣшнее царствованіе по отношенію крестьянскаго населенія: это перечисленіе изданныхъ законовъ о сельск. состояніи съ краткимъ ихъ содержаніемъ, доведенное до закона 12 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Однакожъ, такой чисто лѣтописный пріемъ при обозрѣніи законодательства о крестьянахъ въ періодъ съ 1905 г. не удержалъ г. Евреинова въ «заключеніи» своего труда отъ выра-

Библиотека "Руниверс"

женія мыслей, не имѣющихъ никакой связи съ «крестьянскимъ дѣломъ по Положенію 19 февр. 1861 г.,» «Общество,—утверждаетъ онъ,—проникается убѣжденіемъ, что лишь на почвѣ русскихъ государственныхъ устоевъ, русскаго національнизма, можетъ развиваться Россія», и что «недалеко то время, когда внутренній нашъ организмъ окрѣпнетъ, сплотится національнизмомъ воедино, и Россія воспрянетъ могучимъ, единымъ нераздѣльнымъ Государствомъ и займетъ въ международныхъ отношеніяхъ подобающее ей мѣсто» (т. III, 199—200).

Свою компиляцію изъ матеріаловъ, относящихся къ дѣлу освобожденія крестьянъ, г. Еврепному угодно было назвать «историческимъ очеркомъ», въ которомъ дѣйствительно трактуются историческія матеріи, но онъ не пригоденъ ни для широкой публики, ни для историковъ для справокъ по вышеизложеннымъ пріемамъ пользованія документами.

Алексѣй Попельницкій.

Исторія Московскаго Купеческаго Общества (1863—1913). Тома пятаго выпускъ 1-й. Подъ ред. В. Н. Сторожева.

Выпуская свою юбилейную исторію, московское купеческое общество рѣшило, повидимому, нѣсколько отступить отъ обычнаго типа юбилейныхъ изданій. Это выразилось прежде всего въ томъ, что редакцію «Исторіи» поручили не кому-нибудь изъ управскихъ чиновниковъ, но ученому архивисту. Редакторъ не ограничился изданіемъ важнѣйшихъ матеріаловъ изъ архива общества—хотя этотъ архивный матеріалъ представленъ и въ приложеніяхъ, и въ самомъ текстѣ чрезвычайно богато,—а поставилъ своему труду задачу, еще болѣе широкую. «Исторія Московскаго Купеческаго Общества,—пишетъ онъ, — представляетъ собою опытъ научнаго изложенія процесса окончательнаго вступленія купечества въ общественный классъ, который призванъ держать въ своихъ рукахъ отечественныя промышленность и торговлю, а равно созрѣвшую силу капитала, какъ дѣйствительное орудіе цѣлой крупной эпохи въ развитіи русскаго общества и русскаго государства» (стр. 81). Исполненія этого обѣщанія придется, очевидно, нѣсколько подождать. Вышедшая пока 1-я часть V тома посвящена «учрежденіямъ, недвижимостямъ и капиталамъ моск. куп. о-ства». Самъ редакторъ признаетъ, что это описаніе «имѣетъ прежде всего практическое значеніе» (стр. 20). Не исключительно, какъ сейчасъ увидимъ: кое-что изъ той грандіозной исторіи «буржуазной культуры» въ Россіи, которая носилась, повидимому, въ воображеніи редактора, когда онъ писалъ свой вступительный очеркъ, имѣется уже и въ вышедшемъ томѣ, — пока въ скромномъ качествѣ сырого матеріала. Все же ясно, что совсѣмъ уйти отъ шаблоннаго типа юбилейнаго изданія оказалось невозможно. Этимъ, конечно, прежде всего объясняются нѣкоторыя особенности появляющагося теперь передъ публикою тома, особенности, которыя могутъ на первый взглядъ очень поразить тѣхъ, кто знакомъ съ общественно-научной физіономіей В. Н. Сторожева. Не нужно забывать, что онъ, вѣдь, только редакторъ «изданія московскаго купеческаго общества», какъ

Библиотека "Руниверс"

значится на обложкѣ. Есть извѣстныя традиціи, которыя ни съ какими научными задачами не считаются. Учитывая это обстоятельство, нельзя не согласиться съ редакторомъ въ той части предисловія, которая отражаетъ его личные взгляды. Онъ совершенно правъ, говоря, что «у купеческаго сословія, какъ такового, есть своя культура и своя культурность», и что эту культуру нельзя изучать по комедіямъ Островскаго. Но болѣе или менѣе полную картину этой культуры мы найдемъ только въ слѣдующихъ томахъ «Исторіи».

Небольшой, но характерный ея уголокъ открывается, впрочемъ, передъ нами и теперь. Въ книгѣ, помимо вступительнаго очерка, имѣется шесть отдѣльныхъ экскурсовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ учрежденіямъ, содержимымъ купеческимъ обществомъ или находящимся въ его завѣдываніи. Во всѣхъ экскурсахъ весьма много любопытнаго въ бытовомъ отношеніи: чего стоитъ, напримѣръ, одно, изложенное на стр. 162—3, дѣло о захватѣ московскимъ тюремнымъ комитетомъ, при помощи генералъ-губернатора, одного изъ домовъ купеческаго общества—который послѣднее явно не желало уступать. Но тюремному комитету нужно было; купцы пожалѣли и — «пожертвовали». Не ссориться же съ генералъ-губернаторомъ! Но самый цѣнный изъ экскурсовъ, несомнѣнно, послѣдній, излагающій исторію *мѣщанскаго* училища московскаго *купеческаго* общества. Съ перваго взгляда не поймешь, почему это *купцамъ* понадобилось устраивать училище для *мѣщанскихъ* дѣтей? Повидимому, чистая благотворительность: и тонъ этой «чистой благотворительности» безподобно выдержанъ старинными инструкціями этого, едва ли не старѣйшаго «общественнаго» учебнаго заведенія Москвы (основано въ 1834 г.). «Въ день свѣтлаго праздника Воскресенія Христова,—гласитъ одна изъ такихъ инструкцій,—и въ дни ангеловъ тѣхъ изъ благотворителей, которые пожертвовали капиталы на вѣчное время при жизни своей, мальчики должны отправляться съ приставникомъ въ 9 час. утра для принесенія имъ поздравленія, дѣвочки же должны посылать имъ въ тѣ дни письменныя поздравленія». Умилительная картина! И только случайно, изъ болѣе сухого и дѣлового «Положенія» училища, мы узнаемъ, что воспитанниковъ, по окончаніи имъ курса, отдавали «для приспособленія къ торговлѣ и промысламъ, къ купцамъ и фабрикантамъ по условіямъ на 3 и 4 года». Ларчикъ открывался просто: изъ мѣщанскихъ дѣтей купечество себѣ готовило дешевыхъ и хорошо вышколенныхъ приказчиковъ. Это направленіе училища заслужило ему полное одобреніе и со стороны высшаго правительства. Такъ покровительствовавшій купечеству (объ этомъ часто и напрасно забываютъ) имп. Николай I посѣтилъ въ 1846 г. училище и держалъ къ его Совѣту рѣчь, гдѣ, между прочимъ, говорилъ: «старайтесь же внушать воспитывающимся цѣль, къ которой направлено ихъ воспитаніе, и чтобы они помнили свое званіе и не имѣли бы мыслей выше онаго».

Внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ его «юбилейному» происхожденію: роскошная бумага, изящные шрифты, масса художественныхъ приложеній и въ текстѣ, и на отдѣльныхъ

Библиотека "Руниверс"

листахъ. Нѣкоторыя изъ иллюстрацій представляютъ несомнѣнный историко-бытовой интересъ: таковы, напримѣръ, снимки съ современныхъ картинъ, изображающихъ посѣщеніе Александромъ II дома моск. городск. головы Королева. Но большинство имѣетъ отношеніе къ юбилею и интересно больше для юбиляровъ.

М. Покровскій.

Записки М. В. Данилова, артеллеріи маіора, написанныя имъ въ 1771 году (1722—1763). Изд. «Молодыя Силы». Казань. 1913 г. Ц. 50 коп.

Записки майора Данилова являются однимъ изъ важнѣйшихъ и, къ сожалѣнію, очень немногихъ памятниковъ бытовой исторіи рядового дворянства срединѣ XVIII вѣка. Написанныя въ формѣ родословной фамиліи Даниловыхъ, онѣ даютъ яркую картину воспитанія и быта провинціальнаго дворянства эпохи императрицъ Анны и Елизаветы; въ этихъ своихъ частяхъ онѣ наиболѣе цѣнны, такъ какъ большинство мемуаровъ XVIII вѣка рисуетъ намъ по преимуществу столичное дворянское общество, и лишь извѣстныя записки Болотова существенно дополняютъ и варіируютъ свѣдѣнія, сообщаемыя Даниловымъ. Но записки послѣдняго важны также и для характеристики средняго столичнаго и провинціальнаго чиновничества, тоже слабо обрисованнаго въ нашей мемуарной литературѣ XVIII вѣка. Безыскусственный, простодушный, подчасъ даже наивный разсказъ Данилова даетъ возможность живо почувствовать эпоху, въ которую жилъ ею авторъ; сама далеко ушедшая отъ насъ жизнь дышитъ съ этихъ скромныхъ, непритязательныхъ страницъ. Вслѣдствіе этого нельзя не привѣтствовать появленіе записокъ Данилова въ отдѣльномъ изданіи; выпущенныя впервые въ 1842 году и перепечатанныя потомъ въ «Р. Архивѣ» (1883 г. Т. II), онѣ мало доступны, а между тѣмъ онѣ необходимы не только всякому спеціалисту по русской исторіи, но и всякому лицу, серьезно интересующемуся русской исторіей и желающему подойти къ ея первоисточнику. Новое изданіе записокъ Данилова печатается съ изданія 1842 г., но къ нему добавлено нѣсколько примѣчаній Бартенева изъ «Р. Архива».

К. Сивковъ.

Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія 1877—78 гг. Т. II. Изд. Т-ва Вольфъ. СПБ. 1913 г. 369 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ «Голосѣ Минувшаго» (1913 г. № 11) уже былъ данъ отзывъ о первомъ томѣ мемуаровъ г. Скалона. Недавно вышедшій второй томъ содержитъ дневникъ событій въ главной квартирѣ главнокомандующаго Дунайской арміей вел. кн. Николая Николаевича Старшаго съ 19 ноября 1877 г. вплоть до 18 Апрѣля 1878 г.— дня отъѣзда великаго князя изъ арміи. Этотъ томъ гораздо интереснѣе перваго, особенно много новаго матеріала даютъ послѣднія главы (XI—XXV). Здѣсь мы находимъ подробности о начальномъ періодѣ мирныхъ переговоровъ съ Турціею, закончившемся Санъ-Стефанскимъ договоромъ, и о роли при этомъ гр. Н. П. Игнатьева, изображаемаго г. Скалономъ въ очень отрица-

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ чертахъ, какъ человѣка «трусоватаго», легковѣрнаго, крайне лживаго (турки даже прозвали его «япаджи-баба», что значитъ, «отецъ лжи») и крайне нетактичнаго въ своемъ обращеніи въ дипломатами другихъ государствъ.

Между прочимъ въ настоящей книгѣ находятся очень важныя данныя для рѣшенія вопроса, почему русскимъ войскамъ не удалось вступить въ Константинополь; авторъ дневника, приведя переписку по этому вопросу имп. Александра II и вел. кн. Николая Николавича, всячески оправдываетъ дѣйствія послѣдняго, якобы стѣсненнаго инструкціями канцлера кн. Горчакова и неопредѣленными указаніями телеграфныхъ депешъ Императора и лишеннаго поэтому возможности дѣйствовать самостоятельно въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ занятіе турецкой столицы. Но сопоставленіе разнаго рода фактовъ, приводимыхъ самимъ же г. Скалономъ, не позволяетъ снять съ великаго князя всякую отвѣтственность за совершившееся. Во второй половинѣ января и началѣ февраля 1878 г. для занятія Царьграда было достаточно лишь одного приказанія главнокомандующаго; впослѣдствіи вмѣшательство Англіи и сосредоточеніе турками въ столицѣ достаточныхъ средствъ совершенно измѣнили конъюнктуру. Почему же рѣшительное приказаніе въ нужную минуту не было отдано? Имп. Александръ II впослѣдствіи неоднократно высказывалъ, что онъ своевременно послалъ главнокомандующему категорическое распоряженіе занять Константинополь; г. Скалонъ увѣряетъ, что такого приказанія въ положительномъ видѣ великій князь не получалъ. Однако телеграммы Государя и Горчакова отъ 30 янв. 1878 г., по справедливому указанію г. Скалона, «развязывали намъ руки», и, слѣдовательно, единственно непониманію полученныхъ указаній слѣдуетъ приписать остановку нашихъ войскъ передъ Константинополемъ.

Въ то же время нельзя отрицать и того, что для великаго князя были и смягчающія обстоятельства: въ Петербургѣ не довѣряли энергіи и знаніямъ главнокомандующаго и его Штаба, начальникомъ котораго былъ безличный и малоспособный Непокойчицкій, и поэтому постоянно пытались руководить издалека военными операціями. Это ненормальное положеніе вещей, въ свою очередь, стѣсняло подчасъ «полную мочь» и дѣйстія главнокомандующаго, и онъ, чувствуя недовѣріе къ себѣ, не всегда рѣшался брать важныя предпріятія на свою личную отвѣтственность. Незанятіе Константинополя вызвало охлажденіе Государя къ брату, и, хотя вел. князь и былъ по окончаніи войны награжденъ фельдмаршальскимъ жезломъ, но Императоръ запретилъ ему возвращаться черезъ Москву, гдѣ могли быть овaціи, а при возвращеніи въ СПБ. рѣзко сказалъ брату, что лично выѣхалъ навстрѣчу ему лишь затѣмъ, «чтобы народъ его не освисталъ» (стр. 364).

Ярко обрисованныя въ книгѣ г. Скалона отношенія великаго князя и его окружающихъ къ Д. А. Милютину, котораго называли безъ стѣсненія «пентюхомъ», и «ничего непонимающимъ въ военномъ дѣлѣ» и къ его виднымъ сотрудникамъ въ родѣ Н. Н. Обручева, съ которымъ вел. кн. не желалъ даже разговаривать

Библиотека "Руниверс"

за то, что тотъ отказался принимать участіе въ усмиреніи польскаго возстанія 1863 г., показываетъ въ какой тяжелой придворной атмосферѣ Милютину пришлось проводить свои великія военныя реформы.

Въ книгѣ г. Скалона вообще разбросано много мелкихъ штриховъ для характеристики разныхъ видныхъ дѣятелей описываемой имъ эпохи: самого Имп. Александра Николаевича, изнервничавшагося во время пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій и боявшагося «кровопролитія и жертвъ»; знаменитаго хирурга Н. И. Пирогова, несмотря на свой старческій возрастъ объѣзжавшаго верхомъ поля сраженія и изучавшаго характеръ раненій огнестрѣльнымъ оружіемъ; будущаго фельдмаршала І. В. Гурко, властный и суровый характеръ котораго не остановился передъ угрозою «убрать въ резервъ», сказанною пр. Ольденбургскому, нажаловавшемуся на трудность Балканскаго перехода; величайшаго изъ военныхъ инженеровъ своего времени гр. Э. И. Тотлебена (котораго, кстати замѣтить, въ штабѣ главнокомандующаго называли «болваномъ»), канцлера кн. А. М. Горчакова и др.

Изданъ второй томъ также плохо, какъ и первый; попрежнему плохіе рисунки, отсутствіе указателя личныхъ именъ; нѣтъ даже оглавленія...

Н. П. Вишняковъ.

Анатолій Егоровъ. Страницы изъ прожитого. I—II (254 317). Одесса, 1913. Цѣна 2 р. 50 к.

Автобіографическія записки могутъ представлять интересъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Онѣ могутъ быть интересны, по личности автора, для исторіи его духовнаго развитія; могутъ быть важными по самому содержанію, поскольку въ кругъ наблюденій автора входятъ явленія и личности, для напоминанія и изображенія которыхъ всякое сообщеніе можетъ представить извѣстную цѣнность; воспоминанія, наконецъ, могутъ быть и такими, въ которыхъ не находимъ упоминаній о дѣятеляхъ или событіяхъ, которые могли бы привлечь сами по себѣ вниманіе читателя, но гдѣ изображаются самыя обыденныя явленія,—и въ этомъ есть своя цѣнность, поскольку изображаемое оказывается типичнымъ для извѣстной эпохи; интересъ записокъ послѣдняго типа значительно увеличивается, если онѣ отличаются литературною обработкою и изяществомъ изложенія. Воспоминанія, заглавіе которыхъ выписаны выше, не могутъ быть отнесены къ какой-нибудь одной опредѣленной группѣ, но, какъ это весьма часто бываетъ, совмѣщаетъ въ себѣ особенности каждой. Оставляя въ сторонѣ личность самаго автора, мы находимъ въ его книжкѣ и замѣтки, такъ или иначе характеризующія выдающихся лицъ, которыхъ г. А. Егорову привелось встрѣчать или наблюдать, напр. объ И. С. Тургеневѣ и др., и отрывки, которые могутъ пригодиться для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ обыденной жизни, напр., страницы, посвященныя разсказу о воспитаніи и начальномъ обученіи автора. Наиболѣе обширную часть книги А. Егорова занимаютъ воспоминанія его «изъ міра

Библиотека "Руниверс"

цензуры», и въ этой части и заключается собственно интересъ его изданія. Начавъ службу въ 1862 году въ качествѣ чиновника при губернаторѣ, А. Егоровъ уже черезъ четыре года оставилъ этотъ родъ службы и въ январѣ 1866 года вступилъ въ ряды служащихъ по цензурному вѣдомству, сперва въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ, а съ 1881 по 1906 годъ въ Одессѣ. Такимъ образомъ въ теченіе сорока лѣтъ авторъ стоялъ близко къ дѣлу цензуры, и сообщенія его объ этомъ дѣлѣ представляются интересными. А. Егоровъ приводитъ свѣдѣнія не только о своемъ личномъ опытѣ, при разсказѣ о которомъ онъ не столько останавливается на сущности самого дѣла и характеристикѣ условій своей службы, сколько на обрисовкѣ тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось проходить свою службу; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ любопытный матеріалъ и для исторіи цензуры за время, предшествовавшее его личному знакомству съ нею, именно за годы 1850—1865, пользуясь для этого архивомъ Одесскаго Цензурнаго комитета и извлекая изъ него разнообразныя распоряженія касательно надзора за печатью. Преимущественно, конечно, г. Егоровъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ состоянія цензуры въ г. Одессѣ, приводя характеристики лицъ, вѣдавшихъ въ его время дѣло цензуры. Много свѣдѣній приводитъ авторъ о дѣятельности извѣстнаго цензора Воронича, для выясненія отношенія котораго къ печати пользуется сохранившеюся въ редакціи газеты «Одесскій Листокъ» записью помѣтъ и замѣчаній Воронича на корректурныхъ листахъ номеровъ этой газеты, представлявшихся въ цензуру. О своемъ собственномъ цензорскомъ опытѣ авторъ говоритъ мало, отмѣчая только, что при исполненіи своихъ обязанностей былъ сдержаннымъ и непридирчивымъ.—Рядомъ съ данными «изъ міра цензуры» А. Егоровъ много мѣста посвящаетъ разсказамъ объ Одесской жизни, отмѣчая обыденныя ея стороны и останавливаясь на наукѣ и событіяхъ, выдѣлившихся на ея общемъ фонѣ. Такъ много любопытныхъ случаевъ передано въ книгѣ пріобрѣвшемъ широкую извѣстность бывшемъ одесскомъ градоначальникѣ П. А. Зеленомъ, послѣднія главы посвящены разсказамъ о революціонномъ періодѣ 1904 и слѣдующихъ годовъ; эти разсказы характеризуются необъективнымъ тономъ и нетерпимымъ отношеніемъ къ отдѣльнымъ проявленіямъ общественнаго броженія. — Въ общемъ записки А. Егорова не представляютъ собою книги, сколько-нибудь выдающейся съ литературной стороны; но по своему содержанію она можетъ дать нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ различныхъ сторонъ жизни, особенно касательно цензуры. Нужно еще отмѣтить, что значительная часть главъ воспоминаній была напечатана въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ на страницахъ «Русской Старины», «Русскаго Архива» и «Историческаго Вѣстника».

А. Флоровскій.

Е. Ѳ. Юнге (урожд. графиня Толстая). *Воспоминанія* (1843—1860 гг.). Книгоиздательство «Сфинксъ», серія «Историческая Библіотека», М. Годъ не обозначенъ. Стр. XV+488+XXXI. Ц. 3 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Литература воспоминаній едва ли не самый любимый у широкой публики родъ историческаго чтенія. Въ нихъ убѣгающее прошлое такъ ощутительно сливается съ настоящимъ, съ недавнимъ, съ близкимъ для всѣхъ. Въ русской литературѣ воспоминаній мы имѣемъ такіе шедевры, какъ «Семейная хроника» Аксакова, какъ «Былое и думы» Герцена, какъ «Записки современника» Короленка, и длинный рядъ разнообразнѣйшихъ мемуаровъ менѣе значительной художественной цѣнности, но крупного бытового и историческаго или литературнаго значенія. Воспоминанія Е. Ѳ. Юнге занимаютъ въ литературѣ о пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка не послѣднее мѣсто, какъ по личности автора-женщины, такъ и по живому разнообразію затрагиваемыхъ ею замѣчательныхъ явленій и лицъ. Какъ особое достоинство, кромѣ живой наблюдательности, воспитанной разностороннимъ образованіемъ, необходимо отмѣтить въ этихъ мемуарахъ объективность, отсутствіемъ которой напр. очень страдаютъ воспоминанія Головачевой-Панаевой, Тучковой-Огаревой, отчасти Т. П. Пассекъ и другихъ мемуаристокъ.

Дочь графа Ѳ. П. Толстого, вице-президента Академіи художествъ, Е. Ѳ. Юнге (род. въ 1843 г., умерла въ 1890-хъ годахъ) выросла и вращалась въ исключительно интеллигентной средѣ, гдѣ преобладали надо всѣми интересы искусства, литературы и науки. Воспоминанія ея касаются множества очень извѣстныхъ въ исторіи русской общественности, литературы, искусства, именъ. Съ большимъ тактомъ чисто личное и интимное въ воспоминаніяхъ Юнге переплетено съ имѣющимъ объективный интересъ, начиная, напр., съ разсказа о томъ, какъ въ дѣтствѣ ее томили довольно-таки комическія чтенія Ѳ. Н. Глинки и его супруги—мистической поэмы «Божественная капля». Въ IV главу, воспоминанія о литературно-художественныхъ вечерахъ въ Академіи, на которыхъ подросткомъ присутствовала и Е. Ѳ., вставлена очень теплая характеристика извѣстнаго поэта Н. Ѳ. Щербины, человѣка весьма несчастнаго. Двѣ главы отведено жизни и характеристикѣ отца автора мемуаровъ, выдающагося дѣятеля въ области искусства и человѣка очень широкихъ общественно-литературныхъ интересовъ. Онъ принялъ при восшествіи на престолъ Александра II-го горячее участіе въ судьбѣ Шевченка, и содѣйствовалъ его освобожденію. Письма Шевченка къ Толстымъ, разсказъ о его пріѣздѣ, знакомство съ Ольриджемъ—эти страницы книги всѣ болѣе или менѣе существенны и характерны для Шевченка. Иногда, какъ въ слѣдующей X главѣ, посвященной А. А. Иванову, мемуары разрастаются, превращаются въ восторженный этюдъ о художникѣ и его картинѣ. Интересна XII глава объ извѣстномъ путешественникѣ Н. А. Сѣверцевѣ. Далѣе, въ рядѣ главъ центральнымъ лицомъ является историкъ Н. И. Костомаровъ, близость котораго съ молоденькой гр. Толстой едва не окончилась ихъ бракомъ. Здѣсь много разсказовъ и лично о Костомаровѣ, и о его лекціяхъ; приведены также болѣе или менѣе любопытныя его письма за то время, когда Е. Ѳ. путешествовала за границей. Къ этому періоду относятся также теплыя воспоминанія ея объ извѣстномъ авторѣ записокъ «Изъ дальнихъ лѣтъ», Т. П. Пассекъ и страничка о встрѣчѣ съ Герце-

Библиотека "Руниверс"

номъ и Огаревымъ. Разсказы о заграницѣ воспроизводятъ также образъ жизни и интересы нѣкоторыхъ русскихъ кружковъ, ютившихся во Флоренціи и Римѣ, преимущественно художниковъ, въ приподнятый моментъ общественнаго настроенія Россіи наканунѣ крестьянской реформы. Юнге оканчиваетъ свои воспоминанія на своемъ замужествѣ. Общій тонъ ея мемуаровъ—живая благодарная память обо всемъ свѣтломъ и добромъ, чѣмъ была счастливо окружена ея молодость: «Мнѣ *пріятно* вспоминать о хорошихъ людяхъ, а о дурныхъ *непріятно*, и я считаю себя вправѣ о нихъ умалчивать»,—говоритъ она.

Общую характеристику Е. Ѳ. Юнге, какъ необыкновенно живой и дѣятельной натуры, съ чрезвычайно разносторонними интересами и жаждой «прекраснаго и высокаго»—въ примѣненіи къ ней такое избитое выраженіе не звучитъ фальшиво—даетъ въ краткомъ вступительномъ очеркѣ г. А. Новицкій. Здѣсь, между прочимъ, приведено извѣстное письмо къ Е. Ѳ. Юнге Ѳ. Достоевскаго. Письмо говоритъ объ Е. Ѳ. (до знакомства, по письму Е. Ѳ.), какъ о натурѣ двойственной, съ огромною потребностью самоотчета и чувства нравственнаго долга, что «большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе»... Можно пожалѣть, что очеркъ г. Новицкаго не даетъ болѣе полной біографіи этой замѣчательной женщины и дѣятельницы.

Къ книгѣ приложенъ рядъ портретовъ упоминаемыхъ въ ней лицъ, а также снимковъ съ работъ гр. Ѳ. П. Толстого; въ числѣ послѣднихъ воспроизведены его иллюстраціи къ «Душенькѣ» Богдановича. Отсутствуетъ въ книгѣ указатель собственныхъ именъ.

Ч. Вѣтринскій.

Воспоминанія о быломъ Е. А. Сабанѣевой. Изъ семейной хроники 1770—1838 гг. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914 г. Кн. «Огни». Ц. 1 р.

Воспоминанія Сабанѣевой уже были опубликованы 14 лѣтъ тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и сопровождались предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями проф. Корсакова. Теперь они вышли отдѣльной книгой съ дополнительнымъ предисловіемъ и дополнительными примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Оба редактора — и прежній, и нынѣшній такъ расхваливаютъ воспоминанія Сабанѣевой, что читатель естественно приступаетъ къ нимъ съ подогрѣтымъ интересомъ. Г. Модзалевскій указываетъ слѣдующія достоинства въ нихъ: правдивость, жизненность, безпристрастіе, занимательность; послѣднее достоинство, по его словамъ, обнаруживается въ описаніи какъ крупныхъ лицъ, такъ и второстепенныхъ. Наконецъ, и еще достоинство: «многія *мелочи* (курсивъ нашъ) житейскаго *уклада* и бытовой обстановки людей второй половины XVIII—первой трети XIX вѣка обрисованы ею ярко, иногда прямо талантливо» (стр. VII). Проф. Корсаковъ даетъ еще болѣе положительную характеристику этихъ воспоминаній, говоря, что они «ярко изображаютъ бытъ и нравы провинціальнаго русскаго дворянства второй половины XVIII и начала XIX вѣка и сообщаютъ интересные эпизоды

Библиотека "Руниверс"

изъ жизни высшаго московскаго дворянскаго круга первой четверти текущаго столѣтія» (т.-е. XIX). Съ послѣдней характеристикой безусловно нельзя согласиться: воспоминанія Сабанѣевой не даютъ яркой картины быта и нравовъ провинціальнаго русскаго дворянства конца XVIII и начала XIX вѣка, и въ этомъ отношеніи болѣе правъ г. Модзалевскій, находящій въ нихъ яркую, а иногда даже талантливую обрисовку лишь многихъ *мелочей* житейскаго уклада и бытовой обстановки; нельзя также безъ оговорокъ признать интересными приводимыя въ нихъ эпизоды изъ жизни столичнаго московскаго дворянства: тутъ много есть чисто личнаго, семейнаго, интереснаго для потомковъ-родственниковъ, но не для читателя вообще; большая часть лицъ, изображенныхъ г-жею Сабанѣевою, не представляютъ мало-мальски замѣтныхъ историческихъ фигуръ — въ большинствѣ случаевъ это предки автора воспоминаній, ничѣмъ не выдѣлявшіеся изъ уровня окружавшей ихъ среды. Но и крупные изъ нихъ, какъ декабристъ кн. Е. П. Оболенскій, обрисованы довольно блѣдно и неполно; движеніе, участникомъ котораго онъ былъ, не обрисовано совсѣмъ, какъ будто оно совсѣмъ не затронуло той среды, къ которой принадлежалъ авторъ воспоминаній: г-жа Сабанѣева говоритъ лишь о томъ *семейномъ* горѣ, которое пережили Оболенскіе и ихъ родственники послѣ ареста и ссылки кн. Евгенія Петровича, да сообщаетъ лишь нѣсколько неопредѣленныхъ слуховъ, которые носились въ Москвѣ въ концѣ 1825-го года. Да и вообще общественная жизнь эпохи, охватываемой воспоминаніями г-жи Сабанѣевой, отсутствуетъ въ ея трудѣ. Впрочемъ, это и естественно: воспоминанія г-жи Сабанѣевой оканчиваются 1838-мъ годомъ, а сама она родилась 17 мая 1829 года; такимъ образомъ она не была очевидицей громаднаго большинства тѣхъ событій, которыя описываются въ ея воспоминаніяхъ. Вслѣдствіе этого можетъ быть даже поставленъ вопросъ, почему ея записки называются *воспоминаніями:* вѣдь когда она принялась за нихъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, то ей почти нечего было вспоминать о томъ, что было предметомъ ея изложенія съ 1770 г. Впрочемъ, важнѣе другой вопросъ: насколько достовѣрно все то, что мы находимъ въ запискахъ г-жи Сабанѣевой? На этотъ вопросъ мы находимъ лишь отвѣтъ въ предисловіи проф. Корсакова. Изъ него мы узнаемъ что когда г-жа Сабанѣева въ 1885 году стала работать надъ своими «воспоминаніями о былomъ», то она располагала записками, составленными ею *давно*, но когда именно — неизвѣстно; эти записки относились къ ея дѣтству, юности и жизни у дѣда, кн. П. Н. Оболенскаго въ его домѣ въ Москвѣ. Затѣмъ она располагала еще старыми письмами, но чьими—неизвѣстно; изъ нихъ, по ея словамъ, «*нечто* (курсивъ нашъ) пришлось кстати». Наконецъ, изъ текста записокъ мы узнаемъ, что г-жа Сабанѣева пользовалась семейными преданіями и особенно разсказами своей матери. Вотъ и все, что мы знаемъ о тѣхъ источникахъ, къ которымъ прибѣгала г-жа Сабанѣева, составляя свои «воспоминанія о былomъ». Полагаемъ, что въ виду этого записками г-жи Сабанѣевой надо пользоваться очень осторожно, какъ историческимъ источникомъ. Г. Модзалевскій во многихъ мѣстахъ исправилъ въ своихъ примѣчаніяхъ хронологическія и генеалогиче-

Библиотека "Руниверс"

скія данныя, имѣющіяся въ «воспоминаніяхъ о быломъ», но это не устраняетъ вопроса о томъ, насколько они достовѣрны вообще. Въ виду этого ихъ трудно признать «цѣннымъ дополненіемъ» къ запискамъ Болотова, Данилова, Жихарева и др., какъ это дѣлаетъ проф. Корсаковъ: степень достовѣрности записокъ С. Сабанѣевой и только что названныхъ авторовъ очень различна. Впрочемъ, и сама г-жа Сабанѣева, по крайней мѣрѣ начало своего повѣствованія, не считаетъ достовѣрнымъ, такъ какъ пишетъ въ первыхъ строкахъ 4-й главы слѣдующее: «Я покидаю теперь почти что апокрифическій разсказъ о моихъ предкахъ...» (стр. 29).

Отмѣтимъ еще одно обстоятельство, подрывающее въ нашихъ глазахъ историческую достовѣрность фактовъ и лицъ, о которыхъ разсказываетъ г-жа Сабанѣева: нѣкоторыя мѣста ея разсказа производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они навѣяны позднѣйшими литературными образцами. Въ первыхъ же 3 главахъ первой части—«Село Богимово», «Сельцо Даньково» и «Пора на службу царскую», мы находимъ фигуру Мавры Кононовны (или, какъ поправляетъ г. Модзалевскій,—Васильевны) Прончищевой, которая невольно вызываетъ въ памяти образъ Глафиры Петровны, тетки Ѳедора Лаврецкаго, героя «Дворянскаго гнѣзда»: тотъ же въ сущности характеръ и типъ, тѣ же почти отношенія къ брату и племяннику. Точно также эпизодъ о женитьбѣ дѣда г-жи Сабанѣевой безъ дозволенія его отца, его пріѣздъ къ родителямъ, ссора съ отцомъ, примиреніе послѣдняго съ внукомъ послѣ смерти сына и невѣстки (стр. 54—56) невольно переносятъ мысль къ страницамъ того же «Дворянскаго гнѣзда», повѣствующимъ о женитьбѣ Ивана Петровича Лаврецкаго. Такъ какъ романъ Тургенева появился въ 1859 году, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ могъ оказать вліяніе на семейную хронику г-жи Сабанѣевой именно въ тѣхъ ея частяхъ, которыя касаются времени особенно отъ нея далекаго, гдѣ было мало въ ея распоряженіи своихъ красокъ. Если бы мы знали, когда именно была составлена первооснова записокъ г-жи Сабанѣевой, то возможно, что указанное предположеніе отпало бы, при данныхъ же условіяхъ оно представляется намъ весьма вѣроятнымъ; но оговариваемся, что имѣемъ въ виду только *вліяніе*, можетъ быть, даже непроизвольное, но не прямое заимствованіе.

Какъ матеріалъ для чтенія, записки г-жи Собанѣевой представляютъ нѣкоторый интересъ; читаются онѣ легко, безъ всякаго напряженія, но уступаютъ въ этомъ отношеніи запискамъ С. Т. Аксакова, съ которыми ихъ сопоставляетъ проф. Корсаковъ, хотя и даютъ нѣсколько живыхъ, колоритныхъ образовъ.

Къ книгѣ приложены 3 снимка съ портретовъ Е. А. Сабанѣевой, кн. П. Н. Оболенскаго и кн. Е. П. Оболенскаго и снимокъ съ семейной группы Прончищевыхъ. Первые 3 изъ нихъ исполнены хорошо. *К. Сивковъ.*

Василій Осиповичъ Ключевскій. Біографическій очеркъ, рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ засѣданіи 12 ноября 1911 года, и матеріалы для его біографіи. Изд. Имп. О-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1914 г. Стр. VI+130+XXI+476. Ц. 2 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Главный интересъ новой книги «Чтеній въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» не въ рѣчахъ и біографическомъ очеркѣ г. Любавскаго, а въ тѣхъ матеріалахъ для біографіи В. О. Ключевскаго, которые наполнили собою вторую часть книги. Матеріалы эти, по преимуществу, относятся къ доуниверситетскому періоду жизни Ключевскаго. Это — воспоминанія сестры В. О.—Е. О. Виргинской, его товарищей по духовному училищу и семинаріи прот. В. Маловскаго и свящ. А. Рождественскаго и рядъ документовъ пензенскихъ духовныхъ училищъ и пензенской семинаріи, гдѣ учился Ключевскій. Эти воспоминанія и документы рисуютъ и духовный обликъ В. О. въ годы его дѣтства и ранней юности, а, главнымъ образомъ, даютъ яркое представленіе о той средѣ провинціальнаго духовенства и той духовной школѣ, изъ которой вышелъ В. О.

Рядъ документовъ 1851—1856 годовъ знакомятъ насъ съ В. О., ученикомъ пензенскаго приходскаго и уѣзднаго училищъ. Въ сентябрѣ 1851 г. 10-лѣтній сынъ умершаго священника Іосифа Ключевскаго поступилъ въ приходское училище, и въ годичной вѣдомости мы о немъ читаемъ: «(обученъ) читать правильно и быстро, писать порядочно, по нотамъ учиться началъ, знаетъ твердо краткую священную исторію и катехизисъ». Черезъ годъ въ уѣздномъ училищѣ Ключевскому поручаютъ «слушать» 6 учениковъ, и въ вѣдомостяхъ училища мы читаемъ, что Ключевскій «трудолюбивъ, кротокъ, послушенъ, усерденъ къ классу и богослуженію, исправенъ по должности старшаго». Жилъ В. О. съ матерью сестрой въ маленькомъ домикѣ, который купила его мать, когда послѣ смерти мужа переѣхала въ Пензу. «Жили мы бѣдно»; пишетъ сестра В. О. «въ одной половинѣ домика сами помѣщались, а другую сдавали квартирантамъ, съ которыхъ получали въ то время 3 руб. въ мѣсяцъ». Трудно давалось ученье Ключевскому; при отвѣтахъ ему сильно мѣшало заиканіе.

Въ 1856 г. В. О. былъ уже въ семинаріи. Старая, до реформъ 70-хъ годовъ, семинарія носитъ черты бурсы. «Въ бурсѣ онъ не жилъ», такъ и пишетъ сестра В. О.; термины—бурсаки и полубурсаки—употребляютъ официальные документы. Впрочемъ, много семинаристовъ, какъ и Ключевскій, въ бурсѣ не живутъ, а разсѣялись по частнымъ квартирамъ — у вдовой учительской жены, вдовой дьяконицы, вдовой мѣщанки, у дьячковъ Парадизова и Алоупрова, у мѣщанина, священника, чиновника. Восемь учениковъ старшаго богословскаго класса несутъ обязанности квартирныхъ старшинъ и — по обязанности доносить о. инспектору о нарушеніи правилъ доброй нравственности со стороны живущихъ на квартирахъ учениковъ—въ темныя осеннія ночи отправляются уловлять семинаристовъ, собравшихся на «пѣсни». «Пѣсни», съ которыми вступило въ борьбу семинарское начальство, это—свадьбы и мѣщанскія вечеринки.

«Онъ, по уму и добротѣ, цѣлою грудью, какъ Саулъ ростомъ предъ своимъ народомъ, стоялъ несравненно выше всѣхъ», говоритъ о Ключевскомъ Рождественскій въ своихъ воспоминаніяхъ. «Ключевскій между нами былъ какой-то Соломонъ. Недаромъ ему дали кличку—Филаретъ. Онъ никогда не гордился своимъ умомъ;

Библиотека "Руниверс"

со всѣми своими товарищами онъ былъ одинаково любезенъ; никому преимущества своего любовію и ласковостію не являлъ. Для (него) всѣ были одинаковы; на похвалы, приносимыя ему товарищами, отвѣчалъ только братскою улыбкою. Чтобы восхвалить дорогого Ключевскаго, я не могу подобрать словъ».

В. О., попрежнему, жилъ съ матерью. «Брата очень рѣдко можно было видѣть безъ книги въ рукахъ», пишетъ его сестра; «обѣдалъ и чай пилъ,—она всегда была у него. Онъ никогда не ложился въ одни часы съ семьею спать, всегда сидѣлъ; и когда не на что купить было свѣчку, онъ сидѣлъ съ ночникомъ, или яснѣе сказать, въ маленькій стаканчикъ вливалось коноплянное масло и опускался фитиль. Или когда въ зимнее время холодно въ комнатѣ, онъ бралъ подушку и забирался на печку съ этимь же ночникомъ и читалъ. Сколько разъ жегъ на себѣ сорочки: задремлетъ и прольетъ масло и опять снова просить мать подать ему огня. Богъ знаетъ его, когда онъ спалъ. Не припомню когда, во второмъ и третьемъ классѣ, тутъ онъ уже сталъ давать уроки. Первый его урокъ былъ у прот. Бурлуцкаго, который въ то время, кажется, былъ инспекторомъ семинаріи, и получалъ тогда только 3 р. въ мѣсяцъ. Дальше онъ уже сталъ занимать получше уроки. И когда приносилъ деньги за нихъ, отдавая матери, говорилъ: «вы бы купили что-нибудь Лизѣ, она уже подрастаетъ». Мать ему отвѣтитъ, что «тебѣ самому нужно много сдѣлать необходимаго». «Но я какъ-нибудь обойдусь». Такъ всю жизнь свою покойный не любилъ щеголять. Сама сошью ему галстукъ, онъ и тѣмъ былъ доволенъ».

Возвращаясь въ свои квартиры, часто говорили семинаристы: «да Ключевскій голова», «Ключевскій съ великими мозгами» «уменъ Ключевскій». Однажды учитель Ст. В. Масловскій, «всегда ровный, тихій, спокойный, пришелъ въ классъ на урокъ съ замѣтною ажитаціею и одушевленіемъ и, положивъ на столъ связку прочитанныхъ имъ наканунѣ сочиненій учениковъ (классный экспромтъ) на тему по писанію, довольно замысловатую и содержательную, ничего не говоря, подошелъ къ Ключевскому и, положивъ ему свою руку на плечо, сказалъ вслухъ всего класса: «ну, г. Ключевскій, вы свое сочиненіе написали во всѣхъ отношеніяхъ такъ прекрасно, что я такъ не написалъ бы». Разъ, придя въ классъ, Масловскій сталъ читать лучшую изъ ученическихъ работъ на тему «Взглядъ на друзей Іова». «Съ первыхъ словъ чтенія мало было обращено вниманія, но вскорѣ всѣ встрепенулись. Начался перешопотъ: «Кто это написалъ?» «Чье это сочиненіе?» и проч. Сидѣвшій близъ меня В. А. Добросердовъ сказалъ: «кромѣ энтого Филарета», указывая на Ключевскаго, «кто же можетъ другой такъ написать»... Прошло много лѣтъ. «У ректора семинаріи С. В. Масловскаго была какая-то семейная пирушка, гости его разговорились объ учености и умныхъ людяхъ. Ст. В. Масловскій, слушая ихъ, сказалъ: «Вы что расхвалились?... Погодите-ка». И быстро удалился въ свой кабинетъ. Спустя немного минутъ, онъ вернулся съ тетрадкою и, подавая спорящимъ, сказалъ: «На-те вотъ... Понюхай-те!» Едва только гости начали читать, какъ послышались звуки удивленія: «Эхъ, кто это! Кто

Библиотека "Руниверс"

это?»—«Это былъ мой ученикъ, и это написано еще вотъ когда»... Оказалось, что сочиненіе было Ключевскаго на тему «Взглядъ на судей Іова»...

Въ 1860 г., перейдя въ высшее богословское отдѣленіе, Ключевскій рѣшилъ оставить семинарію и держать экзаменъ въ университетъ. Семинарское начальство неохотно отпускало даровитаго ученика. «По сказанію самаго В. І. Ключевскаго, (преосвященный) Варлаамъ, какъ только получилъ свѣдѣнія объ увольненіи Ключевскаго, позвалъ его къ себѣ и, сколько могъ, поругалъ его, что оставляетъ духовно-учебное заведеніе, упрекалъ въ неблагодарности, грозилъ взыскать съ него всю сумму пособій, начиная съ училища... Возвратиться въ семинарію Ключевскій отказался наотрѣзъ. Относительно возврата пособія приблизительно отвѣтилъ: «Я сирота, содержался и содержалъ еще мать (еще кого-то, не помню) платою за уроки; старался, насколько могъ, учиться, а поэтому имѣлъ нѣкоторое право на пособіе; если законно требованіе возврата пособія, то я уплачу, когда буду имѣть возможность, поступлю на должность. А теперь я ничего не имѣю». Тѣмъ и кончились напутствованія и благожеланія Ключевскому отъ святого владыки».

В. Сыроѣчковскій.

А. Вамбери. Моя жизнь. Переводъ В. Лазарева. М. 1914. Изд. «Наука». Ц. 1 р. 75 к.

Автобіографія Вамбери — прежде всего книга поучительная, какъ исторія подлиннаго selfmade man'a. Вамбери пріобрѣлъ громадныя познанія, крупное политическое вліяніе и европейскую извѣстность одними лишь собственными усиліями; онъ въ дѣйствительномъ значеніи англійскаго термина самъ создалъ себя. Сынъ полунищей еврейской семьи, затерянной въ маленькомъ венгерскомъ городкѣ, Вамбери съ ранняго дѣтства началъ стремиться къ знанію. Съ безконечнымъ трудомъ, служа полунянькой, полу-прислужникомъ, онъ сколотилъ нѣсколько кронъ, чтобы добраться до города съ гимназіей. Тамъ, холодая и голодая, перенося всевозможныя лишенія, насмѣшки товарищей, уличныхъ мальчишекъ и даже своихъ учителей, онъ жадно учился въ католической монастырской гимназіи. Не разъ потомъ изъ-за нужды приходилось ему бросать ученіе и за жалкіе гроши поступать учителемъ-слугой въ почти такія же нищія еврейскія семьи. Кончить гимназическаго курса ему не удалось, но уже очень рано, къ 25 годамъ, онъ самостоятельно, безъ руководителей, пріобрѣлъ громадный запасъ свѣдѣній въ области, бывшей его истиннымъ призваніемъ, въ лингвистикѣ. По словарямъ и грамматикамъ Вамбери изучилъ латинскій, греческій, русскій, французскій, англійскій, итальянскій языки, рядъ славянскихъ нарѣчій, скандинавскіе языки и восточные языки: турецкій, персидскій и арабскій. Если прибавить къ этому извѣстные ему съ дѣтства мадьярскій, нѣмецкій и еврейскій языки, то лингвистическія познанія его, пріобрѣтенныя такимъ тернистымъ путемъ, представляются, дѣйствительно, исключительными. При этомъ знанія Вамбери отнюдь не были теоретическими; онъ обладалъ та-

Библиотека "Руниверс"

кой способностью усвоивать духъ языка и его подлинное произношеніе, что послѣ небольшой практики турокъ принималъ его по чистотѣ языка за турка, персъ за перса и т. д. Вскорѣ о Вамбери узнали кое-кто изъ ученыхъ и интересующихся наукой людей. Но всѣ попытки его получить какое-либо платное мѣсто на государственной службѣ въ Вѣнѣ или въ Будапештѣ разбились о два непреодолимыхъ препятствія: его еврейское происхожденіе и неимѣніе офиціальнаго диплома. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать искать счастья на Востокѣ.

Съ 1857 г., когда Вамбери добрался до Царьграда, начинается сказка его жизни. Послѣ долгихъ мытарствъ ему удалось пристроиться учителемъ французскаго языка къ одному вліятельному пашѣ. Прекрасное знаніе турецкаго языка, изумительное усвоеніе всѣхъ внѣшнихъ обрядностей турецкаго быта скоро выдвинули Вамбери изъ толпы европейскихъ авантюристовъ и тогда наполнявшихъ столицу Турціи. Вскорѣ Вамбери пріобрѣлъ обширныя связи и прочное положеніе въ турецкомъ обществѣ. Ему предлагали поступить на государственную службу. Онъ отказался, потому что въ умѣ Решидъ-Эффенди, какъ его звали турки, уже созрѣвала безумно-смѣлая мысль о путешествіи въ недоступныя тогда области Средней Азіи, въ туркменскія степи, въ Бухару и Хиву. Мысль эта возникла у Вамбери въ связи съ изученіемъ вопроса о происхожденіи мадьяръ. Какъ лингвистъ, онъ пришелъ къ выводу, что прародиной мадьяръ должна быть область тюркскихъ нарѣчій; за подтвержденіемъ этой гипотезы онъ и задумалъ пробраться туда, куда не проникалъ еще безнаказанно ни одинъ европеецъ. Въ 1861 г. Вамбери съѣздилъ на родину и послѣ тяжелыхъ хлопотъ получилъ отъ венгерской академіи жалкое пособіе—тысячу флориновъ,—на которое и совершилъ свое безпримѣрное путешествіе. Странствія Вамбери по Средней Азіи слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ. Переодѣтый дервишемъ, тысячу разъ рискуя быть узнаннымъ и казненнымъ, онъ прошелъ намѣченныя имъ области и вернулся въ Европу съ громаднымъ матеріаломъ по тюркологіи и вообще востоковѣдѣнію, матеріаломъ, являвшимся по тому времени совершенно новымъ вкладомъ въ науку. При возвращеніи его—въ Тегеранѣ—русскій посланникъ Гирсъ убѣждалъ его ѣхать въ Петербургъ, утверждая, что его познанія въ азіатскихъ дѣлахъ будутъ тамъ надлежащимъ образомъ оцѣнены. Въ этотъ моментъ Вамбери принялъ важное для всей его будущей дѣятельности рѣшеніе. Онъ поставилъ себѣ вопросъ, какой изъ двухъ силъ, боровшихся за вліяніе въ Азіи, онъ будетъ содѣйствовать: Россіи или Англіи. Какъ извѣстно, Вамбери рѣшилъ для себя вопросъ противъ Россіи. На это рѣшеніе повліяли вынесенныя еще изъ событій 48 г. чувства антипатіи къ русской политикѣ и глубокая вѣра въ культурную миссію Англіи. Съ этого рѣшающаго момента Вамбери постепенно перешелъ къ опредѣленно враждебной Россіи дѣятельности. На родинѣ онъ былъ встрѣченъ довольно холодно и не безъ труда устроился профессоромъ восточныхъ языковъ въ Будапештскомъ университетѣ. Зато при первой же его поѣздкѣ въ Англію его ждалъ самый горячій пріемъ. Англій-

Библиотека "Руниверс"

скіе государственные люди и великосвѣтское общество окружили молодого путешественника самымъ лестнымъ вниманіемъ. Вамбери прочелъ въ Англіи рядъ лекцій о своихъ странствіяхъ и выпустилъ описаніе своего путешествія на англійскомъ языкѣ. Съ этого времени репутація его въ Англіи была установлена очень прочно. Въ то время, какъ въ Венгріи находились люди, офиціальные ученые, подвергавшіе сомнѣнію самую дѣйствительность его путешествія, въ Англіи крупнѣйшіе органы печати открыли ему свои столбцы для статей по восточнымъ дѣламъ. Вамбери занялъ постепенно небывалое и крайне своеобразное положеніе совѣтчика англійскаго народа по восточной политикѣ. Много позже его началъ призывать для тѣхъ же цѣлей султанъ Абдулъ-Гамидъ. Всю вторую половину жизни надъ Вамбери тяготѣло подозрѣніе въ неполной безкорыстности этихъ услугъ Англіи и Турціи. Автобіографія, къ сожалѣнію, не даетъ фактическаго матеріала для сужденія о неосновательности или правдоподобности этого подозрѣнія. Вамбери горячо опровергаетъ его, но въ тоже время слишкомъ замѣтно обходитъ нѣкоторые щекотливые пункты своей біографіи, напримѣръ, о двукратной перемѣнѣ религіи и т. п. Заканчивается книга довольно любопытными сравнительными выводами о людяхъ и цивилизаціи Европы и Востока.

Переводъ читается легко.

Л. Гальберштадъ.

Чернышевскій въ Сибири.—Переписка съ родными.—Статья Е. А. Ляцкаго. — Примѣчанія М. Н. Чернышевскаго. — Вып. III.—1878—1883.—СПБ. 913.

Это послѣдній, заключительный выпускъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго изъ Сибири. Теперь, благодаря этимъ письмамъ, изданнымъ подъ редакціей Е. А. Ляцкаго и М. Н. Чернышевскаго, сибирская жизнь нашего великаго писателя, со всѣмъ горемъ, страданіями и лишеніями, выпавшими ему тамъ на долю, стоитъ передъ нами вся цѣликомъ. Раньше наши свѣдѣнія о Чернышевскомъ обрывались 1862—1864 гг., его арестомъ, тюрьмой и объявленіемъ ему приговора на Мытнинской площади Петербурга. Мы знали, какъ жилъ Чернышевскій до ареста; мы могли изумляться той колоссальной умственной работѣ, тому настоящему идейному подвигу, который былъ имъ совершенъ за какія-нибудь 10 лѣтъ; знали объ его арестѣ, судѣ надъ нимъ «сѣдыхъ злодѣевъ Государственнаго Совѣта», по выраженію Герцена; знали, наконецъ, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ осудившимъ его крѣпостнымъ государствомъ. Это произошло 19 мая 1864 года, когда его, одного изъ величайшихъ мыслителей возрождавшейся Россіи, выставили среди бѣлаго дня къ позорному столбу, «а на слѣдующій день, — какъ говоритъ Е. А. Ляцкій,—отправили въ далекій, далекій путь». Вотъ на этомъ моментѣ и кончались до сего времени наши свѣдѣнія о Н. Г. Чернышевскомъ. Какъ онъ жилъ тамъ, въ Сибири, мы этого почти не знали. Правда, время отъ времени то въ одномъ заграничномъ журналѣ, то въ другомъ промелькивали небольшія извѣстія

Библиотека "Руниверс"

о Чернышевскомъ. Послѣ его смерти, хотя и не раньше 900-хъ годовъ, въ печати стали появляться воспоминанія о первой порѣ его сибирской жизни, — но все это были свѣдѣнія, получавшіяся о Н. Г. Чернышевскомъ со стороны, и для насъ попрежнему оставалось въ сущности неизвѣстнымъ, какъ же онъ самъ-то чувствовалъ себя въ своемъ вѣчномъ сибирскомъ плѣну, какъ онъ жилъ тѣ 20 лѣтъ, которыя ему пришлось провести въ дали отъ семьи, отъ родныхъ, въ тундрахъ и холодахъ якутской зимы. Было даже какъ-то странно думать, что все это время, заполненное такимъ огромнымъ ростомъ общественнаго движенія въ Россіи, Н. Г. Чернышевскій тоже *жилъ* и жизнь его погасла лишь тогда, когда погасли послѣднія вспышки столько лѣтъ волновавшейся стихіи. Но нынѣ, благодаря сибирскимъ письмамъ Н. Г. Чернышевскаго, передъ нами въ яркихъ краскахъ обрисовывается и эта вторая половина его жизни...

По сравненію съ двумя первыми выпусками третій выпускъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго имѣетъ нѣкоторыя очень важныя дополненія справочнаго характера. Такъ, вступительная статья Е. А. Ляцкаго, очень интересная и сама по себѣ, особенно въ своей заключительной части, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ Н. Г. Чернышевскій былъ возвращенъ на родину, сопровождается весьма существеннымъ приложеніемъ, въ видѣ дополнительныхъ цитатъ изъ матеріаловъ, мало использованныхъ авторомъ въ двухъ предыдущихъ выпускахъ. Таковы главнымъ образомъ обширныя извлеченія изъ воспоминаній Н. В. Шаганова о Н. Г. Чернышевскомъ, пропускъ которыхъ Е. А. Ляцкимъ намъ уже приходилось отмѣчать на страницахъ «Голоса Минувшаго»[1]). Затѣмъ въ томъ же приложеніи, а также во вступительной статьѣ Е. А. Ляцкаго читатель найдетъ большіе выпуски изъ статьи Л. А. Полонскаго въ № 7 «Страны» отъ 15 января 1881 года. Въ этой статьѣ впервые въ русской подцензурной литературѣ былъ поднятъ голосъ за возвращеніе Н. Г. Чернышевскаго изъ ссылки на родину, и хотя въ статьѣ Л. А. Полонскаго временами звучатъ черезчуръ оппортунистическія ноты не гармонирующія съ основной задачей его статьи, но въ общемъ все-таки и теперь выдержки, приведенныя изъ нея Е. А. Ляцкимъ, прочтутся не безъ волненія. Чрезвычайно характерны также, хотя въ другомъ

---

[1]) См. мою замѣтку «Н. Г. Чернышевскій въ Сибири», «Голосъ Минувшаго», № 7-ой. Между прочимъ, на стр. 273 этой замѣтки говорится о заграничномъ изданіи «Пролога къ Прологу», при чемъ есть такія слова: «Во всякомъ случаѣ Е. А. Ляцкій оказалъ бы несомнѣнную услугу русской исторической литературѣ, если бы подробнѣе выяснилъ этотъ вопросъ, отобравъ показанія у тѣхъ нынѣ здравствующихъ каракозовцевъ, которые отбывали каторжный срокъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ, напр., Загибаловъ въ Томскѣ, Баллодъ въ Благовѣщенскѣ, Юрасовъ въ Пензѣ или Самарѣ, Стахевичъ въ Ярославлѣ».—Благодаря неудачному построенію этой фразы получается, что Баллодъ и Стахевичъ были «каракозовцами», тогда какъ они попали въ каторжныя работы по самостоятельнымъ дѣламъ, одинъ Стахевичъ, С. Гр., осужденъ на 6 лѣтъ каторжныхъ работъ еще въ 1863 г., задолго до «каракозовцевъ» другой же, Баллодъ, П. Дав., еще раньше, въ 1862 г. — Дѣло П. Д. Баллода разсказано въ «Былomъ», № 2-ой за 1906 г. въ статьѣ о немъ и о Дм. И Писаревѣ, принадлежащей М. К. Лемке.

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ отношеніи, и цитаты изъ писемъ О. С. Чернышевской (см. ихъ на стр. 237—238) по поводу той же статьи Полонскаго.

Кромѣ этого приложенія къ статьѣ Е. А. Ляцкаго и кромѣ обычныхъ, и порой весьма существенныхъ, примѣчаній къ письмамъ Н. Г. Чернышевскаго его сына М. Н. Чернышевскаго, мы находимъ въ 3-емъ выпускѣ еще два очень важныхъ дополненія: указатель именъ къ тремъ выпускамъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго и общій указатель содержанія его писемъ изъ Сибири, то-есть то, что обычно называется *предметнымъ* указателемъ. Нечего и говорить, до какой степени эти указатели являются полезнымъ подспорьемъ для каждаго изучающаго сибирскую переписку Н. Г. Чернышевскаго. Правда, не всѣ рубрики предметнаго указателя вполнѣ удовлетворятъ читателя, такъ какъ иныя изъ нихъ не совсѣмъ отвѣчаютъ своему назначенію; напр., въ рубрику: «отношеніе къ собственному положенію» вошло только *одно* указаніе на стр. 51, вып. I, и читатель невольно спрашиваетъ, неужели за всѣ почти 20 лѣтъ пребыванія въ Сибири Чернышевскій только одинъ разъ далъ понять, какъ онъ относится къ своему положенію. На самомъ дѣлѣ, конечно, въ его письмахъ есть цѣлый рядъ аналогичныхъ мѣстъ, но Е. А. Ляцкимъ эти мѣста отнесены въ другія рубрики, напр., въ рубрику о «деньгахъ», присылаемыхъ Н. Г. Чернышевскому съ родины. Благодаря этому отрывки, однозначныя по существу, разбились на разныя рубрики, да и по нимъ они оказались собранными далеко не полностью[1]). Подобныя же смѣшенія есть и въ другихъ рубрикахъ (напр., «Роль матери въ семьѣ» и «Объ Ольгѣ Сократовнѣ», и др.). (Но это уже обычный недостатокъ предметныхъ указателей, такъ какъ въ нихъ порой бываетъ очень трудно разграничить разные «предметы» другъ отъ друга. Есть, однако, и прямые пропуски нѣкоторыхъ рубрикъ у Е. А. Ляцкаго. одинъ изъ которыхъ я тутъ считаю нужнымъ указать. Это именно рубрика, совершенно отсутствующая о томъ, какъ реагировалъ Н. Г. Чернышевскій за свою сибирскую жизнь на вилюйскіе *холода*. Еще А. С. Изгоевъ, рецензируя въ «Рѣчи» второй выпускъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго, подчеркивалъ до какой степени упорно Н. Г. Чернышевскій возвращается въ нихъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ къ вопросу о губительности холода для жизни человѣка, и какъ, напротивъ, онъ по закону антитезы сосредотачиваетъ свое вниманіе на благотворности не умѣреннаго даже, а экваторіальнаго жаркаго климата для развитія человѣчества и для блага всей цивилизаціи. Мотивъ этотъ, несомнѣнно, очень типиченъ для сибирскихъ писемъ Н. Г. Чернышевскаго, такъ какъ онъ показываетъ, какія страданія доставляла ему сибирская зима и, вообще, весь тотъ климатъ, въ которомъ онъ долженъ былъ проводить почти всю вторую половину своей жизни. Вотъ почему мы должны сказать, что пропускъ этой рубрики въ указателѣ Е. А. Ляцкаго очень существененъ, тѣмъ болѣе, что въ одномъ только 3-емъ вып. читатель найдетъ на эту тему цѣлый рядъ мѣстъ на стр. 6, 7, 13, 14, 26, 46, 105, 107—08, 121, 136 и многихъ другихъ.

[1]) Ср. хотя бы въ одномъ только III вып., стр. 66, 97, 102, 105, 112, 122, 135, 142, 147, и др. Мѣста эти отчасти входятъ у Е. А. Ляцкаго въ рубрику «Мысли и воспоминанія о себѣ», но далеко не полностью.

Библиотека "Руниверс"

Въ 3-емъ вып. помѣщены письма Н. Г. Чернышевскаго за 1878—1883 гг. и среди нихъ есть много чрезвычайно важныхъ и интересныхъ не только, какъ матеріалъ для характеристики сибирской жизни Н. Г. Чернышевскаго, но и безотносительно къ этой жизни. Таковы прежде всего нѣсколько писемъ Ник. Гавр. къ Пыпинымъ, Юліи Петровнѣ и ея мужу, писателю А. Н. Пыпину. Эти письма одинаково войдутъ, какъ въ хронику семьи Пыпиныхъ, такъ и въ хронику семьи Чернышевскихъ, настолько они любопытны по своему содержанію. Здѣсь мы впервые знакомимся съ чрезвычайно интеллигентнымъ обликомъ Юл. П. Пыпиной, которая сыграла такую благотворную и благородную роль въ жизни семьи Н. Г. Чернышевскаго. Къ тѣмъ же письмамъ Н. Г. къ Пыпинымъ приложенъ портретъ Юл. П. и Н. А. Пыпиныхъ[1]), портреты столь гармонирующіе съ духовнымъ обликомъ этихъ лицъ, какъ онъ обрисовывается передъ нами въ письмахъ Чернышевскаго. Есть также и отрывки изъ писемъ А. Н. Пыпина къ Н. Г. Чернышевскому, но, къ сожалѣнію, нѣтъ письма самой Ю. П. Пыпиной, тогда какъ помѣщеніе его тутъ же, если, конечно, оно сохранилось, было бы чрезвычайно желательно.

Другую и количественно, конечно, гораздо болѣе значительную серію писемъ Н. Г. Чернышевскаго представляютъ его письма къ женѣ и сыновьямъ. Поразителенъ тотъ пафосъ любви, который одухотворяетъ положительно всѣ письма Н. Г. Чернышевскаго, этого теоретика «Эгоизма», къ его женѣ, Ольгѣ Сократовнѣ Чернышевской. Кажется, въ русской литературѣ нѣтъ другого примѣра такой беззавѣтной преданности, и такой трогательной, какъ преданность Н. Г. Чернышевскаго его «Милой Радости», какъ постоянно онъ называетъ избранницу своего сердца. Все, что у него осталось отъ жизни, все, что не могли у него отнять никакіе «сѣдые злодѣи», все это онъ приноситъ къ ногамъ своей безпредѣльной любви и ей же жаждетъ посвятить остатокъ своихъ дней. Даже свою любовь къ сыновьямъ онъ называетъ только отраженіемъ той же любви къ ихъ матери. «Дѣти милы отцу лишь потому, что онъ любитъ ихъ мать»—говоритъ Н. Г. Чернышевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ. И въ другомъ мѣстѣ: «Отецъ не мать. Съ отцомъ почтительность—дѣло, безъ котораго очень можно обходиться сыну. Отецъ—лишь пріятель. Мать — совершенно иное. Собственно говоря, мать—существо священное»...

Рядомъ съ этой беззавѣтной преданностью той единственной любви, которую Чернышевскій зналъ въ своей жизни, стоитъ вторая отличительная черта его писемъ, это величавое и поразительное мужественное спокойствіе его въ отношеніи къ своему положенію. За всѣ 20 лѣтъ сибирской жизни у него не вырвалось ни одного стона; тѣ, кто его осудилъ и кто такъ варварски распоряжался его судьбою, не услышали отъ него за это время ни одной жалобы на свою участь, ни одной мольбы о пощадѣ. Въ этомъ отношеніи онъ вышелъ изъ Сибири тѣмъ же, какимъ вступилъ въ нее

[1]) Кромѣ того къ тѣмъ же письмамъ къ А. Н. Пыпину приложены портреты Некрасова, Добролюбова и Головачевой-Панаевой, объ отношеніяхъ между которыми разсказываетъ въ своемъ письмѣ Н. Г. Чернышевскій. Письмо это очень важно для біографіи Некрасова.

Библиотека "Руниверс"

въ самый расцвѣтъ своихъ духовныхъ силъ. Сибирь была для него настоящей Голгоѳой, Сибирь отняла у него все, что только можно было отнять,—но и она не могла сломить его воли, столь же поразительной, какъ поразительна была сила его мысли. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи сибирскія письма Н. Г. Чернышевскаго представляютъ поистинѣ классическое пріобрѣтеніе русской литературы. Въ нихъ сравнительно рѣдко проявлялся тотъ теоретикъ Чернышевскій, котораго мы знаемъ за время его дѣятельности въ «Современникѣ»; было бы вообще ошибкой брать каждое сужденіе Чернышевскаго въ его письмахъ о томъ или иномъ писателѣ, о томъ или иномъ мыслителѣ, прямо въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ той порой выражаетъ. Прежде чѣмъ это дѣлать нужно всякій разъ такія сужденія Чернышевскаго подвергать большой чисто психологической критикѣ, такъ какъ тутъ многое не столько выраженіе его истинныхъ мыслей, сколько результатъ того общаго психологическаго настроенія, въ которомъ эти мысли тогда развивались. Поэтому если читатель обратится къ сибирскимъ письмамъ Чернышевскаго съ надеждой найти въ нихъ дополненіе къ его старымъ теоретическимъ статьямъ, то онъ тутъ сравнительно скоро разочаруется. Но онъ не разочаруется никогда, если обратится къ нимъ съ другой цѣлью. По какому-то жестокому капризу судьбы, жизнь Чернышевскаго какъ бы распалась на двѣ части, символически дополняющія одна другую. Въ первой половинѣ своей дѣятельности Чернышевскій всегда удивлялъ насъ огромною силою своей мысли, во вторую же—столь же исключительной силой своей воли. Какъ мыслитель, онъ завѣщалъ всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ неустанную критическую работу надъ изученіемъ законовъ міра органическаго и законовъ жизни общественной. А какъ практическій дѣятель, онъ далъ намъ примѣръ поразительной стойкости въ жизни и беззавѣтной преданности своимъ идеямъ, равной, быть можетъ, только его беззавѣтной преданности старымъ, юношескимъ порывамъ своего сердца. И вотъ вѣчнымъ памятникомъ жизни *этого* Чернышевскаго и останутся навсегда его сибирскія письма...

Евгеній Колосовъ.

Н. К. Козминъ. Николай Ивановичъ Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. 1804 — 1836. Спб. 1912. *Ц.* 3 р. 50 к. стр. 561.

Изъ отчета Академіи Наукъ за 1913 годъ видно, что названная въ заголовкѣ книга г. Козмина удостоена Академіей преміи имени митрополита Макарія (въ размѣрѣ 1000 руб.). Казалось бы, это должно являться гарантіей научныхъ достоинствъ сочиненія. Однако, знакомство съ произведеніемъ г. Козмина совершенно разочаровываетъ читателя. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «онъ будетъ счастливъ, если его книга привлечетъ вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей, дастъ имъ нѣсколько новыхъ мыслей для опредѣленія мѣста Надеждина въ исторіи русскаго просвѣщенія и хотя отчасти посодѣйствуетъ измѣненію ложныхъ о немъ представленій». Именно новыхъ-то мыслей и нельзя найти въ кропотливомъ трудѣ г. Козмина. Его книга принадлежитъ

Библиотека "Руниверс"

къ тому типу ученыхъ сочиненій, гдѣ собственныя мысли автора приходится съ трудомъ улавливать среди безконечнаго количества выдержекъ и цитатъ. Черезъ всю книгу г. Козмина тянется нудный пересказъ старыхъ книгъ и статей—и цитаты, цитаты на сотняхъ страницъ, русскія, французскія и нѣмецкія, въ текстѣ и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ... Для примѣра можно взять главу IV—она очень характерна. Глава эта посвящена диссертаціи Надеждина «De Poesi Romantica» и, въ связи съ темой диссертаціи, спорамъ о древней и новой поэзіи въ европейской литературѣ начала XIX вѣка; она занимаетъ болѣе 100 страницъ, но сколько строчекъ въ ней принадлежитъ собственно г. Козмину? Очень немного; онъ приводитъ въ буквальныхъ выдержкахъ или въ пересказѣ статьи десятковъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей, излагаетъ такимъ же образомъ диссертацію Надеждина, даетъ цитаты изъ русскихъ журнальныхъ статей о диссертаціи—и все. Видно, что авторъ прочелъ очень много книгъ на разныхъ языкахъ, и весь внѣшній аппаратъ учености находится въ полномъ порядкѣ. Но къ какимъ, собственно, выводамъ приходитъ онъ на основаніи этой груды выдержекъ изъ различныхъ сочиненій? Да ни къ какимъ...

Г. Козминъ исходитъ изъ того основного положенія, что Надеждинъ—пасынокъ судьбы, что его до сихъ поръ не оцѣнили, какъ онъ того заслуживаетъ. Онъ старается доказать, что роль Надеждина въ развитіи русской мысли была чрезвычайно важной и плодотворной. Въ старомъ вопросѣ о томъ, насколько идеи Надеждина повліяли на Бѣлинскаго, г. Козминъ горячо полемизируя съ С. А. Венгеровымъ, утверждаетъ, что это вліяніе было очень сильно. Однако доказательства автора весьма мало убѣдительны. Онъ, во-первыхъ, ссылается на малое знакомство Бѣлинскаго съ иностранными языками и на его «неспособность къ отвлеченному мышленію», а во-вторыхъ—сопоставляетъ отдѣльныя мѣста изъ лекцій Надеждина и критическихъ статей Бѣлинскаго. Неужели г. Козмину не приходило въ голову, что сходство отдѣльныхъ мнѣній Бѣлинскаго и Надеждина можетъ быть объяснено и помимо гипотезы о заимствованіи Бѣлинскимъ идей у своего профессора? Относительно другого слушателя Надеждина, Станкевича, авторъ заявляетъ: «Религіозный оттѣнокъ, которымъ отличались философскіе взгляды Станкевича, вполнѣ понятны, такъ какъ въ своихъ лекціяхъ Надеждинъ, слѣдуя примѣру своихъ учителей—профессоровъ духовной академіи, стремился къ примиренію христіанскаго ученія съ новѣйшими выводами нѣмецкой философіи» (Стр. 352). Какъ все просто и понятно! Профессора академіи читали лекціи Надеждину, Станкевичъ былъ слушателемъ Надеждина,—значитъ корень религіозности Станкевича находится въ лекціяхъ профессоровъ духовной академіи... Идейная исторія 30-хъ—40-хъ годовъ очень упростилась бы при примѣненіи такихъ научныхъ пріемовъ.

Преувеличивая значеніе Надеждина для духовнаго развитія Бѣлинскаго и Станкевича, г. Козминъ вообще говоритъ о Надеждинѣ исключительно въ тонѣ неумѣреннаго панегирика. Надеждинъ былъ отличный человѣкъ, отличный профессоръ,

Библиотека "Руниверс"

журналистъ, критикъ, чиновникъ—вотъ неизмѣнный припѣвъ автора. Всѣ мнѣнія, противорѣчащія этому, г. Козминъ старается опорочить. Анализируя, напр., воспоминанія современниковъ о Надеждинѣ—профессорѣ, онъ встрѣчаетъ рядъ заявленій—Буслаева, Станкевича, К. Аксакова—о томъ, что Надеждинъ не удовлетворялъ серьезнымъ требованіямъ студентовъ, что лекціи его были небогаты содержаніемъ. Оспаривая это, г. Козминъ прибѣгаетъ, между прочимъ, и къ такому аргументу: «Мы полагаемъ, что юные критики, при всѣхъ ихъ благихъ намѣреніяхъ и развитіи, не были и никоимъ образомъ не могли быть компетентны въ своихъ рѣшеніяхъ» (Стр. 258). Конечно, гдѣ же студенту судить о содержательности лекцій профессора,—что за убого-казенная точка зрѣнія! Положительно всякій пустякъ ставится авторомъ въ заслугу Надеждину. Разсказывая, напр., о посѣщеніи Надеждинымъ провинціальныхъ училищъ въ качествѣ визитатора, г. Козминъ говоритъ: «Надеждинъ... вездѣ старался вникнуть въ дѣло, а не относился къ нему поверхностно. По своему педагогическому навыку и проницательности, онъ сразу отмѣчалъ полезныхъ и старательныхъ учителей, поощрялъ ихъ, представлялъ къ наградамъ и, наоборотъ, требовалъ наложенія взысканія на лицъ, уклоняющихся отъ исполненія своихъ обязанностей». (Стр. 360). Т.-е., онъ дѣлалъ то, что дѣлалъ бы на его мѣстѣ и всякій другой чиновникъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. «Отчеты Надеждина вмѣстѣ съ одобрительными отзывами о нихъ училищнаго комитета были представлены черезъ попечителя министру. И даже неблаговоливившій къ визитатору Уваровъ, ознакомившись съ нимъ, былъ вынужденъ дважды объявить ему свою признательность и выхлопотать денежную награду въ размѣрѣ тысячи рублей». (Стр. 361). Какому чиновнику не случалось получать наградъ отъ начальства? И о чемъ тутъ собственно говорить? Въ окончательномъ счетѣ, г. Козминъ приходитъ къ такому общему выводу о Надеждинѣ: «Какъ и Бѣлинскій, Надеждинъ можетъ быть названъ центральной натурой», потому что въ его головѣ объединялись два направленія русской мысли, впослѣдствіи рѣзко разошедшіяся—славянофильство и западничество (Стр. 436). Какое странное должно быть у автора мнѣніе о роли Бѣлинскаго для своего времени, чтобы ставить на одну доску съ пламенными порывами его духа осторожный и уклончивый эклектизмъ Надеждина!

Нѣкоторый интересъ въ книгѣ г. Козмина представляютъ тѣ новые матеріалы, которыми пользовался авторъ. Онъ воспроизводитъ часть университетскихъ лекцій Надеждина по археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ. Надеждинъ свои лекціи импровизировалъ, курсовъ не печаталъ, но сохранились студенческія записки лекцій профессора,—ихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи г. Козминъ. Кромѣ того, въ книгѣ мы находимъ рядъ писемъ Надеждина къ Е. В. Сухово-Кобылиной, совершенно личнаго характера: эти письма освѣщаютъ исторію неудачной любви Надеждина, вызвавшую въ свое время много толковъ и сплетенъ въ литературныхъ кругахъ Москвы. Біографія Надеждина обрывается почему-то на моментѣ его ссылки въ Усть-Сысольскъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе приходится упомянуть о полемической сторонѣ книги г. Козмина. Авторъ надѣленъ вообще большимъ полемическомъ темпераментомъ: лицъ, не раздѣляющихъ его взглядовъ, онъ обвиняетъ съ легкимъ сердцемъ то въ невѣжествѣ, то въ пристрастіи. Нѣкоторые же «аргументы» зарвавшагося изслѣдователя выглядятъ совсѣмъ некрасиво. Онъ говоритъ, напр., о «многихъ современныхъ литераторахъ... жестоко клеймящихъ всѣхъ, даже выдающихся нашихъ дѣятелей, которые имѣли несчастіе не исповѣдывать ихъ политическихъ убѣжденій. Какъ на грѣхъ, Надеждинъ былъ монархистъ, и монархистъ убѣжденный. Этого было достаточно, чтобы включить его въ разрядъ опальныхъ писателей, о которыхъ упоминаютъ лишь тогда, когда нуженъ темный фонъ въ исторической картинѣ, когда для «рѣзкаго сопоставленія» необходимо возвысить, хотя бы и не по заслугамъ, любимца и унизить черносотенца» (Стр. 375). И въ другомъ мѣстѣ: «Писатель, упорно проповѣдывавшій, что только одна неограниченная власть монарха» можетъ держать массу разнородныхъ элементовъ силою законнаго тяготѣнія»., слишкомъ низко уронилъ себя въ глазахъ многихъ нынѣшнихъ историковъ литературы» (стр. 382). Изъ подстрочныхъ примѣчаній читатель можетъ узнать, что историками съ такимъ вреднымъ направленіемъ являются гг. Венгеровъ и Лемке... Пріемъ, къ которому прибѣгъ г. Козминъ, давно получилъ въ русской публицистикѣ опредѣленное наименованіе—«чтеніе въ сердцахъ». Казалось бы, этому пріему не мѣсто въ научномъ изслѣдованіи.

Вѣроятно, у Академіи Наукъ былъ очень бѣденъ выборъ, если сочиненіе г. Козмина оказалось премированнымъ.

М. Клевенскій.

Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. (Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). Москва 1914. 463 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальная самобытность Льва Толстого дѣйствовала на критику такимъ образомъ, что говорить о вліяніяхъ на него какъ-то не рѣшались. Самъ онъ призналъ надъ собою однажды власть Руссо. О вліяніи на него поэтовъ, казалось, не могло быть и рѣчи при его недовѣріи къ стихамъ. Съ другой стороны, игнорировалось вліяніе Лермонтова на послѣдующую русскую литературу, родоначальниками которой принято считать Пушкина и Гоголя: Лермонтовъ оставался какъ-то въ сторонѣ. Изъ критиковъ однажды какъ-то Дудышкинъ, разбирая военныя повѣсти Л. Толстого. сопоставилъ фигуру Хлопова съ лермонтовскимъ Максимомъ Максимовичемъ.

Мережковскій первый связалъ имя Лермонтова съ именами Л. Толстого и Достоевскаго въ своей статьѣ «Поэтъ сверхчеловѣчества»,—и стало ясно, что Лермонтовъ первый въ русской поэзіи поставилъ вопросъ о злѣ, что это—первый богоборецъ, что онъ—основатель того психологическаго романа, который получилъ мощное развитіе въ творчествѣ этихъ двухъ писателей-моралистовъ. Когда мы услыхали, что Чеховъ считалъ лучшей русской прозой—прозу Лермонтова и неизмѣнно восторгался повѣстью «Тамань»,—стало еще очевиднѣе, что вліяніе Лермонтова — слож-

Библиотека "Руниверс"

ный вопросъ, ждущій своихъ изслѣдователей. Догадка Мережковскаго о родствѣ Лермонтова съ Толстымъ подтвердилась признаніемъ послѣдняго: «Герой нашего времени» — принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя юноша-Толстой отмѣтилъ, какъ оказавшія на него «*большое вліяніе*»; Лермонтова и себя—Толстой, незадолго до смерти, назвалъ, въ противоположность Пушкину и Тургеневу, «не литераторами».

Г. Семеновъ собралъ богатѣйшій матеріалъ для сужденія о родствѣ между Лермонтовымъ и Толстымъ. Онъ не рѣшается говорить о вліяніи, хотя многочисленныя цитаты, собранныя имъ, говорятъ въ пользу вліянія; эти поразительныя совпаденія г. Семеновъ готовъ объяснить родствомъ натуръ и сходствомъ условій жизни обоихъ писателей.

Оба — аристократы по рожденію и воспитанію; оба рано лишились родителей; оба отличались большой физической силой и упражняли ее гимнастикой; оба обладали некрасивой наружностью и страдали отъ этого сознанія; оба служили въ военной службѣ и принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Оба нѣжно любили природу и противопоставляли ее цивилизаціи; оба любили музыку и танцы; оба любили изображать лошадей и игру въ карты, почти одинаково относились къ суду, просвѣщенію, медицинѣ. Общность этихъ чертъ у обоихъ писателей доказана г. Семеновымъ очень убѣдительно и интересно; но совокупность ихъ не даетъ еще личности. Синтеза этихъ чертъ изслѣдователь не даетъ: гдѣ корень этого сходства, и въ чемъ коренная разница,—мы не видимъ, и это не даетъ возможности автору интересной работы сдѣлать какіе-либо опредѣленные выводы, отъ чего онъ, впрочемъ, и воздерживается; онъ ограничивается только слѣдующими замѣчаніями: «если извѣстныя намъ произведенія Лермонтова весьма близки къ духу произведеній Толстого, не будетъ смѣлымъ предположеніе, что и въ дальнѣйшихъ (не послѣдовавшихъ, къ сожалѣнію) стадіяхъ развитія творчество поэта имѣло бы еще болѣе общихъ чертъ съ творчествомъ автора «Войны и Мира», потому что продолжалось бы вліяніе старшаго современника на младшаго». (Стр. 327). Но, кажется, что и это предположеніе будетъ смѣло, потому что съ равнымъ успѣхомъ можно допустить въ дальнѣйшемъ творчествѣ Лермонтова возможность дифференціаціи и отклоненія отъ общихъ чертъ въ сторону индивидуальныхъ, не свойственныхъ Л. Толстому. О возможности дальнѣйшаго вліянія Лермонтова на Толстого приходится говорить тоже съ ограниченіемъ, такъ какъ самъ г. Семеновъ не рѣшается утверждать вліянія и на той же страницѣ допускаетъ, что Толстой «могъ не во всѣхъ тонкостяхъ знать произведенія Лермонтова», значитъ, могъ и не быть внимательнымъ читателемъ Лермонтова, если бы тотъ и не умеръ. Предполагать же, что Л. Толстой «досказалъ многія недоконченныя лермонтовскія рѣчи», какъ это дѣлаетъ г. Семеновъ на стр. 328,—еще болѣе смѣло: онъ не учелъ колоссальной разницы, отдѣлявшей Толстого отъ Лермонтова, при всѣхъ указанныхъ имъ сходствахъ, неслучайность которыхъ едва ли доказана г. Семеновымъ.

Но, независимо отъ этихъ выводовъ, книга г. Семенова представляетъ большой интересъ для историковъ литературы. Его

Библиотека "Руниверс"

наблюденія интересны и хочется найти то, чего недостаетъ его книгѣ, чтобы она стала крупнымъ фактомъ въ исторіи литературы.

Всѣ изобразители войны въ литературѣ неизбѣжно наталкиваются на тѣ же мысли, чувства и образы. Это сходство тѣмъ неизбѣжнѣе, когда писатели принадлежатъ къ одной эпохѣ, одному народу и принимаютъ участіе въ одной и той же войнѣ. Лермонтовъ умеръ на Кавказѣ въ 1841 году, а 10 лѣтъ спустя туда пріѣхалъ Л. Толстой и, понятно, засталъ тѣ же условія; два года спустя онъ воевалъ подъ Севастополемъ. Вотъ почему картина войны, военные термины, даже сравненія и эпитеты, выработанныя говоромъ среды, у обоихъ одинаковы («показались значки», «гиканье», «генералъ со свитой», «генералъ сидѣлъ на барабанѣ и донесенья принималъ», «казаки разсыпались, какъ пчелы» и мн. др.). Болѣе специфическій характеръ носитъ сравненіе войны со зрѣлищемъ, представленіемъ, встрѣчающееся у обоихъ поэтовъ; противопоставленіе кровавой бойнѣ—спокойствія природы, голубого неба и горъ, и рождающійся отсюда вопросъ «зачѣмъ?» — свидѣтельствуютъ уже объ особомъ, общемъ углѣ зрѣнія. Общимъ у обоихъ поэтовъ является и пониманіе русскаго солдата: Л. Семеновъ очень убѣдительно доказалъ, что отсутствіе чувства личной обособленности, ненависти къ врагамъ, фатализмъ и добродушный юморъ, — черты, легшія въ основу изображенія русскаго солдата у Л. Толстого — геніально подмѣчены Лермонтовымъ въ краткомъ стих. «Бородино». Теорія Л. Толстого о безконечно-малыхъ элементахъ, которые руководятъ массами, по мнѣнію г. Семенова, есть въ зародышѣ и у Лермонтова: «Исторія души человѣческой, *хотя бы самой мелкой души*, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа»[1]). Едва ли можно принять это сближеніе: изреченіе Лермонтова вышло изъ его индивидуализма, между тѣмъ теорія Л. Толстого антииндивидуальна. Точно также очень рискованно сближеніе взглядовъ обоихъ поэтовъ на «Наполеона», которое дѣлаетъ изслѣдователь съ помощью стихотворенія «Два великана».

Характеризуя отношеніе Лермонтова къ природѣ, г. Семеновъ развиваетъ подробно извѣстный мотивъ «вторженія человѣка въ мирную жизнь природы»; хотя онъ очень мѣтко сравниваетъ картины рубки деревьевъ у Толстого съ аналогичной картиной въ «Трехъ пальмахъ», но въ основѣ этихъ картинъ у обоихъ поэтовъ лежитъ разное: у Лермонтова этотъ разладъ—законъ, у Толстого же — нарушеніе закона сліянія человѣка съ природой. Люди Толстого, не испорченные обществомъ, живутъ въ согласіи съ природой (дядя Ерошка); у Лермонтова человѣкъ вообще—начало, враждебное природѣ. Это игнорируетъ г. Семеновъ, останавливаясь на внѣшнихъ чертахъ сходства.

Другія совпаденія кажутся еще болѣе случайными, можетъ быть оттого, что изслѣдователь не сумѣлъ показать ихъ необходимость. Непривлекательная наружность обоихъ поэтовъ вовсе уже не наложила такого отпечатка на ихъ героевъ, чтобы объ

[1]) Предисловіе къ журналу Печерина («Герой нашего времени»).

Библиотека "Руниверс"

этомъ стоило говорить. Отмѣтить пристрастіе обоихъ поэтовъ къ лихимъ конямъ, конечно, интересно, такъ какъ этому мы обязаны прекрасными изображеніями скакуновъ въ ихъ произведеніяхъ; но если миновать то обстоятельство, что и Лермонтовъ, и Толстой знали толкъ въ лошадяхъ благодаря своему положенію, то едва ли источникъ ихъ пристрастія къ лошадямъ въ поэзіи одинъ и тотъ же. Конь — образъ романтическій, и какъ таковой, выступаетъ въ поэзіи Лермонтова; для Толстого, великаго «ясновидца плоти», конь—красивое животное; для Лермонтова конь—лихой скакунъ; для Толстого—индивидуальность (Холстомѣръ, Фру-Фру).

Что оба они изображаютъ игру въ карты, легко объясняется тѣмъ, что оба изображаютъ военную среду, гдѣ эта игра развита; Лермонтовъ же, хоть игралъ, особымъ пристрастіемъ къ картамъ не отличался, что констатируетъ и г. Семеновъ, (стр. 213). Игру въ карты изображали и Гоголь, и Достоевскій, но едва ли это важно при сопоставленіи двухъ писателей.

Такъ чередуется у г. Семенова общее съ частнымъ, важное со случайнымъ; среди его обильныхъ наблюденій много вѣрнаго, интереснаго, но въ общемъ это—хаосъ, надъ которымъ еще не витаетъ духъ Божій. Нѣкоторыя сопоставленія производятъ только комическое впечатлѣніе, какъ напримѣръ: «Тамара своей чистой любовью хотѣла спасти Демона. Такъ Лиза Еропкина мечтала «обратить» Махина или, какъ она говорила себѣ, вернуть къ себѣ, къ своей доброй натурѣ («Фальшивый купонъ», XII, 210»)...

Я не берусь синтезировать наблюденія г. Семенова. Укажу только, что для синтеза необходимо отыскать общіе ключи, питавшіе двухъ великихъ нашихъ поэтовъ. Одинъ изъ такихъ ключей—Руссо. Мы знаемъ, какъ дѣйствовалъ женевскій гражданинъ на Толстого; Лермонтовъ пріобщился къ Руссо черезъ Байрона, посредственно, но зато воспринялъ его въ очарованіи романтизма, между тѣмъ Толстому Руссо предсталъ, какъ философъ и публицистъ. безъ примѣси байронизма. Отсюда коренная разница, которой не учелъ г. Семеновъ, въ пониманіи обоими поэтами природы и цивилизаціи. Въ вопросѣ о злѣ Толстой черезъ Руссо восходитъ къ Сократу и І. Христу; Лермонтовъ, по наблюденію Мережковскаго, ни разу не упоминаетъ въ своей поэзіи имени Христа, но за то проникнутъ платоновскимъ идеализмомъ въ пониманіи міра. Отсюда—практическая мораль Толстого, къ которой онъ пришелъ отъ фатализма, «философскій оттѣнокъ міровоззрѣнія Лермонтова, ведшій его къ фатализму, проявляющемуся уже очень сильно въ стихотвореніи «Валерикъ». Для Толстого важнѣйшій вопросъ жизни—самосовершенствованіе, для Лермонтова—утвержденіе своей личности. Толстой живо чувствовалъ свои связи съ землею, и потому вопросъ о злѣ касался его лично, затрогивалъ его совѣсть; Лермонтовъ живо чувствовалъ свое небесное происхожденіе, міровое зло не касалось его лично, онъ не чувствовалъ за него отвѣтственности, онъ только негодовалъ. Толстой готовъ былъ выступить съ проповѣдью и выступилъ, Лермонтовъ à priori созналъ ея безполезность, такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ причины мірового зла видѣлъ въ мірозданіи, а не въ человѣческой волѣ. Толстой винилъ людей и себя въ томъ числѣ Лермонтовъ обвинялъ Бога. Глава о богоборчествѣ Лермонтова—лишняя въ книгѣ г. Семенова: здѣсь онъ не попытался связать Лермонтова съ Толстымъ; въ этомъ отношеніи Лермонтовъ—предшественникъ Достоевскаго, объ отношеніяхъ котораго къ Лермонтову мы въ правѣ ждать теперь спеціальнаго изслѣдованія.

Влад. Фишеръ.

Д. Малининъ. Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи Калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ). Калуга. 1912. Стр. 42.

Литература о русскомъ театрѣ, особенно провинціальномъ, настолько бѣдна и незначительна, что приходится радоваться каждой работѣ, всякой вновь напечатанной статьѣ, посвященной нашей театральной старинѣ. Провинцільный театръ еще ждетъ своего историка, и все, что имѣемъ теперь о немъ, есть отдѣльныя случайныя работы, написанныя большею частью не на основаніи документовъ, а по разсказамъ сторожиловъ или по мемуарамъ записныхъ театраловъ.

Установить начало театра особенно трудно, оно теряется въ концѣ XVIII или первыхъ годахъ XIX вѣка, когда провинціальной прессы не существовало, а документы, если какіе и имѣлись, утрачены или сгорѣли. Г. Малининъ оказался счастливѣе другихъ. Ему удалось найти бумаги Общественнаго Приказа и съ несомнѣнностью опредѣлить время основанія одного изъ старѣйшихъ театровъ — калужскаго. Театръ въ Калугѣ основанъ въ 1777 году, — дата весьма почтенная для провинціи, — при содѣйствіи перваго намѣстника М. Н. Кречетникова. Съ самаго начала въ Калугѣ было не только зданіе для общественнаго театра и «музыкантская школа», но нашелся и просвѣщенный руководитель въ лицѣ совѣтника гражданской палаты подполковника Батурина, большого театрала и человѣка съ развитымъ вкусомъ. Онъ много поработалъ для калужскаго театра, былъ офиціальнымъ управляющимъ и фактическимъ режиссеромъ труппы. Обращая вниманіе на игру своихъ артистовъ, онъ давалъ имъ цѣнныя указанія и перевелъ для нихъ итальянское руководство Риккабони.

Завѣтной мечтой Батурина была постройка новаго театральнаго зданія, но изъ-за интригъ осуществить ее не удалось. Много интереснаго сообщаетъ г. Малининъ, говоря о репертуарѣ театра, состоявшемъ изъ переводныхъ пьесъ, а иногда изъ произведеній калужскаго драматурга Левшина. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о театральныхъ пьесахъ напечатанныхъ въ Калугѣ, очень любопытны. Вообще, небольшая брошюра, г. Малинина — цѣнный матеріалъ для исторіи провинціальнаго театра, и всякій интересующійся нашей театральной стариной не пройдетъ мимо нея. Напрасно только авторъ повѣрилъ г. Тіандеру и отнесъ основаніе театральной школы въ столицѣ къ 1779 году (стр. 27).

А. Поляковъ.

Библиотека "Руниверс"

Овидій. Баллады-посланія. Переводъ со вступительными статьями и комментаріемъ Ѳ. Зѣлинскаго. Москва 1913. Изд. Сабашниковыхъ (Памятники міровой литературы, античные писатели). XLIII+345. Цѣна 2 р. 75 к.[1]).

Въ наше время брезгливаго отвращенія ко всему, что носитъ печать классицизма, врядъ ли много у насъ найдется людей, у которыхъ съ именемъ Овидія связывались бы воспоминанія, выходящія за предѣлы нѣсколькихъ отрывковъ изъ «Метаморфозъ», хотя это произведеніе и переведено полностью Фетомъ, правда, не особенно удачно.

Теперь передъ нами группа произведеній Овидія въ стихотворномъ переводѣ проф. Зѣлинскаго, извѣстнаго знатока античнаго міра, имя котораго пользуется большимъ авторитетомъ не только въ Россіи, но и за границей. Уже это одно освобождаетъ насъ отъ обязанности говорить о точности и глубокой научности его труда. Правда, шесть послѣднихъ стихотвореній переведены не имъ самимъ, а подъ его редакціей г-жей Завалишиной. Но оба переводчика очень близки по манерѣ, такъ что ихъ работа почти не различается.

Передъ нами довольно объемистая книга, чрезвычайно изящно и аккуратно изданная, снабженная всевозможными объясненіями, какъ впереди отдѣльныхъ стихотвореній, такъ и отдѣльно позади текста, которыя дѣлаютъ ее доступной для широкихъ круговъ читателей; но на ряду съ объяснительными примѣчаніями для неспеціалистовъ тутъ есть примѣчанія и по критикѣ текста, цѣнныя для спеціалиста-филолога. Рядъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ съ античныхъ памятниковъ иллюстрируютъ текстъ, наглядно показывая, какъ эти сюжеты представлялись древнимъ. Въ приложеніи данъ отрывокъ изъ «Мѣсяцеслова» (Fasti) о Лукреціи, подходящей по характеру къ темѣ сборника. Живо и образно написанное введеніе знакомитъ съ личностью и творчествомъ Овидія, при чемъ приводится въ переводѣ автобіографія поэта изъ его «Скорбей» (Tristia). Относительно технической стороны переводовъ интересна помѣщенная въ книгѣ замѣтка о «русскомъ элегическомъ дистихѣ» (стр. 312 слл.): это рядъ практическихъ наблюденій переводчика надъ техникой стиха. Элегическое двустишье (гексаметръ и пентаметръ), такъ часто встрѣчающееся у античныхъ писателей, сравнительно рѣдко фигурируетъ у новыхъ поэтовъ; у переводчиковъ же, далеко не всегда владѣющихъ поэтической рѣчью, оно является часто такимъ чуждымъ языку, чахлымъ цвѣткомъ. Въ переводахъ Зѣлинскаго оно, можно сказать, возвращается на свою художественную высоту; чувствуется въ немъ и сила, и гибкость естественной, настоящей поэзіи, что обыкновенно такъ рѣдко сочетается съ тонкимъ филологическимъ пониманіемъ оригинала.

«Баллады-посланія» — такъ озаглавилъ нашъ переводчикъ серію произведеній Овидія, которыя обыкновенно объединяются

---

[1]) Одновременно съ названнымъ изд. вышли «Героини» Овидія въ пер. Ѳ. Зѣлинскаго въ изд. Корнфельда; послѣднее отличается отъ разбираемаго нами тѣмъ, что въ немъ имѣются только первыя 15 стихотвореній и нѣтъ общаго введенія.

Библиотека "Руниверс"

подъ общимъ названіемъ «посланій» (epistolae). Первая часть этой серіи, носящая болѣе узкое названіе «Героини» (Heroides), представляетъ мнимыя посланія различныхъ миѳическихъ или полулегендарныхъ (какъ знаменитая поэтесса Сафо) героинь къ ихъ отсутствующимъ, разлученнымъ съ ними силой рока или покинувшимъ ихъ добровольно, мужьямъ или возлюбленнымъ. То это Пенелопа, изливающая свою тоску объ отсутствующемъ Одиссеѣ, то плѣнница Брисеида, изъ-за которой начался знаменитый гнѣвъ Ахилла, легшій въ основу Иліады, то Дидона за нѣсколько минутъ до своей трагической смерти изъ-за страстной любви къ покинувшему ее Энею, то неистовая въ своей ревности Медея и т. д. Вторая часть, состоящая изъ 6 произведеній, представляетъ уже нѣкоторую варіацію и съ внѣшней стороны, такъ какъ эти стихотворенія идутъ парами въ видѣ обмѣна писемъ между героемъ и героиней, и съ внутренней—по духу и характеру творчества. Все это вмѣстѣ съ нѣкоторыми, хотя и спорными, внѣшними указаніями дало основаніе даже предполагать въ этой части творчество какого-нибудь изъ подражателей Овидія — скептицизмъ, котораго однако не раздѣляетъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій.

Что же это за творчество, какъ будто столь далекое отъ насъ? Оно будетъ понятно, если перенестись въ атмосферу людей того времени, куда манитъ насъ въ своемъ введеніи переводчикъ. Знойное небо, яркія, жгучія краски, которыя такъ и дышатъ страстью, богатство природы, роскошная, безпечная жизнь богача—вотъ что до сихъ поръ еще, почти черезъ 2 тысячелѣтія, сохраняется какъ бы застывшимъ въ Помпеяхъ. Это городъ, хоть и римскій, но совершенно перерожденный подъ греческимъ вліяніемъ той своеобразной эпохи, которая обозначается терминомъ эллинизма. Вотъ въ этой атмосферѣ и живетъ Овидій, всецѣло захваченный цвѣтами александрійской поэзіи со всей изысканностью и прихотливостью ея вкусовъ, разсыпающій всюду съ шутливымъ задоромъ блестки неудержимаго остроумія. Прибавимъ еще къ этому какую-то виртуозную силу стиха, о которой самъ онъ говоритъ въ автобіографіи:

...«Природа сама подъ размѣръ мою рѣчь подводила:
Что бъ ни пытался сказать въ прозѣ я — стихъ выходилъ».

«Нѣги любовной пѣвецъ» — вотъ главный паѳосъ его поэзіи по его собственной же характеристикѣ. И эти героини, которыя всѣ на разные лады твердятъ: «любовь—вотъ мой единственный грѣхъ», надо признать очень типичными для его творчества, типичнѣе, пожалуй, чѣмъ болѣе солидныя по содержанію «Метаморфозы» или «Мѣсяцесловъ».

Въ каждомъ изъ этихъ «Посланій» передъ читателемъ встаетъ цѣлая драма; сквозь искусственную форму писемъ, иногда и не очень подходящую къ переживаемому героиней моменту, рисуется прихотливое теченіе мыслей, прямо психологическая игра съ цѣлыми гаммами колебаній, сомнѣній, обиды, любви и т. д. И на все это наложила свою печать риторская школа, въ которой Овидій, подобно большинству состоятельныхъ своихъ современниковъ, получилъ образованіе. Занимаясь техникой ораторской рѣчи, она придавала большое значеніе разработкѣ психологиче-

Библиотека "Руниверс"

скихъ темъ. На школьной скамьѣ молодымъ римлянамъ приходилось сочинять рѣчи отъ имени разныхъ историческихъ или миѳологическихъ лицъ въ какой-нибудь особенно драматическій моментъ; напр., что могъ сказать Агамемнонъ, когда оракулъ требовалъ отъ него принести въ жертву дочь? Очень много откликовъ этихъ школьныхъ упражненій и сохранилъ Овидій въ своей поэзіи. Когда мы читаемъ, напр., посланіе Дидоны къ Энею, намъ такъ и кажется, что юноша въ риторской школѣ произноситъ декламацію на тему: что могла сказать Дидона, обнажая мечь, подарокъ Энея, чтобы вонзить его себѣ въ сердцѣ? «Поводъ для смерти и мечъ далъ ей троянецъ Эней». Оттуда же ведутъ свое происхожденіе и довольно многочисленныя въ его поэзіи такъ-называемыя «общія мѣста», искусно задрапированныя каждый разъ новыми варіаціями. Древніе теоретики вмѣняли даже въ особую заслугу поэту, если онъ старую, избитую тему сумѣетъ развить по новому, на своеобразный ладъ. Во введеніи Ѳ. Ф. Зѣлинскій анализируетъ наиболѣе важныя изъ этихъ «общихъ мѣстъ», или «мотивовъ», какъ онъ называетъ ихъ на современный ладъ.

Предшествовавшая поэзія много разъ обрабатывала сюжеты этихъ поэмъ. Цѣлый арсеналъ миѳологической учености приходитъ на помощь поэту. Правда, у этихъ носительницъ древнихъ миѳологическихъ именъ мало или почти ничего не остается отъ ихъ основного облика, характернаго для глубокой старины. У Овидія онѣ похожи на тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ, для которыхъ онъ написалъ свою «Науку любви». Но то была, какъ замѣчаетъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій (стр. 1), теорія, а здѣсь представлена практика. Таково это своеобразное творчество.

Пожелаемъ же, чтобы работы маститаго переводчика, давно работающаго надъ Овидіемъ, не ограничились выпущеннымъ сборникомъ.

С. Радцигъ.

Р. Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней. Переводъ В. Фриче. Москва. Книгоиздательство Печатникъ. Томъ I.

Появленіе посмертной работы Мутера въ русскомъ переводѣ наводитъ на грустныя размышленія. Обидно становится за русскаго читателя, котораго пичкаютъ устарѣвшей литературой, котораго воспитываютъ на плохихъ трехцвѣткахъ и безвкусныхъ альбомахъ. У русскихъ издателей сложилось почему-то твердое, но пагубное убѣжденіе, что работы по исторіи искусства, каковой бы ни былъ ихъ характеръ, нужно не просто выпускать въ свѣтъ, а непремѣнно преподносить и притомъ въ видѣ неуклюжихъ фоліантовъ, съ «роскошными» приложеніями, въ тяжелыхъ переплетахъ; вообще, всякое художественное изданіе превратить, во что бы то ни стало, въ какой-то салонный альбомъ, въ какую-то настольную книгу для чтенія. Охотно забываютъ при этомъ, что вѣдь книга по исторіи искусства требуетъ не огромныхъ, а хорошихъ иллюстрацій; что роскошную внѣшность изданія не всегда легко сочетать съ изяществомъ; и что, если для общей исторіи искусства типа Вёрмана, можетъ быть, годится большой

Библиотека "Руниверс"

форматъ, то скромный дневникъ Фромантэна, съ его интимными настроеніями и тонкимъ узоромъ діалектики, становится прямо смѣшнымъ въ томъ форматѣ крупнаго ежегодника, который ему придало издательство «Грядущій День».

Наряду съ этимъ неумѣстнымъ стремленіемъ къ грандіозности и монументальности, у издателей замѣчается и полная растерянность въ выборѣ оригинальныхъ сочиненій, годныхъ для перевода на русскій языкъ. Можно подумать, что въ нѣмецкой научной литературѣ не появилось за послѣднія десятилѣтія ни одной значительной монографіи по Микель Анджело, ни одной популярной работы по общей исторіи живописи, если вѣрить «Грядущему Дню», который долженъ былъ прибѣгнуть къ давно испытанному Гримму (первое изданіе біографіи Микель Анджело появилось въ 1864 году), или, если основываться на изданіи «Печатникомъ» «еще одного» Мутера, въ дополненіе ко двумъ другимъ работамъ покойнаго бреславльскаго профессора, которыя, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ не утратили своего вліянія на художественные вкусы русскаго общества. По поводу изданія «Печатника» слѣдуетъ еще прибавить, что новая «Исторія живописи» Мутера менѣе всѣхъ другихъ его работъ заслуживаетъ быть переведенный на русскій языкъ. Составленная наспѣхъ изъ лоскутовъ его прежнихъ статей и раньше высказанныхъ обобщеній и законченная уже послѣ смерти автора случайнымъ редакторомъ, она лишена обычныхъ достоинствъ Мутеровскаго изложенія и содержитъ въ себѣ всѣ постоянные его недостатки въ преувеличенной формѣ.

Занимательный на первыхъ страницахъ, а послѣ утомляющій своимъ непрерывнымъ паѳосомъ, языкъ Мутера болѣе чѣмъ когда-либо пересыпанъ въ «Исторіи живописи» пряными сравненіями, фальшивыми восторгами, ненужной декламаціей и попрежнему лишенъ твердой четкости анализа. Исторія искусства для Мутера, это—вереница занимательныхъ сюжетовъ, это—бурная новелла, въ которой легкомысленныя авантюры смѣняются пышными празднествами, гдѣ молятся танцуя и рыдаютъ отъ безудержныхъ восторговъ. «Исторія живописи» Мутера, это—пестрая нить случаевъ, героями которыхъ являются не люди, а картины. Творцы искусства, художники для Мутера—только разноцвѣтныя маріонетки, которыя, повинуясь рукѣ опытнаго режиссера, принимаютъ самыя неожиданныя положенія, расходятся и сходятся, сплетаясь въ причудливомъ хороводѣ. Но въ этомъ бурномъ авантюризмѣ Мутеровскаго разсказа какъ-то мало искренности. Его подкрашенные герои только позируютъ, всѣ его авантюры только инсценированы. Искусство для Мутера—пестрая оранжерея съ ея немного больнымъ, отравленнымъ ароматомъ. Въ Россіи, гдѣ художественные вкусы еще не окрѣпли, гдѣ теперь только борятся за «открытіе» своего родного художественнаго прошлаго, гдѣ ищутъ настоящаго углубленнаго искусства-откровенія, Мутеръ съ его душной атмосферой празднаго искусства, врядъ ли долженъ найти горячій пріемъ.

Переводчикъ, взявшій на себя неблагодарную задачу подарить русской публикѣ новаго Мутера, отлично передалъ легкій, порхаю-

Библиотека "Руниверс"

щій, немного вычурный языкъ оригинала. Однако крайняя невнимательность въ транскрибированіи собственныхъ именъ и особенно въ отношеніи къ иллюстраціямъ (главной цѣнности Мутеровской «Исторіи Живописи») дѣлаетъ переводъ мало симпатичнымъ.

Отношеніе издателей къ иллюстраціямъ заслуживаетъ полнаго осужденія. Трудно понять, чѣмъ они руководствовались, вводя въ книгу новый иллюстративный матеріалъ и отвергая Мутеровскій, гораздо болѣе свѣжій и остроумно подобранный. Соображенія чисто-практическаго свойства, напр., трудность при раздобываніи нужныхъ клише, могли-бы оправдывать это своевольное обращеніе съ иллюстраціями только въ томъ случаѣ, если-бы новый подборъ выполненъ былъ цѣлесообразно и внимательно; напротивъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ полной небрежностью. Подъ иллюстраціями не указано, въ какой галлереѣ находятся оригиналы. Изображенія безпорядочно вложены въ книгу, гдѣ попало, безъ всякаго согласія съ текстомъ, такъ что Персей Челлини заканчиваетъ главу объ Андреа дель Сарто, а рисунокъ къ «Божественной Комедіи» главу о фресковой живописи Кваттрачѐнто. Madonna Ansidei Рафаэля безжалостно обрѣзана по краямъ. Картина Мазаччо названа въ подписи «Мученичествомъ Петра и Іоанна», тогда какъ она изображаетъ мученія св. Петра и Павла. Помѣщая въ рисункѣ только деталь картины, часто совершенно не передающую всей цѣнности художественнаго произведенія, издатели не считаютъ нужнымъ на это указывать («Мадонна съ гарніями»). Предполагается, повидимому, что всѣ эти небрежности читатель можетъ легко и безропотно снести. Трудно надѣяться однако, что даже самый невзыскательный читатель не почувствуетъ отвращенія къ цвѣтнымъ репродукціямъ, которыми такъ щедро «украшена» книга Мутера въ русскомъ переводѣ.

*Б. Виппер*ъ.

І. І. Леманъ. Гравюра и литографія. Очерки исторіи и техники. Кружокъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій. С.-Петербургъ 1913. 4°. 292 стр.

Давно у насъ ощущалась настоятельная потребность въ изданіи, могущимъ служить собирателямъ произведеній графическихъ искусствъ руководствомъ въ распознаваніи разнородныхъ техническихъ пріемовъ гравюры и литографіи, настоящее изданіе, блестяще пополняя этотъ существенный пробѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ является весьма итнтереснымъ изслѣдованіемъ по исторіи гравюры какъ иностранной, такъ и русской.

Въ книгѣ подробно изложены и описаны: гравюра на деревѣ и цвѣтная ксилографія, затѣмъ гравюра на мѣди съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ способовъ: рѣзцомъ, крѣпкой водкой, черной манерой, карандашнымъ способомъ, пунктиромъ, лависомъ и акватинтой и, наконецъ, плоская печать—литографія. Каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ не только описанія техническихъ пріемовъ, но и историческій очеркъ развитія техники, сначала иностранной, а затѣмъ русской, при чемъ авторъ весьма добросовѣстно и обстоятельно использовалъ богатую иностранную литературу по исторіи графическихъ искусствъ.

Библиотека "Руниверс"

Все изданіе роскошно иллюстрировано фототипіями, цинкотипіями и геліогравюрами, изъ которыхъ одна—Лукреція съ В. Дикинсона въ краскахъ. Превосходны фототипіи съ гравюръ карандашнымъ способомъ, напримѣръ, съ Ж. Демарто, а также цвѣтная гравюра на деревѣ съ Гольтціуса и Уго де Карпини, печатанная въ нѣсколько тоновъ, но своего рода шедевромъ является фотогравюра-портретъ Яна Лютмы съ офорта Рембрандта, дающая полную иллюзію оригинала; въ началѣ книги приложена гравюра сухой иглой работы М. В. Рундальцева — портретъ И. В. Ратькова-Рожнова, перваго секретаря Кружка Любителей Изящныхъ Изданій, памяти котораго посвящено настоящее изданіе. Весьма интересны заставки и концовки начиная съ уника Публичной библіотеки изъ Гейдельбергскаго календаря 1495 г. и гербъ г. Львова и печатника Ивана Ѳедорова изъ Апостола 1576 г. (воспроизведеннаго и на обложкѣ книги), кончая современными намъ работамъ В. Д. Фалилеева и А. П. Остроумовой.

Въ концѣ книги приложена отдѣльная статья М. А. Остроградскаго «Эстампъ и внѣшній его видъ», написанная съ большой любовью и знаніемъ дѣла.

В. Адарюковъ.

V. Tornius. Salons. Bilder gesellschaftlicher Kultur. 2. m. Leipzig. 1913.

Исторія такого важнаго и интереснаго культурно-историческаго явленія, какимъ были салоны, оказавшіе (въ извѣстныя эпохи) значительное вліяніе на литературу и на искусство, до сихъ поръ еще не написаны. Есть только отдѣльныя membra disjecta этого еще не написаннаго труда. Книга В. Торніуса восполняетъ до извѣстной степени этотъ пробѣлъ. Не являясь собственно исторіей салоновъ, она представляетъ рядъ (разсчитанныхъ не на спеціалистовъ, а на широкую публику) очерковъ изъ исторіи салонной культуры, живо, картинно, порою блестяще написанныхъ. Передъ читателемъ проходятъ сначала салоны эпохи Возрожденія, гдѣ задавали тонъ или дамы-принцессы (Изотта Римінійская, Лукреція Борджіа, Изабелла Мантуанская, Елизавета Урбинская, феррарскія принцессы Элеонора. и Лекреція) или куртизанки (Туллія Аррагона, Вероника Франко), вечеринки, гдѣ участвовали одни только мужчины (платоновскіе симпосіи въ виллѣ Лоренцо Медичи, soirées при дворѣ папы Льва X) и блиставшіе роскошью раута въ украшенной картинами Рафаэля виллѣ Флорентійскаго банкира Агостино Киджи. Ихъ эпохи Ренессанса читатель переносится затѣмъ въ эпоху барокко. Встаютъ: отель Rambouillet, съ его жеманницами, салоны «красавицы Нинонъ» и ученой Христины Шведской, сказочные чопорные jours d'apportement ударившагося въ ханжество Людовика XIV и т. д. Блестящіе grands mits герцогини Мэнъ, идиллія Вольтера и г-жи Шотлэ въ Сирэ, гостиныя лейпцигскихъ писательницъ г-жи Циглеръ и г-жи Готшедъ, салоны «мѣщанки» г-жи Жоффренъ, «королевство на улицѣ Сентъ-Опоргэ», гдѣ собирались всѣ видные писатели и публицисты XVIII в., и г-жи Леспинассъ, прозванной «музой энциклопедіи» вопло-

Библиотека "Руниверс"

щаютъ собою XVIII вѣкъ, который былъ за одно вѣкомъ галантности и вѣкомъ философовъ. Г-жа Леспиннассъ представляетъ уже переходъ отъ эпохи Рококо къ эпохѣ чувствительности, которая въ области салонной культуры характеризуется особенно ярко вечеринками въ домѣ Мерка и во дворцѣ веймарской герцогини Анны Амаліи. Послѣдняя глава посвящена салонной жизни эпохи романтизма: «греческимъ ужинамъ» художницы Вижэ-Лебренъ, политическимъ салонамъ г-жи Сталь и г-жи Рекамье, литературнымъ вечеринкамъ въ домѣ Рахель фонъ Варнгагенъ и музыкальнымъ салонамъ старой Вѣны, гдѣ царили Веберъ и Шубертъ. Въ заключеніе авторомъ вкратцѣ указаны тѣ соціальныя условія, которыя во второй половинѣ XIX в. привели къ исчезновенію салонной культуры. Книга В. Торніуса снабжена многими портретами хозяевъ салоновъ и ихъ наиболѣе выдающихся гостей, снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ (Л. Косты, Ватто, Ваттье, Сентъ-Обена, Дебюкура, Декавовиллье, Швинда, Менцеля и др.), изобразившихъ тѣ или иные эпизоды изъ исторіи салонной культуры, и, наконецъ, хотя и не исчерпывающемъ, но полезнымъ библіографическимъ указателемъ.

В. Фриче.

Сэръ Э. Кукъ. Жизнь Флоренціи Найтингель («The Life of Florence Nightingele». Bg Sir Edward Cook).

Флоренція Найтингель была блестящимъ піонеромъ въ дѣлѣ эмансипаціи англійской женщины. По натурѣ своей реформаторъ «Божіею милостію», она съ раннихъ лѣтъ своей сознательной жизни олицетворяла собою порывъ къ освобожденію женщины, къ выведенію ея изъ тѣсной клѣтки благополучнаго мѣщанства на широкую дорогу общественной работы. Сама Найтингель болѣе тридцати лѣтъ жила въ такой клѣткѣ—старая дѣва въ богатой буржуазной семьѣ, рвущаяся на вольный воздухъ и безсильная преодолѣть сопротивленіе. Дневники ея въ это время полны отчаяніемъ. «Если бы я могла посвятить себя уходу за больными, пишетъ она, я не желала бы другого рая». Эта скромная задача выросла впослѣдствіи въ огромную работу, выполняя которую Найтингель не только удовлетворила страстный порывъ всей своей жизни, не только принесла огромную пользу всей организаціи того дѣла, которому она посвятила себя—ухода за больными и ранеными во время войны,—но и показала, что женщина можетъ своими усиліями развернуть передъ обществомъ и государствомъ проблемы большого значенія, а не только ограничиваться личною филантропіей.

Найтингель вырвалась изъ семьи, обучилась уходу за больными въ Германіи и во Франціи и послѣдующей своей работой въ одномъ изъ лондонскихъ госпиталей обнаружила большія административныя способности. Когда началась крымская война, она обратилась къ военному министру съ просьбою отправить ее на театръ военныхъ дѣйствій, и въ то время, когда ея письмо еще не дошло до рукъ министра, Найтингель получила отъ него предложеніе завѣдывать госпиталемъ въ Скутари.

Библиотека "Руниверс"

Эта часть біографіи Найтингель представляетъ собою любопытную картину того хаотическаго состоянія, въ которомъ находилось въ то время дѣло помощи раненымъ. Собирались и тратились огромныя деньги, пароходы нагружались въ Англіи перевязочными средствами и всѣмъ необходимымъ для раненыхъ,—но все это не попадало въ госпитали, а валялось въ корабельныхъ трюмахъ подъ грузами военной амуниціи, предназначавшимися для Балаклавы. Смертность въ госпиталяхъ была невѣроятная. Давая показанія передъ королевскою комиссіей, разслѣдовавшей послѣ войны это дѣло, Найтингель сообщила, что изъ общей потери англичанъ въ 20656 человѣкъ только 2598 были убиты на полѣ сраженія: остальные умерли въ госпиталяхъ.

Вернувшись послѣ войны на родину, связанная съ интересами военнаго быта, Найтингель посвятила себя борьбѣ за улучшеніе санитарнаго состоянія казармъ, и здѣсь результаты ея работы, по словамъ біографа, далеко превзошли даже все то, что она сдѣлала въ Скутари.

В. Каррикъ.

Б. Майаль. «Пьеръ Гара, пѣвецъ и щеголь».

Нерѣдко біографіи персонажей задняго плана великихъ историческихъ событій освѣщаютъ любопытные уголки, создавая этимъ фонъ, на которомъ отчетливѣе рисуются фигуры главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Такова, между прочимъ, біографія Пьера Гара, составленная Бернардомъ Майаль и вышедшая недавно въ Лондонѣ (Pierro Garat, Singer aud Exquisite (1762—1823) By Bernard Miall).

Племянникъ знаменитаго жирондиста Жозефа Гара, онъ появился въ Парижѣ въ 1784 г. и посвятилъ себя музыкѣ. Вскорѣ онъ снискалъ, благодаря своему дарованію, славу, пользуясь покровительствомъ Маріи Антуанеты и графа д'Артура. Въ свѣтскомъ обществѣ онъ блисталъ не только музыкальными талантами, но и своимъ исключительнымъ щегольствомъ. Время террора не обошлось для него безъ непріятностей, хотя голову свою онъ сохранилъ. Въ 1796 г., послѣ артистической поѣздки по всѣмъ почти европейскимъ столицамъ, онъ вернулся въ Парижъ и сдѣлался профессоромъ консерваторіи, продолжая въ то же время играть роль законодателя модъ и профессіональнаго сердцеѣда. Авторъ книги, пользуясь фигурою Гара, даетъ интересное описаніе артистической и свѣтской жизни въ періодѣ террора, директоріи и Наполеона.

В. Каррикъ

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Автономовъ, Н. Страничка изъ ист. библ. Нѣжин. Алекс. греч. учил. и институт. кн. Безбородко. Нѣжинъ, 1913. **Архивъ Царства Польскаго.** Ч. I: внутр. дѣла Польши. Описалъ И. С. Рябининъ. Изд. Ком. печат. Госуд. Грам. и Догов., сост. при Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Москва, 1914 г. Ц. 1 р. **Брюсовъ, В.** Собраніе сочиненій. Т. II и XXI. Спб. Изд. «Сиринъ». 1914, 1913 Ц. тома 1 р. 75 к. **Вас-**

Библиотека "Руниверс"

нецовъ, М. Солнечное затменіе 8 авг. 1914 г. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Ц. 35 к. Москва. 1914. Вселенское дѣло. Сбор. 1. Одесса. 1914. Ц. 1 р. 50 к. **Гинкенъ, А.** О чтеніи и книгахъ. В. III. Спб. 1914. Ц. 80 к. **Гладкій, А.** Взглядъ художниковъ на жизнь. Москва. 1913. Ц. 40 к. **Городецкій, С.** Цвѣтущій посохъ. Изд. «Грядущій день». Ц. 1 р. **Гурко, В. А.** Бѣлая опасность. Востокъ и западъ. Москва. 1914. Ц. 60 к. **Де Ла-Бартъ, Ф. гр.** Литературное движеніе на западѣ въ перв. трети XIX ст. Москва. 1914. Ц. 1 р. 50 к. **Ефремовъ, С.** Шевченко. Збірка. В-во «Вік». Ц. 1 р. Київ. 1914. «**Записка** о ритуальн. убійствахъ» (припис. В. И. Далю) и ея источники. Спб. 1914. Ц. 40 к. **Избран. стихи русскихъ поэтовъ.** Періодъ второй (Н. Огаревъ—Д. Мережковскій). Спб. 1914. Ц. 1 р. **Коваленскій, М.** Хрестоматія по русской исторіи. Т. I. Ц. 75 к. Изд. т-ва «Міръ». Москва. 1914. **Корнилль, К., Штеркъ, В., Добшитцъ, фонъ, Е., Трэлоттъ, Е., Германъ, В.** Христіанство въ освѣщ. протест. теологовъ. Изд. «Грядущій день». Спб. 1914. Ц. 1 р. **Кубаловъ, Б.** Систем. курсъ русской исторіи. Ч. I. Ц. 85 к. Иркутскъ. 1914 г. **Линиченко, И. А.** проф. Рѣчи и поминки Сб. ст. по ист. рус. лит. и біогр. восп. Одесса. 1914. **Mazon**, A. Un maitre du roman russe Ivan Gontcharov. 1812—1891. Bibl. de l'institut français de S. Petersbourg. T. III. Paris Ed. Champion editeur. 1914. **Новгородскій, В.** Трагедія Я. Княжнина. Съ пред. В. Саводника. Москва. 1914. Ц. 1 р. **Опись** документовъ и дѣлъ истор. архива. В. I. Сост. Гераклитовъ. Сар. губ. уч. арх. ком. Саратовъ. 1914. Ц. 3 р. **Пироговъ, Н. И.** Сочиненія. Т. I. Пироговск. тов-ва. Кіевъ. 1914. 2-е юбил. изд. знач. допол. Изд. Ц. 2 р. **Радимовъ, П.** Земная риза. Вторая кн. стиховъ. Казань. 1914. Ц. 1 р. **Руффини Франческо,** проф. турин. ун-та. Религіозная свобода. Исторія идеи. В. I. Перев. А. Н. Ильинскаго, подъ ред. съ пред. и прим. проф. В. Н. Сперанскаго. Спб. Изд. Н. П. Карбасникова. 1914. Ц. 1 р. 25 к. **Сборникъ Сиринъ. 3.** Спб. 1914. Ц. 2 р. **Слово о плъку Игоревѣ,** Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Перест. Панаса Мирного. Видавъ. О. К—М. Ціна 18 к. Київ, 1914. **Соломинъ, Г. К.** Джіотто ди Бондоне. Изд. «Грядущій день». Спб. Ц. 2 р. 50 к. **Толстовскій музей.** Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894 г. Изд. Общ. Толст. музея. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к. **Хавкина, Л. Б.** Нью-Іоркская публич. библіотека. Изд. авт. Москва. 1914. Ц. 50 к.

КЪ СТАТЬѢ Г. ШПИЦЕРА «Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ».

(«Голосъ Минувшаго» № 1. 1914 г.).

Н. О. Лерперъ имѣлъ возможность видѣть въ оригиналѣ тѣ рукописные матеріалы, которыми пользовался г. Шпицеръ, и любезно сообщилъ намъ слѣдующія поправки къ его статьѣ.

1) На стр. 272, строка 20-я сверху, вмѣсто «m-me Лавадонская» нужно читать: «m-me *Завадовская*».

2) Ibidem, строка 24-я сверху, въ оригиналѣ читается: «Л. Пушкинъ».

3) На стр. 270 даты писемъ: *5* января 1827 г. и *8* января 1827 г. выставлены произвольно.

4) Нѣтъ основанія утверждать, что философское письмо (на стр. 266) адресовано непремѣнно кн. Трубецкой. Г. Шпицеръ, очевидно, опирался здѣсь на авторитетъ А. П. Пятковскаго, который категорически говоритъ, что плодомъ философскихъ занятій Веневитинова были «извѣстныя письма его къ княгинѣ А. И. Трубецкой—о философіи» («Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія». 2 изд. Ч. II, стр. 310).

5) Переводъ отрывка изъ пьесы «Нежданный праздникъ» (на стр. 279) и приписки по поводу стихотворенія «Къ моей богинѣ» сдѣланъ неточно. Въ оригиналѣ читаемъ:

Библиотека "Руниверс"

Il faut rendre justice à tous les arts. Par exemple, je ne rougirai pas d'avouer que nous autres musiciens, nous serions fort embarrassés de faire un opera sans paroles. Il faut bien que quelqu'un du métier nous fasse d'abord ce qu'on appeelle le poëme. Sans doute ensuite nous ajoutons, nous retranchons à volontée; mais il n'est pas moins vrai que les vers sont nécessaires.

Cette piéce est trés imparfaite, je le sens moi-meme; mais c'est une de ces perocluctions auxquelles on ne touche pas deux fois. Elle est dédiée à ma divinité, et cette dédicace n'est pas seulement poëtique. La raison a son Dieu qu'elle cherche, qu'elle trouve et qu'elle admire; pourquoi le coeur n'aurait il pas sa réligion.

Кстати, просимъ исправить опечатку на стр. 275, гдѣ Стурдза дважды названъ «графомъ»; слѣдуетъ читать: «г. Стурдза».

Ред.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

Библиотека "Руниверс"

I

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 ГОДЪ.

ВЫШЕЛЪ № 4 (АПРѢЛЬ) ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи: **А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я Елпатьевскаго, Ѳ. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдько.**

СОДЕРЖАНІЕ: 1. **Слѣпая душа.** *Г. Яблочкова.* **2. Стихотвореніе.** *А. Федорова.* **3. Новая экскурсія въ Головлево.** (Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова). *Вл. Кранихфельда.* **4. У пристани.** Разсказъ. *Н. Щедрина.* **5. Стихотвореніе.** *Н. Шрейтера.* **6. Вражда.** *Е. Васильевой.* **7. Звонъ къ вечернѣ.** Стихотвореніе. *А. Федорова.* **8. Переселенческій поѣздъ.** *П. Тимко.* **9. Любимый бродяга.** Романъ. *Уильяма Дж. Локка.* Переводъ съ англійскаго *З. Н. Журавской.* (Окончаніе). **10. Стихотвореніе.** *Леонида Б.* **11. Лебединая пѣснь Щедрина.** *Владиміра Розенберга.* **12. Изъ Англіи.** Наканунѣ великихъ реформъ въ Англіи. *Діонео.* **13. Властители современной Германіи.** *Е. Майскаго.* **14. Одна изъ парижанокъ.** Колетта Вилли. *Бѣлоруссова.* **15. На съѣздѣ криминалистовъ.** Факты и впечатлѣнія. *А. Трайнина.* **16. Самоистребленіе человѣчества.** По поводу съѣзда криминалистовъ въ Петербургѣ. *С. Елпатьевскаго.* **17. Хроника внутренней жизни.** *А. Петрищева.* **18. Обозрѣніе иностранной жизни.** *Н. С. Русанова.* **19. На очередныя темы.** Демократизація кредита. *А. Пѣшехонова.* **20. Мастеровые или подвижники?** *И. Гордѣева.* **21. Новыя книги, поступившія въ редакцію. 22. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство». 23. Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ **9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к., на 4 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.—**75** к. Безъ доставки: на годъ—**8** р., на 6 мѣс.—**4** руб. **Съ наложеннымъ платежомъ** отдѣльная книжка **1** р. **10** к. За границу: на годъ—**12** р. на 6 мѣс.—**6** р., на 1 мѣс.—1 р. Адресъ конторы журнала: С.-Петербургъ, *Баскова* 9; въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы: *Никитскій бульваръ, д. 19;* въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Одесскія Новости", Дерибасовская, 20; въ магаз. „Трудъ", Дерибасовская, 25; въ Баку: въ книжн. торговлѣ „Сотрудникъ". Подписка отъ книжныхъ магазиновъ принимается только на цѣлый годъ и дѣлается уступка 40 к. съ экземпляра.

Библиотека "Руниверс"

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебное заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ на короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ «Гимназія на дому» (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. завед. Курсъ «Гимназія на Дому» состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна тома съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается *безплатно* географическій атласъ въ краскахъ.

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудникомъ или служащимъ такового, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. ариѳм., коммерч. корресп., товаровѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банковое дѣло и экономъ. и юрид. науки, то подпишитесь на наше изданіе «АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ». Широкая научная программа, популярно изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни. При редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностран. языка. Занимаясь по нашему изданію «АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.», Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить *франц., нѣмец. и англ. яз.* При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особенное вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностранн. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 руб. (за наложен. платежъ еще 30 коп).

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая «неспособность» къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ «Искусство для всѣхъ» (школа рисованія, живописи и прикладного искусства), даетъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собств. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

«*Искусство для всѣхъ*» 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художественн. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художеств. произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности. Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ поясненительныхъ и образцовыхъ рисунковъ. Для художниковъ и учителей рисованія «Искусство для всѣхъ» является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями. При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящ. къ области искусства. «ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ» издается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ *А. В. Маковскаго* и *Вадима Лѣсового*, при участіи *И. Е. Рѣпина*, проф. *Киплика* и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата роскошно-иллюстрир. красочн. и черн. рисунками. Цѣна кажд. тома съ перес. 2 р. 20 к. нал. плат.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Т-во „БЛАГО“ С.-Петербургъ, Николаевская ул. 44-12. Требуются агенты.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ
ПОДАРОКЪ
для дѣтей и взрослыхъ

ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЕ
ЯКОРНЫЕ
КАМЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ
КУБИКИ.

Эта игрушка удобна для родителей, нежелающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно докупая затѣмъ дополнительные ящики, незамѣтно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложныя сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Отдѣленіе и фабрика Ад. РИХТЕРЪ и К°.
С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 14. Тел. 4-30-78.

Иллюстрированный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ К. высылаемъ безплатно.

Новая книга д-ра Д. Д. Бекарюкова.
„ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ШКОЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ“.
2-е изданіе журнала **„Вѣстникъ Воспитанія“**
исправленное и дополненное.
Стр. VIII+577, со многими рисунками, Москва, 1914 г.
Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
Содержаніе:
Отд. I **ШКОЛЬНОЕ ЗДАНІЕ.**
Отд. II. **ГИГІЕНА ПРЕПОДАВАНІЯ.**
Отд. III. **ГИГІЕНА УЧАЩИХСЯ И УЧАЩИХЪ.**
Складъ изданія: Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер., 32, контора журнала **„Вѣстникъ Воспитанія“.**

Библиотека "Руниверс"

Поступила въ продажу ВТОРАЯ часть IV тома

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ПО ИСТОРІИ НОВАГО ВРЕМЕНИ“,

издаваемая подъ редакціей

М. В. Бердоносова, А. М. Васютинскаго, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева и В. И. Пичеты.

СОДЕРЖАНІЕ:

Славянское возрожденіе. **В. Н. Щепкина.** Польское возстаніе 1830 г. **И. С. Рябинина.** Теорія „офиціальной народности“ и политика Николая I. **А. А. Корнилова.** Финансовая политика имп. Николая I. **К. В. Сивкова.** Помѣщичье хозяйство и бытъ крестьянъ наканунѣ реформы. **В. И. Пичеты.** Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Николая I. **В. Н. Бочкарева.** Государственные крестьяне при Николаѣ I и реформа гр. Киселева. **Ю. В. Готье.** Философскій романтизмъ въ Зап. Европѣ и Россіи. **Ѳ. Ѳ. Нелидова.** „Западники“ **Ѳ. Ѳ. Нелидова.** Славянофильство. **Б. И. Сыромятникова.** Сенъ-симонисты и фурьеристы въ Россіи въ царствованіе имп. Николая I. **В. И. Семевскаго.** Ц. **1 р. 50 к.**

Изданіе „Сотрудникъ Школъ“ и Т-ва И. Д. Сытина“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

МАЛЮТКА. **ЖУРНАЛЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.**

Допущенъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ библіотеки дѣтскихъ садовъ и пріютовъ.

Годъ изданія двадцать девятый.

12 КНИЖЕКЪ ЖУРНАЛА **МАЛЮТКА.** ‖ **12** ВЫПУСКОВЪ **„СКАЗКИ КОТА УЧЕНАГО“**

24 преміи—игрушекъ для вырѣзыванія, склеиванія, рисованія и т. п. образцы лѣпки и работъ.

Годовая премія: „Исторія одного пуделя“,

интересный разсказъ (заимствованный съ англійск.) М. В. Архангельской.

При первомъ нумерѣ подписчики получатъ панораму изъ сказки „МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ“.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ города Россіи:

Со сборникомъ Сказокъ Кота Ученаго. 4 р. — Безъ сборника сказокъ . . . . . 2 р. 50 к.

За границу:

Со сборникомъ Сказокъ Кота Ученаго. 5 р. — Безъ сборника сказокъ . . . . . 3 р. 50 к.

Иногороднихъ просятъ адресовать свои требованія:

Москва, Спиридоновка, д. № 14. „Школа“, редакція журнала „Малютка“.

При перемѣнѣ адреса прилагаются три семикопеечныя марки.

1. Оставшіеся экз. журнала за 1905, 1906, 1907 гг., сброшюр. книжками, продаются въ редакц. по 1 р.
2. 1911, 1912 и 1913 года—**по подписной цѣнѣ.**
3. Сказки Кота ученаго отдѣльно, за 1910, 1911 и 1913 года—**по 1 руб. 50 коп.**
   За 1912 годъ Сказки всѣ распроданы.
4. **Сказка про Щелкуна и Мышинаго Царя. Въ папкѣ. цѣна 1 руб. 75 коп.**
5. **Робинзонъ Младшій. Въ папкѣ. цѣна 1 руб. 25 коп.**

Подписчики журн. „МАЛЮТКА“ при выпискѣ этихъ книгъ изъ редакціи на сумму не менѣе **2 руб за пересылку не платятъ.**

Заказы, выписанные изъ редакціи съ „напожненымъ платежомъ“, обратно не принимаются.

Библиотека "Руниверс"

На складъ въ книгоиздательство „ЗАДРУГА“
ПОСТУПИЛИ ОСТАВШІЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГИ
С. П. Мельгунова,
„СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ 80—90 гг. ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ“.
(Въ книгѣ, на основаніи неопубликованныхъ архивныхъ данныхъ, излагается исторія образованія и дѣятельности Союзнаго Совѣта объединенныхъ землячествъ).
Цѣна 50 коп.

КАТАЛОГИ **НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ** ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА, Моховая, д. 26.

Товарищество суконной торговли и складовъ
„М. Поповъ съ Сыновьями“.
МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.
МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.
СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ,
РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.
ПЛЭДЫ и ОДѢЯЛА.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТОВАРА
ДЛЯ ФОРМЕННАГО ПЛАТЬЯ

Библиотека "Руниверс"

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются сочиненія

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. **Политическія и общественныя идеи декабристовъ.** 1909 г. (болѣе 700 стр.) Цѣна 3 руб. 50 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 25%).

2. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. I и т. II. Приготовляется къ печати новое изданіе.

3. **Крестьяне въ царствованіе Императр. Екатерины II.** Т. I изд. 2 е, 1903 г. Стр XXXVII+643. Цѣна р. 50 к. Т. II, 1901 г. Стр. XLV+864. Цѣна 5 руб. (Продается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 я лин.. д. № 28.

4) **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.** Историческое изслѣдованіе. Т. I. Цѣна 3 руб., т. II, цѣна 3 руб. (Продается въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

5. **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Біографическій очеркъ съ портретомъ. Цѣна 50 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

6. **Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова.** Цѣна 20 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

7 **Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ сороковыхъ годовъ.** (Петрашевцы. Цѣна 15 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

Въ книжныхъ магазин. продаются слѣдующія

ПОПУЛЯРНЫЯ ИЗДАНІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1 **Разсказы изъ Русской исторіи.** Вып. 1-й. Содержаніе: Разсказы изъ лѣтописи Нестора.—Слово о полку Игоревѣ —Нашествіе Батыя на Русскую землю.—Александръ Невскій.—Дмитрій Донской.—Народныя былины.—Великій Новгородъ.—Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III. Цѣна 40 коп. Изданіе 13-е.

2. **Разсказы изъ Русской исторіи.** Вып. 2-й. Содержаніе. Іоаннъ III и сынъ его Василій. Смерть Василія III.—Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго —Сильвестръ и Адашевъ —Опричина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ —Домострой.—Образованіе и бытъ народа.—Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Ц. 60 к. Изд. 11-е.

3. **Очерки изъ Русской исторіи XVIII вѣка.** Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Допетровская Русь.—Переходное время (патріархъ Никонъ и Крижанинъ.—Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царств Петра В., Екатерины I, Петра II, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны. Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I.—Петръ III и Екатерина II.—Царствованіе Екатерины II.—Имп. Павелъ I и его время. Изд. 3-е.

Библиотека "Руниверс"

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“
(Москва, Н. Кисловка, домъ 1, кв. 4. — Телефонъ 4-50-61).

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Поступило въ продажу новое 2-е значительно дополненное и перераб. изданіе книги

И. П. БѢЛОКОНСКАГО:

Земское Движеніе.

Въ книгѣ помѣщено около **300 портретовъ земскихъ дѣятелей.** Ц. **3** руб.

Имѣется на складѣ незначительный остатокъ давно вышедшей изъ продажи книги извѣстнаго земскаго дѣятеля

В. Ю. СКАЛОНА:

ЗЕМСКІЕ ВЗГЛЯДЫ НА РЕФОРМУ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

(Изд 1884 г.) Ц. **1** р. **50** к.

Популярный очеркъ кн. Г. Е. ЛЬВОВА и Т. И. ПОЛНЕРА

„Наше земство и 50 лѣтъ его работы“

6 изд. Ц. 12 к.

(При массовомъ заказѣ не менѣе 3000 экземпляр. 6 коп.—$4^1/_2$ коп.).

НОВЫЯ КНИГИ:

И. Н. РОЗАНОВЪ.

Русская Лирика.

Историко-литературные очерки. Ц. 2 р. 50 к.

Н. П. ОГАНОВСКІЙ.

Обновленіе земледѣльческой Россіи

И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА.

Вып. I. Населеніе. Переселенческій вопросъ. Ц. 2 р.

Библиотека "Руниверс"

Стр.

Козловскій И. П. Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ государствѣ. **А. Погодинъ.** A. Kraushar. Senator Nowosilcow i canzora y Królestwa Kongresowego (1819—1829). **С. А. Корфъ.** S. Clason. Gustaf Adolf och den Europëiska Krisen under Napoleon. **А. З. Попельницкій.** В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по положеніи 19 февр. 1861 г. **М. Н. Покровскій.** Исторія Московскаго купеческаго общества. **К. В. Сивковъ.** Записки М. В. Данилова. **Н. П. Вишняковъ.** Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія. **А. Флоровскій.** Анатолій Егоровъ. Страницы изъ прожитого. **Ч. Вѣтринскій.** Е. Ѳ. Юнге. Воспоминанія. **К. В. Сивковъ.** Воспоминанія о былomъ Е. А. Сабанѣевой. **В. Е. Сыроѣчковскій.** В. О. Ключевскій. **Л. И. Гальберштадтъ.** А. Вамбери. Моя жизнь. **Е. Е. Колосовъ.** Чернышевскій въ Сибири. **М. М. Клевенскій.** Н. К. Козминъ. Ник. И. Надеждинъ. **В. М. Фишеръ.** Л. Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. **А. Поляковъ.** Д. Малининъ. Начало театра въ Калугѣ. **С. И. Радцигъ.** Овидій. Баллады посланія. Пер. Зѣлинскаго. **Б. Р. Виперъ.** Р. Мутеръ. Исторія живописи. **В. Я. Адарюковъ.** Леманъ. Гравюра и литографія. **В. М. Фриче.** V. Tornius. Salons. Bilder gesellschafflicher Kultur. **В. В. Каррикъ.** Э. Кукъ. Жизнь Флоренціи Найтингель. **В. В. Каррикъ.** Б. Мойаль. Пьеръ Гара, пѣвецъ и щеголь. Новыя книги 264

Поправка къ статьѣ Шпицера о Веневитиновѣ 312

VIII. Рисунки.

М. Е. Салтыковъ. М. А. Бакунинъ. Памятникъ на могилѣ Бакунина. **Заставки и концовки** изъ нѣмецкаго изданія 1730 г.

VII. Объявленія.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

1) Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, К-ра имѣетъ честь увѣдомить лицъ, пользующихся разсрочкой, о срокахъ взноса подписной платы: 1-го января—2 р.; 1-го апрѣля—2 р.; 1-го іюля—2 р. и 1-го сентября—2 р.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса, благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи **Москва, Нижняя Кисловка, д. 1. Кн-во „Задруга“.**

3) Жалобы на неисправность доставки направляются въ контору редакціи **не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.**

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщить его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 1 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

подъ редакціей *С. П. Мельгунова* и *В. И. Семевскаго.*

(2-ой годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.
IV. Историческая беллетристика.
V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
VI. Критика и библіографія.
VII. Новости русской и иностранной науки.
VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **8** руб., на $^1/_2$ года **4** руб., на одинъ мѣсяцъ **1** руб., за границу **12** руб., $^1/_2$ года **6** руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка по **2** р. (1 января, 1 апрѣля, 1 іюня, 1 сентября).

Перемѣна адреса 20 коп.

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала **1** руб., налож. плат. **1** р. **25** к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ **7** р. **50** к. (безъ № 1). На пересылку накладывается платежъ.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Н. Кисловка д. № 1, кв. 4, тел. 4-50-61).

— Подписка принимается и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ —

Объявленія въ журналъ принимаются въ конторѣ по цѣнѣ **60** руб. за страницу; **30** руб. $^1/_2$ стран.; **15** руб. $^1/_4$. Вкладка до **1** лота **10** р. за тысячу.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

Библиотека "Руниверс"